АХМЕТ БОКОВ

СЫНОВЬЯ БЕКИ

СОВРЕМЕННИК

АХМЕТ БОКОВ

СЫНОВЬЯ БЕКИ

РОМАН

Перевод с ингушского
Регины КАФРИЭЛЯНЦ

«СОВРЕМЕННИК»
МОСКВА · 1973

С(Кав)
Б78

Боков Ахмет Хамиевич.

Б78 Сыновья Беки. Роман. Пер. с ингушск. М., «Современник», 1973.

462 с. с илл.

Роман «Сыновья Беки» — многоплановое произведение о событиях предреволюционных лет и о борьбе за становление Советской власти в Ингушетии, определивших весь дальнейший исторический путь народа.
Зрелый мастер, автор нескольких книг, Ахмет Боков через судьбы героев романа показал судьбу своего народа.

Б $\frac{0733-210}{106(03)-73}$ 136—73 С(Кав)

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Небо было чистым и прозрачным, как родниковая вода, когда Беки поднялся к утреннему намазу. Но вскоре все заволокло неведомо откуда взявшимся туманом, и солнце, едва позолотив горизонт, так и не взошло.

Осенью в долине Алханчурт туман не редкость: словно удав сползает он с хребтов, надолго заполняет низины. И село Сагопши тогда, если посмотреть на него с перевала, кажется завернутым в вату.

Было время уборки кукурузы. Уже многие успели собрать урожай, а Беки еще и не принимался за свою десятину. Обычно он не отставал от соседей, но в этот раз запоздал, ждал, пока у лошади спина заживет. Досадно было: самое горячее время — и такая задержка. А дни шли. Уже и от хозяина приходили напомнить, когда землю освободишь, — до осени брал. А как тут без лошади справиться? Если бы можно было повременить еще хоть два-три дня! Тогда Беки со спокойной душой запряг бы ее в арбу. А сейчас...

Да и доа[1] уже никудышный — весь развалился, на арбу не поставишь. Надо бы починить, а еще лучше новый сделать...

За этими раздумьями застал Беки вошедший во двор Исмаал, его дальний родственник. После ранения на японской войне он заметно прихрамывал.

«И чего в такую рань приковылял? — подумал Беки. — Верно, опять что-нибудь понадобилось».

— Вчера ездил за соломой... — начал было Исмаал, поздоровавшись, но Беки перебил его:

— Мне вот тоже в лес надо съездить, доа новый сделать, — сказал и тяжело вздохнул.

— Боюсь, доа тебе уже не понадобится, если пропустишь еще день-два, — проговорил Исмаал. — Я вчера только тем и занимался, что гонял овец из твоей кукурузы.

— Каких овец?

— Саада.

— Что ты говоришь?! — Беки на минуту окаменел. — Да неужели там пастухов не было?

---

[1] Доа — корзина для початков, которая ставится на арбу *(ингушск.)*.

— Пастухов? Не только пастухи, сам Саад, сын Сэдако, был там. Я попробовал ему сказать, что, мол, делаешь, но он и слушать не захотел, только ухмыльнулся. «У этого поля, говорит, хозяина нет». — «Как же нет, — отвечаю ему, — тебе ли не знать, что здесь Беки посеял кукурузу». — «А чего же он тогда не убирает ее?» Вот и весь разговор.

— Чтоб отец его был похоронен со свиньей! — в сердцах крикнул Беки.

— Еще вчера вечером собирался сказать тебе об этом, но поздно домой добрался. Лошадь не шла... Да и устал я, — добавил Исмаал.

Беки уже не слышал ничего. Лицо его стало цвета старого кирпича. Он думал только о своей кукурузе... «Вся семья целое лето спину гнула». Исмаал ушел, а Беки все не мог с места сдвинуться. Потом наконец пошел в сарай, вывел лошадь, оглядел ее, осторожно притронулся к едва затянувшейся ране. Лошадь вздрогнула и отскочила. «А что же с ней будет, если запрячь?» — подумал Беки.

Делать нечего. Он загнал лошадь в сарай, вынес два серпа. Попробовал лезвия большим пальцем, взял старый кинжал, сделал несколько новых зазубрин...

— Ну, жена, дела совсем хороши, — сказал он, входя в дом.

— Да уж куда лучше. Лошадь не запряжешь, а Мазай того и гляди с земли сгонит, — сказала Кайпа, хлопотавшая у очага. — Будь они прокляты, и Угром, и этот Мазай! Как сармаки [1], впились в нас.

— Ну эти — известное дело. А ты смотри, что делает сын Сэдако.

— Сын Сэдако? — резко повернулась Кайпа.

При упоминании этого имени у нее всегда холодело в груди.

— Овец своих пустил в нашу кукурузу.

— О бог, этого нам не хватало!

— Исмаал просил его отогнать отару, но Саад только посмеивался.

— В огне бы ему сгореть, проклятому! И за что он навязался на наши головы?

— Буди Хасана, — сказал Беки. — Возьму его в по-

[1] Сармак — чудовище, воплощающее в себе злую силу.

ле... Жать не сможет — будет помогать мне собирать стебли или станет овец гонять, если опять заберутся. Тебя-то ведь не возьмешь с собой.

Кайпу не только в поле взять, за водой послать нельзя — не сегодня-завтра родит.

— Без арбы?

— Пожнем серпами да соберем в снопы. А подживет спина у лошади — свезем во двор и обломаем початки.

— Освободиться бы мне, — Кайпа положила руки на живот. — Только его и не хватает в этой жизни.

— Что говоришь-то? Да не услышат больше мои уши таких слов. Нужен он на белом свете или нет, не нам знать. На то есть воля всевышнего.

Кайпа потупилась и молча пошла будить сына.

Дом у них был невелик: кухня да комната для гостей. В кухне очаг, рядом по стенке две полки для посуды. В углу ларь для кукурузной муки, посередине низкий круглый стол.

Гостиную в доме Беки называли просто комнатой. Какая уж это гостиная, если туда и гостей не позовешь: от стыда сгоришь — ни стола, ни стульев, только узкие нары, застеленные старыми потертыми одеялами.

Рядом с нарами, прямо на полу, спали два сына Беки. Тринадцатилетний Хасан лежал на спине, раскинув руки, а младший Хусен тихо посапывал, уткнувшись носом в подмышку брата. Кайпа некоторое время молча постояла над ними, не решаясь будить Хасана. Сейчас во сне старший сын еще больше походил на отца. Такой же нос, с чуть заметной горбинкой, и такой же резко выступающий подбородок.

— Хасан, вставай, родной! — Мальчик потянулся, но глаз не раскрыл. Тогда мать потрясла его за плечи. — Вставай, сынок! Собирайся в поле с дади [1].

Сон как рукой сняло. Хасан сбросил одеяло. Он уже видел себя на арбе с вожжами в руках. Но узнав, что придется идти пешком, приуныл. Отец попытался утешить его.

— Мы еще поездим с тобой на арбе, — сказал он, — через недельку лошадь поправится, тогда и поездим. А сейчас собирайся, поскорее надо в поле попасть. И ты торопись, — добавил Беки, обернувшись к жене.

[1] Дади — папа *(ингушск.)*.

Отец с сыном еще не позавтракали, когда проснулся Хусен.

— Куда они идут, нани? [1] — спросил мальчик.

— В поле, кукурузу убирать.

— И я с ними! — вскочил Хусен.

— Они пешком пойдут. А тебе не в чем. На улице холод, слякоть, а ты босой, простудишься.

Но Хусен не отступал:

— Я пойду в чувяках.

— Развалились они, мой мальчик, твои чувяки.

Еще минута — и Хусен расплакался бы, не подзови его отец.

— Я обязательно возьму тебя, как только поедем на арбе. Посажу впереди, дам в руки вожжи, и будешь ты править лошадью.

Беки погладил сына. Но тот все стоял, опустив голову и подперев подбородок кулачками. Очень ему было обидно: Хасан-то ведь шел в поле. И младший с завистью глядел, как брат торопливо откусывал чурек [2], запивая его чаем.

Кайпа тоже была грустная, будто провожала она Беки не в поле, а на войну.

— Бога ради, будь сдержанней. Саад способен на любую подлость. Помни о семье, — умоляла она, выходя вслед за мужем из дому.

Беки ничего не ответил, только глубоко вздохнул.

2

Дождя не было, а дорогу в степи развезло. Морось сгустившегося тумана осела на дорожную пыль, месиво липло к ногам и порой просто не давало шагнуть.

Беки часто останавливался и, стряхивая грязь, попеременно размахивал то одной, то другой ногой. Хасан шел по обочине, по траве, но отец вернул его на дорогу, чтобы чувяки окончательно не промокли.

Беки шел молча. Мальчик не знал, что тревожит отца, и только удивлялся, отчего это, всегда внимательный и веселый, сегодня он мрачен, как пасмурный день.

---

[1] Нани — мама *(ингушск.)*.

[2] Чурек — хлеб из кукурузной муки.

А Беки мучила мысль, что не чьи-нибудь, а Саадовы овцы топчут их кукурузу. Из головы у него не шли слова, переданные Исмаалом: «У этого поля хозяина нет». «Ах, мерзавец, — думал Беки. — Значит, и по сей день этот ослиный брат держит за пазухой камень, который положил туда много лет назад. Ждал только удобного случая, чтобы сделать подлость».

Кайпа в девушках слыла красавицей. Не один парень заглядывался на нее. Не остался равнодушным и Саад. Задумал он послать к ней сватов, да опоздал. Кайпа, вопреки воле родных, ушла к Беки и стала его женой. Род Беки ничем не провинился перед Саадом, ведь Кайпа еще не была за него засватана. А потому, зная, что все село обвинит их в неправоте, родичи Саада шума не подняли. Но сам Саад с тех пор смотрел на Беки зверем.

Шли годы. Саад и его старший брат Сейт, которые и раньше не гнушались краденым и брали все, что попадет под руки — будь то теленок, заплутавший в степи, или чужая овца, стали ходить на разбой за Терек. В одну из таких вылазок, во время перестрелки, убили Сейта.

Саад оказался удачливее. Ему крупно повезло. Еще один-два набега — и он твердо встал на ноги: поправил хозяйство, стал арендовать помещичье поле, появились денжонки.

Самому помещику не к чему по крохам землю сдавать — возни много. Некоторых из этих помещиков крестьяне и в глаза не видели. Вот хоть бы офицер, ингуш Мочко. Землю, что он получил от царя, давно уже пашут за плату сагопшинцы, а самого Мочко и не видели ни разу.

Взял в аренду Саад около двухсот десятин и стал клочками сдавать ее безземельным крестьянам. Сам платил помещику по двадцать рублей за десятину, а с односельчан своих драл по тридцать. Так и наживался. И все это знали. Но что было делать людям? Хочешь не хочешь — плати.

Правда, еще общинные земли есть — те дешевле. Но их только коренным жителям дают, остальным не положено.

Беки тоже считался некоренным, хотя ему было всего три года, когда его семья вместе с другими беженцами вернулась из Турции.

Из рассказов старших Беки знал, что и предкам его жилось не лучше. Извечно маялись без земли. Не в силах справиться с нуждой, спустились с гор. Затем все тот же земельный голод погнал их за хребет, в Алханчуртскую долину, на земли, некогда принадлежавшие кабардинским князьям. И уже позже, в 60-х годах прошлого века, они были обманом согнаны в далекую Турцию.

Беки родился в Турции. Он смутно помнил, как, прячась днем в кустах из страха, как бы не убили за то, что возвращаются они, правоверные мусульмане, в страну христианского царя, люди тайком пробирались на родину.

Вот уже сорок лет прошло с тех пор, а Беки хорошо помнит, как, ступив на родную землю, люди плакали и только повторяли: «Родина, милая родина!»

Тогда все были равны! Хозяйство у каждого помещалось в талсах [1]. Никто не кичился, не враждовал.

Так было! Но не долго! В жизни все меняется. Изменились и сагопшинцы. Кто-то выбивался из сил, безнадежно пытаясь выбраться из нужды, а иной богател, заплывал жиром. Так и Саад. Не успели оглянуться, а у него уже и овец отара голов в пятьсот и лошадей с десяток. Дом отстроил с высокой верандой, с деревянным потолком, с двойными рамами. Крышу железом покрыл, а соседей и за людей перестал считать.

Года три-четыре назад, возвращаясь со свадьбы из Назрани, всадники пустились наперегонки. Конь Исы, сына Новпи, вышел вперед. И подумать только! Иса, чья мать ходит с плошкой по дворам и выпрашивает сыворотку, Иса, у которого нет ни наряда достойного, ни кабардинского седла и, уж конечно, ни украшенного чеканным серебром кинжала, ни нагана на боку, — этот голодранец осмелился обогнать Саада, у которого было все, чего недоставало Исе. А тут еще сидевшие на тачанке девушки подняли Саада на смех.

— И почему бы тебе не отдать мне своего коня, а самому не сесть на мое место, — съязвила одна из них.

[1] Талсах — переметная сума *(ингушск.)*.

Остальные закатились веселым смехом. Саад был опозорен. А Иса с той минуты стал Сааду кровным врагом.

Выехали за село Ачалуки, одолели перевал и, выйдя на равнину, опять пустились наперегонки. И снова конь Исы пошел первым.

Проскакали с версту, когда Саад вдруг вытащил наган, — через мгновение грянул выстрел. Ехавшие сзади увидели, как Иса, словно подкошенный кукурузный стебель, сначала подался в сторону, затем свалился, зацепившись одной ногой за стремя.

Конь проскакал еще немного, волоча по земле сраженного седока.

Саад промчался мимо и только тогда оглянулся. Затем повернул коня, подьехал и, как ни в чем не бывало, спросил:

— Что с ним?

— А ты разве не догадываешься, что? — вопросом на вопрос ответил троюродный брат Саада Кайсан, который в это время укладывал еще теплые руки Исы вдоль туловища.

— Кроме тебя в этой степи никто не стрелял, — сказал кто-то Сааду.

— Неужели это я попал в него? — с притворным удивлением спросил Саад.

Будь поблизости кто-нибудь из родственников Исы — отмщение свершилось бы на месте. Но у несчастного юноши не было никого, кроме матери, и никто не вступился за него.

— Плохое дело ты совершил, Саад, неправое, — покачал головой Кайсан. — Не нужна нам вражда с людьми...

— Да чтоб мне домой не добраться, если я думал стрелять в него, — сказал Саад, без стыда глядя на лежащего перед ним Ису, будто тот и не убит, а просто спит у его ног. — Мало ли бывает несчастий от шального выстрела!

Вот как повернул это дело Саад. А в пятницу в мечети Саад и восемнадцать его родственников поклялись на Коране, что он выстрелил случайно.

Люди все понимали, но что было делать: по обычаю клятва снимала с виновного ответственность, даже если он лгал. Да и кто решится враждовать с всесильным Садом из-за безродного Исы.

Однако если человек убит, даже и случайно, убийца, опять же по обычаю, обязан откупиться. Понятное дело, что для богатого Саада это не представляло никакого труда. И он заплатил за Ису выкуп. Но на сердце старухи, потерявшей единственного сына, легло такое горе, которого не окупило бы и все состояние Саада.

Беки вспомнил слова, с какими Кайпа проводила его из дому: «Бога ради, будь сдержанней. Саад способен на любую подлость»...

Беки и без нее знает этого негодяя. Он постарается быть сдержанным. Но легко ли пережить такое? Год выдался особенно тяжелым. Чтобы заплатить Сааду за аренду земли, пришлось продать телку-двухлетку. И вдруг Саадовы же овцы топчут его кукурузу!..

За всю свою жизнь Беки никому не причинил зла и никак не мог взять в толк, отчего иным людям не живется на свете без того, чтобы не испоганить жизнь другому.

Хасан все посматривал на отца. Густые брови совсем нависли на глаза, и это делает лицо Беки еще мрачнее. И солнце какое-то хмурое. Диск проглядывает сквозь туман, как фарфоровая тарелка. Тарелка эта то светлеет, то опять тускнеет, а тень печали и горя на лице отца не исчезает ни на миг.

Вот и канава, что служит границей между владениями двух богачей, Угрюмова и Мазаева. Беки остановился и тяжело вздохнул. Вспомнилось, как летом его корова, отбившись от стада, забрела сюда и как Раас, сторож угрюмовский, отвел ее в поместье. Раас, он такой: чтобы выслужиться перед Угромом (так люди прозвали помещика), с радостью отведет в усадьбу корову или лошадь любого из своих односельчан. Надеется на похвалу. А помещик только того и ждет. За каждое «нарушение» дерет с крестьянина по три рубля. И пока не уплатишь денег, ни за что не отпустит скотину.

Закон у Угрома свой, и снисхождения не жди. К мольбам бедняков он глух, как стена.

Зато если угромовский скот зайдет на крестьянское поле и потопчет посевы, помещик ответа ни перед кем не держит, и уж, конечно, никто не посмеет угнать его корову или лошадь. Да и посмел бы — все одно ничего бы не вышло: скот Угрома всегда пасут вооруженные люди.

У помещика сила, а потому и власть и закон на его стороне.

Вот и Саад, богат — так и силен. Потому и отваживается на все, потому и пустил своих овец на делянку Беки.

«О дяла [1], — подумал Беки, — и как это случилось, что, создав всех людей по единому образу и подобию, ты разделил их на бедных и богатых? И настанет ли такое время, когда ты снова сделаешь всех равными?»

Наконец отец и сын добрались до своего поля. То, что увидел Беки, ужаснуло его: стебли кукурузы поломаны, початки обглоданы, и овцы все тут же.

— Чтоб вас съели на похоронах вашего хозяина! — крикнул Беки и бросился отгонять овец.

Хасан тоже стал помогать отцу и палкой и криками. И вдруг как из-под земли появился пастух. Видать, крики услыхал. Ни отец, ни сын не заметили, когда он подъехал.

Пастух увидел, как Хасан ударом палки свалил барана, как баран вскочил и побежал уже без одного своего большого скрученного рога.

— Эй, безродный щенок, ты что делаешь! — заорал пастух и, направив коня прямиком на Хасана, замахнулся кнутом.

— Дади! — закричал испуганный Хасан и застыл на месте.

Беки бросился к сыну.

— Попробуй только ударь! — погрозил он на бегу.

Пастух, может, и ударил бы мальчишку, но, увидев, что тот не один, опустил кнут. Ни к чему ему была вражда из-за чужих овец. Он дагестанец и здесь не по доброй воле. Нужда пригнала на заработки.

На ломаном ингушском языке пастух примирительно сказал:

— Это твой мальчик? Смотри, он искалечил барана — сбил с него рог! Можно ли так бить? Скотина ведь живая!

— Но ты-то не скотина? — задыхаясь от злобы, крикнул Беки. — Отчего же не следишь за овцами, отчего даешь им портить чужое добро?

— Эй, человек, не кричи. Зачем кричать? Велели здесь пасти, я так и делаю.

[1] Дяла — бог, господь *(ингушск.)*.

— Будь и ты человеком, не губи кукурузу, — взмолился Беки, — уведи овец с моего поля.

Пастух пожал плечами:

— А как я их уведу?

Беки снова помрачнел, глаза его налились злобой, щеки ввалились. Вырвав у Хасана палку, он бросился к атаре:

— А вот как уведешь! — крикнул он и ударил первую попавшуюся овцу. Та побежала, волоча заднюю ногу.

— Что ты наделал! Ногу ей сломал! Ну подожди, ослиный брат! — закричал пастух.

Беки поднял палку и бросился к нему, но тот рванул поводья. Отъехав немного, обернулся и погрозил кулаком:

— Ну берегись, вот приедет Саад!

3

Пока отец с братом не скрылись из глаз, Хусен стоял у двери и глядел им вслед, а огненно-рыжий Борз проводил их до ворот, вернулся, сел перед Хусеном, помахал обрубком хвоста (ему еще щенком обрубили хвост и уши, чтобы был злее), как бы говоря: «Что ты грустишь, мы же вместе». Но Хусену сейчас не до собаки.

— Иди отсюда. — Он оттолкнул пса ногой и вошел в дом.

Но и дома в такую погоду не веселее. Поглядишь в окно, и кажется, что домов в селе нет, кроме тех, которые видны на другой стороне улицы. Хусен знает: это дом Эки, соседний с ним дом Товси, с глиняной крышей, на которой растет трава. С голых акаций падают капли. «Откуда они берутся, — удивляется Хусен, — дождя-то ведь нету!» И невдомек ему, что это от туманной мороси.

На улице слякоть. Люди держатся поближе к плетню — там посуше. Потому-то и Борз так неспокоен, то и дело с лаем бросается на плетень. Да злой такой, кажется, попадись кто, растерзает.

В другое окно виден двор Тархана, но там никого нет. Тархан и Эсет, наверное, играют под навесом. Хусен и сам пошел бы к ним, но нани не пускает. Если бы она хоть к соседям ушла, тогда Хусен сбегал бы поиграть. Но стоило уйти отцу и Хасану, мать сказала, что ей пло-

хо, и легла. Хусен спросил, что у нее болит, она ответила: «Ничего не болит, просто плохо». И как это понять: человек болеет, а ничего у него не болит?

Хусен от нечего делать дышал на стекло, потом выводил по нему пальцем разные узоры. В окне четыре маленьких стекла. Он быстро их разрисовал. А потом?.. А потом Хусен все стер. Он старательно водил пальцем по стеклу, ему нравилось, как оно скрипит. Но и этому пришел конец: нани сказала, стекло может треснуть.

Опять нечего делать.

Хусен выгреб альчики из-под кровати и стал играть. Самый большой — волк. Хусен никогда не видел живого волка, но он уверен, что это огромный зверь. Все остальные альчики — овцы.

Волк забрался в отару и стал рвать овец. Потом овцы стали собаками. «Гав, гав», — лаял за собак Хусен.

— Сынок, дай мне нёмного поспать, уж очень ты расшумелся, — прервала мать и эту его затею.

Можно бы в кухне поиграть, да там пол глиняный, а нар нет — ногам будет холодно.

Хусен собрал альчики, положил их возле себя и прилег на циновку. Глядел он, глядел на самый большой альчик и вспомнил, как он у них появился. Летом на курбан-байрам[1] отец вошел в долю с соседями, когда те резали корову. Тогда-то и попал он к ним. И мяса было много-много. А после того больше ни разу в их доме не было мяса. Только однажды отец привез из Пседаха с базара баранью голову и потроха. Больше не привозил, говорит, денег нету. А почему их нету? Неужели нельзя куда-нибудь за ними сходить, пусть даже далеко-далеко. Хусен сам бы пошел, лишь бы потом мяса купили. Тогда, пожалуй, и леденцовых лошадок красных можно бы купить, и пряников тоже...

Отец обещал, что на уразу[2] зарежет бычка. Хусен, конечно, рад, что будет мясо, но жаль бычка. Хусен привык к нему. И бычок привык к Хусену. Всегда отзывается: сначала замычит, потом подойдет и лизнет руку.

— Хусен, Хусен, — разбудил его голос матери. Она лежала, закрыв глаза, и стонала.

— Нани, что тебе?

[1] Курбан-байрам — праздник жертвоприношения.
[2] Ураза — мусульманский месяц поста, во время которого можно есть только после захода солнца.

— Беги, сыночек, к Шаши, скажи, что я зову ее.

Хусен замер.

Шаши звали, когда у кого-нибудь из детей болело горло. Случилась как-то такая беда и с Хусеном. Он до сих пор помнит, как Шаши засунула ему в горло свой костлявый палец и так надавила, что Хусен закричал от боли. Правда, горло после этого зажило, но с тех пор Хусен, завидев Шаши, тут же кидался прятаться.

А тут самому надо идти к старухе.

— Нани, а она не будет давить мне горло?

— Нет, нет! Не будет. Беги, сынок, беги скорее.

«Может, и вправду не будет? — подумал мальчик. — Ведь сейчас у меня горло не болит».

— Не забудь чувяки надеть, — крикнула мать, когда Хусен уже стоял в дверях.

Крикнула и снова застонала.

— Они же порвались! — удивился Хусен.

— Я вчера зашила их. И черкеску надень, на улице холодно.

Чувяки действительно были зашиты.

«Почему же тогда нани не отпустила меня с дади, — удивился Хусен, — а я ведь так хотел пойти с ними?»

Но, чувствуя, что матери сейчас не до него, он быстро сунул ноги в чувяки, набросил старую суконную черкеску и выбежал.

— Поторопись, сыночек! — крикнула вдогонку мать.

Наконец показался дом Шаши. На крыше росла высокая трава и два кукурузных стебля. Хусен подумал, что Шаши сама посеяла там кукурузу, и только очень удивился, отчего же она посеяла всего два зерна.

Хусен был уже у ворот, как вдруг увидел собаку. Он остановился, решил подождать, пока собака уйдет во двор. Но та даже с места не сдвинулась и в упор уставилась на него. Кто знает, сколько бы они простояли друг против друга, если бы не появилась сама Шаши. Она подошла сзади. Видно, уже успела сходить к какому-нибудь больному полечить горло или измерить голову [1].

В селе все знали, и Хусен тоже знал, что у Шаши в метель погиб сын. Он возвращался домой из Назрани и...

---

[1] У ингушей в старое время при головных болях измеряли голову полотенцем или платком, а потом легко массировали ее.

не вернулся. Были у нее еще две дочери, но они вышли замуж и живут в другом селе. Шаши одна и потому охотно ходит к больным. Сделает она свое доброе дело, а потом, глядишь, еще часок-другой посудачит с хозяйкой дома о разных новостях, так день и пройдет. А перед уходом ей еще чего-нибудь и дадут: кто маслица, кто творога или молока. Для старушки, у которой в хозяйстве кроме кошки с собакой нет никакой другой живности, все, что ни дадут, сгодится.

В дом Беки Шаши ходила даже и тогда, когда никто у них не болел. Она родственница Кайпы по материнской линии. Придет и уже с порога спрашивает:

— Ну, девочка, как ты тут поживаешь? — Потом потреплет Хасана или Хусена по щеке и добавит: — Живите, оборванцы, на радость своей матери.

Хусен никак не мог разобраться, отчего это Шаши его нани, такую взрослую, называет девочкой, а их — оборванцами. Оборванцы — это те, на ком вся одежда порвана, а у них, если что и порвется, нани тотчас починит. Вот и сейчас, увидела Шаши Хусена, потрепала его по щеке:

— Ты чего здесь стоишь, оборванец?

— Нани заболела, тебя зовет,— недовольно буркнул Хусен. Не понравилось, что старуха опять назвала его оборванцем.

— Что случилось?

— Плохо ей. Стонет сильно.

— Стонет, говоришь? Ну пойдем тогда поскорее.

Не заходя к себе, Шаши пошла к дому Беки. Хусен заспешил за ней. Шаши вошла в комнату и, удивительное дело, даже не спросила у матери, что с ней.

— Лежишь, девочка, — сказала она, — ничего, скоро освободишься, все в воле всевышнего. Помолись, легче будет.

Старушка постояла, что-то пошептала, потом повернулась к Хусену:

— А ну, принеси бохк[1]. Знаешь, где он?

— Знаю, — ответил Хусен и вышел.

Через минуту он принес бохк. Шаши подсадила Хусена к себе на плечо, попросила его привязать веревку за

[1] Бохк — волосяная веревка, которой обвязывают кувшин *(ингушск.)*.

крюк на потолке. Ничего не понимая, Хусен затянул узел.

Мальчик не знал, что всякий раз при родовых схватках мать его спасалась тем, что висла на этой веревке. Едва Шаши спустила Хусена с плеч, Кайпа, с трудом приоткрыв отяжелевшие глаза, сказала:

— Иди, мой мальчик, во двор к Кабират, поиграй там, пока Шаши не позовет тебя обратно.

Хусен удивился. Если бы мать сказала эти слова до прихода Шаши, он бы обрадовался, а сейчас удивился и... немного испугался: кто знает, что эта старуха собирается делать с его нани. Но возразить он не посмел и молча пошел к выходу.

В соседском дворе ребята под навесом сарая качались на качелях. Правда, сидел на них один Тархан. Старший брат, Тахир, раскачивал его, а Эсет, уцепившись за рубашку Тахира, чуть не плакала.

— Хватит. Он уже долго качается, теперь я!..

Лицо у Эсет белое как снег и волосы цвета соломы! Тархан, когда рассердится на сестру, дразнил ее: «гусиные глаза». Хусен про себя удивлялся: «Чего он выдумывает? И совсем они не гусиные. Просто голубые, и все».

Эсет тоже не оставалась в долгу.

— А ты индюшачье яйцо, — бросала она брату.

Хусену всегда хотелось заступиться за Эсет. Ведь она права: на лице у Тархана точно такие пятнышки, как на индюшачьем яйце.

Брат и сестра начали перебранку. Эсет расплакалась. Тотчас выглянула Кабират.

— Опять обижаете девочку? И не стыдно? — закричала она и добавила, обращаясь к старшему сыну: — А ты уже мужчина — и туда же. Иди-ка лучше задай коню корм.

Тахир остановил качели.

— Ух, гусиные глаза, все из-за тебя, — Тархан соскочил на землю.

Эсет обрадовалась и бросилась к качелям. Так обрадовалась, что даже, против обыкновения, не расквиталась с Тарханом за «гусиные глаза».

— Покатай ее, щербатый, — толкнул Хусена в бок Тархан.

Хусен и правда щербатый. Неизвестно отчего передние зубы у него почернели и почти совсем сточились.

Говорят, зубы чернеют у тех, кто ест много сахару. Но это совсем не так: ведь у Хусена в доме и по праздникам не всегда бывает сахар. «Неправда все это, — думал Хусен, — и отчего тогда у Тархана, который только и знает, что ест сахар, зубы, как у ягненка, ровные и все целые?»

Хусен часто видел в руках у Тархана не только сахар, но даже конфеты и всякие пряники. Еще бы! Ведь у отца Тархана своя лавка.

Соси часто ездит во Владикавказ за товаром. Тогда за прилавком стоит Кабират, а Тархан ей помогает. В такие дни он даже не глядит в сторону Хусена. Впрочем, Тархан всегда разговаривает с ним свысока. Вот и сейчас он смотрел на Хусена так, будто победил его в кулачном бою.

Хусен с трудом сдержался. А как хотелось подразнить, позлить Тархана. Но попробуй-ка, тот ведь старше, полезет драться, чего доброго, опозоришься перед Эсет.

А Эсет, видно, стало жалко Хусена, и она крикнула:

— Нани, Тархан не дает мне качаться.

Кабират снова выглянула и погрозила сыну рукой:

— Опять ты пристал к ней! Смотри у меня.

Знай Кабират, что Тархан пристает не к Эсет, а к Хусену, едва ли она вступилась бы за соседского мальчишку. Не в ее это правилах защищать чужих детей. За своих же она может кому хочешь волосы выдрать, даже если ее дети и виноваты. Начнет проклинать на чем свет стоит, а то и с палкой погонится. После таких происшествий чужие ребята обычно долго обходят стороной двор Кабират, хотя с детьми ее уже помирились.

Тархан хорошо знал, какая у матери тяжелая рука, а потому не заставил ее дважды повторять угрозу и притих. Даже сам принялся раскачивать Эсет. Но вскоре ему наскучило, и он милостиво предоставил это право Хусену.

Хусену стало совсем тепло, как только он взялся за качели. И Эсет довольно смеется. Когда качели несутся вперед, она вся напряженно вытягивается, будто хочет взлететь, а когда назад, поджимает коленки.

Тархан немного постоял, посмотрел на них, ухмыльнулся и пошел. Уходя, он крикнул:

— К моему возвращению чтобы духу вашего не было!

Однако Хусену еще задолго до возвращения Тархана пришлось уйти и от качелей, и со двора Кабират.

Во всем был виноват Борз. От чего-то вдруг залаял. Хусен повернулся к нему, в тот же миг услышал крик Эсет, а затем, конечно, выбежали Кабират и Тархан. Вылез из сарая и Тахир.

— Доченька, что с тобой? — поднимая Эсет с земли, спросила Кабират.

— Хусен... Это он... я упала... — всхлипывая, проговорила Эсет, потирая шишку на лбу.

Кабират только того и надо было. Она злобно уставилась на Хусена:

— Вон отсюда, голодранец! Чтобы глаза мои больше не видели тебя здесь.

Хусен проглотил обиду и пошел к воротам. Уже выйдя со двора, он все еще слышал брань Кабират. Она проклинала его, причитала, что не дают ей покоя в собственном дворе, и многое еще выкрикивала эта злая женщина.

А Хусен шел и думал: «И чего расшумелась? Я к ним почти не хожу. Эсет с Тарханом сами больше бывают у нас. И моя нани никогда не выгоняет их, даже не ругает, когда они обрывают нашу вишню. Подумаешь, у них сарай с навесом! Вот возьму привяжу веревку к ветке дерева, и будут у меня свои качели».

Хусен отворил зар[1]. Навстречу ему, виляя хвостом-обрубком, бежал Борз. Он будто собирался что-то сказать, но не смог, только проводил друга до дома.

Хусен толкнул дверь, но она оказалась заперта. Из комнаты слышались стоны матери и голос Шаши, которая твердила одно и то же:

— Молись!

Хусену было жалко мать, он не мог слышать ее криков и опять пошел со двора. Борз побежал за ним.

Хозяйство Гойберда, другого соседа Беки, было такое же неказистое. И уж он-то ничем не кичился перед Беки и Кайпой. Сейчас их дворы для пущей важности разделял реденький плетень, но придет весна, от него и

[1] Зар — плетень, которым прикрывали ворота.

следа не останется. Тогда дружба Кайпы и жены Гойберда Хажар даст трещину из-за этого злополучного плетня. Кайпа сердится, что дети Хажар, оставленные без присмотра, растаскивают плетень на костры и жарят кукурузу. А что с ними поделаешь? Совладай-ка с голодными!

У Гойберда нет лошади, не на чем дров из лесу привезти, вот его дети и тащат дрова, где придется. Хажар бьет их, но это не помогает.

Плетень, что поставлен в это лето, еще сырой, а потому пока стоит на месте, и между соседями царит мир.

Хусен направился во двор к Гойберду. Но не успел он войти, как услышал крик:

— О, чтобы вы все передохли, как мне вас прокормить!..

Хусен остановился в нерешительности.

Все в селе знали, как трудно живется Гойберду. Семья большая, а в хозяйстве ни коровы, ни лошади. Гойберд пешком ходит во Владикавказ. Покупает там нитки, иголки, мыло и другую мелочь и за гроши перепродает в селе. На этом далеко не уедешь. А иногда и вовсе ничего не удается выгадать. Тогда Гойберд злится и, придя домой, всю досаду вымещает на жене и детях.

Не успел Хусен решить, входить ему или нет, как чуть ли не прямо в него полетела из дома чугунная сковородка, а следом и тренога — подставка для котлов и сковородок. И уже на весь двор гремело:

— Как мне вас прокормить? Откуда я возьму столько кукурузы, чтобы вы жарили ее целыми днями?

«Хоп, хоп», — услышал Хусен глухие удары, и тут же из дому вылетела Хажар.

— О, чтоб на твоих похоронах ели эту кукурузу! — крикнула она.

Гойберд никогда не скандалил на людях. А потому, как только он разбушуется, Хажар тут же норовила выскочить во двор. Знала, что муж ни за что не погонится за ней.

Все постепенно утихло, но не так-то легко было распаленному Гойберду сразу остыть. Он долго еще бурчал себе под нос.

Ранней весной у Гойберда околела лошадь, и потому он не посеял ни зернышка. Вся надежда на землю возле

дома. А с нее что за урожай! Едва ли на месяц-другой хватит.

Потому-то он из себя и выходил, когда видел, что дети жарят кукурузу.

Хусен постоял у плетня, но, так и не решившись войти, повернул назад.

Солнце будто в прятки играло: то выглянет из-за туч, то снова скроется. Небо теперь тоже было веселее, чем утром. «Как же, наверное, сейчас хорошо в поле! — с завистью подумал Хусен. — И почему только меня не взяли туда? Должно быть, из-за нани! Кто бы тогда сходил за Шаши? Нани, как-то она себя чувствует?» — С этой мыслью Хусен пошел к дому.

Стонов уже не было слышно, дверь оказалась открытой, но мать по-прежнему лежала на нарах. Увидев Хусена, она с трудом улыбнулась. Сидевшая рядом с ней Шаши поманила Хусена:

— А ну, иди сюда, оборванец! Нани родила тебе братишку, давай-ка подумаем, как его назвать!

Хусен растерянно остановился.

И в этот миг в комнату с криком ворвался Хасан.

4

Беки был в одной рубашке. Бешмет, хоть он уже стал пестрым от множества заплат, надо беречь. И в праздники и в будни это единственная его одежда.

До обеда работалось хорошо. Всю срезанную кукурузу поставили в копны. Хасан помогал, как умел, — подносил стебли. От росы штаны чуть не до колен намокли, чувяки отяжелели от налипшей грязи, но Хасан не замечал этого.

Беки работал быстро. Но вот, подходя к нему с охапкой стеблей, Хасан заметил, что отец уже дышит тяжело. Наконец Беки распрямился, вытер подолом рубахи пот с лица, накинул бешмет и вздохнул:

— Надо созывать белхи [1]. Без этого не обойтись. Завтра же буду просить Исмаала, он приедет с арбой, не откажет. Мураду тоже скажу. Я помогал ему на прополке,

---

[1] Белхи — общественная помощь, широко распространенная среди горцев.

и он поможет. Ждать, пока лошадь поправится, — все добро сгноишь! Не сегодня-завтра дожди пойдут, — устало сказал он.

Хасан достал чурек и кусок сыру, положил перед отцом, но тот все еще сидел в задумчивости. Сын принялся за еду, уже он-то ни о чем другом сейчас думать не мог. Наконец и Беки взял кусочек чурека, но сначала произнес молитву.

Хасан поел, поднялся и стал очищать штаны от колючек, которые неприятно покалывали ноги. С грустью посмотрев на сына, Беки сказал:

— Уберем урожай, продам немного кукурузы, куплю тебе новые брюки и рубашку.

— Дади, а себе бешмет купишь?

Беки, не отвечая, поднял в молитве руки. Хасан не понял, то ли отец как обычно молится после еды, то ли просит у бога, чтобы помог им купить брюки, рубашку и бешмет. Только бог ведь все равно не поможет. Хасан знает. О чем только люди ни просят, но он, видно, не слышит. Да и как ему услыхать — вон где! В небе! А молитвы произносят шепотом.

Вот и отец сейчас совсем тихо, одними губами, шепчет, а просил бы громче, может, бог и услышал бы его. Но бог не услышит.

Наконец Беки провел руками по лицу и поднялся. Туман уже совсем рассеялся, и все вокруг было как на ладони, хотя солнце пока еще пряталось за тучками.

Оглянувшись, Беки увидел, что кто-то выехал из села. «Не Саад ли? — подумалось ему. — А хоть бы и Саад, будь что будет!»

Саад подъехал на бидарке. Вслед за ним, на старой кляче, трусил пастух.

Беки сделал вид, будто никого не замечает. С минуту Саад молча смотрел на него, наконец не выдержал и крикнул:

— Эй, ты!

Беки обернулся.

— С чего бы это ты так загордился, что и подойти не хочешь? — грозно спросил Саад.

— Гордиться мне не с чего!

— Да и я так думаю, потому и говорю!

— Сам не горжусь и не завидую тому, кто гордится, — добавил Беки.

— Не завидуешь, говоришь? — Саад сбросил с себя бурку и соскочил на землю. — А ну, клади овцу на бидарку! — приказал он пастуху.

— Эй, ты, где овца? — крикнул тот, обращаясь к Беки.

— Откуда мне знать.

— Ах, не знаешь, где моя овца? Сейчас узнаешь.

С этими словами Саад двинулся на Беки.

— Саад, не начинай скандала. Твои овцы мне больше навредили.

— А чего ты сидел? Люди давным-давно убрали свой урожай, только ты один до сих пор не освобождаешь поле.

— Я бы тоже убрал, да так случилось. Лошадь подвела.

— Не можешь вовремя убрать — зачем было сеять.

— Оно, может, и верно, да не сеять мне нельзя. Семью надо кормить...

— Семья бы с голоду не умерла, я бы твоим детям закат[1] подал.

Беки и до того едва сдерживался. Он все хотел не дать Сааду окончательно «замутить воду», готов был простить ему вытоптанную кукурузу, на худой конец — даже заплатить за овцу, — думал он, — а мясо высушить и сберечь до уразы. Тогда и бычка сохранишь.

Не потому так думал Беки, что боялся Саада. Нет, не хотелось ему начинать ссору. Но последние слова Саада вывели Беки из себя.

— Мои дети не сироты, они не нуждаются в твоем закате! — крикнул он.

— Тогда давай овцу.

— Вон, понес!

Беки показал на чабана, направляющегося к бидарке. Но Саад даже не повернулся.

— Мне нужна овца, которая ходит на всех четырех ногах.

— Я не смогу тебе ее дать, у меня нет такой овцы.

— Заставлю, и дашь.

— Ничего ты меня не заставишь силой, Саад. Не ищи ссоры, прошу тебя!

---

[1] Закат — обрядовая, так называемая «очистительная» милостыня. Подается сиротам.

— Какая у меня может быть с тобой ссора, вшивая овчина?!

— Говоря такое людям, тебе бы не мешало вспомнить своего отца, у которого и в ресницах полно было вшей, — спокойно отрезал Беки.

— Что ты сказал?! — Саад рванул кинжал из ножен. — Да будь проклят твой отец, если ты еще хоть словом тронешь моего.

Беки посмотрел на Саада и с сожалением подумал о том, что его-то кинжал лежит далеко. И Хасана куда-то унесло. Да и будь он рядом, теперь уже делу не поможешь.

Саад вынул кинжал из ножен. Вконец обозленный Беки, мгновенно забыв, что ему и обороняться нечем — в руках только серп, крикнул:

— Да будь прокляты и отец твой, и брат, если ты вложишь кинжал в ножны!

С этими словами он, не помня себя, бросился на Саада.

— Да будут прокляты они, если мой кинжал войдет в ножны, а не в тебя! — услышал в ответ Беки и вслед за тем почувствовал в животе жгучую боль. Рука с серпом медленно опустилась.

— Эйшшах! [1] — вырвалось у Беки. — Ради бога, не поворачивай кинжал!

Саад отнял руку от живота Беки. Подбежавший Хасан увидел окровавленное лезвие и в ужасе закричал:

— Дади!

Саад посмотрел вокруг налитыми кровью глазами, затем снова склонился над Беки и, озверев, еще дважды с силой всадил в него кинжал.

— Не надо! Не надо! — кричал Хасан, будто что-то еще могло спасти отца.

Саад разогнулся и, тяжело ступая, пошел прочь.

— Дади! Дади! — кричал Хасан, заливаясь слезами.

Глаза отца приоткрылись.

— Хасан... Отомсти! — еле слышно прошептал он и затих. Зрачки закатились, на губах выступила кровавая пена, пальцы в последнем усилии стиснули стебель кукурузы.

---

[1] Эйшшах! — восклицание при резкой боли.

5

Утро выдалось ясное, но солнце греет не щедро. На последних листьях, на тыквенной ботве сверкают капли росы, а там, куда не проникают лучи, еще белеет иней. Крыша дома Соси на затененной стороне вся покрыта изморозью.

Во дворе Беки много мужчин. Некоторых Хусен и не видел никогда. Он знает: они понесут отца на кладбище. Когда в доме напротив них умерла старуха, там тоже было много людей.

Сегодня Хусен совсем не плакал. Вчера, когда Беки на арбе везли домой, он плакал сильно. И ночью плакал, пока не уснул. А нани как рыдала вчера! Стояла посреди двора, рвала на себе волосы и плакала и кричала.

— О, чтоб захлебнулся своей кровью, Саад! О дяла, есть ли ты в небе? А если есть, то отчего не видишь всего этого, отчего не караешь зверя?

Мать сидит среди женщин. Медленно раскачиваясь, она что-то говорит, успокаивая родившегося вчера мальчика. Женщины плачут. Иногда они ненадолго затихают, но стоит появиться в воротах новой посетительнице, и все вместе начинают кричать с новой силой.

Рядом на длинных досках, под которые подложены большие камни, сидят старики.

Хусен видел, как рано утром, когда еще не рассвело, эти доски носили к ним со двора Соси. Удивительно, как это Кабират позволила взять их.

Старики сидят, опершись подбородками на свои палки, и тихо переговариваются, пока не появится еще кто-нибудь. Тогда все вместе воздевают руки к небу и молятся.

«И чего они молятся, — удивлялся Хусен, — может, просят, чтобы дяла воскресил дади? Но ведь мертвые, говорят, не оживают? Надо было вчера молиться, чтобы Саад не убивал дади! А теперь какой толк от молитв!»

Мальчик не знал, что мужчины молят всевышнего быть милостивым к Беки, ведь он ушел из жизни, так и не разогнув спины от тяжести мирских невзгод.

Двое мужчин подошли к большой акации и стали рубить ее под корень. Хусен хотел посмотреть, как будет падать акация, но его отвлек рев бычка, которого выводили из сарая. Хусен подбежал к брату.

— Куда его ведут?

— Резать ведут, — ответил Хасан, не глядя на него.

— А зачем резать?

— Так надо. Отстань!

Бычку связали ноги, повалили на землю. Незнакомый мужчина достал кинжал.

Хусен еле сдерживал слезы. Борз, лежавший неподалеку, поднялся, постоял, поглядел на происходящее и снова улегся чуть подальше.

Никто не обратил внимания ни на Борза, ни на готового разреветься Хусена. Все обернулись на голос женщины, с плачем входившей в ворота.

Это была дяци[1] из Ачалуков. Сестра Беки.

— О, умереть бы мне! Зачем жить, когда тебя нет! — кричала она, идя по двору. — Ты никому не делал ничего плохого, не только человека, лошади никогда не обидел. За что же с тобой так жестоко расправились?

Все женщины снова заплакали. И Хусен не сдержался, разве сдержишься, когда все так жалобно и горько плачут. Вон даже Исмаал и тот утирает глаза. А ведь он взрослый!

Долго сидел Хусен в сарае на яслях и плакал. И некому здесь было увидеть его слезы, приласкать и утешить, сказать, как говорят в таких случаях: «Ты же мужчина! А разве мужчины плачут?» Только старый мерин сточенными за долгую жизнь зубами с трудом перетирал кукурузные стебли. И не было ему никакого дела ни до Хусена, ни до тех, кто горевал там — во дворе и в доме.

Хусен вышел из сарая. Неподалеку стоял Тархан и изо всех сил надувал бычий пузырь. Тут же, за спиной у него, нетерпеливо подпрыгивал Мажи, сын Гойберда. Пузырь раздувался все больше и больше, скоро он был уже величиной с тыкву.

— Дай, теперь я... — протянул руку Мажи.

— Иди отсюда, косой.

У Мажи и правда один глаз косил, оттого и дразнили его. И не только косым называли, но и плешивым — за

[1] Дяци — тетка по отцу *(ингушск.)*.

огромный лишай на голове, который Мажи и зимой и летом прятал под шапкой.

— Дай, дай! — не отставал Мажи.

Но Тархан, высоко подняв пузырь, вприпрыжку понесся к своему двору. Скоро оттуда донеслась глухая дробь. Это Тархан колотил по пузырю ладонями.

Но Мажи сразу забыл о пузыре. Его уже привлекло мясо. Разрубленный на части бычок лежал на досках. Хасан и Рашид, старший брат Мажи, разносили куски мяса соседям — таков обычай.

Рядом в огромном котле уже варилась часть туши; худой старик приглядывал за костром. Мажи просительно поглядел на него. Старик не стал гнать мальчишку, только сказал:

— Зря ты здесь стоишь, еще и вода не закипела.

Мажи чувствовал, старик не злой, а значит, можно надеяться, даст мяса. Поэтому и уходить не хотел, да возле котла к тому же и теплее — на Мажи одна рубашонка и латаные-перелатаные штаны, ноги босые.

Хусен отвернулся от Мажи, огляделся. Акацию уже срубили, и теперь трое мужчин очищали ее от коры. Возле них, заложив руки за пояс, стоял Соси. Все работали, а он только наблюдал, даже пальцем не шевельнул ни разу.

— Хороши брусья. Сто лет продержатся, — сказал, распрямляясь и потирая спину, Гойберд.

— Бедняга Беки. Собирался из этой акации новые столбы для ворот сладить. — Он тяжело вздохнул.

— Да, плохое дело вышло, — сказал Соси, — но и Беки не должен был забывать свое место.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил чернобородый мужчина.

— Недаром ведь говорится: замахнешься занозой от ярма — тебя ярмом и ударят.

Гойберд нахмурился:

— Не говори лишнего, Соси. Беки был человек смирный.

— Но не убил же его Саад так — ни за что ни про что? — стоял на своем Соси. — Мне еще не приходилось слышать, чтобы человека без причины убили.

— Не пойму я, в чем ты видишь вину Беки?.. — Гойберд вбил топор в брус, присел на корточки и вопросительно уставился на Соси.

Хусен посмотрел на Гойберда, и ему показались вдруг непомерно большими нос его и сильно выдающийся вперед подбородок, будто нарочно вытянутый кем-то.

— Если тебе рассказали все, как было, то ты, наверное, знаешь, что Беки просил Саада только об одном: не пускать на поле овец, пока он не уберет кукурузу, — продолжал Гойберд, — разве он не имел на это права?

— Смотря как он об этом просил, — не унимался Соси.

Чернобородый опять перебил их:

— А как бы ты говорил с тем, кто пустил овец в твои посевы?

— Одно дело, если бы овцы зашли на мою землю! Да я-то, может, и в этом случае ничего не сказал бы. А тут другое: овцы Саада и земля Саада. Кто может запретить ему пускать их на свою землю?

Лицо чернобородого покраснело от ярости.

— Не его это земля, — сказал он.

— Сейчас она принадлежит ему, он платит за нее Мазаю.

— Недолго осталось! — процедил чернобородый. — Скоро ни Мазай, ни Угром и ни Саад — никто не будет владеть ею!

— Чья же она будет, — не без ехидства спросил Соси, — уж не тебе ли ее подарят?

— Народ заберет землю себе.

— Смотри какой прыткий. Не попасть бы тебе за такие речи в Сибирь, — сказал Соси.

Ему и невдомек было, что незнакомец уже успел побывать в ссылке за участие в одной из грозненских стачек и лишь недавно бежал оттуда. Вот уже больше двух месяцев скрывался он от властей. Несколько раз ночью пробирался в родное село Кескем повидать жену и мать-старуху и еще до свету уходил снова в лес.

Человек этот — двоюродный брат Беки по материнской линии. Дауд его имя. Вчера ночью он пришел проведать брата. За все это время впервые решился. Не думал задерживаться, часок-другой побыть и еще затемно уйти. Да вот беда какая приключилась: попал на безвременные похороны. И будь что будет! Дауд не мог уйти из дома Беки, не похоронив его. Да здесь не так опасно. Никто не знал его, кроме двух-трех родственников из Кескема, но те не выдадут.

Дауд все больше молчал, старался остаться незамеченным. В стороне от людей рубил акацию, потом пилил брусья, очищал их, и если бы не этот Соси, рта бы не раскрыл.

На минуту все примолкли. И Соси, как бы даже извиняясь, пробурчал:

— Я ведь просто хотел сказать: будь Беки посдержанней, не случилось бы ничего. Что вот теперь семья будет делать?

— Не беспокойся, тебе не придется о его семье заботиться. У них есть родственники.

— Это хорошо, что есть. А ты кем им приходишься?

— Зятем прихожусь.

— Что-то я тебя не знаю... Ты из каких мест?

— Из Бердыкеля [1].

— Где же это? Я не слыхал о таком селе, — пожал плечами Соси.

— В Чечне оно, — ответил за Дауда Гойберд.

Соси недоверчиво посмотрел на Дауда. Из Чечни, а сам вон как чисто по-ингушски говорит.

Дауд, перехватив испытующий взгляд Соси, мысленно выругал себя, не сдержался. Чего доброго, еще заподозрит, начнет докапываться... По всему видно, душонка у него продажная.

— Сдержанность, она никому не мешает, — пробормотал Гойберд себе под нос, —теперь вот на Сааде кровь.

— Саад — человек богатый, ему ничего не стоит расплатиться.

Дауд покосился на Соси.

— На этот раз он может богатством и не отделаться: у Беки растут сыновья, да и родственники, слава всевышнему, есть. Два сына у него, Хасан и Хусен... И третий вчера родился.

— А у него еще имени нет, — сказал Хусен, стоявший тут же рядом.

— У кого нет имени? — улыбнулся Дауд, повернувшись к мальчику.

— У того, у маленького нашего!

— Нет, говоришь, имени? Ну что же, надо дать ему имя. А ну-ка подойди ко мне.

---

[1] Бердыкель — в дословном переводе «из-под обрыва» *(ингушск.)*.

Отложив топор, Дауд обнял Хусена.
— Какое же имя тебе больше нравится?
— Не знаю.
— Давай назовем его Султаном?
— Давай,— согласился Хусен.
— Ну вот и ладно. Будет вас теперь три брата: Хасан, Хусен и Султан, — с нежностью сказал Дауд.
— А тебя как зовут, Хасан или Хусен?
Сыновья Беки были совсем маленькими, когда он видел их в последний раз:
— Хусен.
— Пусть будет долгой твоя жизнь, мой мальчик! — Дауд полез в карман и достал гривенник. — На, держи. Купишь себе конфет в лавке.
Взяв монетку, Хусен направился к воротам.

6

У лавки Соси Хусен столкнулся со старшиной Ази. Он был в красной черкеске, на толстом животе висел кинжал в серебряных ножнах, сбоку болталась черная сафьяновая кобура. Тяжело сопя в пышные рыжие усы, старшина скрылся за воротами. Тут же из дома выскочил Тархан.

Не обращая внимания на Хусена, он пробежал к ним во двор и через минуту уже возвращался с отцом.

— Зайдем в дом, — сказал Соси, кланяясь старшине.

Мальчик больше ничего не услышал. А разговор в доме был вот какой.

— Что там на похоронах? — спросил Ази.

— Похороны как похороны, — пожал плечами хозяин дома. — Женщины плачут...

— Ну, женщины, известное дело, всегда голосят...

Ази пристально посмотрел на Соси. Не станет же он рассказывать, что получил от пристава приказ наблюдать за похоронами. Пристав не считает их обычными. Ведь богатый убил бедного. Пристав не столько за Саада боится, сколько за Мазая и Угрома.

— Как бы не случилось чего, — сказал он старшине, — ты последи за ними. Не дай бог, еще взбунтуются.

Ази ни слова не проронил в защиту своих односельчан. Скажи пристав и о нем злые слова, он бы тоже ни-

чего не возразил. Для старшины пристав — почти как наместник. Сам-то наместник царский в Тифлисе, до него далеко. А этот здесь, рядом, и власть вся у него в руках, кого хочешь арестовать может...

— Все сдэлаю как нада, гаспадын пирстоп, — отчаянно коверкая русские слова, ответил старшина, вытянувшись при этом, как на смотру перед генералом.

— Если что случится, я из тебя кишки выпущу, — сказал пристав, ткнув указательным пальцем в живот Ази.

— Понымаю, гаспадын пирстоп.

— И еще одно. Из тех, что были в прошлом году арестованы в Грозном во время беспорядков, бежал один ингуш...

— Понымаю, гаспадын пирстоп...

— «Пирстоп, пирстоп»! — вдруг заорал пристав. — Зверь, не знающий человеческого языка! Что это за «пирстоп»?

Ази стоял как вкопанный.

— Так вот, этого человека... — продолжал пристав.

— Если придет в село, арестую и приведу к вам! — поспешил высказать свою понятливость старшина.

— «Арестую и приведу к вам!» — передразнил пристав. — Уж не думаешь ли ты, что он самолично встанет перед тобой: на, мол, хватай меня, арестовывай? А если он будет вооружен до зубов, как настоящий абрек? Не хвались прежде времени. Лучше следи в оба. На похоронах много будет разного люда, увидишь кого подозрительного, доложи мне.

— Будет сдэлано, гаспадын... — Ази осекся, не зная, как же ему теперь называть грозного начальника.

Вот и рыщет теперь старшина, словно ищейка, следит за каждым человеком, прислушивается к разговорам. Но Ази знает, что на похороны ему идти бесполезно. При нем люди замолкают, ничего не узнаешь.

Соси — другое дело. Его не боятся. А уж Соси сделает все, что скажет Ази. Пусть только не сделает, старшина обложит его таким налогом — дух вон. Не посмотрит, что между ними родство.

— ...Женщины пусть плачут, — снова заговорил Ази. — А люди, о чем люди говорят?

— Да о чем же еще? Ни за что, говорят, убили. Добрый, говорят, Беки человек был, смирный...

— Чего же он в ссору с Саадом ввязался, если смирный был?..

— Об этом я и говорил.

Ази вообще-то понимал, что опасения пристава, как бы сагопшинцы не взбунтовались из-за убийства Беки, напрасны. И помещичьим хозяйствам они ничего не сделают. Из поколения в поколение велось у ингушей: мстили только убийце и его родственникам. А помещики тут ни при чем. Хоть всех перебей, Беки этим не будет отмщен. Кому нужна чужая вражда, если своей хватает. «Однако все может случиться, — думал он сейчас, — неспроста ведь пирстоп так беспокоится».

— Так об Угроме да о Мазае никаких разговоров не ведут? — спросил Ази.

— Да нет вроде. Они-то тут ни при чем! Человека ведь убил Саад.

— Ничего ты не понимаешь, — махнул рукой старшина. — Саад убил его из-за земли, а земля чья? Смекаешь?

Вдруг брови у Соси полезли вверх:

— Припомнился мне один разговор!

— Какой разговор? — резко повернулся к нему Ази.

— Человек там был. Скоро, говорит, всю землю народ себе отберет.

— Что за человек?

— Не знаю.

— Откуда, не спросил?

— Сказал, из Бердыкеля. Есть, говорит, такое село в Чечне.

«Уж не тот ли это беглец, о котором пирстоп говорил? — подумал старшина. — Но тот ингуш, а этот из Чечни...»

— Он чеченец?

Соси пожал плечами.

— Кто его знает. Не похоже вроде. Может, кровники у него в Ингушетии, вот и живет в Чечне?

Ази слушал Соси, а сам думал: «Конечно, трудно сказать, тот ли это человек, которого разыскивают, но для покоя лучше его убрать. Да и у Саада одним врагом станет меньше, тоже в долгу передо мной не останется. Он и без того много сделал для меня: не раз за свой стол сажал, а был случай, приехали почетные гости, Саад дал барана. Саад — человек нужный!»

Ази хлопнул себя по коленям и сказал вслух:
— Как бы мне посмотреть на этого человека?

Сквозь плетень, разделяющий дворы Беки и Соси, хорошо все видно.
— Вон тот! Усатый, с черной бородкой, — тихо шепнул на ухо старшине Соси. — Видишь, он стоит рядом с Гойбердом, руки у него скрещены на груди.
Ази кивнул головой.

7

Ингуши, как и все мусульмане, умершего, по обычаю, хоронят как можно скорее. Дома покойника держат ровно столько времени, сколько понадобится, чтобы обмыть и завернуть в саван.
Беки приготовили в последний путь очень быстро. Еще и полдень не наступил, когда его вынесли из дому.
Хусен смотрел, как мужчины подняли погребальные носилки. На носилках под синим сатиновым одеялом в белом саване лежал отец. Женщины рыдали. Душу раздирал голос Кайпы.
— На кого ты нас оставляешь? Возьми и меня с собой! — кричала она.
У Хусена сдавило горло.
Кто-то из толпы запел жалобным голоском:
— Ла иллаха илла лаха...
Мужчины подтянули. Это был зикар — религиозное погребальное песнопение.
Хусен шел за всеми, когда вдруг у самых ворот ему на плечо легла чья-то большая сильная рука. Мальчик поднял голову и увидел Дауда.
— Нам с тобой придется остаться дома,— сказал он.— Нельзя всем уходить.
Хусен послушно остановился, продолжая смотреть на уходящих. Поверх голов плыло синее сатиновое одеяло, под которым лежал отец.
Последним шел юноша из тайпа Беки. Он нес медный кумган, полный воды. Рядом с ним шагал Хасан. У него в руках тоже был какой-то белый узелок. «Что это он несет? — подумал Хусен. И вдруг вспомнил: — А, это сахар, его раздавать будут».

— Идем домой, — потянул Хусена Дауд.

В опустевшем дворе сразу стало тихо. Только на досках сидели два старика и рядом стоял Эса — юноша из тайпа Беки.

Дауд и Хусен подошли к ним. Старики тихо переговаривались. Один, с длинной белой бородой, тихо говорил:

— Все люди смертны. Кто в этом мире мучался, тому на том свете легко будет.

— Уж чего-чего, а радостей при жизни у бедняги Беки было немного, — сказал Эса.

— На том свете ему зачтется.

— Каких бы милостей ни сулили человеку на том свете, а каждый почему-то стремится к лучшей доле здесь, на земле! — сказал Дауд. — Вот богачи, например. По-твоему, почтенный, им и помышлять нельзя о милостях в загробном мире. Но, как видишь, никого из них это не смущает, только и делают, что богатеют да радуются.

Старик, не глядя на Дауда, бил кизиловой палкой по абрикосовой косточке перед собой, да так упорно бил, будто хотел вколотить ее в землю. Но сказанного Даудом он мимо ушей не пропустил, только ему не пристало спорить и обижаться. Его дело — терпеливо разъяснять людям великую мудрость Корана.

— Джай[1] учит нас, создавая свое благополучие на земле, не думать о смерти, но при этом служить всевышнему так, будто до смерти остался всего один день, — сказал белобородый старик. — Тому, кто не забывает бога, нечего бояться загробной жизни.

— И все-таки по доброй воле никто не спешит отправиться на тот свет, — усмехнулся Дауд.

— Не спешит. Это верно... Слышите, петухи кричат.

И правда, в разных концах села, словно стараясь перекричать один другого, изо всех сил надрывались петухи.

— Когда на могилу выливают кумган воды, первая капля ее попадает в нос покойнику... — продолжал мудрствовать белобородый.

— Хвала всевышнему. Сила его велика! — молитвенно произнес другой.

---

[1] Джай — религиозная книга.

— ...И тогда он взывает к людям: «Не оставляйте меня!» И этот его крик слышат только птицы. Вот почему так громко кричат петухи! — степенно закончил белобородый.

— Эх, жизнь! — вырвалось у Эсы. — Всех нас ждет такой день.

— Что верно, то верно. День этот не минует никого, а потому человек должен быть терпеливым и сдержанным, должен помнить, что все беды и горести ниспосланы ему всевышним для испытания его веры.

Старик машинально все еще бил своей палкой по земле, но косточка уже давно ушла вглубь.

Дауду хотелось возразить белобородому, сказать, что такие-то «мудрецы» и туманят мозги беднякам. Но уж кому-кому, а ему сейчас и впрямь надо быть сдержанным. Доносчик везде сыщется.

Вдалеке послышались приближающиеся звуки зикара.

— Уже возвращаются, — сказал Эса.

А петухи все кричали.

«Неужели люди оставили там дади одного, не взяли с собой? — думал Хусен. — И почему только петухи слышат его крик?»

На улице раздался конский топот. Вслед за тем показались казаки. Двое во главе со старшиной Ази завернули во двор Беки, а двое других, обогнув двор Гойберда, выехали на другую улицу.

Дауд стоял, внешне безразличный ко всему. Испуганные старики суетливо поднялись со своих мест. У белобородого нижняя челюсть так дрожала, что казалось, будто он непрерывно шепчет молитву.

Не сказав обычного «Салам алейкум», Ази в упор уставился на Дауда.

— Двор окружен! Не двигайся с места!

— Здесь ничего не произошло, чтобы надо было окружать двор, — спокойно сказал Дауд.

— А ну, подойди поближе!

В присутствии казаков Ази осмелел.

— Руки вверх! — рявкнул один из казаков и, повернувшись к своему напарнику, добавил: — Обыскать!

Тот спешился и подошел к Дауду. Рывком сорвал с него пояс с кинжалом, ощупал с ног до головы и, ничего не найдя, спросил:

— Где оружие?

— Человек я мирный, ни с кем не враждую, зачем мне оружие! — ответил Дауд.

У него была винтовка, но, придя сюда, он на всякий случай завернул ее в мешок и закопал в сарае.

— А ну, связать ему руки, — скомандовал верховой казак. — Узнаем, какой ты мирный человек.

— И еще узнаем, из-под какого ты обрыва, — по-ингушски добавил Ази.

При этих словах Дауд невольно вздрогнул. Он вспомнил свой разговор с Соси. Только ему Дауд говорил про Бердыкель.

Значит, Соси — доносчик! Правда, и Гойберд был там, только он на такое не способен. Ах, мерзавец этот Соси!

Когда Дауд, уже связанный, шел под конвоем, Ази сказал:

— Из-за Суламбека, сына Гаравожа, пристав душу из меня тянет, теперь вот ты еще!

— Пристав тянет, да вытянуть не может душу твою, а я ее вытрясу из тебя! И не только из тебя, еще из этой продажной суки, что живет вон в том дворе, — кивнул Дауд в сторону дома Соси.

— Ну, это мы еще посмотрим. А сейчас давай поторапливайся!

— А ты жди меня! Не забывай! Я еще вернусь за вашими душами...

Свесившись с седла, казак плетью стеганул Дауда.

— Молчать!

Дауд обернулся, увидел в воротах Хусена.

— Хусен! Я вернусь! Скоро!

Казак ударил еще раз.

— Сволочь, тебе же приказали молчать!

Улицы в Сагопши прямые, как натянутые нити.

Возвращающуюся с похорон толпу было видно еще издалека.

Казаки, подгоняя Дауда, свернули в другую сторону. Может, побоялись встречи с таким множеством людей?

С кладбища возвращались быстро. И зикар звучал теперь уже совсем не протяжно, а отрывисто, торопливо.

— Ла иллах, улилах, ла иллах, улилах... — выкрикивали люди и прихлопывали в ладоши.

Впереди толпы отдельно шли двое. Они особенно истово хлопали в ладоши и словно пританцовывали.

Так, пританцовывая, все вошли в ворота. Оттого, что в доме уже было тесно, туда не заходили, сомкнулись в кружок и прямо тут, во дворе, продолжали песнопение.

Скоро все разошлись, но вечером самые близкие вернулись. Несколько стариков уселись на нарах, а остальные расположились в кружок прямо на полу — кто на войлоке, кто на циновке — и снова начали зикар.

Хусена постепенно совсем сморило, он еле слышал голоса и даже не заметил, когда мать на руках вынесла его в другую комнату и уложила на шубу Беки.

...Посреди двора стоит белый петух. Хусен хлопнул в ладоши: петух взлетел на плетень и закукарекал. Ему отозвался другой, со двора Соси, потом еще и еще. Сквозь гомон Хусен слышит голос отца: «Не оставляйте меня!» Кто-то кладет на плечо Хусену руку.

— Тебя отпустили? — спрашивает он, увидев Дауда.

— Конечно, отпустили, я же ни в чем не виноват. Идем, идем за дади. Приведем его домой.

Они быстро поднимаются вверх по улице. Навстречу им идет отец.

— Ты за мной! — говорит он, поглаживая Хусена по голове. — Молодец, сынок!

— Дади, ты насовсем домой?

— Насовсем, мой мальчик, насовсем.

Они приходят во двор, Беки складывает кости бычка, ему помогает Дауд. Остается натянуть шкуру, и вдруг Хусен вспоминает о пузыре, который унес Тархан. Со двора Соси доносится приглушенная дробь. Это Тархан дубасит по надутому пузырю. Хусен идет к ним во двор. Тархан отбегает подальше, поднимает пузырь и кричит:

— На, возьми! Слышишь! Возьми...

Хусен приближается к нему, но Тархан опять отбегает. Вот он уже стоит на краю обрыва.

Хусен с трудом карабкается вверх, туда, где стоит Тархан, размахивая пузырем, уже совсем близко, и вдруг путь Хусену преграждает огромный валун. Мальчик, как кошка, цепляется за выступ, подтягивает ноги. Неловкое движение — и он висит в воздухе. Хусен отчаянно кричит и летит вниз...

Кругом темно. С минуту Хусен не мог понять, где он находится. За стеной пел петух, ему вторили соседские.

Заплакал ребенок.

— Шш, шш, — успокаивал его женский голос. — И как мы теперь с вами будем жить? О, чтоб сгорел этот Саад, сделавший вас сиротами.

«Это нани, — подумал Хусен. — А плачет маленький Султан, за стеной поет наш белый петух. Выходит, все было только во сне? И дади нет дома, но он все еще просит не оставлять его — ведь петухи-то поют!»

8

Утро. Моросил мелкий частый дождь. В доме, где поселилось горе, в такую погоду особенно тоскливо.

И какое ей дело, этой погоде, до человека, до его скорби и забот, до кукурузы, так и оставшейся в поле.

Кайпа поднялась чуть свет. Надо испечь чуреки, на этот раз с салом, которое осталось от бычка.

Сегодня на их делянке белхи: соседи и родственники будут помогать убирать кукурузу. Потому-то Кайпа и печет чуреки.

Исмаал с женой поедет на своей арбе, Мурад — на своей, Гойберд поедет на арбе Кайпы. Хребет у лошади уже зажил, говорят, можно запрягать. И Хажар поехала бы, да хворь не пускает. У нее чахотка, а потому, как наступят холода, она уже из дому не выходит. До самой весны. К тому же и надеть ей нечего, кроме платья из мешковины. Собирается и Сями, сородич Кайпы. Есть у нее и совсем близкие родственники. Но со дня похорон Беки никто из них глаз не казал. А родной брат Орцхо вот уже лет пять-шесть как переселился в далекое село Плиево и совсем забыл сестру.

Впрочем, когда он и в Сагопши жил, тоже не очень вспоминал о ней. А Беки так и вовсе не признавал. И все потому, что очень уж Орцхо хотелось выдать сестру за Саада, а когда все вышло по-иному, он посчитал, что сестра своим замужеством опозорила его.

Так и стали чужими брат и сестра, вскормленные одной матерью. Чего же спрашивать с дальних родственников...

Сями — это другое дело.

Он уважал Кайпу и своего отношения к ней никогда не менял. Люди говорят, он придурковатый. Может, это и так. Но Кайпа знает, что он добрый и несчастный. У Ся-

ми два брата. И старший и младший уже женаты, имеют детей. Если жены братьев подадут Сями поесть, он сыт, а не подадут — идет к родственникам. Частенько его можно видеть на свадьбе или еще на каком торжестве. Только в этих случаях он сидит не там, где все люди, а у котла с мясом.

Сями всегда рад помочь: кому забор поставит, кому навоз уберет. И платы никакой не просит. Только бы накормили. Вот и сегодня он пришел ни свет ни заря, сел у печки и ждет, пока чурек испечется. И Гойберд здесь. Он тоже с нетерпением ждет чурека. В отличие от Сями, Гойберд понимает, что будет есть сиротский кусок, да что поделаешь: не поешь — не много наработаешь в поле. Голод не дает глазам Гойберда оторваться от печки, откуда идет такой приятный дух. Даже разговаривать не хочется, только и видишь сковородку.

— Кем он вам доводится, Кайпа, — заговорил наконец Гойберд,— человек этот, которого Ази арестовал?

— Родственник Беки по материнской линии.

— Я никогда его раньше не видел.

— Он в Грозном работал. А потом еще больше года в ссылке был, в Сибири. Уж лучше бы он в этот день не приезжал.

— Неразумно он поступил. Разве можно абреку без оружия ходить?!

— Так он же не абрек.

— Будь у бедняги оружие — эти собаки так просто не схватили бы его.

Кайпа не знала, было ли у Дауда оружие. Она в ту ночь никого и ничего не видела. Но как сквозь сон ей вдруг вспомнилось, что когда Дауд пришел к ним, через плечо у него вроде бы висела винтовка, но потом, днем, ее не было. «Куда же она девалась?» — подумала Кайпа.

Чуть помолчав, Гойберд сказал:

— Не надо было ему связываться с этим мерзавцем Соси. От него добра не жди. Никогда не забуду, что он сотворил со мной во Владикавказе...

— Да разве только с тобой? Ты покажи мне человека, которого он не обвесил или не обсчитал в своей лавке. Все его богатство грешное.

— Богатство, оно у всех богачей нечестным путем нажито. Подумать только, за землю деньги берут, за богом созданную землю! Что уж может быть грешнее этого?

Умные люди говорят: скоро все изменится и земля станет народной. Тогда и плату за нее брать не будут... Неужели правда доживем до этого?

— Едва ли,— покачала головой Кайпа.— Разве такие, как Угром и Мазай, отдадут свою землю? Да ни за что!

— Отдадут, Кайпа, если силой заставить. Клянусь богом, отдадут. Дауд вот тоже сказал, что скоро земля будет народной. Значит, знает... Оттого и Соси на него обозлился.

— А ему-то чего злиться? Тоже ведь за землю платит?

— Кто знает. Он теперь разбогател. Может, тоже, как Саад, начнет землей торговать?

— Что-то в этом кроется. Не зря он донес на Дауда,— пожала плечами Кайпа.

— Говорят, Дауд грозил, что еще вернется за душами Ази и Соси. Видно, есть между ними какая-то тайна!..— Гойберд покосился на печку и добавил: — Посмотрим, что тогда Соси запоет.

— Эй, Гойберд, разве не видишь, какое теперь время? Богатый прав во всем. Вон Саад, осиротил моих детей и живет как ни в чем не бывало. И власти ему — ни слова. Вот и выходит, что власть на стороне богатых.

— Говорят, Саад изрядно потратился, потому его и не арестовали. Старшине снес жирного барана, а приставу большую взятку деньгами дал.

— Всех купил, чтоб ему превратиться в кровавый сгусток! — проговорила Кайпа.

— Богатство, оно и в небо дорогу отыщет. Угром — друг пристава. А Саад сдружился с Угромом через его управляющего Зарахмета. Все они — одна шайка.

— Чтоб он сгорел вместе со всем своим богатством, проклятый! — сказала в сердцах Кайпа и пошла к печке.

— О, уже поджарился,— вырвалось у Сями, когда Кайпа вынула из очага сковородку.

— Хорошо испекся,— поспешил добавить и Гойберд, словно боялся, как бы Кайпа снова не убрала чурек,— клянусь богом, на славу испекся!

— Я еще затемно встала,— сказала Кайпа, снимая чурек со сковороды,— да маленький не давал мне делом заняться, что-то неспокойный он очень...

Скоро испекся и второй чурек, и третий... Сями подсел поближе, Кайпа взяла горячий чурек, разломила и положила перед ними.

— Хотите, я вам рассолу налью из-под сыра? — спросила она, повернувшись к Гойберду.

Он покачал головой, мол, не надо.

Рот у него был открыт, чурек оказался очень горячим, проглотить невозможно, вот Гойберд и тянул в себя воздух, как рыба, выброшенная на сушу.

Вернулся Хасан. Он водил мерина на водопой. Если раньше отец всякий раз напоминал Хасану, что надо сделать то-то и то-то, сейчас указывать некому. Самому все знать надо. Он теперь старший в доме. За несколько дней мальчик очень повзрослел. Он уже многое делал сам. И лошадь запряг бы, да один не может оглобли поднять — не под силу еще ему.

Хасан взял хомут и седло, хотел уже попросить Сями выйти с ним помочь запрячь лошадь, как мать вдруг сказала, обращаясь к Гойберду:

— Неужто у этой власти нет закона? А если есть, то как же может закон не покарать убийцу?

— Закон-то есть. Да только они его по-всякому повернуть могут: куда им надо, туда и поворачивают. Вот и ходит Саад победителем. Привесил к поясу семизарядный наган и ходит...

— Не ходил бы, будь у Беки брат или племянник... — глубоко вздохнула Кайпа.

— Ничего, — сказал Гойберд и посмотрел сначала на Хасана, потом на Хусена, — у Беки есть сыновья! Скоро они вырастут...

Хасан понимал, о чем думает Гойберд. Ох, были бы у него силы, собственными руками задушил бы он Саада! Никогда не забудет Хасан, как этот зверь еще и еще вонзал кинжал в тело умирающего. В ушах у него до сих пор звучит голос отца: «Хасан... Отомсти!» И днем и ночью он думает о мести.

Подъехал Исмаал с женой. Они отказались от чурека, сказали, что сыты, поели, мол, дома. Пришел и Мажи, хотя никто его не звал.

— А ты зачем здесь? Ну-ка, марш домой! — прикрикнул на него отец.

Но Мажи словно и не слыхал Гойберда. Он так и впился глазами в чурек, что лежал перед Хасаном и Хусеном.

— Не надо кричать на него, — попросила Кайпа, с грустью посмотрев на мальчика.

— Кто его звал сюда? Зачем он пришел? — не переставал сердиться Гойберд.

Но разве Мажи надо звать? Он и сам знает, что люди здесь собираются в поле, значит, будет еда... И отец знает, зачем сын пришел. Ему и стыдно, и горько, и жалко мальчишку, а что поделаешь?..

— На, мой мальчик, — протягивая Мажи чурек, проговорила Кайпа, — ешь на здоровье и во отпущение грехов всем умершим!

Теперь все собрались, ждали одного Мурада.

Накануне он твердо обещал Кайпе, что придет, Кайпа уже собиралась послать за ним Хасана, когда показался сын Мурада.

— Амайг, где же ваши? — спросила она.

— Дади просил передать, что не сможет поехать.

— Но он же обещал, — растерянно развела руками женщина.

— Велят идти дорогу чинить.

— Какую еще дорогу?

— Не иначе, как начальство едет, — сказал Исмаал, — потому и дорогу решили в порядок привести. Слыхал я, ждут какого-то генерала, то ли из Тифлиса, то ли из Владикавказа, не знаю.

— О, чтоб ему не доехать! — вздохнула Кайпа.

— Генерал, говоришь, едет? — вступил в разговор Гойберд. — Интересно, с чем он к нам едет, что хорошего привезет?..

— А чего хорошего ты от него ждешь? — усмехнулся Исмаал. — Хоть раз видел добро от начальства? Просто едет, чтобы мы его не забыли.

— И чего он сидел до осени? Вон ведь как развезло. Разве сейчас время с дорогой возиться?

— Эх, Гойберд! Да пусть жители всех окрестных сел хоть на четвереньках по грязи ползают, начальству до того и дела нет! Ну, ладно. Хватит разговаривать, ехать надо, пока за нами человека не прислали. Поторапливайтесь. Я-то уже одного гонца отослал. А Мурад, видно, испугался, как бы его не арестовали.

Арбы медленно тронулись.

Мажи бежал вслед за ними. Гойберд нет-нет да обернется и погрозит ему кнутовищем. Мальчик чуть поотста-

нет, но едва отец отведет от него взгляд, опять догоняет. Иногда, смотришь, и повиснет на бастроке[1], что выдается из арбы.

9

Дом Сями и его братьев стоит почти на краю села. За ним всего три двора, а дальше поле.

Незадолго до своих ворот Сями заволновался. И не напрасно. У калитки стоял его старший брат Элмарза. Сями пригнулся, да что толку — борта у арбы совсем невысокие, ребенка не скроют, не то что взрослого.

— Куда это ты едешь? — спросил Элмарза, когда арба поравнялась с ним.

— Никуда, — пробормотал Сями.

Бедняга был насмерть запуган своими братьями. Они обращались с ним хуже, чем с собакой. Может, оттого, что он будто бы позорит их, работая на чужих людей? А уж какой тут позор, если Сями только этим и зарабатывал себе хлеб. Ругать-то братья его ругали, а кормить не кормили.

Гойберд остановил лошадь и сказал:

— Кукуруза у детей Беки осталась в поле, вот мы туда и едем.

— Какая еще там кукуруза! Надо дорогу мостить! А ну слезай с арбы! — крикнул Элмарза.

Сями, тяжело дыша, молча смотрел на брата. Ноздри вздулись, как у загнанной лошади, нижняя губа дрожала.

— Ты что, не слышишь? Поедешь дорогу мостить?

Сями соскочил с арбы и быстро пошел в степь.

— Ты куда?

Элмарза двинулся за ним, но Сями зашагал быстрее.

— Ну погоди у меня, пес, кормящийся чужим чуреком, — погрозил ему вслед кулаком Элмарза.

Сями на миг остановился, укоризненно посмотрел на брата и вновь двинулся дальше.

Очень обидели его слова Элмарзы. Да, он ест чужой чурек, но не даром. Нет человека, кому бы Сями отказал в помощи, кому бы не отработал угощения. Вот и сейчас. Он не просто должен помочь детям Беки. Честный человек обязан за добро платить добром. Он ел сиротский

[1] Бастрок — гнет, прижим на возу.

чурек, как же не помочь людям, не поехать с ними в поле?

Далеко за селом Сями остановился и подождал, пока Гойберд не поравнялся с ним. Нижняя губа у Сями все еще подрагивала.

Не успели они проехать и версты, как их догнали два всадника. Один был старшина Ази, другой —казак с саблей на боку и с винтовкой за спиной.

— Эй, куда едете? — крикнул Ази еще издали. — Может, вы считаете для себя унизительным делать то, что другие сегодня будут делать?

— Мы не такого звания, — спокойно ответил за всех Исмаал, сидевший на первой арбе.

— Тогда поворачивай лошадей, да поживее!

— Повернуть можно, да знать бы, куда ехать!

— В могилу моего отца! Разве вам не передали приказ всем выходить на ремонт дороги?

Ази никогда не отличался добрым нравом, а сегодня он был особенно не в духе. Если люди за два дня не закончат ремонт, ему легко не отделаться. Пристав, чего доброго, и с должности прогонит. Ну а уж если наместнику и правда доведется проехать по разбитой дороге, где такие ямы, что колеса проваливаются по самую ось, тогда одному только богу известно, чем все это кончится для старшины.

Исмаал сделал вид, будто в первый раз обо всем слышит.

— Чего с ней возиться! Не сегодня-завтра снег выпадет, вот и выровняет.

Ази, похоже, поверил, что Исмаал ни о чем не слыхал.

— Наместник едет! — сказал он таким торжественным тоном, словно возвестил о пришествии самого пророка.

— А, чтоб ему пусто было! Не может подождать, пока снег выпадет? Тогда бы на санях приехал. И самому хорошо, и людям никаких забот.

— Он тебя не спрашивает, когда ему ехать. Ну, поворачивай лошадь, да без разговоров, — Ази помахал кнутовищем, а казак схватил лошадь под уздцы.

Понимая, что со старшиной тягаться бесполезно, Исмаал решил пробудить в нем человечность.

— Послушай, Ази, отпусти нас. Детям Беки надо помочь. Кукуруза у них пропадает. Нельзя оставить сирот.

— И не проси. Если бы там пропадала кукуруза моего отца, и то бы ничего не мог поделать. Сегодня и завтра у вас ничего не выйдет.

Исмаал вспылил:

— Да? Скажи тогда, что ты сделаешь с Саадом, если его овцы следа не оставят от кукурузы Беки!

— Это не моя забота. Саад лучше знает, что ему делать со своей землей.

Казак тем временем повернул лошадь Исмаала. За ним двинулся и Гойберд.

— Все вы заодно! — сказал, насупившись, Исмаал.— Да смотрите, как бы не пришлось вам сообща и ответ держать перед народом.

— Эй, Исмаал! Будь поосторожней! Тебе известно, какая участь постигает тех, кто ведет такие разговоры?

Исмаал криво усмехнулся.

— Мне все известно. Только не забывай, что ингуши не прощают зла!

Неизвестно, сколько бы еще длился их разговор, если бы Сями не положил ему конец. Соскочив с арбы, он стремглав кинулся в сторону поля, Ази и казак бросились за ним, догнали, вернули обратно. Казак, размахивая плетью, загонял его на арбу, но Сями упорно мотал головой. Он съел сиротский хлеб. А наместник еще ни разу не кормил его.

— Делай, что тебе велят, — крикнул разъяренный Ази.

Сями и его не послушал. Он был похож на зверя в окружении охотников.

— Марш на арбу! — казак ткнул его кнутовищем в грудь.

— Собака! — Сями вырвал у казака кнут.

Казак схватился за саблю. Подбежал Исмаал и Гойберд, стали успокаивать Сями, Исмаал кое-как по-русски объяснил казаку, что Сями не в своем уме.

Сями не понимал, о чем говорил Исмаал, но когда тот из-за недостатка слов покрутил пальцем у виска, обиделся.

Ази махнул рукой.

— Что с него взять,— сказал по-ингушски старшина,— он сумасшедший.

— Я не сумасшедший! — погрозил ему Сями кулаком, потом повернулся к Исмаалу. — Слышите, вы? Я не сумасшедший. Почему все говорят, что я сумасшедший?

Почему? — уже чуть не плача добавил он и, ни на кого больше не взглянув, пошел прочь.

Отойдя метров на пятьдесят, остановился, взглянул в сторону села и зашагал к полю.

Он не разбирал, куда идет и зачем. Ему все было безразлично, лишь бы уйти от Ази, от казаков, от людей...

Хусен смотрел вслед Сями и думал: «Если бы и Дауд так защищался — его бы не арестовали».

Хасан тоже задумался. Но он думал о другом: о неубранной кукурузе, о том, что овцы Саада уничтожат ее, и тогда их ждет голод...

III

До Сагопши дорога ровная, разве только кое-где встретится рытвина. Но в селе дорогу дважды пересекают рвы. Дальше дорога сворачивает на Пседах. До Пседаха можно добраться и со стороны кладбища — это даже ближе. Но кто знает, по какой из дорог вздумается проехать наместнику. А потому чинили обе.

Гравий возили на арбах из оврага, что в Родниковой балке.

Наместник был в этих краях в последний раз года два назад. С тех пор дороги не приводили в порядок. У крестьян и без того дел хватает: вспахать надо, взборонить, посеять, дров навозить из лесу, корм для скота запасти. Люди надеялись, что власти возьмут о дорогах заботу на себя: не малый ведь налог берут с каждого хозяйства!

Да не тут-то было. На налоги содержат старшину, пристава и всякое другое начальство.

Вот и получается: бросай все дела и чини дорогу. А кому по ней ездить? Только и нужна она, что наместнику разок проехать по ней да назад убраться.

Уже темнело, когда Хасан и Хусен на пустой арбе въехали к себе. Гойберд слез у своего двора: стыдно ему было соседке в глаза посмотреть.

Кайпа, давно ожидавшая, что с минуты на минуту въедут во двор груженные кукурузой арбы, всплеснула руками:

— Почему вы порожними вернулись? Где остальные? Что случилось?

Хасан молчал — его душили слезы.

— Мы гравий на дорогу возили, — сказал Хусен, не поднимая глаз.

— Как? — вырвалось у побледневшей Кайпы. — А кукуруза?

— Ази вместе с казаком силой вернул нас. Полупадишах [1], говорит, едет.

— Да будь они прокляты, и полупадишах этот, и Ази. О всемогущий! Неужели ты не видишь всей этой несправедливости?

Кайпа утерла слезы, выпрямилась.

Все вокруг твердили ей, чтобы она не падала духом, была терпеливой... Но только сейчас, глядя на своих мальчиков, Кайпа до конца поняла, что она — их единственная опора и ей надо держаться, надо быть мужественной...

— А ну, Хасан, помоги, давай распряги лошадь, — сказала она, — а ты, Хусен, отведешь ее в сарай. Да не забудьте накрыть ей спину, не то застудится, — с этими словами Кайпа пошла в дом растапливать очаг.

Немного погодя следом за ней вошли и сыновья.

— Ничего, завтра одни поедем убирать кукурузу. И пусть попробуют: не только Ази, но и сам пристав не остановит меня, — сказала мать, ставя перед детьми галушки и куски вареного курдюка.

— А как же Султан, нани? — спросил Хусен.

— Возьмем с собой и Султана. Завернем в одеяло и возьмем.

Ужин Кайпа приготовила на всех, кто утром уехал в поле, а ели они втроем.

«Вот жаль, что нет Сями», — подумал Хусен, глядя на большую миску перед собой.

А Сями в это время было совсем не до еды.

Даже на улице слышались глухие удары. На сей раз оба брата были жестоки, как никогда, особенно младший — Товмарза. Из-за Сями ему пришлось самому выйти чинить дорогу.

Наконец, устав, братья вышвырнули избитого Сями из дому.

Бедняга не знал, сколько он пролежал во дворе. Все тело у него болело. Он пытался подняться, но не смог. Крепко стискивая зубы, чтобы не закричать от боли, Сями с трудом подполз к скирде посреди огорода.

---

[1] Полупадишах — так называли ингуши наместника Кавказа.

Элмарза и Товмарза и раньше, бывало, вдруг ни за что ни про что ударят брата — им все одно, что лошадь пнуть, что его. Но такого, как на этот раз, еще не случалось. Однажды, правда, в день свадьбы Товмарзы, Сями допек братьев, и Элмарза здорово избил его. Сями не мог примириться с тем, что женят младшего брата, а его обошли. И такой он переполох поднял, разогнал всех танцующих, шумел, кричал, что его родные нарушают ингушский обычай.

— Пусть сначала меня женят, — кричал он, — я же старше!

Братья сгорали от стыда перед гостями. Элмарза увел Сями в сарай и привязал его там, но тот не перестал кричать. Элмарза взял палку и бил его до тех пор, пока он не замолчал.

Но сегодня его избили сильнее, чем тогда...

Сями нащупал углубление в скирде и влез туда по пояс. Можно бы и поглубже забраться, весь бы уместился, да каждое движение причиняло такую нестерпимую боль, что он больше не шевельнулся. И вдруг Сями почувствовал, что к спине его прижалось что-то мягкое и теплое. Бедняга с трудом протянул руку и нащупал что-то похожее на вывернутую шубу. «Кто бы это мог накрыть меня шубой? Кому я нужен?» — подумал Сями. И тут вдруг услышал слабое повизгивание. Это был их старый пес. Не дождавшись похлебки, он вернулся в свою нору.

— А-а, Катох[1], это ты? — произнес Сями. — Если бы нас обоих не было в этом мире, никто бы ничего не потерял!

10

Черный котел неба накрыл Алханчуртскую долину.

Кайпа еще затемно запрягла лошадь и выехала с детьми в поле. Исмаала с Гойбердом и на второй день погнали дорогу ремонтировать, а Сями не только что в поле ехать, он и пальцем пошевелить не мог. Но Кайпа об этом не знала.

---

[1] Катох — буквально «хватай» *(ингушск.)*.

— Как-нибудь сами управимся, — не без обиды в голосе сказала она,— слава всевышнему, руки, ноги целы, и лошадь есть.

Хасан молча смотрел на заострившийся хребет лошади.

— Нани, мы сами всю кукурузу перевезем, вот увидишь, — стараясь успокоить мать, сказал Хусен.

— «Всю кукурузу перевезем»,— передразнил Хасан.— Тоже рассуждает, силач.

— А вот посмотрим. Думаешь, я хуже тебя могу работать! — совсем осмелел Хусен. Мать рядом, а при ней Хасан не тронет.

— Чурек есть ты умеешь, вот это уж точно.

— Не больше тебя.

— А ну, перестаньте, — остановила мать. — Чего не поделили? Только вашей ссоры мне и не хватало. А ты, Хусен, не перечь старшему.

При этих словах Хасан почувствовал себя совсем взрослым, выпрямился, потянул вожжи и, стараясь придать своему ломающемуся голосу басовитость, прикрикнул:

— Но-о, пирóд! — Хасан слышал это слово вчера. Так Исмаал погонял лошадь.

Мальчик спросил, что за слово такое, Исмаал объяснил, что по-русски оно значит «вперед».

По кучкам кукурузных стеблей Хасан узнал свое поле. Кайпа после прополки здесь не была. А осенью поле совсем меняет свой вид. Хасан направился к кукурузе и вдруг остановился.

— Вот, смотри, здесь лежал дади, — сказал он Хусену, показывая темные пятна на земле.

Подошла Кайпа.

— Что вы разглядываете?

Но дети не успели ей ответить, как мать все поняла и бессильно опустилась на колени. Некоторое время она молча сидела, приложив руки ко лбу. Потом стала осторожно засыпать следы крови землей.

В кукурузе овцы здорово похозяйничали. Кое-какие стебли переломаны, иные вырваны с корнем, и початки на них обглоданы. А рядом, будто рассыпанные чьей-то рукой, белеют зерна.

Кайпе и без того было тяжело, но при виде такого разорения у нее ноги подкосились.

— О дяла, неужели ты видишь это и не караешь злодея? — сказала она, посмотрев в пасмурное небо.

«Ну разве из-за таких туч что-нибудь увидишь? — удивился про себя Хусен. — Если бы погода была ясная, тогда другое дело».

Некоторое время Кайпа молча оглядывала поле и размышляла, как же ей быть: вывозить убранную кукурузу или жать остальную?

— Хасан! — крикнула наконец она. — Разверни-ка, сынок, арбу, не то, как нагрузим ее, не сдвинем.

Работа закипела. Хасан, стоя на арбе, укладывал стебли, которые подавали ему мать и Хусен. Только Султан ничего не делал. Он лежал неподалеку, завернутый в одеяло,— один носик виднелся.

За стеблями приходится ходить все дальше и дальше — те, что были сложены у дороги, уже погрузили. А заехать на пахоту нельзя: конь не вытянет груженой арбы.

Чем выше воз, тем труднее Кайпе подавать, а Хасану принимать и укладывать стебли. Он следил, как растет воз, осматривал его со всех сторон — не кривится ли? Кайпа знала в этом толку не больше сына. Она не раз помогала Беки в поле. Знать бы, что доведется самой с уборкой управляться, поучилась бы... Но кто мог подумать? Несчастье ведь не предупреждает о своем приходе.

Заплакал Султан.

— Погоди, родимый, — уговаривала его Кайпа. — Потерпи чуть-чуть, сейчас закончим.

Но ребенок кричал все громче и громче. Хочешь не хочешь — пришлось оставить работу. Кайпа развернула одеяло, перепеленала малыша, покормила его. Султан успокоился.

Пока мать возилась с братишкой, Хусен все носил и носил стебли.

— Хватит, сынок, не надо больше, — сказала Кайпа, — не увезет лошадь столько.

Мать перекидала все стебли Хасану и протянула ему бастрок. Но как ни подталкивала, Хасан все не мог подцепить его. На помощь брату наверх забрался Хусен. Вдвоем они не без труда затащили тяжелый бастрок, затянули веревками, как умели. Но не успели тронуться с места, узлы ослабли. Остановили арбу, снова все под-

тянули, но воз уже так перекосился, что, ровняй не ровняй, толку мало. Для равновесия они сели по разным сторонам — Кайпа по одну, мальчики — по другую.

Ехали не дорогой, а прямо степью. По ней ровнее, и арба идет легче.

— Уже почти половину пути проехали, — вздохнула Кайпа. — Да поможет нам дяла довезти кукурузу.

Но разве с такой укладкой довезешь? Воз уже настолько накренился, что стебли скоро стали волочиться по земле. А когда колесо угодило в яму, арба завалилась набок.

С Султаном на руках Кайпа скатилась вниз, Хасан спрыгнул следом за ней, крикнул брату:

— Ну чего ты вцепился! Слезай давай.

Хусен чуть не огрызнулся, да вовремя вспомнил, что мать сердится, когда он перечит старшему брату. Он и сам давно бы слез, да боялся — тогда уж воз и вовсе завалится.

— Пропади ты пропадом, — причитала Кайпа, — недаром же говорится, одна беда семь бед приводит. Вот и у нас так...

Хусен видел, как по щеке у матери скатывались слезы. Раньше, до смерти отца, сын только раз видел ее плачущей, когда умерла их младшая сестренка. Теперь же глаза у матери все время красные.

— Хасан, отвяжи бастрок,— вздохнула Кайпа.

Вдвоем с Хасаном они скинули на землю половину кукурузы и начали заново укладывать стебли на арбу.

Хусен стоял поодаль, дрожа от холода. Глянув на него, мать сказала:

— Поди, сынок, складывай стебли в кучу, и мне будет легче перекидывать, и ты согреешься.

Хусен с радостью принялся за работу. Ему казалось, что с его помощью дело пошло куда быстрее. Матери теперь легче: возьмет кучку и — р-раз — подаст Хасану.

Вдруг Хусен увидел скачущего со стороны села всадника.

— Нани, кто-то едет!

— Ну и пусть едет! Тебе-то что, — пробурчал Хасан.

— А вдруг остановится, поможет!..

— Ну, если ему больше нечего делать!..

— Давайте, дети, поскорее уложим стебли, — сказала Кайпа и стала быстро подавать, будто у нее сил приба-

вилось. — Человек подъедет, попросим его помочь потуже затянуть бастрок.

Всадник несся галопом. Полы его бурки вздымались, как крылья орла. Хасан торопливо укладывал стебли кукурузы, но вдруг он остановился, выпрямился.

— Что ты, сынок?

Хасан ничего не слышал. Он узнал всадника. Ни у кого нет в селе такой бороды — будто приклеенный лоскут овчины, таких подстриженных усов.

Подъехав ближе, всадник придержал коня. Только тут Кайпа увидела, кто это. Она в растерянности остановилась, держа в руках вилы. Даже волосы не убрала, которые по обычаю тщательно прятала от мужчин.

— Вам помочь? — спросил всадник, останавливаясь.

Кайпа молча смотрела на него. Хусен удивился. Да и как тут не удивиться? Когда всадник был еще далеко, мать говорила о том, что попросит его помочь, теперь он подъехал и сам набивается, а она молчит...

— Ну, так как, женщина?.. — снова спросил он и осекся.

Кайпа откинула волосы. Глаза ее горели ненавистью. Теперь и всадник узнал ее.

— Не тебе нам помогать! Будь проклят, злодей! Уйди!

— Как ты разговариваешь?..

— О, чтоб ты не вернулся домой! Чтоб дорога твоя стала кровавой!

— Перестань, Кайпа! Вспомни, я ведь любил тебя когда-то...

— Потому, может, и сделал моих детей сиротами? — Потеряв голову, как была с вилами в руках, она двинулась на Саада. Хасан сжал кулаки и весь напрягся.

— Благодари бога, что ты не мужчина!.. — С этими словами всадник тронул коня.

— Это не беда, что я женщина... слезай с коня, если ты мужчина! Чего же уезжаешь?

Саад со злостью стеганул коня.

Всадник был уже далеко, а Кайпа все посылала ему вслед проклятия:

— Чтоб твой конь и все богатство твое пропало! Чтоб труп твой завернули в твою же бурку!..

Домой они вернулись вечером. Беззвездное небо низко нависло над селом. Было тихо. Разгружать воз не стали, только выпрягли лошадь. И сил не было, да и

Султан плакал. Даже Хусен, который утром прыгал, словно теленок, впервые выпущенный на лужок, сейчас едва двигался от усталости.

На счастье, два-три дня стояла хорошая погода, и работа в поле спорилась. Им теперь помогали Исмаал с женой, а один день с ними работала и жена Мурада, зато Кайпе пришлось остаться дома — заболел Султан.

Вскоре всю кукурузу свезли во двор. Оставалось обломать початки, но этим уже занимались только Хасан с Хусеном. Иногда забегали дети Гойберда, но помощь от них небольшая: поработают часок, прихватят по паре початков — и домой. Поджарят, съедят и обратно.

Один раз зашла Эсет, но Тархан не дал ей побыть у них, стал звать домой. А когда она отмахнулась, пожаловался матери, и та раскричалась на все село, пока наконец не загнала дочь.

Хусен удивлялся про себя: «И чего они не пускают к нам Эсет? Мы ведь не съедим ее. А что к соседям зашла помочь, так разве это плохо? Я бы тоже им помог!»

Кабират поссорилась с Кайпой — обвинила ее в том, будто она распустила слух, что Дауда арестовали по доносу Соси. А Кайпа и знать ничего не знала, сама услышала от людей — все село только об этом и говорит. Соси надеялся, что все останется между ним и Ази, но ошибся. Вот он и злится на всех, а жена обвиняет во всем соседку. Из-за этого и детей готова поссорить.

Едва Эсет вернулась к себе во двор, оттуда донесся ее плач и крики матери:

— Смотри у меня, синеглазый шайтан, еще раз увижу тебя на том дворе, ноги переломаю! У них опять что случится, скажут, мы виноваты, а ты им помогать надумала?

Соси с женой и придумать не могли, что им еще сделать, чтобы соседи не знали, чем и как они живут. С трех сторон обнесли свой двор высоким забором, от улицы отгораживала задняя стена дома. То ли глаза дурного остерегались, то ли воров боялись. А сами год от года богатели. Известное дело — деньги к деньгам идут. Из года в год, когда у соседей уже хоть шаром покати, у Соси полно кукурузы. Бедняки берут в долг, с условием из нового урожая вернуть вдвойне. К осени, глядишь, у него снова полно.

Беки, бедный, надеялся хоть в этом году своей кукурузой прокормиться, да вон как все обернулось.

Всякий раз заглядывая в доа, Кайпа слала проклятия осиротившему ее дом, ее детей.

— Чтоб кровью тебе обернулось, Саад, богатство твое, нажитое нечестно. О дяла, — воздев руки к небесам, молила несчастная женщина, — сделай так, чтобы хоть одно из моих проклятий пало на голову убийцы!

11

Дорога на лесистую Тэлги-балку проходила вдоль кладбища. Эта балка ближе других к селу, потому-то и предпочитали сагопшинцы ездить туда за дровами: казалось, можно полную арбу успеть вывезти, не угодив на глаза леснику Элмарзе. Но это только казалось. А на деле редко кому удавалось избежать встречи с вездесущим лесником.

Встреча с Элмарзой добром не обходилась: либо приходилось сгружать лес, либо платить леснику.

Хасану и Хусену платить нечем. Вся надежда, что, узнав, чьи они дети, Элмарза пожалеет сирот. Ведь он к тому же из тайпа их матери, — значит, в некотором роде дядей приходится.

Конь едва плелся. Ему явно не хотелось тащить арбу. То ли дело стоять в теплом сарае да пожевывать сено.

Хасан без радости согласился ехать в лес.

— Съезди, сынок, в Тэлги-балку, — попросила с вечера мать, — холод на дворе, а нам топить нечем. Завтра ураза начинается, в нетопленной комнате разве искупаешься? Привезете немного — и хватит. А Султан поправится, тогда и я с вами съезжу, полную арбу нарубим.

Зато Хусена просить не надо. Ему лишь бы на арбе проехаться.

Вот и сейчас он сидел и, не думая о том, что их ждет нелегкая работа, разглядывал могильные памятники.

— Хасан, где больше людей, здесь на кладбище или у нас в селе? — спросил Хусен.

— Откуда мне знать! — ответил Хасан, не оборачиваясь. — А тебе-то что?

— Так.

— Делать тебе нечего! Чем болтать чепуху, лучше помолись, чтоб дяла простил все их грехи.

— А зачем?

— Так надо! Когда едут мимо кладбища, все говорят: «Да простит вас дяла!» Понял?

Хусен не ответил. Он уже повторял про себя: «Да простит вас дяла!» Но через минуту спросил:

— Хасан, а где наш дади похоронен?

— Там...

— Давай пойдем на его могилу?

— Не сейчас. На обратном пути...

— Ну, пожалуйста, Хасан, давай сейчас...

Он просил до тех пор, пока брат не остановил лошадь. На кладбище было пусто. Только черные вороны иногда нарушали тишину карканьем. Они то садились на памятники, то взмывали ввысь...

Дети стояли у свежей могилы.

— Подними руки, — приказал Хасан, покосившись на брата, — помолимся за дади.

Хусен поднял руки и вопросительно посмотрел на Хасана: что делать дальше?

— Говори «аминь», — сверкнул глазами брат и стал что-то быстро и непонятно шептать: он видел, так делают взрослые. Хасан не знал других слов молитвы, кроме «аминь», а потому только его и повторял.

Хусен тоже старательно шептал «аминь», но при этом он успевал и многое увидеть: и памятники, и ворон. А вот села на соседнюю плиту сорока.

Памятник на могиле отца был совсем маленький. Когда он лежал еще во дворе и Дауд с Гойбердом обтесывали его, он казался Хусену огромным. Но теперь, наполовину врытый в землю, он едва возвышался над холмиком. И ничего на нем не было высечено — ни кинжала, ни нагана.

— Хасан, а почему на том памятнике вырезан наган и кинжал? — кивнул Хусен на соседнюю могилу.

— Это значит, там похоронен мужчина.

— А-а, — протянул Хусен.

— Видишь, рядом на памятнике украшения и женский пояс? Там похоронена его сестра. Я слыхал, что его убили и она не пережила горя. Кроме брата, у нее никого больше на свете не было.

— А кто его убил?

— Кто-то из Нясаре[1]. Говорят, он женился на девушке, которая была засватана за человека из рода тех людей, что из Нясаре.

Хусен молча смотрел на памятник мужчины и думал: «Как же он дал убить себя, ведь у него были кинжал и наган...»

— Хасан, мы тоже вырежем кинжал на памятнике дади, ладно?

— Вырежем. И наган...

— У дади ведь не было нагана...

— Ну и что же, что не было...

«Наверное, у брата девушки тоже не было нагана,— подумал тогда Хусен,— человек с наганом не даст себя убить...»

— Ну, пора,— решительно сказал Хасан, оборачиваясь, и тут же закричал:

— Лошадь! Где наша лошадь?

Забора вокруг кладбища не было. Хасан побежал в сторону леса, но вскоре повернул назад. Хусен стоял на месте и беззвучно плакал. Если Хасан не знал, что делать, то уж он и подавно...

— Это все из-за тебя, щербатый,— крикнул старший брат, останавливаясь перед Хусеном.— Вот и сходили на могилу! Говорил тебе, на обратном пути, так нет...

Погрозив кулаком, он побежал к селу. На этот раз за ним помчался и Хусен. Братья бежали, не чуя под собой ног. Вдруг Хусен остановился и радостно закричал:

— Хасан! Вон наша лошадь!

Хасан растерянно посмотрел туда, куда показывал брат. Оказывается, лошадь по привычке вышла на старую дорогу, на ту, что проходила через овраг, минуя вновь построенный мост. Одно колесо арбы увязло в глине, сил у лошади не было, вот и стояла она на месте, понурив голову с отвислой, как у Сями, нижней губой.

Хасан кинулся к ней. Через мгновение он уже колотил лошадь и кричал:

— Ах, чтоб ты сдохла!

Лошадь и сама силилась сдвинуться с места, но у нее ничего не выходило. Как бы поняв безуспешность своих усилий, она снова безвольно опустила голову.

---

[1] Нясаре — Назрань *(ингушск.)*.

Долго бы им пришлось повозиться, но на их счастье из лесу возвращался Сями. Переехав мост, он спешился и подошел к детям.

— Вы откуда едете? — спросил Сями.

— Ниоткуда! — смущенно опустил голову Хасан. Стыдно ему было рассказывать о случившемся.

— А как же вы сюда угодили?

Братья молчали.

Сями взялся за конец оглобли.

— Ну-ка, подгоняйте лошадь! — сказал он и напрягся.

Увязнувшее до самой ступицы колесо стало подаваться. Лошадь рванула из последних сил. Арба вылезла. Хасан развернул ее. Сями удивленно посмотрел на мальчика.

— Вы разве не в село?

— Нет, мы в лес едем.

Подойдя поближе, Сями притянул Хасана к себе и, хотя вокруг никого не было, зашептал на ухо:

— Заедешь в Тэлги-балку, там по правую сторону дороги лежат нарубленные дрова, — он хихикнул. — Это я оставил. Забирай их.

— Мне чужие дрова не нужны,— замотал головой Хасан.

— Элмарза вчера ночью отобрал их у людей. Это не его дрова. Забирай их смело. Только никому не говори, что я об этом сказал. Слышишь? Молчок! — и он приложил палец к губам...

— Элмарза поймает...

— Он в Пседах уехал. Вернется только вечером.

— Нет, нет, — снова замотал головой Хасан и тронул лошадь.

— Ну и дурак! — махнул рукой Сями.

Не успели братья отъехать от кладбища, пошел дождь.

— Хасан, промокнем... — Хусен посмотрел на брата с надеждой.

— Ну и пусть. От дождя еще никто не умирал.

Дрова, о которых говорил Сями, и правда лежали на месте. И почти у самой дороги. Чего проще, нагрузить их на арбу и без хлопот повернуть назад. Но мальчики не решались притронуться к чужому, так их с детства приучили. Только посмотрели с завистью.

Когда они были уже на опушке, дождь перешел в снег.

— Хасан, снег! Видишь, снег! — закричал Хусен.

— И чему ты радуешься?..

А разве не радостно? Первый снег — всегда счастье для детей. Сразу вспоминаются санки, ледяные горки. Вот Хусен и радовался. Он не думал ни о рваных чувяках своих, ни о нетопленной комнате.

Едва прикоснувшись к земле, снежинки таяли, но падали очень густо. Хасан взял топор, углубился в лес.

До чего же плохо работать в такой день! После каждого удара топора с веток низвергается целый ливень, ледяные струйки проникают за ворот. Хасан стоял на одном месте и рубил, а Хусен с трудом перетаскивал дрова к арбе. Одежда промокла до нитки, в чувяках хлюпала вода. Чтобы меньше ходить, Хусен дожидался, пока Хасан нарубит побольше дров. Но едва Хасан замечал, что брат стоит, сразу начинал кричать:

— Не стой на одном месте — замерзнешь!

Потому он и сам работал без передышки.

Когда убили отца, дети плакали. Но тогда они еще не понимали, как он нужен им и какой трудной будет жизнь без него... Сиротская доля день ото дня все больше давала себя знать.

На минуту оторвавшись от работы, Хасан увидел, что склоны и впадины вокруг совсем побелели. Занятый делом, он и не заметил, как много снегу навалило. Дольше в лесу оставаться было небезопасно. Хасан стал собираться. Быстро побросав все дрова на арбу, ребята двинулись к дому. Нарубить успели очень мало. И почти все — кривые орешины. С такими дровами людям на глаза стыдно показаться, да и хватит их едва на неделю... А тут как на зло показалась груда дров, о которых говорил Сями. Хасан вспомнил его слова. Дрова ведь и правда ничьи. Элмарза отобрал их у людей. И раз Сями не смог все увезти, — значит, кто-нибудь другой подберет, а может, под снегом останутся и вовсе пропадут. «Говорят, взять чужое — грех. А почему тогда Элмарза берет чужое, если это грешно?..»

...Когда Хасан подошел к дровам, Хусен вздрогнул от неожиданности.

— Это же чужое!

— Ну и пусть чужое!

— А если кто-нибудь увидит?

— «Увидит, увидит!» Хватит болтать! Иди лучше, помоги мне!

Дров оказалось не так уж много, едва до края борта нагрузили.

Хасан тронул лошадь, сами пошли рядом. Правда, Хусен хотел усесться на арбу, но брат не позволил.

— Работай ногами, а не то холод тебя скрутит, — сказал он, строго взглянув на Хусена.

Они уже выбрались из балки, когда увидели всадника. Тот остановился и уставился на арбу.

Хасан сразу узнал лесника Элмарзу. Кому бы еще пришло в голову в такую погоду прерывать свой путь и ждать посреди дороги чужую арбу.

«Неужели он отберет дрова и нам придется ни с чем возвращаться домой? — подумал Хасан. — А если к тому же узнает, какие мы дрова везем, тогда от него так просто не отделаешься, не только дрова отберет...»

— Останови! — приказал Элмарза.— Откуда едете?

Хасан придержал лошадь, но на вопрос не ответил, только потупился.

— Как же это вас отпустили в такую погоду?

Хасан опять промолчал. Да и что ему было говорить. Лесник ведь не спросил, чьи они дети, не станешь же рассказывать, что у них нет отца, а мать поехать в лес не могла: осталась с больным Султаном.

— Откуда дрова везете?

— Из лесу.

— Неужели сами нарубили?

Хасан потупился. Хусен хлопал глазами то на лесника, то на брата, но тоже молчал.

— Ну вот что, — сказал Элмарза. — Выгружайте, пока не поздно! Такой лес рубить запрещается. И поживее!

Хасан не тронулся с места.

— Ну, ты что? Может, не слыхал меня? Говорю, сгружай, — значит, сгружай! Не задерживай.

— Я не задерживаю...

— Тогда поторопись.

— Не могу я сгружать...

— То есть как это «не могу»? А кто же нагрузил твою арбу, уж нет ли у тебя работника?

Элмарза спешился, привязал своего коня за оглоблю арбы и поднялся на воз.

— Смотри, какие дрова нарубил,— сказал он оттуда. — Тебя бы надо в Пседах препроводить да сдать пирстопу. Раз и навсегда забыл бы дорогу в лес!

«Почему же ты сам и рубишь такой лес, и отбираешь его у людей, и все домой к себе увозишь?» — хотел крикнуть Хасан, но вовремя сдержался, подумал: чего доброго, разозлится лесник и правда к пирстопу отведет. А пирстопа даже взрослые боятся.

Сбросив немного дров, Элмарза сверху вниз посмотрел на детей. Хусен, весь синий, стучал зубами от холода, а Хасан, нахмурившись, косился одним глазом из-под вздернутых бровей на лесника и тоже дрожал.

— Вы чьи будете-то? — спросил Элмарза.

Мальчики не ответили. Лесник, не сводя с них глаз, стал медленно спускаться с арбы.

— Ладно, езжайте, — махнул он рукой. — Да простит вам дяла! Ураза сегодня начинается, не то бы...

Лесник ускакал. Ребята, боясь, как бы он не раздумал и не вернулся, быстренько покидали дрова обратно и двинулись в путь. Когда уже подъезжали к селу, навстречу им показалась Кайпа. Она шла искать детей.

— Родненькие мои,— повторяла мать, всхлипывая, и обнимала то одного, то другого.

— Мы бы уже давно были дома, если бы Элмарза нас не задержал, — сказал Хасан.

— Ах, будь он проклят!

— Сначала он хотел дрова отобрать, потом отпустил, — добавил Хасан. — Он сказал, сегодня ураза начинается, потому и отпускает.

— Родненькие мои, промокли до нитки. Сейчас обсушитесь, отогреетесь, — приговаривала Кайпа, радуясь, что мальчики живые и невредимые. — Я натопила кукурузными стеблями, у нас тепло.

Дети стегали лошадь, она рванула. Забыв об усталости, Хасан и Хусен побежали следом. Уже темнело.

— Ассалату, ва ассаламу...— раздался невдалеке голос муллы.

С минарета деревянной мечети он возвещал о наступлении уразы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Весна в тот год наступила необычно рано. Старики утверждали, что давно не было такой ранней.

Теперь главная забота о пахоте. Однако многие считали, что приступать к ней еще не время — ласточка не прилетала, а она обязательно принесет с собой снег. Но некоторые думали по-другому: чего ждать, если двор уже затянут травой, и крапива вдоль плетня вытянулась. Кто готов, пусть пашет, а кто не готов, тому надо поторопиться...

У Гойберда сборы недолги. Обстругал и заточил кол из сырого граба, купил у Соси две мерки кукурузы, вот и все сборы. Огород возле дома ему соседи вспахали заодно со своими. С делянкой в поле дело посложнее — люди и со своей десятиной с трудом управляются. Вот и решил Гойберд сеять кукурузу под кол. А что поделаешь, если лошади нет?..

Ранним теплым утром, любуясь безоблачным небом и щурясь от яркого солнца, стоял он у своего порога и, довольно потягиваясь, говорил:

— Бог милостив, порадовал бедный люд ранней весной.

«Только мне этот бог никак не поможет», — подумала про себя Хажар, сидя на корточках за спиной Гойберда. Она всегда так присаживалась после приступа кашля. И с трудом поднималась только после того, как голова переставала кружиться.

— И тебе будет легче, — словно

угадав ее мысли, обернулся Гойберд к жене,— видишь, погода какая стоит?

— Да со мной будь что будет,— махнула рукой Хажар,— лишь бы эту десятину засеять.

— Бог даст — засеем.

— В прошлом году не посеяли, так вон как наголодались... Не лучше ли с кем-нибудь, у кого лошадь есть, наполовину сеять?

— Что нам полдесятины дадут?

— А под кол посеешь — сорняки задавят кукурузу.

— Следить надо.

С минуту Гойберд молчал, потом резко бросил:

— Этот твой чурек сегодня не испечется, что ли?

Хажар тяжело поднялась и ушла в дом.

Гойберд еще долго стоял во дворе и с надеждой всматривался, не едет ли кто по улице. Неплохо бы зерно подбросить в поле на арбе, а самому и пешком дойти можно. Но, как на беду, никого не видно. «Наверно, все уж в поле, будь он неладен, этот чурек», — подосадовал Гойберд.

Но вот наконец с чуреком и с кукурузой в переметной суме Гойберд, опираясь на кол, вышел за ворота. Человеку, который не реже чем раз в неделю пешком отмеривает путь до Владикавказа и обратно, дорога до Витэ-балки вроде и не дорога. За отцом шел сын — поможет в поле, будет бросать зерна в ямки, глядишь, все дело быстрее пойдет.

Хасан тоже выехал в поле: хоть мал, а хозяин. Возраст — не помеха, была бы лошадь.

Они с Исмаалом договорились пахать с Товмарзой, братом Сями. Товмарза поначалу заупрямился.

— Да какая же это лошадь? — развел он руками, увидев у своих ворот Хасанова коня. — Шкура, натянутая на жерди, да и только!

Хасан хотел было от обиды повернуть назад, да удержался. Куда поедешь без плуга. В селе он есть не у каждого. Элмарза дает им свой, а они за это должны вспахать и его десятину.

Всю дорогу не унимался Товмарза.

— Нно, кляча, — покрикивал он. — Она едва тащит, как же пахать-то будет?

— Еще как будет, — отвечал Исмаал, — получше твоей. Я в прошлом году пахал на ней, знаю.

— Посмотрим...

Едва перебрались через Согап-ров, увидели вдали две фигуры: мужчину и мальчика.

— Кажется, Гойберд,— сказал Исмаал.

— А с чего бы он с такой большой палкой? — усмехнулся Товмарза.

Хасан знал, что в руках у Гойберда не палка, но разговаривать с Товмарзой не хотел.

Скоро они догнали пешеходов. Это и правда были Гойберд с Рашидом.

— Эй, вы, забирайтесь на арбу, — великодушно разрешил Товмарза.

— Благодарим. Мы пешком дойдем, — ответил Гойберд.

— Что ж, тебе не привыкать.

— Ты прав, Товмарза. Мне не привыкать. А что делать? Так уж устроен этот мир: одному в нем легко, а другому трудно.

— Ладно, Гойберд, не сердись ты на этого зубоскала. Идите, садитесь.

Исмаал подвинулся, освободил возле себя место. Гойберд, а за ним и Рашид быстро влезли на арбу.

— А для чего тебе этот кол? — усмехнулся Товмарза.

— Ты ведь не вчера родился, должен бы знать, для чего. Буду под кол кукурузу сеять.

— До чего только люди не додумаются, — захохотал Товмарза.

— Додумаешься, — вздохнул Гойберд, — лошади у меня в хозяйстве нет, а жить надо.

— Да какая с такого посева кукуруза?

— Осенью посмотришь. Придется потрудиться, конечно, но без труда и на вспаханном поле не много соберешь.

Некоторое время ехали молча. Но Товмарзы ненадолго хватило.

— Подгони свою клячу, малыш, — высокомерно бросил он сидевшему рядом Хасану, — таким шагом мы и до обеда не доедем.

Мерин и правда еле плелся. Хасан злился на него: столько насмешек наслушался. Мальчик хлестал свою лошадь почем зря, заодно и вторую подхлестывал, хотя та вовсе ни при чем: она бы с радостью пошла быстрее, не будь у нее в паре такая развалина.

— Ей бы горячую картофелину сунуть, вот бы рванула, — сказал Товмарза.

— Какую еще картофелину? — удивленно посмотрел на него Исмаал.

— А такую. Не слыхал, чего сотворил пучеглазый Гайри? Он вез из Мочко-Юрта картофель, лошадь еле плелась, как ни подгонял ее, — не лучше этой, последний год доживала. Уже темнело, а Гайри еще только из Верхних Ачалуков выехал. Тогда он остановил арбу, собрал сухой придорожный бурьян, разжег костер и бросил в огонь две-три картофелины.

— Зачем? — спросил Гойберд.

— Потерпи, узнаешь. Слушай дальше. Когда картофелины здорово разогрелись, он вытащил их, сел на арбу, взял в руки вожжи и засунул одну картофелину под хвост лошади. Если бы видели, как она рванула с места, прижимая хвостом картофелину, словно боялась потерять ее. Говорят, ни разу не остановилась до самого Гаирбек-Юрта.

Товмарза захлебывался от смеха.

— Неужели ты, Гойберд, не слыхал об этом?

— Нет. Однако какой же правоверный решился на такое дело? Ведь лошадь — скотина бессловесная, как же можно издеваться над ней? Нет, не слыхал я о таком.

— Ты, я смотрю, не знаешь о том, что в селе делается! Да и где тебе! Круглый год пропадаешь во Владикавказе.

— Надо же как-нибудь семью кормить...

— Только хозяйство твое от этого не поправляется!

— Когда-нибудь, может, и поправится.

— Лавку тебе надо открывать, Гойберд.

— Незачем мне это, я лучше лесничим стану. Буду отбирать у людей дрова и продавать их в Моздоке. Забот меньше.

Слова Гойберда задели Товмарзу за живое. На то они и были рассчитаны. Это он, а не кто другой, возил в Моздок дрова, отобранные братом-лесником у людей.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что ты слышал.

— Считай, что я тебя понял. Так мне и надо. Хорошую благодарность получил за то, что посадил вас со щенком.

Гойберд приподнялся, собираясь спрыгнуть. Исмаал с силой надавил рукой на его плечо.

— Сиди, Гойберд. Это моя арба. А ты, Товмарза, замолчи. И в кого вы с братом такие злые!

— Ах, вон почему он приглашал меня сесть,— закивал головой Гойберд. — Понятное дело. На свою арбу не пригласил бы.

— Это точно! — злобно сверкнул глазами Товмарза. — И детей своих отныне придержи, не дай бог, опять придут к нам за молоком или сывороткой, костей не соберут...

— Умереть мне голодной смертью, если придут!

— Хватит. Перестаньте. Сцепились, как петухи,— вмешался в перепалку Исмаал. — Тебе, Товмарза, уж совсем не к лицу, Гойберд ведь старше...

— А чего он пыжится?

— Да кто пыжится-то? Я, что ли, пристал к тебе,— сказал Гойберд и добавил: — Не держи меня, Исмаал, я лучше сойду.

— «Сойду, сойду»! Ну и сходи, никто тебя не держит.

— Уймись, Товмарза. Я же прошу тебя,— покачал головой Исмаал.

— С ним и пошутить нельзя. Что он, большой хаким, что ли?

— Да какие уж тут шутки, ты только и хочешь унизить меня. А зря. Времена меняются. Может, тебе скоро и нечем будет гордиться передо мной! — сказал Гойберд.

— Жди, надейся. Поменяются... — усмехнулся Товмарза, покручивая рыжий ус.

— Все может быть,— вставил Исмаал. — Река — и та не всегда по одному руслу течет.

— Пустые разговоры ведете,— махнул рукой Товмарза.

— Клянусь богом, в них есть правда. Умные люди говорят, они знают,— не отступался Гойберд.

— Они случайно не говорят тебе, что сын Эсы Товмарза, у которого хозяйство покрепче твоего, должен отдать тебе часть добра? Может, на это надеешься?

— Мне чужого не надо.

— А хоть бы и надо — не дождешься! Слышишь, не дождешься! Никогда! Пусть те, кто распускает эти слухи, землю башкой роют, все равно не бывать этому!..

Несмотря на старания Исмаала, спор этот не прекращался и мог бы продолжаться еще долго, не встреться им Соси. Он возвращался в село.

Последние два года Соси сам не пахал. Сыновья уже в силу вошли, одни управлялись с двумя лошадьми и с плугом. Земли у Соси немало набиралось. Своя десятина да полдесятины ему на паях отходило от односельчанина за то, что вспахал тому участок. А кроме того, две десятины арендовал у Мазая.

Повстречались, остановились. Перебросились из вежливости словом-другим — и надо бы ехать. Но Товмарза, который до того все спешил, теперь никак не мог наговориться. Он все пытал Соси, как ему живется да как с пахотой: управился уже или нет? Угостился табаком у Соси... Хасан с досады готов был уж вслух упрекнуть Товмарзу, но тот и сам спохватился, стал прощаться.

Дальше до самого поля ехали молча. О споре больше не вспоминали, будто его и не было вовсе.

Сями сидел на меже с охапкой сурепки в руках. Стреноженная лошадь паслась рядом.

— Чего плуг не снял? — крикнул Товмарза. — Тебе лишь бы пузо набить...

— Идите сюда, ребята,— не обращая внимание на крикливого брата, позвал Сями,— угощайтесь.

— Где ты нарвал столько? — спросил Хасан.

— Вон там, на склоне,— Сями показал в сторону терннового кустарника.

— Пойдем и мы, Хасан... — предложил Рашид, но не успел он договорить, Гойберд потянул его за руку:

— А ну, идем! Ты сюда не забавляться пришел.

2

В тот день пахать так и не начали. Добрались до места уж к полудню.

Товмарза недолго оставался в поле. Он объявил, что Исмаал и Хасан должны за плуг вспахать их участок — его и Элмарзы. И Сями, мол, поработает. Сказал и уехал.

Стали устраивать ночлег. Поставили арбу на бок, срезали пару толстых и длинных палок, пристроили их к арбе, набросали веток, травы. Получился шалаш на славу.

Управившись с делами, все вместе сели ужинать. Только Гойберд с сыном пристроился в стороне.

— Иди к нам, Гойберд,— пригласил Исмаал.

— Спасибо, мы уж здесь.

Куда пойдешь с одним чуреком. У Исмаала и его компании много разной снеди. Так уж заведено, в поле снаряжают — на сенокос ли, на пахоту — берут с собой все, что дома найдется, последний кусок не пожалеют.

Неплохо снабдила сына и Кайпа. Положила ему чурек, творога, масла. На этот раз и Сями был богачом — может, оттого, что снохи собрали его вместе с Товмарзой. Он выложил вареное мясо, творог, масло.

Исмаал понял, почему Гойберд не идет, настаивать не стал, только послал ему с Хасаном кусок сыру и немного масла.

Гойберду ничего не оставалось, как поблагодарить за угощение. В ответ он предложил Хасану:

— Возьми, сынок, крапивы, она свежая, сочная. Мне другого ничего и не хочется.

Гойберд стыдился бедности и, как умел, скрывал ее от людей, никогда не жаловался. Да и что жаловаться. Помочь мало кто может, и, известное дело, кто может, тот не поможет, только попрекнет, а бедняк вроде него вздохнет, пожалеет, да и мимо пройдет.

— Ну, друзья, давайте решать, кому в эту ночь лошадей пасти,— сказал Исмаал после ужина.

Все промолчали.

— Что ж, бросим жребий.

Выпало пасти Исмаалу. Он сел на своего коня, а двух других погнал перед собой. Сями и Хасан остались в шалаше. Спать не хотелось, и говорить им было не о чем. «Вот бы с Исмаалом остаться! — подумал Хасан. — С ним бы и всю ночь не скучно. Он мастер рассказывать. А Сями, он что, отвесит губу и бурчит непонятное про себя».

Рашиду тоже не спалось. И тоже было скучно в темном шалаше. Отец молчал, все думал о своей жизни, что вроде старого, подточенного червями плетня скрипит даже от малейшего дуновения, и о том, что все у него не как у людей: уже на шестой десяток перевалило, а дети мал мала меньше. И это оттого, что женился поздно. А когда наконец женился, Хажар, народив ему одного за

другим кучу детей, вдруг заболела чахоткой и тоже грузом легла на его плечи...

Рашид посидел-посидел с отцом, помолчал и не выдержал — выбрался из шалаша, пошел к арбе.

— Хасан, эй, Хасан! — позвал он.

Хасан будто того и ждал, сразу вскочил.

— Ты не спал? — спросил Рашид.

— Нет, не хочется что-то.

— Мне тоже. Пойдем посидим вместе. Будем сказки рассказывать.

— Пойдем.

— Рашид, ты куда? — раздался голос Гойберда.

— Я здесь, дади.

— Спать надо! Забыл, что завтра чуть свет подниматься?

— Я немного... Не хочется мне спать.

Гойберд затих. Мальчишки, чтобы их не было слышно, сели поодаль. Земля была сырая и холодная. Хасан принес из шалаша отцовскую шубу.

— На такой подстилке хоть до утра сиди — не замерзнешь,— обрадовался Рашид.

— А сидеть устанешь, можно и полежать,— добавил Хасан и привалился на локоть.

Небо было ясное, звездное. Иные звезды висели так низко, что казалось, до них можно дотянуться рукой, стоит только подняться на ближайший холм.

— Интересно бы узнать, из чего все эти звезды! — сказал Хасан.

— Из золота,— уверенно ответил Рашид.

— Откуда ты взял, что из золота?

— Дади говорил. Эх, упала бы одна из них к нам на шубу, пусть самая маленькая! На всю жизнь хватило бы. Я бы прежде всего лошадь купил и корову. Тогда, может, и нани выздоровела бы. Говорят, ей надо много молока и масла...

— И кукурузу под кол не стали бы тогда сеять,— улыбнулся Хасан.

— Под кол лучше родит.

— Если бы так, все бы сеяли под кол.

— Пусть не сеют, а под кол кукуруза лучше! — стоял на своем Рашид.

— А я бы прежде всего купил верховую лошадь,— мечтательно протянул Хасан. — И тогда уж в день бай-

рама все флаги и платочки были бы моими. На нашей кляче не выедешь — девушки засмеют. А еще,— добавил он после минутного молчания,— я купил бы винтовку и наган.

— Зачем они тебе? — удивился Рашид.

— Знаю зачем.

Хасан отчетливо представил себе Саада: борода, как кусок овчины, щеки — что спелая земляника.

Оба друга умолкли. Каждый думал о своем, когда вдруг одна звезда, будто в ответ на желание Рашида, сорвалась с неба и устремилась к земле, оставляя за собой золотой след. Вскочив с места, Рашид внимательно следил за ее движением.

— Хасан! Похоже, она упала в нашем селе! — закричал он. — Интересно, в чей двор угодила? Вот бы попала к нам или к вам. Мы бы поделили ее поровну. Правда ведь?

— Уж, конечно, не поссорились бы.

— И стали бы мы богатыми!.. А как ты думаешь, Хасан, Угром и Саад тоже нашли чего-нибудь? Если не звезду, то клад. Иначе откуда бы им накупить столько овец?

Хасан вздохнул, ничего не ответил.

Неподалеку подала голос перепелка.

— Хасан, слышишь, она говорит: «Таппа-тап, таппатап»?

— А вот и нет! «Ватта-пхид, ватта-пхид».

— Это она так лягушек дразнит...

Ребят понемногу стала пробирать дрожь. Хасан сходил за одеялом.

Укрывшись потеплее, они затихли и, разморенные теплом и усталостью, скоро уснули.

Солнце еще не взошло, когда Гойберд разбудил сына.

— Вставай, мальчик.

— Сейчас,— нехотя ответил Рашид.

— Разлеживаться нам нельзя. Клянусь богом, нельзя. Поднимайся, сынок.

Хасан тоже проснулся.

Небо звенело. Пел свою песню жаворонок, кричали перепела. Сейчас, казалось, они выговаривали: «Гатта, кянк, гатта, кянк — вставай, мальчик, вставай, мальчик».

3

Из-за хребта едва проклюнулось солнце, а первая борозда уже была проложена.

Хасан, держа в руках вожжи, шел по стерне и погонял лошадей. Сями тяжело ступал по борозде.

Исмаал успел уже раскидать зерно на всем отрезке, который они наметили вспахать в этот день, и ушел в шалаш. Таков неписаный закон: кто ночью стерег коней — тому днем спать.

Следить за тем, чтобы лошади не уходили в сторону, задача нелегкая. Из конца в конец саженей двести. В первые часы работа эта казалась Хасану интересной, но однообразие скоро утомило. То подъем, то спуск. Все труднее передвигать ноги.

В прошлом году Хасан прошел с отцом два круга, даже огорчился, что больше не пришлось. Зато сейчас с радостью стал бы делать что угодно, только не это.

Вот Сями идет себе за плугом! Босиком по мягкой земле. И никаких тебе кочек под ногами. А Хасану из-за этих колючих корешков прошлогодней кукурузы и чувяки нельзя снять.

Мальчик то и дело поглядывал на солнце, но оно стоит на одном месте, словно начищенный до блеска медный таз.

Хасан видел на соседнем склоне Гойберда и Рашида. Гойберд обеими руками поднимал, а затем с силой опускал тяжелый кол. При каждом ударе он низко склонялся к земле, будто кланялся ей, просил, чтобы пожалела его за мучения, уродила бы побогаче. Сын с сумой на шее шел следом за отцом, бросая зерно и ногой засыпая ямки.

К полудню и кони выдохлись. Сями то и дело напоминал Хасану, чтобы погонял, и сам все понукал. Но лошади едва плелись. Особенно Хасанова. Она вся в пене. Клочья шерсти похожи на траву, примятую ливнем. И вся она дымится паром, как земля ранней весной.

Хасан шел и думал: «Вот сейчас будет конец борозды, и Сями велит распрячь коней!» Но Сями молчал.

«Неужели он никогда не устанет?» — удивлялся Хасан.

Наконец, когда все уже распрягли лошадей, и Сями сказал долгожданное:

— Давай и мы отдохнем...

Наскоро перекусив, Хасан ничком повалился на траву около шалаша. Все тело ломило: ни ногой шевельнуть, ни рукой. Отдыхать же предстояло недолго,— того и гляди, Сями позовет.

...В эту ночь Хасану уж было не до сказок и не до красоты неба. Он завалился спать с наступлением темноты.

На другой день с Хасаном работал Исмаал. Он частенько останавливал лошадей, давал им передохнуть. И жизнь уже не казалась Хасану такой мрачной, как накануне.

— Видно, нам еще придется повозиться с десятиной Товмарзы,— сказал Исмаал, пройдя вторую борозду,— а я-то надеялся, что с обеда за твою примемся. Не зря говорится: загадать легко, сделать трудно.

Хасан доволен, что Исмаал говорит с ним на равных, как со взрослым. А ему так надо скорее стать взрослым.

В обед приехал Товмарза, а с ним и Соси, которому не терпелось посмотреть, как идет у него пахота, да и обед сыновьям привезти надо было. Соси ссадил Товмарзу и, не сказав никому ни слова, тронул арбу к своему полю.

За спиной у Соси сидела Эсет. Она держалась одной рукой за борт арбы и глядела в сторону Хасана, надеясь увидеть здесь и Хусена. Ей все равно — беден он или богат, обут или бос. Им хорошо вместе, весело. И Хусен такой добрый, не то что ее брат Тархан. Будь на то ее власть, плетень, разделяющий их дворы, не простоял бы и дня.

Хасан не смотрел на девочку. Он не заметил ее. Глаза его не отрывались от Товмарзы, который широким уверенным шагом шел прямо на них.

Как обрадовался Хасан, когда третьего дня Товмарза убрался восвояси! Пусть им надо пахать за него, лишь бы не видеть перед собой самодовольной физиономии этого болтуна. И вот, явился...

После обеда Товмарза предложил Исмаалу:

— Ты передохни, я сделаю два-три круга.

— Ни к чему это. Я не устал,— из вежливости отказался Исмаал, хотя не прочь был немного подремать после обеда.

— Кости размять хочется,— сказал Товмарза.

— Ну, если так...— Исмаал пожал плечами и пошел к шалашу.

Товмарза въехал в борозду и крикнул во всю мощь своего зычного голоса:

— Нно, тройка!

Хасан впервые слышал слово «тройка». Будь на месте Товмарзы Исмаал, Хасан спросил бы, что оно значит. Но спрашивать у Товмарзы? Нет! Пусть даже ему дали бы ту самую золотую звезду из Рашидовой сказки...

Хасан шел молча, боясь случайно оглянуться и увидеть ненавистного насмешника.

Товмарза от избытка сил шагал, как солдат на смотру. Конечно, поначалу да в охотку любая работа кажется легкой. Но скоро ему пришлось убавить шаг. Кони шли медленно. Он подгонял их и кричал Хасану:

— Ты что там, уснул? А ну, хлестни!..

Хасан зло покосился на него:

— Они устали, не пойдут быстрее.

— Устали, говоришь? Отчего бы это? Люди за день управляются с десятиной. А вы вон сколько с ней ковыряетесь. Не разговаривай. Подгоняй давай!

Хасан готов был от злости бросить вожжи и уйти прочь, но терпел через силу, надеялся, что вот-вот придет Исмаал.

Товмарза махал лопаточкой для прочистки плуга и кричал неизвестно кому: то ли лошадям, то ли Исмаалу с Хасаном.

— Я покажу вам, как надо пахать!

Неожиданно мерин Хасана остановился.

— Где там Исмаал? Он ведь утверждал, что эта лошадь не хуже других,— ехидно ухмыльнулся Товмарза,— спорил со мной. Я с первого взгляда понял, что от такой клячи толку не будет. А ну, посмотрим, на что она способна! Нно!

Мерин напрягся изо всех сил и с трудом тронулся с места. Хасан хотел в конце борозды дать лошадям передохнуть. Но расстояние между вспаханными полосами стало таким узким, что, едва повернув, кони опять вошли в борозду.

Наконец вышел Исмаал и, стоя у шалаша, потянулся. Хасан обрадовался. Исмаал подойдет, увидит, что лошадь едва передвигается, обязательно даст ей отдохнуть. Исмаал жалеет животных, не то что этот живодер...

Но мерин не дождался Исмаала. Сделав несколько шагов в новой борозде, он упал на колени и уткнулся мордой в землю.

— Вот тебе и удалой конь! — ехидно хмыкнул Товмарза. — Нно! Вставай!

Но мерин не поднялся. Хасан бросил вожжи, подошел к нему, потянул к себе. Мерин сделал отчаянное усилие, приподнялся на одну ногу и снова завалился, теперь уже на бок. Он словно улыбался, обнажив при этом свои сточившиеся от времени зубы. Хасан оцепенел, глядя в его остановившиеся помутневшие зрачки.

— Пускай полежит. Отдохнет, сам встанет,— смилостивился наконец Товмарза. Но подойдя поближе, покачал головой и махнул рукой. — Пожалуй, больше и не встанет. Я же говорил, он для пахоты не годится.

— Был бы годен, если бы ты не замучил его, не загнал.

— Ха! Я же еще и виноват? Ты смотри у меня...

— Что ты грозишь?

— А вот поговори! Вмиг поверну твою голову задом наперед.

— Смотри, как бы твою не повернули! — крикнул Хасан.

— Ты замолчишь или нет, ублюдок? — двинулся Товмарза на Хасана.

Хасан подбежал к плугу, рывком выхватил лопаточку и, обернувшись к Товмарзе, процедил сквозь зубы:

— Подойди, если ты мужчина!

Товмарза остановился. Кто знает, хоть и мальчишка, а вгорячах — откуда силы возьмутся — может и ударить.

Брови и усы у Товмарзы были такими рыжими, что Хасану от напряжения все лицо недруга казалось полыхающим пламенем.

— Брось лопатку, не дури,— примирительным тоном произнес Товмарза.

Подошел Исмаал.

— Что с лошадью?

— Он убил ее! — показывая на Товмарзу, крикнул Хасан. — Загнал, не дал отдохнуть.

— Может, по-твоему, я сам должен был впрячься вместо нее? — сказал Товмарза.

Исмаал стоял и молча смотрел на околевшую лошадь: что сказать, что сделать? В семью Беки пришло

новое горе. Без лошади им теперь и вовсе трудно. Кто-кто, а Исмаал это знал.

Подошел Сями. Он присел на корточки рядом с мерином и все пытался прикрыть ему пасть.

— Я же говорил, что на этой лошади нельзя пахать! И зачем только связался с вами,— досадовал Товмарза.

Исмаал с презрением посмотрел на Товмарзу, но ничего не сказал.

— И этот хорош! — продолжал Товмарза.—Сам с кулак, а туда же — лезет драться. Отец достукался, теперь сын за ним.

— Товмарза, не сыпь соли на кровоточащую рану, не мужское это дело,— сказал наконец Исмаал и, подойдя к Хасану, стоявшему со сжатыми кулаками, будто наизготовке, положил ему руку на плечо. — Не горюй, брат, ничего теперь не поделаешь. Нет бессмертных на этом свете — ни людей, ни животных. Видно, время ему пришло. А за землю свою не беспокойся — вспашем. Бог даст, и лошадь купите.

Из глаз Хасана скатились тяжелые крупные капли.

Подошли Гойберд, Рашид и еще люди. Они уже издали почувствовали, что произошло что-то неладное. Увидев, что же именно случилось, все закачали головами, как на похоронах. Потеря лошади для крестьянина не меньшее горе, чем смерть человека, особенно если эта лошадь единственная в хозяйстве.

Скоро люди разошлись. Не время долго горевать, земля ждет. Остался только Гойберд.

— Надо бы шкуру снять,— сказал он. — Чувяки из лошадиной кожи очень крепкие. И подошва хорошая выходит. Клянусь богом, хорошая.

Никто не откликнулся. Товмарза исподлобья сверкнул на Гойберда своими рыжими глазами и усмехнулся.

— Жалко выбрасывать шкуру,— не унимался Гойберд, не замечая насмешливого взгляда Товмарзы.

— Жалко, так иди сними,— сказал Товмарза,— чего стоишь?

— Как же можно без хозяина лошади?..

— Иди сними,— сказал и Исмаал,— не оставлять же ее тут. Половину отдашь Хасану, другую себе возьмешь! Как, Хасан? Согласен?

Мальчик машинально кивнул головой. Ему сейчас все было безразлично.

Исмаал тихо заговорил с Товмарзой:

— Слушай, я думаю, ты не против, вспашем десятину этих несчастных детей, а?

— Какую еще десятину?

— Мальчик ведь твою десятину пахал?!

— Моя лошадь не семижильная.

— Они ведь сироты. Тебе за них воздастся.

— Сироты! А чего же он сам об этом не помнит? Всякий человек должен знать свое место!

Хасану при этих словах кровь ударила в голову. Саад тоже, убив Беки, сказал что-то вроде этого. И вот теперь Товмарза! Не нравилось Хасану и то, что его назвали сиротой. Он покосился на Товмарзу, который все не унимался.

— Только этого мне и не хватало,— бурчал он,— сопляк в драку со мной кидался, а я должен землю ему пахать!..

— Он же еще ребенок! Не тебе с ним равняться. Воллахи, удивительный ты человек! — покачал головой Исмаал.

— Не могу! Понимаешь, не могу. И хватит об этом. Мне еще надо три десятины вспахать, те, что у Мазая арендуем.

— Черная у тебя душа, Товмарза!

— Уж какая есть. Если собираешься пахать, кончай разговоры.

— Воллахи, черная, как чугунный котел...

Тронули коней.

— Смотри-ка,— сказал Товмарза,— две лошади лучше тянут, чем раньше три. Кляча только мешала им, не давала ходу.

Хасан на этот раз даже не взглянул на Товмарзу. Только крепче сжал зубы и про себя подумал: «Скорее бы стать взрослым! Уж тогда я сведу с тобой счеты!»

4

Всего три дня, как Хасан на пахоте, а Хусену казалось, будто давным-давно его нет. Прошлой весной мать дважды, когда возила в поле еду, брала с собой Хусена. С тех пор он забыть не может, как там было хорошо. Вот и просился все эти дни отпустить его. Каких только причин не придумывал, чтобы уговорить мать, особенно упи-

рал на то, что, мол, еда у Хасана, наверно, кончилась. Это, пожалуй, больше всего подействовало на Кайпу. И она наконец согласилась, испекла чуреков, собрала еще кое-какой еды и проводила сына с людьми в поле.

Хусену очень хотелось поехать с Соси. Эсет сказала, что отец берет ее с собой. Но Кайпа не отпустила его с ними. А как бы хорошо им было с Эсет!.. Они уже так давно не играли вместе. Кабират не разрешает своим детям уходить со двора и чужих к себе не пускает. А впрочем, Эсет и некогда играть. Мать все больше и больше нагружает ее работой по дому. Эсет только изредка вырвется за ворота, как птичка из клетки, не успеет добежать до ручейка, где всегда играют ребята, а мать уж кричит вдогонку:

— Эй, синеглазый шайтан, а ну иди домой, вот я тебе всыплю!..

Зато Мажи и его младшие сестренки Зали и Хади почти целыми днями пропадали у ручья, делали запруды, строили дома из песка... Им-то дома делать нечего. Больная Хажар с радостью отпускала детей, не то целый день будут чуреки просить. А дать им нечего. Пусть лучше играют...

Хусен не знал отчего, но когда с ними не было Эсет, ему скучно. Он играл и с другими ребятами, но с Эсет интереснее. И не потому, что Эсет почти всегда угощала его либо конфеткой, либо сладким коржиком,— Хусен и так готов всегда играть только с Эсет. Потому-то и хотелось ему ехать в поле вместе. А с чужими, незнакомыми людьми какой интерес? Даже поговорить не с кем. Сидишь на арбе, как немой. Уж лучше бы пешком пойти. Все интересней. И за ящерицами можно погоняться в пути, и бабочек половить...

Ну да ладно. Лишь бы добраться до места. А там уж он найдет себе дело.

Не проехали и полпути, когда на дороге показались Хасан и Рашид. Хусен спрыгнул с арбы и побежал им навстречу. Увидев на плече у брата уздечку, он испуганно спросил:

— Что, наша лошадь потерялась?

Хасан не ответил, только покосился на шкуру, которую нес под мышкой Рашид.

— Это что за шкура? — спросил Хусен.

— С вашей лошади,— ответил Рашид.

— А где лошадь?

— Где лошадь? Не с живой же шкуру содрали! — крикнул Хасан. — Сдохла лошадь!

Больше Хусен не спрашивал. Он поник и тоненько, словно щенок, завыл. Не заплакал, а именно завыл, закрыв лицо ладонями.

— Ну что ты, не девчонка же! — чуть помягче сказал Хасан. — Идем домой. Не плачь. Будет у нас лошадь. Обязательно будет. Еще лучше этой.

— Когда нашу лошадь волки задрали, я не плакал,— пытался утешить мальчика и Рашид.

Прошли Витэ-балку и выбрались на большую дорогу. Издали село Сагопши просматривалось как на ладони. Солнце опускалось быстро. Вот оно совсем исчезло, остались одни лучи. Они тянулись вверх, как поднятые оглобли арбы, и ярким пламенем обжигали край неба.

Уже пересекли Согап-ров, когда Хасан остановился:

— Вы идите домой, а я вернусь в балку.

— Не ходи, Хасан,— взмолился братишка,— идем домой.

— Завтра на рассвете пойдешь,— сказал и Рашид,— уже поздно, скоро совсем стемнеет.

— Я не боюсь темноты,— гордо посмотрел на них Хасан и положил руку на рукоять кинжала.

— Не понимаю, чего тебе ночью там делать? — пожал плечами Рашид.

— Зато я понимаю. Раз говорю надо,— значит, надо!

Хасан круто повернул и быстрым шагом пошел в обратную сторону. Рашид и Хусен, недоумевая, долго стояли и смотрели ему вслед.

Было совсем темно, когда ребята вошли в село. Кайпа, открывшая Хусену дверь, так и застыла на месте.

— Что случилось?

Хусен заплакал.

Испуганная мать не заметила брошенной сыном шкуры, стояла в темных сенях как вкопанная, и в глазах у нее был только ужас. Наконец она подошла к Хусену, обняла его за плечи.

— Где Хасан? Что с ним? Почему не говоришь?

— Ничего с ним не случилось. Он вернулся в поле.

— А чего же ты плачешь?

— Лошадь... — всхлипнул Хусен, — наша лошадь сдохла...

— Эйшшах! — застонала Кайпа, будто от внезапного удара. — Где же конец нашим бедам?

Прислонившись к косяку, она горько плакала и не слышала криков маленького Султана.

Хусен вспомнил, как утешал его Хасан, и сказал:

— Не плачь, нани! У нас будет другая лошадь.

— Едва ли, мальчик! Хоть бы десятину эту вспахали! Чем мы теперь за нее платить будем?

...В эту ночь Кайпа так и не уснула.

Сидя на крыльце, все думала о несчастье, которое обрушилось на них. Она тревожилась о Хасане.

5

В Витэ-балке Хасан свернул с дороги. Он шел к склону, где паслись лошади. Шел осторожно, с обнаженным кинжалом. Правда, говорят, что волк боится только огнестрельного оружия. Но это еще надо посмотреть, пусть он встретится с Хасаном!.. А если их будет два? Может, и впрямь лучше вернуться, пока не поздно? Хотя теперь уж какая разница: идти вперед или назад? И так и так волки могут попасться. Говорят еще, что огня они боятся... Жаль, спичек нет. Да и были бы — нельзя ему зажигать их...

Хасан опасливо озирался: каждый куст смотрел на него волком. Но сейчас он, пожалуй, и сам чем-то походил на волка. Думал не только о том, чтобы звери не попались навстречу. Не меньше заботило Хасана и то, чтобы люди его не заметили. Задуманное им надо делать без свидетелей. И еще одна мысль беспокоила его: кто же в эту ночь пасет лошадей? Если Исмаал, ничего не сделаешь... Не станет Хасан подводить его... А если Сями? Тоже не лучше. Братья могут до смерти запороть. Вот если бы Товмарза!

Хасан прислушался. Лошади уже близко. Слышно, как они жуют и отфыркиваются.

Вдруг кто-то крикнул:

— Товмарза! Ва, Товмарза!

Это из балки.

— Во-вай! — донеслось в ответ.

— Во-вай! — отозвалось эхо.

«Значит, Товмарза сторожит!» Хасан вздрогнул. Это и обрадовало и испугало его. Но через минуту Хасан был полон решимости. Что бы ему ни грозило, он должен исполнить задуманное! Во что бы то ни стало! Только так он отомстит Товмарзе за обиды, за лошадь...

— Спускайся, тебя сменят Тахир с Тарханом,— донесся голос Соси.

Глаза уже привыкли к темноте, и Хасан различил высокую фигуру Товмарзы, идущего вниз по склону. Едва тот исчез из поля зрения, Хасан тихо подкрался, потянулся к лошади Товмарзы. Та отпрянула. Хасан потрепал ее за холку, успокоил, накинул на нее уздечку, распутал ноги, отвел в сторону и забрался верхом. Отъехал настолько, чтобы не слышно было топота копыт, и пустил рысью... Только тогда страх как бы свалился и на душе стало легче.

«Ну, а теперь посмотрим, Товмарза,— не без торжества подумал Хасан,— какая кислая у тебя будет морда, когда утром не найдешь своей лошади!»

А в Витэ-балке люди тем временем разнимали Соси и Товмарзу. Случилось то, чего Хасан никак не ожидал: Тахир и Тархан, несмотря на ночную темень, сразу обнаружили пропажу и тотчас подняли тревогу.

— Лошадь была на месте. Перед уходом я даже подошел к ней и погладил,— утверждал Товмарза.

— Если была, то куда же она девалась,— рассердился Соси,— уж не хочешь ли ты нас обвинить в пропаже?

— А кто же виноват?

— Мой отец, что лежит в могиле! Откуда я знаю — кто? Ты сам и виноват! Дети ведь сразу, едва поднялись, закричали, что ее нет.

— Если б ты не позвал меня, лошадь и сейчас была бы на месте. Тут какая-то ловушка. И не без твоего участия все подстроено! — Товмарза почти вплотную подошел к Соси и погрозил ему пальцем.

— Не грози, я не из пугливых.

— Не знаю, пугливый ты или нет, а лошадь мне вернешь. Я не прощу...

— Что-то не помню, чтобы ты кому-нибудь мстил. Удаль у тебя не та,— презрительно бросил Соси.

— А ну скажи, кому я простил обиду?

— Вспоминать недолго. Ну хотя бы Элберду пощечину...

— По себе меряешь? Все знают, как ты прятался в доме, притворялся спящим, когда твою корову уводили...

Соси бросился на Товмарзу и ударил бы, не подойди на шум Исмаал и другие. Они кинулись разнимать.

Сями слышал всю перепалку с самого начала, но остался безучастным.

При людях Товмарза осмелел.

— Ты поставишь мне в стойло лошадь! Это так же верно, как то, что от коровы родится теленок! — орал он.

— Ты скорее сам отелишься, чем лошади от меня дождешься! — отвечал Соси.

— Отдашь, будь проклят твой отец!

— Да будут прокляты и отец твой, и все отцы у тебя в роду до седьмого колена.

Вырвавшись из рук удерживающих его мужчин, Соси снова кинулся к Товмарзе и на этот раз дал-таки ему пощечину.

Соси увели.

Товмарза рвался из рук Исмаала и Гойберда, бился, как рыба в сетях, и без устали посылал проклятия.

— Пусть я надену на себя платок жены, если не отомщу этому негодяю,— кричал он.

— Надень еще и штаны ее,— откликался Соси,— они тебе очень подойдут...

Когда Хасан въехал во двор, Кайпа все еще сидела на крыльце. «Откуда у Хасана лошадь? — подумала она. — Видно, кто-то на своей послал мальчишку за чем-нибудь...»

Хасан молча отвел лошадь в сарай и только тогда подошел к матери.

— Чья это, Хасан? Счастлив ее хозяин! Гладкая и, видно, резвая...

— Чья, говоришь? Наша!..

— Что ты! Откуда у нас может быть такая лошадь? — улыбнулась Кайпа, уверенная, что сын шутит.

— А откуда у людей бывают?

— Людей ты не трогай! — Кайпа помрачнела. Она заподозрила что-то неладное. — Лучше скажи, чья она?

— Это лошадь Товмарзы.

— А зачем ты привел ее к нам?

— Потому, что он загнал нашу.

— Ну-ка, выведи! — Кайпа поднялась и строго уставилась на сына.

Хасан упрямо опустил голову и молчал.

— Ты что, не слышишь меня?

— Нани, не кричи, пожалуйста. Никто не знает, что я увел лошадь. Мы продадим ее и купим себе другую, взамен нашей.

— Ты с ума сошел! Не нужна нам такая лошадь! Выведи немедленно.

Понурившись, сын вывел лошадь, но Кайпа сама взяла ее под уздцы... Кто знает, куда он ее поведет, выйдя за ворота... А с Товмарзой потом век не рассчитаешься.

— И запомни,— обернулась она к сыну,— чтобы никогда больше этого не было. Отец ушел из жизни, ни разу и пальцем не притронувшись к чужому. Он не простил бы тебе!..

Хасан промолчал. Он жалел только о том, что привел коня домой. Надо было ехать в Ачалуки к дяде. Ну ничего, в другой раз все будет не так.

6

Когда ранним утром следующего дня Кайпа с Хасаном пришли в поле, лошадь Товмарзы была уже в упряжке.

— А у нас тут вчера такое было!.. — начал Исмаал, поздоровавшись с Кайпой. — Соси и Товмарза чуть не убили друг друга. Лошадь у Товмарзы вчера распуталась и домой убежала. А он обвинил Соси. Вот и схватились.

Хасан, который до того не проронил ни слова, только хмуро смотрел на лошадь, при этих словах улыбнулся. Лицо Кайпы было непроницаемо.

— Ну и что же? Помирили их? — спросила она.

— А это уж не мое дело, сами разберутся. Я думаю о твоем невспаханном участке. Хоть бы еще пару дней протянул ваш конь. Я рассчитывал сегодня пахать вашу землю раньше, чем свою. Несчастье, да и только!

— Что теперь поделаешь?! И большее горе перенесли, да живем. Видно, так богу угодно.

— Я просил Товмарзу вспахать вашу десятину. За два дня управились бы. Но он и слушать не хочет.

— Да и пусть. С кем-нибудь вполовину вспашу.

— Не торопись, Кайпа, что тебе с полдесятины достанется? Повремени, разделаюсь со своей землей, поищу напарника, может, и вспашем...

— Время дорого, Исмаал. Не вспашу половину — чего доброго, все пропадет без пользы. Я должна сегодня же покончить с этим делом. Пойду поищу кого-нибудь!

Кайпа решительно направилась туда, где толпились люди.

Исмаал с грустью посмотрел ей вслед.

Гойберд работал один. Он делал несколько ударов колом, забрасывал в ямки зерно и засыпал ногой. Трудно без помощника. Рашида, который должен был вернуться спозаранок, почему-то еще не было. Гойберд то и дело поглядывал на дорогу.

— Хорошего тебе урожая, — пожелала подошедшая Кайпа.

— Спасибо. И ты, выходит, собралась в поле?

— Пришлось. Не бросать же землю. Деньги за нее все равно платить: вспашем или нет. Вот ведь как жизнь обернулась: родилась и выросла на этой земле, а надела не имею. Как вышла за Беки, объявили некоренной жительницей. Ах, да что говорить!

— Что верно, то верно. Вот и лошадь... В самое нужное время околела... Вы Рашида не видали? Скоро полдень, а его все нет.

Кайпа нахмурилась, но ответила:

— Нет, не видала. Знаю только, что Хажар стало совсем плохо. С постели не поднялась сегодня.

— Хоть бы один чурек с тобой прислали! Я от голода уже еле ноги передвигаю...

— Мы поделимся с тобой.

Кайпа отломила половину чурека и подала Гойберду. У него не хватило сил отказаться.

— Да воздаст тебе всевышний.

Хасан сбегал в шалаш, принес кувшин с водой. Гойберд с жадностью съел хлеб, запил его и, еще раз поблагодарив Кайпу, спросил:

— Что собираешься делать с землей?

— Хочу найти, кто бы согласился за половину урожая вспахать наш участок. Другого выхода у меня нет.

— Это уж верно, что нет! Одна ты ничего не сделаешь. Я и то вот думаю: может, половину кому сдать. Кол из меня душу вымотал...

Кайпа обошла всех, кто только был в поле. Пахать вполовину охотников не нашлось. Все отговаривались. Каких только причин не придумывали. Были, правда,

два-три покупателя на весь участок, целиком брали. Но больше пятнадцати рублей никто не давал.

— Мочко за двадцать пять сдает десятину, — говорили ей, — а его земля не чета вашей!..

— Когда мы арендовали ее у Мочко, тридцать платили,— негодовала Кайпа.

Однако не пропадать же земле?! Это понимали и покупатели. Они, как воронье, поджидали, кого беда зажмет в тиски. Наживались на тех, у кого один выход: или отдать землю за бесценок, или выкопать в ней могилу да самому туда заживо лечь!..

Наконец Кайпа сдала свой участок, сдал полдесятины и Гойберд.

Мать и сын возвращались домой. Кайпа шла быстро, временами оглядываясь и поторапливая отставшего Хасана. А мальчик не спешил. «Не все ли равно, где сейчас быть, дома или в степи?» — думал Хасан. После того что произошло накануне, он был неузнаваем: насупленный, молчаливый. На вопросы матери отвечал нехотя.

— Султан уж, наверно, из сил выбился от крика, — сказала Кайпа, когда Хасан нагнал ее.

— С ним же Хусен!

Малыш и правда обревелся. Хусен давно скормил ему оставленную матерью жидкую молочную кашицу. Но это ненадолго угомонило Султана. Поспал часок и опять заорал. Хусен и сам был готов разреветься от досады.

— Что тебе нужно? — кричал он.

Раскачав посильнее люльку, Хусен выбегал на минуту-другую на улицу посмотреть, не идут ли мать и Хасан. Но их все не было. Хусен и злился на маленького братишку, и жалел его: такой слабенький! Ножки и ручки тоненькие, шейка тоже!.. Удивительно даже, как голова у него не отрывается. А ребра торчат, точно у их околевшего мерина. Но мерин был старый, потому и худющий, а Султан ведь маленький!.. Мать говорила, он такой худой оттого, что болеет. И никто не знает, чем он болен. Одни женщины лечат его заговорами: мол, сглазили, другие что-то дают ему пить. Даже Шаши не раз приходила и давила бедняжке горло своими длинными костлявыми пальцами. Ничего не помогало. Хусен слышал, как взрослые говорили, что во Владикавказе есть доктора, которые

умеют распознать болезнь и вылечить человека. И в Моздоке они есть. Султана вылечили бы. Да только мать не может везти его к докторам, потому что нет у них денег. И почему в Сагопши нет ни одного доктора?

Хусен сидел над люлькой, склонив свою маленькую головку под тяжестью недетских вопросов, на которые у него не было ответа. Наконец, когда мальчик и ждать перестал, открылась дверь и вошли Кайпа и Хасан.

Гойберд вернулся вечером. Он так и не разделался с оставшейся полудесятиной. Рашид не пришел. Есть было нечего. Вот голод и погнал Гойберда в село. Он шел домой злой. «Мыслимое ли дело на пустой желудок заниматься такой работой?» — сетовал про себя Гойберд. И не догадывался он, что Рашид неспроста не пришел в поле.

Бедный малый все утро беспомощно метался вокруг постели больной матери. Не зная, как ей помочь, он побежал к тетке, сестре Хажар. В это время и вернулся отец.

— Чтоб вы передохли! Слышите, чтобы все передохли, как свиньи, объевшиеся золы! — С этими словами Гойберд вошел в дом. А через минуту оттуда полетела посуда. Сколько он ее перебил за свою жизнь!..

Сначала вылетел чугунный кумган, всегда стоявший у входа. Это, пожалуй, единственная вещь, которая пережила все другие чашки-плошки, хотя не раз попадала под руку разгневанного хозяина дома.

В этом году Гойберд с самой зимы так не расходился, а потому посуды в доме поднакопилось. Но после сегодняшнего буйства едва ли останется: летят чашки, миски, крынки, двухведерный глиняный горшок...

Дети испуганно сбились в кучу у нар, где лежала больная мать: боялись, как бы гнев отца не обрушился на них. Гойберд их не видел. Да детей он никогда и не трогал. Этого с ним не бывало.

Не найдя больше посуды, Гойберд пошел в другую комнату. Обычно, когда он бушевал, Хажар сердилась, кричала: «Бей, бей, тебе же хуже, кормить буду из собачьей миски!»

Сегодня она лежала, безучастная ко всему происходящему.

— Хоть поднимись, если не умерла! — закричал Гойберд.

Хажар открыла рот и тяжело вздохнула.

— Прислала бы мне в поле хоть один чурек, не пришлось бы теперь вздыхать!

Но Хажар больше и не вздыхала. Рот так и остался открытым, глаза тоже...

— Что это? — вырвалось у Гойберда. Он подошел и приподнял свесившуюся руку жены. — Ты слышишь, жена? Не надо!.. Слышишь?..

Подошли дети и молча уставились на мать. Они еще не понимали, что за горе обрушилось на них...

7

— Нани, а зерна в початках уже крупные! Я смотрел! — сообщил как-то Хусен. — Свари нам кукурузы!..

— Потерпи, сынок. Еще не время. Пусть дозреет. Дня через три она будет хороша, тогда и наварю.

Кайпа берегла кукурузу, давала ей вызреть. Но на беду завелся в доме воришка: голодный Борз повадился обгладывать початки. Сколько помнил себя Хусен, столько и Борз жил у них. Только кукурузы он раньше никогда не ел.

Кайпа не знала, что ей делать. Уже два года не сеяли они в поле. Вся надежда на огород возле дома. С самой весны ждали урожая. И на тебе: собака изводит кукурузу. Что ни делали: гоняли Борза, били его, сажали на цепь, но, едва улучив момент, он снова был в огороде. Голод побеждал страх.

— Выход только один, — сказал как-то Гойберд, — его надо убить. Клянусь богом, больше ничего не придумаешь.

— Придется... — вздохнула Кайпа.

А каково это убить пса, который вырос на глазах, которому Кайпа своими руками вместе с Беки подрезала уши и хвост, когда был он еще щенком?

Борз не унимался. И надо было решаться. Кайпа хотела, чтобы это по крайней мере произошло не на глазах, а где-нибудь подальше от дома.

— Гойберд, нечего делать, замани его да прикончи. Иначе он пустит нас по миру,— попросила наконец Кайпа.

Но Гойберд наотрез отказался.

— Не проси меня об этом, Кайпа. Не могу я. Да и нечем мне его бить. Для этого нужно ружье. Попроси Хамзата, сына Шовхала, — показал он на дом через дорогу.

...Увидев входящего во двор Хамзата с ружьем в руках, Хусен побледнел. Он знал, зачем пришел сосед, слышал, как мать говорила с Гойбердом. Мальчик тогда плакал, умолял не убивать Борза. Но мать сказала:

— Мне и самой жаль его. Но не идти же нам по миру?..

Хусен все понимал. Но сейчас он все равно ненавидел Хамзата. Не мог иначе.

— Ну, где ваш пес? — спросил Хамзат.

— Да где ему быть? Опять, наверное, в огороде. Хасан, позови его! — сказала Кайпа.

— Борз, Борз! Сюда! — крикнул Хасан.

Хусен надеялся, что Борз не прибежит. Но тот, глупый, тут как тут! Откуда ему было знать, зачем его зовут и что ему грозит.

Завидев Хамзата, Борз начал лаять на него.

— Ты уж, смотри, не промахнись, Хамзат, — взмолилась Кайпа и, не в силах видеть то, что должно произойти, зашла в дом.

Хамзат прицелился и выстрелил. Борз завизжал, рванулся в огород и скоро затих.

Потревоженные выстрелом, из дома Соси выскочили муталимы [1], но, узнав, в чем дело, преспокойно вернулись обратно.

Хасан только мельком глянул на мертвого Борза и отошел. Ему, видно, было не до него. Зато на Хусена было страшно смотреть. Молча стоял у плетня и не отрываясь смотрел на мертвого друга.

— Хусен, что это с Борзом? — услышал он вдруг изза плетня голос Эсет и, оглянувшись, увидел в щелку ее тревожные синие глаза.

— Убили!

— Кто?!

— Хамзат.

— Ах, сгореть ему в огне! За что он его?

— За то, что ел кукурузу...

— Ну и что же?

[1] Муталим — ученик арабской духовной школы — хужаре.

Хусен молчал. Еще слово — и он бы расплакался. Да и как объяснить Эсет, что сам-то он готов был всю жизнь не есть кукурузу, лишь бы Борз был с ним, но другим ведь нельзя без кукурузы... Она этого все равно не поймет. У них в доме зерна сколько хочешь. Откуда ей знать, как их бедная мать дрожит над каждым початком.

Эсет не знала этого. Но добрым своим сердцем девочка чувствовала, что все не так просто. И из желания сделать Хусену что-нибудь приятное сказала:

— Хусен, а мы зарезали барана!

Но он совсем и не обрадовался. И даже наоборот, решив, будто она хвалится, сердито буркнул:

— Подумаешь, большое дело, барана зарезали!..

— Я принесу тебе мяса.

— Не надо мне вашего мяса!

— Никто не увидит, я вынесу его из дому тихонько!..

— Уйди ты!

— Ну и ладно,— обиделась Эсет и отошла.

— Очень мне нужно ваше мясо! — раздраженно кричал ей вслед Хусен.— Вот мы зарежем кур — и у нас будет!..

8

Гойберд пожаловал на мовлат [1] спозаранку. Но ждать угощения ему пришлось очень долго. Уж и куры были сварены, но к еде не приступали — муллы еще не было. Кайпа с вечера ходила приглашать его.

— Выгляни, сынок, не видать ли его? — ежеминутно просил Гойберд.

Хусен и без него не раз бегал за ворота. Он не меньше Гойберда хотел полакомиться курятиной.

— Ну, идет? — спрашивал Гойберд и, не успевал Хусен рта раскрыть, сам же отвечал: — Клянусь богом, не идет!

Когда мулла наконец появился, все уже остыло. Поздоровавшись, он быстро прошел на почетное место и, тяжело вздохнув, как человек, уже успевший много потрудиться, покряхтывая, сел.

— А мы думали, Шаип, ты, может, и не придешь! Совсем заждались! — улыбнулся Гойберд.

---

[1] Мовлат — праздник по случаю рождения пророка Магомета.

— Клянусь Кораном, я пришел сюда, несмотря на то что сын Зубейры умолял меня пойти к нему!

— Это зачтется тебе, Шаип! Клянусь богом, зачтется! — не умея скрыть свою радость, сказал Гойберд.

Мулла Шаип весь взмок, а потому расстегнул свой шелковый бешмет.

— Кайпа, — предупредил он, — есть я не буду, не трудись подавать.

Гойберд при этих словах переменился в лице. Столько ожиданий, и что же?

— Нет, так нельзя! — не удержался он, будто мулла не у Кайпы, а у него в доме. — Это ведь сага[1]. Отказываться нельзя!

— Клянусь Кораном, некуда мне больше: уже сыт по горло!

И мулла, выразительно посмотрев на свой большой живот, с трудом скрестил на нем пухлые короткопалые руки.

— Хоть притронься к сага, — настаивал Гойберд...

Кайпа не заставила их долго ждать. Правда, пока мулла читал молитву, Гойберд еще не раз жадно сглотнул слюну. Но это и не удивительно. Даже сытый человек не останется равнодушным к вкусно пахнущим петушкам, а уж голодный и вовсе!..

Наконец настало мгновение, которого Гойберд ждал с самого утра: едва мулла притронулся к пище, как и он принялся за еду.

Проглотив кусочек-другой белого мяса, Шаип-мулла попросил чаю.

Покраснев до ушей, Кайпа вынуждена была признаться, что чая у нее нет.

— Выпей бульону, мулла, — смущенно предложила она.

Шаип-мулла призадумался, пить или не пить. А сам при этом все живот свой поглаживал, будто прислушивался к нему.

— Бульон очень полезен для здоровья, — впервые после того, как начал есть, заговорил Гойберд. — Клянусь богом, полезен.

Хусен заметил, что мулла почти ничего не ест, а это значит: им больше останется. Боится, видать, лопнуть,

[1] Сага — угощение в честь религиозного праздника.

как в притче о мулле-обжоре, который однажды на мовлат, переходя от соседа к соседу, до того объелся, что пришлось везти его домой на арбе. На беду, встречные люди предложили ему отведать еще и жареной индюшатины. Не смог мулла отказаться, съел кусок и лопнул.

Кайпа хлопотала вокруг Шаип-муллы, не знала, как его ублажить, и все уговаривала:

— Съешь еще кусочек, мулла, может, я не так приготовила, не нравится тебе курятина? Но другого у меня ничего нет. Ты уж не взыщи...

— Хватит и этого. Куда еще? Все очень вкусно. Просто я сыт.

— Что ты, Кайпа! — вставил и Гойберд, хотя его никто об этом не спрашивал. — Курятина на славу. Лучше приготовить невозможно! Клянусь богом, невозможно!

Кайпа и сама знала, что все сделано как надо. Ей не привыкать слушать похвалу своему умению. Правда, голодному Гойберду сейчас любая пища хороша. Но готовить она и вправду мастерица. Ее многие хвалили. Еще когда в девушках была, не раз готовила для гостей, а в доме родителей их было не счесть...

— Приготовить все можно!.. — развела руками бедная женщина.

— Было бы из чего! — добавил Гойберд.

— Да, Кайпа, тебе сейчас тяжело,— сказал мулла.— Но ты терпи, и всевышний воздаст за долготерпение! Сколько у тебя детей?

— Трое, мулла.

— Пусть принесут они твоему дому беркат...[1]

— Младший мой болеет сильно. С самого рождения болеет.

— Святой водой его поила? — спросил Шаип-мулла с равнодушным видом, просто так, чтобы что-то сказать.

— Все делала, а об этом не подумала, — сказала Кайпа.

На самом деле и святой водой поила, да только другой мулла ее святил. Кто знает, может, он не так, как надо, делал?

Шаип-муллу клонило ко сну. И уж очень ему не хотелось сейчас воду святить.

[1] Беркат — благо, благоденствие.

— Приходи завтра вечером ко мне, — сказал он, — я дам тебе святой воды.

— Да отблагодарит тебя бог!

Мулла уже поднял руки, готовясь к молитве, но глянул на Гойберда и, увидев, что тот все еще ест, снова опустил их.

— Поправится мальчик, — недовольно косясь на Гойберда, проговорил он. — За сегодняшнее твое служение пророку Магомету всевышний ниспошлет здоровье ребенку и дом твой оградит от бед и несчастий.

— Клянусь богом, оградит, — подтвердил и Гойберд. И в тот же миг с грохотом сбрушилась стена, подняв тучу пыли. Шаип с криком выскочил из дому. Вслед за ним выбежали остальные, Кайпа подхватила люльку. Остался только Мажи. Ему было безразлично, пусть хоть весь дом завалится — успеть бы мяса поесть...

— Я же сказал, что всевышний воздает тебе, Кайпа! — проговорил пришедший в себя Шаип-мулла. — Мовлат — это великое дело. Не отметь ты мовлат, весь дом мог бы завалиться.

— И оттого, что только одна стена завалилась, тоже не легче,— сокрушенно покачал головой Гойберд.— Клянусь богом, не легче.

Мулла, довольный тем, что целым и невредимым выбрался из этого дома, попрощался и, нашептывая молитву, удалился.

9

К воротам подъехал всадник. Кайпе и в голову не пришло, что это ее брат Орцхо. В последний раз он был здесь на другой день после похорон Беки. Оставил сестре бумажную трехрублевку, на том дело и кончилось. И никто его с тех пор больше в этом доме не видел. В Сагопши он, правда, приезжал, но только к Кориговым, к родственникам жены. Они оказались ему роднее сестры. Узнав об этом, Кайпа целую ночь проплакала. Горько, очень горько ей было. «Чего же тогда ждать от чужих людей?» — думала она.

Сейчас, увидев брата, Кайпа все забыла. Лицо засветилось радостью, впервые за последние три дня, как завалилась стена дома... Орцхо приехал в самое время... Уже несколько дней Кайпа безуспешно ломала голову,

не зная, как ей быть с домом. Теперь брат поможет! Обязательно поможет, посоветует ей, как дальше жить, подбодрит словом!..

— Что еще случилось? — не здороваясь, спросил Орцхо.

— То, что ты видишь, — едва сдерживая слезы, ответила Кайпа.

— Вижу, жизнь твоя с каждым днем хуже.

— Наверно, так богу угодно!

— Не знаю, что угодно богу, но твердо знаю, что ты получила то, чего искала! Сама во всем виновата.

Орцхо привязал коня к плетню и сел на большой камень.

— Я не жалуюсь. Бог даст, все поправится!

— Это сколько же ждать? Пока мертвые воскреснут, что ли?

Не услышав ответа, он спросил:

— А что же все-таки случилось? Не ураган ли прошел?

— Без урагана обошлось. Старый он, дом-то, ветхий.

— Та-ак. Где же вы ночуете?

— Пока у Гойберда.

— У Гойберда, говоришь? Что, у твоего мужа родственников нет? Как же они позволили тебе ютиться у чужих людей?

Каждое слово Орцхо безжалостно хлестало Кайпу, как плетью. От светлой ее радости в минуту, когда она увидела брата в воротах, не осталось и следа.

— Не думай, что они не звали нас. Да не могу я уйти далеко от дома. Здесь столько дела, да и ночью надо присматривать, чтобы не утащили чего...

— Ну, вот что! — решительно произнес Орцхо, хлопнув себя при этом ладонью по колену. — Пора тебе оставить и этот дом, и этот двор. Кончилась твоя жизнь здесь.

Кайпа застыла в растерянности.

— Я не понимаю тебя!

— Отдай детей родственникам мужа, а сама поедешь со мной! Вот тогда все и поймешь!

У Кайпы подкосились ноги. Лицо вспыхнуло, но через мгновение покрылось холодным потом. Хорошо хоть дети не слышат. «И неужели нас родила одна мать? — сокрушенно подумала бедная женщина. — До чего же он жестокий!» Она посмотрела на Орцхо, и внезапно ей показа-

лось, что перед ней не брат, а Саад, с холодным насмешливым лицом, только без бородки.

— Вот с какой жалостью, с каким советом ты приехал ко мне!.. — сказала Кайпа, почти задыхаясь от слез. — Да я скорее руки на себя наложу. Мне не нужен другой муж! Понимаешь ты это или нет?

— Тогда нам не о чем разговаривать! — сказал Орцхо и вскочил на коня.

— Пусть будет так! — бросила ему вдогонку сестра. — Но я не нуждаюсь в тебе, слышишь? Ни в ком не нуждаюсь! Знай это! Свои руки-ноги целы, справлюсь!

На голос матери прибежали Хасан и Хусен. Кайпа стояла в воротах и смотрела вслед брату.

— Нани, кто это? — спросил Хусен.

— Ваш дядя.

Хусен хотел побежать за ним, но старший брат удержал:

— Куда ты? Пусть едет. Мы не нужны ему. Иначе он не уехал бы, не повидавшись с нами.

Кайпа обняла обоих сыновей.

— Правильно говорит Хасан. Мы не нужны ему... И он нам тоже не нужен! Вот отстроим дом...

— И лошадь купим, правда ведь, нани? — перебил Хусен.

— Обязательно купим! Только сначала дом...

Хасан смущался, когда мать обнимала его или ласкала, и сейчас он высвободился из ее объятий. А Хусен еще теснее прижался.

— Нани, а сумеем сами выложить стену? — спросил он.

— Я надеялась, что сумеем, да похоже, что нет... Придется нанимать Алайга. Он мастер в этом деле. Быстро управится и сделает как надо.

В тот же вечер Кайпа пошла к Алайгу. Он один из немногих в селе умел и саман приготовить, и стены выложить, и крышу сделать. В России всему научился. Не то чтобы в самой России — недалеко от станицы Прохладной, но все, что за Тереком, здесь называли Россией. У ингушей не принято наниматься на заработки к своим же ингушам. Потому и уходили они далеко за Терек, туда, где их никто не знает. И какую бы там работу человек ни делал — пусть скот пас или навоз убирал, никто его не укорит, не унизит.

Алайг прожил в Прохладной пять с лишним лет, работал на местного богача. Вернулся в Сагопши с женой. Родные и соседи долго косились на него, хоть мулла и благословил брак Алайга с русской женщиной, а имя ее Марья переделал на ингушское Марем.

Поначалу Алайг не без труда сносил неприязнь окружающих, шушуканье вездесущих сельских сплетниц. Но постепенно привык и перестал обращать на все это внимание. А скоро и люди свыклись с Марем. И даже с уважением говорили, что, дескать, не хуже любой ингушки обычаи их почитает и язык выучила... Словом, к Алайгу и Марем все давно уже относились сердечно. Теперь у них было уже два сына и дочь.

Нужда заставляла Алайга подрабатывать, и хотя, как известно, ингуши к ингушам за плату не нанимаются, но Алайг — это другое дело: он мастер! И люди идут к нему за помощью. А он больше работает за зерно. И деньги-то нужны ему только на хлеб! Берет Алайг недорого. Потому и хозяйство его не растет.

Чтобы расплатиться с Алайгом, пришлось Кайпе продавать двухгодовалого теленка. Пятнадцать рублей за него дали. На три рубля купила зерна, остальные отдала Алайгу — не много это, но Алайг согласился. Условились только, что и Кайпа будет с ним работать.

— А как же, как же! — радостно согласилась она. — И я помогу, да и сын...

10

Рассвет чуть забрезжил, когда Кайпа начала копать яму под саман. До жары работать нетрудно.

Немного погодя прибежал Хусен и сказал, что Султан плачет. Кайпа принесла люльку из дома Гойберда, поставила ее в сарае. Чтоб не отрываться от дела, попросила Хусена покачать маленького. Хусену скоро надоел и Султан и его люлька.

— Нани, дай лучше я поработаю, а ты покачай его, — приставал он к матери.

Но Кайпа укоризненно смотрела на сына, и Хусен молча возвращался в сарай.

И только когда Алайг, ненадолго остановившись, сворачивал самокрутку, Кайпа сама направлялась в сарай. В другое время она не могла оторваться. Помочь боль-

ше некому. Все люди сейчас заняты на прополке. Даже Гойберд не может с ней поработать.

— Если бы не идти во Владикавказ! — смущенно разводил он руками. — Но семью ведь кормить надо!.. Хочешь, Кайпа, Рашида пришлю? Он не хуже взрослого поработает! Клянусь богом, не хуже.

— Спасибо, Гойберд, — сказала Кайпа. — Не беспокойся. Иди по своим делам. Ты и так для нас много сделал.

Рашид работал с ними. И хоть взрослого он, конечно, не заменял, но пользу приносил немалую: таскал воду из ручья, месил глину.

— Счастье, что вода рядом! — часто повторяла Кайпа...

Хасан убирал обломки завалившейся стены, когда вдруг заметил мешок. Он отгреб землю и вытащил его. В мешке было что-то тяжелое и длинное.

Хасан развязал узел, сунул руку в мешок и обмер: там была винтовка. Он тревожно огляделся вокруг: Кайпа работала в яме, Рашид ушел, а Алайг, стоя спиной к сараю, курил самокрутку. Только Хусен мог из сарая видеть его.

Хасан сел на землю и осторожно вынул из мешка короткоствольную пятизарядную винтовку. Все металлические части ее показались Хасану осколками упавшей с неба звезды.

— Хасан, откуда это? — вдруг прозвучал над ним голос брата.

— Шш! — сверкнул глазами Хасан и приложил к губам палец.

Он быстро засунул винтовку обратно в мешок, забежал в сарай и спрятал в ясли.

— Никому ни слова! Слышишь? Смотри, не то...

Он еще не договорил, а Хусен уже отчаянно мотал головой и выразительно проводил ладошкой под подбородком: мол, голову дает на отсечение, что будет нем как рыба.

Хасан не думал о том, чья это винтовка и придется ли отдавать ее хозяину. Ему было важно одно: у него есть оружие! Жаль вот только, стрельнуть нельзя. Выстрелишь во дворе — услышат, а в лес нести опасно. В пути на кого-нибудь нарвешься. А если казаки встретятся, обязательно обыскивать станут. Если бы лошадь была. В арбе

легче спрятать. И предлог был бы в лес поехать. Сказал бы: за хворостом или за дровами...

Как-то Кайпа решилась попросить Исмаала привезти ей из лесу хвороста и жердей потолще для крыши.

— Нани, ты попроси арбу, а Маи[1] пусть не едет. Он нам не нужен. Мы с Хусеном сами привезем хворост, — настойчиво уговаривал Хасан.

Радость-то какая! Поедут одни — винтовку можно взять с собой.

— А мы одни поедем! — сказал мальчик, когда Исмаал приехал на арбе.

Но Исмаал посмотрел на него и широко улыбнулся, обнажив свои кривые зубы.

— Жерди, которые ты привезешь, будут годиться разве только на курятник.

Слова эти очень обидели Хасана, но старшему обиду не выскажешь, а Исмаалу тем более.

— Не горюй, что со мной поедешь, — похлопал его по плечу Исмаал, — я тебе такой лес покажу, какого ты еще никогда не видел.

Хусен тоже было собрался в дорогу, но Кайпа не пустила его, сказала, что он нужен дома. Хусен знал, зачем нужен, — Султана укачивать. Ох, и когда же он избавится от этой люльки!..

Жердей и кольев нарубили достаточно. Исмаал остался еще работать, а Хасана отправил домой. Да велел поторопиться — скорее обернуться туда и обратно.

Дорога в лесу плохая. Иной раз колесо проваливалось до самой спицы. Какой-нибудь кляче и не выбраться. Но у Исмаала конь сильный. Хасан ехал и тихо напевал. Когда ехали в лес, пел Исмаал, а Хасан только слушал. Исмаал даже русскую песню пел. Только Хасан ее не запомнил.

Наконец выехал из лесу. Неподалеку от дороги стоял шалаш. От него навстречу Хасану ехал всадник. Он внимательно осмотрел прямые, как шомпола, жерди и проехал мимо. Перед Хасаном проплыли знакомая борода и щеки цвета спелой земляники. Мальчик весь задрожал. «Вот бы сейчас винтовку!» — подумал он и тут же вспомнил, что стрелять еще не умеет. Ну да ладно, Саад от не-

---

[1] Уменьшительное от Исмаал.

го не уйдет. Надо только поскорее научиться стрелять, а главное — целиться как надо.

...Когда вечером, уже вдвоем возвращались из лесу, они опять проезжали мимо того шалаша. Хасан подумал: «А что, если открыть тайну Исмаалу? Он ведь был на войне, винтовку знает хорошо! Научит стрелять!..» Но так ничего и не сказал, не решился.

— Похоже, Саад опять эту балку захватил, — нарушил молчание Исмаал.

— Я видел его здесь, когда днем проезжал, — сказал Хасан.

— Убрать бы надо этого мерзавца, — проговорил едва слышно Исмаал, — да сила на его стороне...

11

Хусен уже давно не видел Эсет. С тех пор как он тогда прогнал ее, девочка больше не приходила к плетню, и на улице ее не видно. Хусен теперь играл только с Зали и Мажи. Они близнецы, но Зали крупнее брата — и ростом выше, и полнее. Гойберд часто ругал ее: «Ты уже большая, присмотрела бы за домом, чем играть с малышами». Он, видно, забывал, что Зали не старше Мажи.

А Зали и без отцовских наставлений делала всю домашнюю работу. Только изредка удавалось ей поиграть с ребятами. У Хусена теперь тоже не много свободного времени. С тех пор как стали перестраивать дом, он только и знал, что с Султаном нянчиться.

Хасану тоже не до ребячьих игр — с утра до ночи месит глину в яме. Ему изрядно надоела эта работа. Хотел вместе с Рашидом наняться купать угромовских овец, но мать воспротивилась.

— Уже осень на пороге, кончать надо с домом. Не зимовать же нам у чужих людей.

— Да разве мы одни справимся!.. Уж когда Алайг кладку закончил, а мы все никак стены не обмажем, — ворчал Хасан.— Говорю ведь, белхи надо созвать.

— И для белхи хватит работы, крышу ведь еще будем мазать. К тому же людей кормить надо. А чем?

Хусен никогда не перечил матери. Видя ее вечно испачканное глиной лицо с ввалившимися глазами, он очень жалел мать и старался угодить ей во всем.

Хасан тоже жалел мать. И вовсе не из лени он рвался купать овец. Ему хотелось заработать немного денег. Он верил, что так сможет принести больше пользы дому. Помещик платил пятнадцать копеек за день.

Хусен, которому всегда хотелось делать то же, что и брату, на этот раз даже не заикался о том, чтобы и ему пойти с Хасаном. Он знал: об этом не может быть и речи. Мать одна и вовсе ничего не сделает.

— Нани, а почему нам никто не помогает? — с грустью спрашивал Хусен.

— Сейчас горячая пора в поле, сынок, — отвечала мать, — люди убирают урожай. Это дело такое: на день запоздаешь — лишний месяц голодным сидеть будешь. У каждого свои хлопоты.

— И Алайг не пришел! — глубоко вздохнул Хусен.

— Он на похоронах. Придет попозже. Алайг почти все сделал, о чем мы с ним сговорились. Осталось только окна и дверь навесить.

— А кого хоронят?

— Сына Зуйберы, Махти убили.

— Кто убил, нани?

— Власти убили.

— За что?

— Говорят, был абреком.

— А Дауд? Его они тоже убили?

— Кто знает...

Хусен расширенными от тревоги глазами смотрел на мать. До сих пор он ни разу не подумал, что Дауда могли убить! А ведь могли же? Ух, этот Соси! Не скажи он старшине, Дауда не арестовали бы!

Хусен помолчал, потом снова взялся за лопату и вдруг увидел Эсет. Только ее здесь и не хватало. Хусен так посмотрел на девочку, будто это вовсе и не она, а сам Соси вошел к ним в дом.

— А, Эсет! — радостно улыбнулась ей Кайпа.

Если бы не это восклицание, Эсет, может, и ушла бы. Чего ей стоять, как нищенке у чужого порога, если Хусен, с которым они так долго не виделись, смотрит на нее, будто на врага.

— Удивительно, как это Кабират отпустила тебя к нам! — не сдержалась Кайпа.

— Ее нет дома, — бесхитростно ответила девочка. — Уехала с дади во Владикавказ.

— А-а! — протянула Кайпа и снова взялась за работу.

Хусен, тоже не глядя на Эсет, стал подавать матери глину. Девочка решила, что он сердится на нее за тот разговор, и удивилась. Ведь она-то забыла обо всем, хоть это он прогнал ее. Чего же Хусен дуется? А может, обижен, что долго не приходила мириться. Но это ведь не от нее зависит.

— Ты, наверно, пришла поиграть? — снова улыбнулась Кайпа. — А Хусену, видишь, некогда...

— Я хочу помогать вам стену обмазывать.

— Что ты говоришь, доченька! А ты умеешь это делать?

— Умею...

Эсет неуверенно направилась к ним, но вдруг снова встретилась с хмурым взглядом Хусена и остановилась.

— Не боишься платье запачкать? Смотри, Кабират накажет тебя! — предостерегла Кайпа. Однако увидев, что Эсет чуть не плачет, пожалела ее и сказала: — Ну ладно, иди, поработай со мной, раз хочется, помоги.

Эсет, будто ничего не слыхала, продолжала в упор смотреть на Хусена.

— Ну, что выпучила свои гусиные глаза? — рявкнул Хусен.

«Щербатый», — хотела огрызнуться Эсет, но Кайпа опередила ее.

— Что ты сказал? — крикнула она на сына. — Ах ты, негодник! Хочешь, чтобы я этим комом глины залепила тебе рот? Иди сюда, Эсет, не обращай на него внимания.

И когда Эсет, засучив рукава, начала ловко мазать стену, Кайпа, не без тайной зависти в душе, сказала:

— Видишь, какая девочка! Как она аккуратно все делает. Дай тебе бог здоровья, голубчик мой!

Раньше, хотя Хусен и знал, что Дауда арестовали по вине Соси, он все равно дружил с Эсет. Но теперь, когда подумал, что и Дауд, как Махти, может, давно уже убит, не мог по-прежнему относиться к девочке.

— Ее отец донес на Дауда! — не выдержал Хусен.

— Ну и что же? Она-то чем виновата? — возразила Кайпа.

— Да поможет тебе бог, доченька! — донеслось со двора.

Хусен сразу узнал голос старой Шаши. Она всегда от самых ворот начинала кричать.

— Как дом-то отделала! Настоящий дворец!

Кайпа слезла с перевернутой кадки, стоя на которой она работала, и пошла навстречу Шаши.

— Да какой уж дворец. Так, только что не курятник!

— А чего тебе еще надо? Есть надежная крыша над головой — и ладно! — приговаривала Шаши, одобрительно оглядывая все вокруг.

— Хусен, принеси скамеечку, — приказала Кайпа.

— Да ты не беспокойся. Работайте себе. А я здесь, на порожке, присяду. Уффой, устала я очень, — вздохнула Шаши. — С похорон иду. Знаешь ведь, Махти сегодня хоронили? Ты, кажется, не была там? Да и где тебе, бедняжке. За мужчину в доме работаешь. Все ведь одна делаешь! Хорошо хоть сыновья у тебя не балованные.

— У меня уж и слез нет на похороны-то ходить! Все выплакала...

— Что делается во дворе у Зуйберы, — всплеснула руками Шаши. — И камень заплачет! Махти был очень хорошим человеком. Помогал всем попавшим в беду. Потому народ и горюет о нем.

— А дади говорит, что его за дело убили, — неуверенно проговорила Эсет.

— Ты чья же, цветочек? Что-то тебя не знаю!

— Это — дочка Соси,— ответила Кайпа вместо Эсет, которая стояла красная, как мак, с низко опущенной головой.

— Что ты говоришь? Да сохранит тебя бог! Не удивительно, что Соси думает, ведь Махти всю свою жизнь только и знал, что с такими, как он, воевал. Пусть будет блаженством ему тот мир!

— И зачем он сдался в руки гяурам? Неужели не мог уйти от них? — сокрушалась Кайпа.

— Его же предали, доченька. Окружили в доме Исхака ночью, когда он спал. О, чтоб отсох и отвалился язык у предателя. Махти ничего не оставалось, как сдаться. Гяуры грозили сжечь дом, и Махти не допустил, чтобы из-за него погибли другие люди.

— Где же они убили его?

— По пути в Назрань. Застрелили прямо на дороге. А что им? Скажут, хотел бежать, потому, мол, и убили.

— Эйшшах, — вырвалось у Кайпы, — чтоб они сгорели синим огнем.

— Бог уже наказывает гяуров, — успокоила ее Шаши. — Рассказывают, Зелимхан из Харачоя уничтожает их десятками в ущелье Ассы.

— Да хранит его бог, заступника! — проговорила Кайпа, утирая рукавом глаза.

Хусен слушал все, что говорили о Махти, но думал при этом о Дауде. Говорят, за донос платят деньги. Наверно, и Соси за деньги предал Дауда?

Хусен покосился на Эсет и шепотом спросил:

— А сколько заплатили твоему отцу за Дауда?

— Нисколько! — зло сверкнула своими синими глазами Эсет.

— Зачем же он тогда донес?

— Откуда я знаю! Да, может, он вовсе и не доносил! Ты-то с чего это взял, щербатый?

— Ах ты, гусиные глаза! С чего я взял, говоришь?..

— Не приставай к девочке! — остановила перебранку детей Кайпа.

— И то верно, оборванец! — вмешалась и Шаши.— Что ты обижаешь девочку? Она же вам дом обмазывает. Не сердись на него, детка! — добавила Шаши, обращаясь уже к Эсет. — Красивая из тебя вырастет девушка...

Старуха даже причмокнула от удовольствия, глядя на Эсет.

— И характер у нее хороший. Тихая, ласковая. Будто и не из того дома, — вставила Кайпа.

Эсет совсем смутилась от похвал и, не поднимая глаз, усердно работала, чтобы, не дай бог, не встретиться взглядом с Хусеном. А тому сейчас безразлично, красивая она будет или уродина. До самого вечера больше ни разу и не взглянул на девочку. И остались лежать за пазухой у Эсет конфетки, которые она принесла Хусену. Так и ушла с ними домой, чуть не плача от обиды.

Когда вечером пришел Рашид, Хасан уже вылез из ямы и отдыхал.

— Нани, испеки нам чурек, — попросил Хасан, — очень есть хочется.

— Сейчас. Вот только домажу эту глину, не то жалко, засохнет, — ответила Кайпа. — А ты пока смели муку.

Хасан промолчал. Он готов поголодать, лишь бы не молоть на этой злосчастной мельнице.

Через минуту Кайпа спросила:

— Что же ты не мелешь?

— Неохота мне, — попытался отвертеться от поручения Хасан, — я лучше не евши спать лягу.

— Идем, я помогу тебе, — сказал Рашид, — вдвоем мигом смелем.

Они крутили по очереди. И когда один крутил, другой насыпал зерно.

— А я сегодня по горло сыт, — похвалился Рашид, не без гордости глянув на Хасана. — Какого барана у Угрома съели. Как барсук, жирный!..

— Целого барана съели? — удивился Хасан.

— Что ж такого? Нас было человек десять! — Рашид уже и забыл, что достался-то ему от этого барана всего кусочек. Он отчаянно расхвастался. — А хлеб какой дали! Мягкий и белый, словно вата. И чорпа [1] была особенная, борщ называется. Чего только в ней не было. Капуста, картошка и еще всякая всячина. Вкусно!

За таким аппетитным разговором Хасан даже не заметил, как они смололи миску кукурузы.

Хасан опять пристал к матери, чтобы она отпустила его на другой день с Рашидом.

— Ты, наверно, с ума сошел или заболел, — рассердилась Кайпа. — Нам с домом разделаться надо, а ты к Угрому пойдешь? Заработаешь копейки, а дело не сделаем. Люди над нами смеяться будут.

— Ну и пусть смеются. А с домом я тебе тоже помогу. Вот поужинаем, накопаю глины и залью ее водой. Считай, все завтрашнюю работу сделаю. Отпусти, нани, ладно?

Кайпа помолчала. Потом махнула рукой:

— Иди куда хочешь. Наверно, и Хусен с тобой попросится. Делайте как знаете. Видно, на роду мне написано одной со всем управляться.

Сказала, а про себя подумала: «Может, оно и к лучшему! Пойдет к Угрому, денег заработает. Все помощь хозяйству».

До поздней ночи Хасан вместе с Рашидом копали глину, таскали воду с улицы.

[1] Чорпа — бульон, суп.

— Нани, осталось только мякиной посыпать и все перемесить. Слышишь, нани?

— Слышу, слышу, — ответила Кайпа.

Но хмурое лицо ее так и не просветлело.

12

Маленькая речушка Дибир-Эли, пройдя вдоль села, сворачивает в Алханчуртскую долину. Там неподалеку есть пруд. В нем обычно поят отары, а рядом, в больших ямах специальным раствором моют овец.

Богатеи, они предусмотрительные. Выбрали место подальше от своего жилища, чтобы лекарственные запахи не отравляли им воздух. А что пруд близко от села и всем людям от этого будет плохо, на то они плюют.

— Сначала надо зайти в экономию [1],— сказал Рашид Хасану и Мажи. Он уже знал здешние порядки. — Если не покажетесь там, денег вам не заплатят. Никто ведь и знать не будет, работали вы или нет!

— А кому показываться? — спросил Хасан. — Самому Угрому?

— Так уж и Угрому? — засмеялся Рашид. — Станет он смотреть на твою латаную рубаху! Или на плешивую голову Мажи...

Мажи недовольно покосился на брата, но ничего не сказал из боязни, как бы тот не прогнал его.

— Угром — помещик, — продолжал Рашид. — Он здесь и не бывает. Вместо него заправляет Зарахмет.

Хасан никогда раньше не был в помещечьей усадьбе. И близко не подходил. Только издали видел этот большой двор с многочисленными амбарами и сараями. А посреди двора стоял дом. И какой дом! Даже окна в нем больше, чем дверь в лачуге у Хасана.

С угромовским не сравнится ни один дом в их селе. Даже дом Соси, и тот похож скорее на помещичий сарай, только что с окнами. Во двор их не пустили. В будке сидел охранник. Его дело — задерживать непрошеных гостей, беречь покой хозяев. Ребята довольно долго прождали Зарахмета. Наконец он вышел в сопровождении Саада. На свою беду, Хасан везде сталкивался с ним. Видно, сама судьба их сводила, чтобы память у сына Беки не притупилась.

[1] Экономия — так называли в народе имение, поместье.

Саад вел под уздцы коня.

— Подними голову, чтобы выше казаться, — велел Рашид брату Мажи, — а спросят, сколько тебе лет, скажи двенадцать.

— Работнички пришли, — пренебрежительно кивнул в сторону мальчишек Зарахмет.

— Работнички что надо, — усмехнулся в ответ Саад.

— Ты ведь уже был здесь? — спросил Зарахмет, обращаясь к Рашиду.

— Да, был. Сегодня я привел этих двух...

— Новых, значит, привел! — Зарахмет пристально посмотрел на Мажи. — Этот может загнать овцу не туда, куда надо. Глаза у него смотрят криво.

Мажи так хотелось остаться! Он ведь тоже слушал рассказы брата про жирную баранину и белый, как вата, хлеб. Больше всего Мажи боялся, что его прогонят домой и он не отведает этих лакомств.

— Зато глянь-ка на глаза другого, — сказал Зарахмету Саад, указывая на Хасана, — блестят, как у волка. Его тоже небезопасно допускать к овцам.

— А не думаешь ли ты, что меня и к тебе небезопасно подпускать?.. — выпалил Хасан.

— И ко мне, говоришь, небезопасно? Мужской разговор! Ты, я вижу, парень хоть куда! — Саад поднял большой палец левой руки. — Клянусь богом, вырастешь мужчиной!

С этими словами Саад вскочил на коня. Видно, не признал Хасана. Что у Беки остались сыновья, ему было известно, но они пока малы, а значит, остерегаться их еще нечего.

Зарахмет достал из нагрудного кармана карандаш и книжечку, записал имена вновь пришедших и чьи они дети. Всех, кто допущен к овцам, надо знать... вдруг недосчитаются овцы, известно будет, кого к ответу привлекать.

Когда Хасан назвал имя отца, Зарахмет внимательно посмотрел на мальчика, а потом глянул вслед удаляющемуся Сааду.

Далеко от пруда, в котором купали овец, уже чувствовался тяжелый, зловонный запах.

— Как ужасно пахнет, Рашид! Это откуда? — спросил Хасан.

— Это еще что! Вот до места дойдешь, тогда узнаешь, как там воняет.

— А вчера ты почему-то даже не заикнулся, что тут такая вонища, — упрекнул Хасан.

Испугавшись, как бы товарищ не раздумал и не ушел, Рашид стал успокаивать его:

— Запах только сначала чувствуется. А привыкнешь, даже не замечаешь его. Это просто лекарство такое добавляют в воду, чтобы овцы не болели...

Рашид зря беспокоился. Хасан и не собирался возвращаться домой. Не для того он с таким трудом уговаривал мать, чтобы от первой неудачи удрать.

Действительно, когда начали работать, стало легче.

Поймав в загоне овцу, ребята спускали ее в яму. Главная трудность состояла в том, чтобы подтащить упирающуюся изо всех сил овцу к желобу, а оттуда она сама летела в яму. Это было и трудно, и интересно... После каждой овцы они дружным смехом торжествовали свою маленькую победу.

— Ну, как? Наловчились уже? — покровительственно спросил кто-то подошедший сзади.

Хасан обернулся. Перед ним стоял Мухи Рваная Губа. Первым побуждением Хасана было тотчас же уйти. Он давно и не без причины ненавидел Мухи, этого задиру и забияку, который вечно лез ко всем. Правда, Хасана он побеждал, только если бывал не один.

— Вы тут случаем не в начальниках ходите? — презрительно спросил Мухи.

— Не твое дело! — бросил Хасан.

— Ну сейчас узнаем, чье это дело! Ты знаешь, кто я?

— Еще бы не знать. Мухи Рваная Губа, вот ты кто!

— А ты — сын неотмщенного отца.

Подоспевший пастух вовремя разнял их.

— Драться лезешь? — не унимался Мухи. — Если ты мужчина, чего же не мстишь за своего отца!

Пастух с трудом сдерживал Хасана.

— Мухи, не говори лишнего, — встал между ними большеголовый парень по имени Ювси.

Спокойный и сильный, он всегда выступал примирителем в ребячьих ссорах.

— Хасан, и ты не горячись, — добавил Ювси. — Мухи старший. Он — главный над нами.

— Ну, для меня он никакой не главный!

— Нет, главный. И для тебя, и для всех, кто здесь работает. Так сказал Зарахмет, — пояснил Ювси.

На этом мир между Мухи и Хасаном, конечно же, не установился, но до обеда они больше не сталкивались, только изредка косились друг на друга.

Когда к обеду пришли в экономию, Зарахмет еще раз во всеуслышание напомнил, что старший среди них — Мухи и того, кто не будет ему подчиняться, Мухи может и выгнать.

После обеда, увы, совсем не похожего на тот, о каком рассказывал Рашид, но все же довольно сытного, Хасан чуть задержался в угромовском дворе. Такого богатого хозяйства Хасану еще никогда не доводилось видеть. Он всему удивлялся.

У самого дома в тени высоких деревьев сидела в кресле и читала книгу какая-то темноволосая девушка с толстой косой, в нарядном светлом платье. «Должно быть, дочь Угрома!» — подумал Хасан. Он слыхал, что у помещика всего одна дочь. «И зачем ему столько богатства, столько овец?» — размышлял Хасан.

— Ты работать пришел или глаза таращить? — услыхал вдруг над собой чей-то голос Хасан.

Это с крыльца кричал Зарахмет.

Хасан вздрогнул и увидел, что стоит один. Все ребята уже ушли. Он быстро зашагал к воротам.

Девушка на крик Зарахмета подняла голову, лениво посмотрела вслед уходящему и снова уткнулась в книгу.

— Ты что, не наелся? Остался облизывать чашки? — криком встретил его Мухи.

— Пока дождешься от меня этого, сам сто раз оближешь.

— А чего же ты застрял?

— Так захотелось!

— Будет лучше, если ты перестанешь чесать свой язык. Делай то, что тебе велят, да помалкивай.

— То, что ты велишь?

— Да, то самое. Слыхал, что Зарахмет сказал? Не хочешь подчиняться, валяй отсюда, пока не поздно.

— Ну это мы еще посмотрим...

Мухи велел Рашиду пригнать новую партию овец. Дал ему в помощь еще одного мальчишку. Хасану тоже хотелось пойти с ними. Но проситься надо было у Мухи, а на это Хасан ни за что не согласился бы.

День подходил к концу. И все обошлось бы без особых ссор, если бы не Мажи.

Глядя на то, как овцы скатываются в яму с раствором, Мажи весело хохотал. И тут-то к нему неожиданно подобрался сзади Мухи, сорвал шапку с головы и закинул ее в яму, где бултыхались овцы.

— Работать надо было, не смеяться. А теперь вот смейся сколько хочешь! — крикнул Мухи.

Прикрыв ладонями свой лишай, Мажи смотрел туда, где плавала шапка, и плакал. Но слезами горю не поможешь. И Мажи полез в яму.

Все безжалостно смеялись над несчастным Мажи. Один только Ювси с укоризной посмотрел на Мухи.

— Зря это ты сделал. Нельзя унижать человека.

— Ничего. Нет худа без добра. Может, теперь наденет шапку и лишай пройдет. Там ведь такие лекарства!

Подошел Хасан. Он не видел того, что здесь произошло. И, глядя на спускавшегося к овцам Мажи, закричал:

— Ты рехнулся, что ли? Зачем туда лезешь?

— Рваная Губа мою шапку сюда бросил!

Хасан подошел к Мухи.

— Как бы тебе понравилось, если бы твою шапку бросили?..

И не успел Мухи глазом моргнуть, как его собственная шапка полетела в яму.

— Я тебя самого сброшу туда, чтобы ты зубами достал ее, — кинулся Мухи на Хасана.

Но Хасана одолеть не так-то просто.

Никто не подходил к ним и не разнимал. Наблюдали со стороны.

Только Ювси, покачивая головой, все повторял:

— Хватит вам. Не маленькие ведь...

— Заступаться решил? — не унимался Мухи. — Кто он тебе? Может, братец? Но он, кажется, родился раньше, чем твоя мать стала спать с его отцом?

— У, чтоб со свиньями спали и твой отец, и твоя мать! — крикнул Хасан и столкнул противника в желоб.

Мухи быстрее любой овцы скользнул в яму.

— Ну, подожди, — крикнул он снизу, потрясая кулаками, — я до тебя еще доберусь. Не тебе гордеца из себя строить. Лучше за своей матерью последил был. Все село говорит, что она с Гойбердом спит.

— Ну-ка, вылезай, если ты мужчина! На всю жизнь отобью у тебя охоту трепать языком, — сжав губы, тихо, но очень внятно сказал Хасан.

К яме подошел Зарахмет.

— Какой черт понес тебя туда? — удивленно спросил он, увидев в яме старшего.

Мухи молча, не без труда вскарабкался по желобу наверх. Ни словом не обмолвился он, что это Хасан свалил его. Не из благородства, понятно. Из самолюбия не сказал да из страха, чтобы Зарахмет не лишил его должности. Ведь управляющий потому и поставил Мухи, что считал его и смелее и бойчее других.

Кто-то из ребят стал во всех подробностях рассказывать о случившемся. К одному голосу скоро прибавился целый хор.

— Какой же ты старший, — покачал головой Зарахмет, — если тебя, словно барана, в яму сбросили?

Мухи стоял с низко опущенной головой и молчал.

— Ну, если ты смелее и сильнее, чем он, — снова заговорил Зарахмет, теперь уже обращаясь к Хасану, — сам бог велит мне поставить старшим тебя.

Но Хасан ничего не слышал. Его правая бровь поднялась над глазом высокой дугой, как всегда, когда он напряженно о чем-нибудь думал.

А думал Хасан о том, что услышал от мерзавца Мухи. «Неужели все это правда? — ломал голову мальчик. — А если правда?!»

— Ну, давай командуй, пусть работают! — приказал Зарахмет. — Чего стоишь? Или не слышишь моих слов?

Хасан только тут сообразил, что управляющий назначил его старшим.

— Сам командуй! — Хасан пошел прочь.

— Ты что? Ты в своем уме?! — замахал руками Зарахмет, глядя вслед Хасану.

— Он пошел посмотреть, что там Гойберд делает с его матерью, — злобно крикнул Мухи.

Хасан не обернулся. Никому он сейчас не смог бы посмотреть в глаза. Ему уже казалось, что все село только и говорит о его матери и о Гойберде.

«Неужели это правда? — снова и снова задавал он себе один и тот же вопрос. — А если правда? Что тогда делать? Эх, нани, нани! Как же нам теперь жить?»

Но через мгновение Хасан уже стыдился того, что поверил Мухи. Стыдился и уговаривал сам себя: «Нет! Не правда это! Наша нани не такая!»

13

Кайпа, покончив с работой, мыла руки, когда вошел Хасан. Она ласково поглядела ему в глаза. Хоть с вечера и сердилась, что уходит работать с Рашидом, когда дома столько дела, но сейчас радовалась: слава богу, вернулся цел и невредим.

Сердце матери никогда не бывает спокойным, если дети ее где-то далеко, не при ней...

— Ты рано что-то, — сказала Кайпа. — Я ждала тебя позже.

Хасан не ответил и хмурый сел у порога.

— Что-нибудь случилось? — спросила мать. — Отчего ты такой грустный?

— Так, ничего, — неопределенно ответил Хасан.

Ему не терпелось высказать все, что наболело в душе. Но как? Как начать такой разговор с матерью? И если вдруг все окажется правдой?..

Он посмотрел на иссохшие, натруженные руки Кайпы.

— Хасан, а где Рашид?

Мальчик вздрогнул от неожиданности. Перед ним стояла Зали. Он не заметил, как она подошла.

— Скоро придет твой Рашид.

— А когда скоро?

— Когда кончит работать! — раздраженно ответил Хасан.

— А как же ты? — удивилась мать. — Вы ведь вместе пошли? Ты что же, не работал?

Хасан промолчал.

— Может, поссорился с Рашидом? Или, хуже того, подрался с кем-нибудь? — уже сочувственно спросила Кайпа и, подойдя к сыну, присела рядом с ним. — Поделись со мной, тебе станет легче. Я же мать твоя!

Кайпа обняла его. Хасан не увернулся, как обычно, только испытующе посмотрел на нее. «Если ты мать, — подумал он, — зачем позоришь своих детей?»

Через минуту он вскочил и побежал. Кайпа, не понимая, что с ним вдруг приключилось, растерянно смотрела ему вслед.

— Нани, он ничего не скажет и меня ругает, когда я тебе что-нибудь говорю, — вставил Хусен.

— А кому же вам еще говорить, если не мне?

— Ты ведь все делаешь по-своему, нани. И лошадь Товмарзы вернула...

— Не иначе, как опять что-то натворил, — с тревогой сказала Кайпа и пошла за сыном.

Недалеко ей пришлось идти. Хасан ничком лежал в траве у самого плетня. Дважды мать подходила к нему, но он не заговорил с ней и даже не посмотрел в ее сторону. Так и пролежал до позднего вечера.

Уже с люлькой в руках, собираясь на ночевку в дом Гойберда, Кайпа снова подошла и сказала:

— Ну, хватит, вставай. Пора спать, идем в дом.

— Мой дом здесь, а не в чужом дворе. Не буду я больше ночевать у чужих людей.

— А, понимаю наконец! Вы поссорились с Рашидом. Это нехорошо, сынок, ты становишься очень неуживчивым. Ну, поднимайся. Идем, я помирю вас.

— Нечего нас мирить. Мы не ссорились.

— Тогда скажи, что же случилось? С каких пор у тебя завелись секреты от меня?

Хасан опять молчал. Кайпа постояла минуту-другую и уже сердито сказала:

— У меня нет ни сил, ни времени читать над тобой молитвы. Делай как знаешь!..

Взяв люльку, она пошла со двора.

Хасан мгновенно вскочил и преградил ей путь:

— Нани, не ходи туда! Прошу тебя!

— А куда мне идти? Не на улице же ночевать с больным ребенком!

— Мы не пойдем с тобой. Ни я, ни Хусен!

— Как хотите.

— Можешь оставаться там навсегда! — крикнул он и снова повалился в траву.

Хусен не знал, как же ему поступить: мать обидеть не хочется и Хасана нельзя так оставить. Он растерянно поморгал глазами.

— Могу оставаться там насовсем, говоришь? Значит, я вам не нужна? Что ж, так, видно, мне и надо. Вырастете, пожалуй, еще не то скажете...

Хасан не поднимал головы и молчал. И это окончательно вывело Кайпу из себя.

— Скажи хоть слово, если ты не окаменел. Что случилось? Отчего ты весь вечер мучаешь меня?

— Я не мучаю тебя. А хочу, чтобы ты сидела в своем доме и... и не позорила нас, слышишь! — чуть не плача крикнул Хасан.

— Это я-то позорю вас?! — остолбенела Кайпа. — Что ты говоришь? Я что, бросила вас и вышла замуж?.. Ну хорошо! Идите оба и принесите наши пожитки. Я и под открытым небом останусь — не беда. О вас же думала, боялась, простудитесь, заболеете... Разве мне эта крыша нужна?..

...Гойберд удивленно смотрел, как Хасан и Хусен молча собрали и понесли свои вещи.

— Куда вы? Дом-то ведь еще не закончен? — сказал он. — Крышу мазать надо. Нам вы нисколько не мешаете... А на улице разве можно сейчас спать? Уж осень. Что, если дождь пойдет?..

Братья молчали.

— Ничего не понимаю, — развел руками Гойберд, но тут же схватился за поясницу и, согнувшись дугой, весь скривился, как от боли. — Клянусь богом, ничего не понимаю!..

В сарае уже были расстелены постели, когда твердым шагом вошел весь красный от гнева Гойберд.

— Кайпа! — сказал он, скрестив руки на груди. — Видит бог, я пожалел вас, когда вы остались почти под открытым небом, и дал вам приют под своей крышей. Мне не было в этом никакой корысти. Дети поссорились, могут всякое сказать. У меня нет жены, у тебя нет мужа. О нас тем более можно языки чесать. Но кто бы и чего бы ни говорил, пусть даже с минарета мечети горланит об этом, бог свидетель, что у меня и в мыслях не было ничего худого. Пусть могила мне будет тесной, если я лгу!

Сказав это, Гойберд круто повернулся и вышел.

— Так вот ты отчего умом помутился, глупыш? — сказала Кайпа. — А я-то думала, сын у меня уже взрослый и все понимает! Да знаешь ли ты, что злые языки могут всякое сказать?

— Больше не скажут, — пробурчал из своего угла Хасан.

— Людям рты не закроешь. Пусть себе говорят. К чистому грязь не пристанет.

— Не будут больше говорить, нани! — крикнул Хасан. — Я не прощу никому, кто скажет о тебе плохое!

— Эх ты, драчун мой!..

Некоторое время все молчали.

— Алайг обещал завтра поставить окна и дверь, — заговорила снова Кайпа. — Собирался прийти очень рано. Давайте ложиться.

— Нани, завтра мы обязательно кончим возиться с крышей. Я утром сбегаю за Исмаалом и Мурадом. И Сями позову. Они помогут... — сказал Хасан, уже засыпая.

14

Солнце поднялось над горизонтом, когда Кайпа разбудила сыновей.

— Нани, уже совсем светло, а я ведь просил разбудить нас с рассветом! — недовольно проговорил Хасан.

— Ничего, успеете. Хоть на дворе и осень, а дни еще длинные.

Кайпа думала, сын спешит поскорее попасть в лес, чтобы побольше нарубить дров. Она с нежностью посмотрела на него.

— За целый день нарубите. Сколько нам надо? Смотрите только, чтобы никто не увез ваши дрова.

— Исмаал обещал дать нам лошадь.

— Если бы лошадь оказалась свободной тогда, когда она вам понадобится...

— А не будет свободной, походим, покараулим дрова, пока лошадь не освободится...

— Заодно наберем груш и кизилу, — сказал Хусен, — их сейчас в лесу много. Правда, Хасан?

Но старший брат молчал. Он думал не о грушах и кизиле. Да и дрова — только предлог, чтобы уйти в лес. У него другие планы. Мать о них даже и не догадывалась.

Ни о чем не подозревая, она благодарила бога, что Хасан так старается для дома. «Взрослеет!» — думала она.

Когда сыновья уже были готовы в путь, мать, увидев под мышкой у старшего отцову овчинную шубу, удивленно спросила:

— Зачем тебе эта печка? День обещает быть жарким, только намучаешься.

— Дожди были. В лесу сыро. Пригодится подстелить.

Хасан крепче прижал завернутую в шубу винтовку.

Братья прошли через все село, так никого и не встретив. Только у одного из последних домов сидел на камне старый Довт.

Хасан поздоровался и поспешил пройти мимо, но Довт его остановил. Старик скучал в одиночестве и никогда не упускал случая поговорить.

— Живите долго, — ответил он на приветствие, — живите, пока ваш отец Беки не воскреснет! Что это вы с шубой в такую теплынь?

— В лес идем, — ответил Хасан.

— За дровами? Это дело хорошее. Молодцы, что помогаете матери. А ну, бычок, покажи-ка мне свой топор, — протянул руку Довт.

Топор нес Хусен. Делать нечего, он подошел и протянул его старику. Тот попробовал лезвие, покачал головой.

— Таким тупым топором и тыкву не разрубишь.

— Нам сойдет, — сказал Хасан, торопясь уйти.

— Что значит «сойдет»? Виданное ли дело с тупым топором в лес ходить! Идемте, я наточу его.

«Только этого мне и не хватало», — злился про себя Хасан.

— То, что тупым топором сделаете за день, острым в полдня управитесь.

Довт — человек очень старый. Никто уж и не помнил точно, сколько ему лет. Одни говорили, перевалило за сто, другие утверждали, что и за сто двадцать. Когда об этом заводили речь с самим стариком, он посмеивался:

— Да кто его знает, сколько уж прожито! Я думаю не о тех годах, что пронеслись, а о тех, которые жить осталось.

Довт одинок. Когда-то он был женат. Женился на вдове, которая до него раза три была замужем, но все мужья не хотели с ней жить и возвращали ее в отчий дом, так как была она слабоумной.

Довт и тот уже хотел разойтись с ней, да пожалел несчастную женщину, решил, что на старости ему и такая жена сойдет, и терпел все ее причуды. Но случилось так, что он все же лишился жены.

Как-то осенью пошли они вдвоем в лес. Довт рубил дрова, а жена собирала кизил. В поисках ягод женщина

все глубже уходила в лес, ну и, видно, заблудилась. Довт долго искал ее, звал, кричал, но так и не нашел. Решил, что, может, заблудившись, она вышла другой стороной и давно уже дома. Но нет! И там ее не оказалось.

Нашли жену Довта только на третий день. Она была мертва. Одежда на ней изодрана в клочья, лицо исцарапано. Должно быть, испуганная женщина металась по лесу, как загнанная.

С тех пор о женитьбе старик больше не думал.

Всю зиму Довт проводил на охоте, а летом стерег посевы. Сейчас люди приступили к уборке, и, значит, кончилась его работа. Посидит дома до холодов, а там опять на охоту.

Дверь в доме у Довта была такая низкая, что взрослым приходилось нагибаться, чтобы пройти. Единственное окно не имело ни рамы, ни ставен, просто в проем вмазано стекло. У самого входа лежал большой камень. За многие годы на нем отточили столько ножей и топоров, что он стал гладким, как стекло. Старик присел перед камнем и сказал, обращаясь к Хасану:

— Поди-ка, сынок, принеси мне кумган с водой.

Хасан еще плотнее завернул винтовку и передал шубу брату.

В сенцах ароматно пахло табаком, еще бы — весь потолок увешан табачными листьями. Хасан заглянул в комнату, табачный дух шибанул ему в нос; Довт, наверно, вместо того чтобы спать, всю ночь курит. Он и днем любит, покуривая, наигрывать на балалайке. Это знают все в селе. На огонек к Довту и на табачок с удовольствием заходят охотники до его рассказов. А рассказывать старику есть о чем. Вон ведь сколько живет. При Шамиле уж был не молод, многое повидал.

В глаза Хасану бросилось ружье на задней стене. Оно было точно такое, каким Хамзат застрелил Борза.

Хасан взял кумган и вышел.

— Так! Поливай, — сказал Довт, начиная точить топор о камень.

Старик долго точил топор. Наконец провел по лезвию пальцем, потом вырвал волос из бороды и тоже провел по лезвию.

— Вот теперь хорош! Идешь в лес — топор бери острый, как бритва, чтобы можно было одним махом разрубить медведю голову...

Старик, наверно, забыл, что дети шли не на охоту. Он все говорил, но Хасан уже не слушал его. С момента, как мальчик увидел на стене ружье, он думал только о том, как бы направить речи Довта на оружие. Ведь кто еще в селе лучше старика знает винтовку. Он всю жизнь охотится.

— А говорят, что медведь не боится ружья, — вставил наконец Хасан. — Это правда?

Довт покачал головой:

— Боится или не боится... Все зависит от того, как прицелиться и выстрелить...

— А как правильно целиться? — вырвалось у Хасана.

Довт выставил руки, будто он держит ружье, и прищурил левый глаз.

— Вот так! А целятся правым глазом. Ты что же, не знаешь, как целиться надо? Ну-ка, вынеси ружье. Оно там на стене висит!

Хасан, который за несколько минут до того волновался, что приходится задерживаться, теперь и думать забыл о лесе. Мигом сняв ружье, он выскочил во двор.

— Вот смотри, — сказал Довт, беря у него ружье, — так и быть, поучу. Кто знает, может, из тебя выйдет хороший охотник. Видишь прорезь?

— Вижу.

— Через нее смотрят и наводят так, чтобы мушка на конце дула совпадала с прорезью. На, держи, — сказал Довт, передавая Хасану ружье. — Попробуй сам. Ты понял, как надо?

Хасан кивнул и взял ружье. Зажмурив один глаз, он стал целиться.

— Прицелился?

— Прицелился. Только мушка не стоит на месте.

— Значит, руки у тебя дрожат. А руки мужчины должны быть крепкие, как железо.

Хасан сильнее сжал ложе.

— Э, парень! Так не пойдет. Разве можно напрягаться? — Довт похлопал Хасана по рукам. — Расслабь их, чтобы были как плети. Вот так! А теперь спускай курок. И приклад надо прижимать к себе сильнее, не то так отбросит отдачей...

Хасан нажал курок. Глаза его горели от радости.

Довт взял у него ружье и протянул Хусену.

— А ну, бычок, прицелься и ты.

Стараясь закрыть один глаз, Хусен невольно прикрыл оба.

Старик засмеялся.

— Ты что же, с закрытыми глазами хочешь целиться? Зажмурь вот этот, — сказал он, кладя ладонь на левый глаз Хусена.

Но едва Довт убрал руку, закрылся и второй глаз.

— Отдай лучше ружье, — сказал Хасан, — твои глаза для этого дела не годятся.

— Отчего же не годятся? Он просто не умеет закрывать один глаз. Это не беда, научится. Правда, бычок? — закончил Довт, погладив Хусена по голове.

Хусен, пряча полные слез глаза, кивнул.

— Ну ладно, дети. Теперь идите в лес, не то поздно уже будет. Удачи вам. Живите долго.

Хасан готов был бегом бежать. Теперь он умел делать то, что для него так важно. Только бы пострелять побольше. Быстрее в лес.

Братья шли не по дороге, а степью. Они поднялись по склону и спустились в Тэлги-балку. Хасан приостановился и посмотрел туда, где стоял шалаш Саада.

Из шалаша вышел мужчина, сел на коня и поскакал. Хасан потянулся к винтовке, но вовремя спохватился, сообразив, что с такого расстояния ничего у него не получится, и махнул рукой.

— Уж очень далеко! — с досадой проговорил он. — Зря мы не пошли низом! Ну ладно, он еще вернется.

Хусен, ничего толком не понимая, спросил:

— А кто это, Хасан?

— Потом узнаешь.

И по тому, каким тоном ответил брат, Хусен вдруг догадался, что это, наверно, Саад. Догадался и рассердился на Хасана: «Подумаешь, не может сказать как человек! Я же не маленький».

— Давай посидим, отдохнем, — предложил Хасан, как только всадник скрылся из глаз. — Неудачный у нас сегодня день...

Он положил на землю шубу и сел на пригорок. Хусен, не говоря ни слова, устроился рядом. Непонятно ему было, отчего это сегодняшний день кажется брату неудачным. Но спрашивать не хотелось.

А Хасан достал из-за пазухи сухой табачный лист и стал растирать его ладонями. Хусен удивленно посмотрел.

— Знаешь, где я его взял? — спросил Хасан.

— У Довта, наверно, украл?

— Не украл, а просто взял!

— Какая разница? — пожал плечами Хусен.

— Очень большая. Когда крадут, взламывают двери и окна и уносят все. А я был в доме, где много табаку, и взял только два листика.

От первой же затяжки Хасан так задохнулся, что долго не мог откашляться. Наконец, немного придя в себя, он с остервенением закинул злосчастную самокрутку и пробурчал:

— Вот это табак!

— Краденое, видать, впрок не идет,— засмеялся Хусен. — Не надо было воровать.

— «Воровать, воровать»,— обозлился Хасан. — У тебя, я смотрю, язык очень уж развязался. Вставай-ка лучше...

Хасан все дальше углублялся в лес, чтобы ружейных выстрелов никто не услышал. А Хусен считал, что они пришли за дровами, и потому не понимал, зачем время терять — все идти и идти.

— Хасан, и здесь ведь можно нарубить хороших дров, куда ты идешь?

— Ты не болтай, а лучше поторапливайся. Я знаю, куда иду.

Но вот вышли на полянку с высокой, почти по колено, травой и наконец остановились. Листва на деревьях уже желтая, а трава на поляне зеленая. Это отава, что вырастает после первой косьбы.

Хасан бережно развернул шубу.

— Теперь посмотрим как следует. Понял наконец, почему я ушел подальше?

Винтовка была куда тяжелее, чем ружье Довта. Прицелившись, как научил его Довт, Хасан раздумывал:

— Во что бы выстрелить?

— Вон в ту грушу,— предложил Хусен, показывая на дерево.

Хасан прижал покрепче к плечу приклад и положил палец на курок. Не только руки и подбородок — все у него дрожало, как в лихорадке. Чтобы остановить дрожь, Хасан сжал зубы и... в это мгновенье раздался выстрел.

Хасану показалось, что кто-то со всей силой ударил его кулаком в плечо. Он подался назад, но не упал. Выстрел был глухой, совсем не такой, как у однозарядного ружья Хамзата. Ребята подошли к груше. Следа от пули не было.

— Не успел как следует прицелиться,— оправдывался перед младшим братом Хасан.

— Еще бы! Каково это — не попасть в такой толстый ствол да почти перед самым носом!

— Вот сейчас смотри,— сказал Хасан, возвращаясь туда, откуда целился.

Он уже приготовился стрелять, но потом передумал, нагнулся, сорвал лист с лопуха и прикрепил к груше. Потом Хасан лег на живот, прицелился и нажал курок. Боек щелкнул, но выстрела не последовало.

— Что с ним случилось? — испуганно завертел он в руках винтовку. Потом, догадавшись, оттянул затвор, оттуда вылетела гильза. — Вот, оказывается, в чем дело! — облегченно вздохнул Хасан.

Хусен бросился к гильзе, будто кто-то мог перехватить ее. Она еще не успела остыть.

Одновременно с выстрелом упал лист.

— Попал, попал!

— А может, он от ветра сам свалился? — засомневался Хусен.

Хасан бросился к дереву.

— Ну как же сам? Вот, смотри! — торжествовал он, показывая лист с дырочкой на самом краю. — Открой свои глаза. На, посмотри!

Хусен взял в руки лист, равнодушно повертел его.

— Ну что? Убедился?

— В такой большой лист и слепой попадет, а попробуй-ка, попади вон в тот гриб.

Хусен показал на гриб, что прилепился к стволу груши, как лишай на голове у Мажи.

— Подумаешь, и попаду!

— Ну, стреляй тогда.

— Нет, не буду! — раздумал Хасан. — Нельзя патроны тратить. Они нужны мне для другого дела. Ладно, пошли!

— Куда?

— «Куда, куда»... А разве мы не за дровами пришли?

Хусен повиновался.

Обратный путь был не легче. Наконец вышли почти к самой опушке.

— Ты же говорил, что в этом кустарнике нам делать нечего? — улыбнулся Хусен.

— А теперь есть что делать!

Они остановились так близко от Саадова шалаша, что даже в лицо могли рассмотреть всех, кто был возле него.

— Можно бы и там нарубить дров, где мы были...

— Хотел бы я посмотреть, как ты перетаскал бы их оттуда. Лошадь ведь в такую чащобу не заберется.

Солнце было уже в зените, когда Хасан наконец начал рубку. Топор и правда острый: стоит раз ударить — и ствол орешника падает на землю.

Изредка Хасан поглядывал в сторону шалаша. Но до самого захода солнца Саад так и не появлялся. Только работник Саада то входил, то выходил из шалаша.

На пути домой Хасан предупредил брата:

— Если нани спросит, сколько нарубили, скажи с пол-арбы, чтобы не расстраивалась...

Хусен кивнул.

15

Уже три дня братья ходили в лес. Сегодня Хусен стал отказываться. Но стоило матери припугнуть его, что в таком случае она пойдет со старшим сыном, а его оставить нянчить Султана, как он побежал за братом вприпрыжку. На край света уйдешь, лишь бы не сидеть с Султаном. Ему уж три года, а он не только не ходит, даже сидеть как следует не может. Говорят, все это от болезни.

Кайпа радовалась усердию Хасана, и не знала бедная мать, что дети за это время не нарубили и арбы дров. Вместо того чтобы работать, Хасан все больше с винтовкой занимался. Вытаскивал обойму, щелкал затвором и снова вставлял ее на место. Но стрелять не стрелял. Берег патроны. Пока Хасан возился с оружием, Хусен собирал кизил.

— Смотри, не заблудись,— говорил Хасан. Но Хусен и сам далеко не уходил. Да и незачем. Кизила побли-

зости полно. Стоит чуть подняться по склону — и вот он. Особенно вкусны опавшие ягоды. Под некоторыми кустами их столько, что ступить негде.

Хасан погружен в свою думу.

...На дороге появился всадник. Хасан насторожился, даже дыхание затаил. Винтовка наготове. Всадник подъехал к шалашу. Хасан прижал винтовку к плечу, прицелился... Но не успел спустить курок — всадник соскочил с коня и вошел в шалаш.

Хасан, прячась в траве, быстро сбежал в овраг. Там хорошо засаду устроить — дорога совсем близка.

Мальчик тихо лежал в кустарнике у самой бровки оврага, и ему чудилось: вот едет тот, кого он так долго ждет. Боясь промахнуться, Хасан из оврага крикнул, чтобы всадник придержал коня. Тот резко остановился и, пока удивленно искал глазами, кто его окликнул, Хасан навел мушку ему на грудь и... нажал курок. Всадник рухнул. Хасан вылез из укрытия и подбежал к раненому. Глаза всадника застыли на Хасане, по щеке сбегала струйка крови, овчинка-борода тоже в крови.

— Ну, видишь? —крикнул Хасан. — А ты уже надеялся, что мой отец останется неотмщенным?

Хасан потянулся за кинжалом. Он тоже, как Саад, трижды вонзит его в грудь убийцы отца...

Мальчик нащупывал у пояса кинжал. Но его нет. И только тут, качнув головой, Хасан отогнал видение. «Где же Хусен? — подумал он. — В какую там засаду пойдешь, когда за тобой хвост плетется. Однако где же он?»

Хасан стал звать брата. Тот тут же вынырнул из кустов с ведерком, полным кизила.

— А ты так и просидел все время? — спросил Хусен. — Ни ветки не срубил! Не много мы наработаем.

— Яйца курицу не учат,— оборвал его Хасан. — Твое дело оттаскивать к опушке то, что я нарублю.

— Таскать-то нечего!

От шалаша отъехала груженная сеном подвода. Вот уже выехала на дорогу. Копны вокруг шалаша будто тают. «Так пойдет дело — через день-другой в балке ничего не останется,— подумал Хасан. — Ну, ладно, этот воз вы увезете, а больше не удастся...»

Когда воз отъехал довольно далеко, Хасан, пригнувшись, стал пробираться к дороге. Он будто плыл, раздвигая попеременно то одной, то другой рукой мешающие ему ветки. Не замеченный никем, мальчик быстро перебежал дорогу и спрятался в высоком бурьяне. Присмотревшись, он увидел, что отава вокруг копен пожелтела и высохла.

Хасан нашарил в кармане брюк прихваченные из дому спички, огляделся по сторонам и, никого не увидев, поджег клок сена. Чуть отбежал и еще поджег, прислушался к треску искр, убедился, что пламя все больше и больше разгорается, бросился обратно в лес.

Хусен, пыхтя, рубил орешник и ничего не замечал, а пламя уже охватило большой участок и пылало заревом над высокой копной. Оно то взметалось, то плавно, как полотнище, опускалось вниз. Работник Саада выбежал только тогда, когда огонь наконец подобрался к шалашу и он задымился. Не соображая, что ему делать, стал спасать шалаш, пытаясь погасить огонь.

— Пошли! — сказал Хасан брату. — Мы свое дело сделали. — Подняв голову, Хусен увидел пламя и вскрикнул:

— Пожар!

— Пошли, пошли!

Хасан двинулся вверх по склону. Ему вдруг показалось, что все уже знают, что это он поджег сено, и скоро пустятся за ним в погоню.

Но в балке метался только один-единственный человек — Саадов работник. Он бегал от копны к копне, а пламя бушевало все сильнее.

— Вон и еще одна загорелась! — засверкал глазами Хасан. — Ну, Саад, как это тебе понравится?

Хусен смотрел то на пламя, то на Хасана.

— Это сено Саада?

— Да. Идем отсюда быстрее!

— А кто его поджег?

— Я. Пошли, пошли скорее!..

Опешивший Хусен с ведерком в руках поспешно побежал за Хасаном. В страхе и растерянности он даже не спросил, чего это они идут не домой, а совсем в другую сторону.

Хасан, который только что так спокойно решился на поджог, теперь тоже испугался.

Перевалив через хребет, братья спустились в другую балку и, пройдя лесок, снова стали подниматься вверх.

Хасан торопился. Он спешил скорее добраться в ту балку, где заповедный лес. Туда никто не ходит. Запрещено. Если выйти к селу через тот лес, никто не подумает, что они идут с места пожарища...

Хусен зацепился ведром за ветку, рассыпал весь кизил. Хотел собрать, но брат закричал на него, заторопил, и Хусен, с досадой поглядев на горку ягод, побежал дальше.

Было почти темно, когда Хасан и Хусен вышли из леса.

Над Тэлги-балкой черной буркой висело мрачное дымное облако, с одной стороны позолоченное отсветом скрывшегося за хребтом солнца.

16

Увидев дым, Саад забеспокоился и, не долго раздумывая, вскочил на коня. Вслед за ним поскакал на неоседланном коне его племянник Аюб.

Они летели словно ветер. Сердце подсказывало Сааду, что беда пришла к нему, горит явно там, где его покосы.

У кладбища они встретили фургон с сеном.

— Что там горит, Сайфутдин? — спросил Саад, указывая кнутовищем в сторону леса.

Работник оглянулся, удивленно пожал плечами и сказал:

— Не знаю. Я уезжал, ничего не горело.

— Не знаешь? Я заставлю вас знать. Если это мое сено горит, куда вы денетесь, собаки!

Взмахнув кнутовищем, он поскакал дальше. Аюб поспешил за ним.

Когда Саад добрался до места, пламя вилось уже вокруг последних копен. Опустив руки, растерянный и испуганный, весь в саже, стоял перед хозяином работник Касум.

Саад и не подумал разобраться в происшедшем. Он с ходу наотмашь полоснул работника кнутом по голове. Тот застонал и закрылся ладонями. А рассвирепевший хозяин стегал его по голове, по спине и хрипел при этом, точно зверь. Конь из страха перед кнутом

шарахнулся в сторону. Касум вдруг как бы вышел из оцепенения и побежал к шалашу.

— Эй ты, ослиный брат! Остановись! — крикнул, задыхаясь, Саад.

Но видя, что работник не подчиняется, он поскакал за ним.

Касум выскочил из шалаша с вилами и пошел навстречу Сааду. Он был страшен. Весь в кровоподтеках. Грязное лицо перекошено от боли и гнева.

Саад натянул поводья. От резкого рывка конь встал на дыбы.

Говорят, и мышь кусается перед смертью. Вилы Касума насквозь проткнули бы Саада, если бы не Аюб — он соскочил с коня и сзади сбил Касума с ног. После этого вырвать у работника вилы было для Аюба делом одной минуты. Касум и без того держался из последних сил, а когда упал, сопротивляться уже не мог.

Аюб тотчас упер вилы в бок Касума.

— Не надо, не надо! — закричал Саад, увидев, что Аюб поставил ногу на вилы. — Раны не наноси, не оставляй следов!

Он соскочил с коня и снова стал безжалостно избивать Касума, теперь уже ногами. Аюб не отставал от него в усердии.

— Ладно, хватит! — сказал Саад. — Оставь, не то еще умрет.

— Да он, кажется, уже умер, — испуганно сказал Аюб и посмотрел на Саада.

Касум лежал ничком без движения.

— А ну-ка, поверни его,— приказал Саад.

Аюб приподнял Касума и положил на спину. Работник не шевелился.

Саад молитвенно воздел руки.

— Да простит нам дяла, он милостив! — и тут же набросился на Аюба, решив все свалить на него. — Я говорил тебе, чтобы не убивал. Теперь нас будут считать убийцами.

— Ты ведь тоже бил... — попробовал было оправдаться Аюб, но Саад так посмотрел на него, что тот замолк.

— Что теперь делать с ним? Была бы лопата, закопали бы — и делу конец! — сказал через минуту Саад.

Это уже третий человек, убитый им. Первые две жертвы сошли ему с рук. «Терпение людей испытывать нельзя,— подумал Саад. — Этого надо непременно спрятать».

— Давай снесем его в лес? — предложил Аюб.

— Надо что-то делать, — согласился Саад. — Здесь его оставлять нельзя ни в коем случае. Я думаю, лучше снести в овраг, а завтра до света приедешь с лопатой и закопаешь... Сейчас темно, никто нас не увидит.

Едва рассвело, когда Аюб с лопатой в руках стоял на том самом месте, куда они вчера вдвоем с Саадом сбросили тело работника.

Касума в овраге не было! Мертвый человек исчез.

Аюб озирался по сторонам в страхе, что Касум вдруг выскочит из зарослей. Первым его побуждением было бежать подальше от этого страшного места. Но он тут же сообразил, что Саад все равно пошлет его обратно искать тело убитого, и остался.

Не долго думая, Аюб снял несколько пластов земли, потом снова уложил их, соорудил что-то наподобие могильного холмика. Затем, как приказал ему Саад, для маскировки закидал этот холм сухими ветками и травой.

На минуту Аюб призадумался: «А что, если Касум воскрес и когда-нибудь объявится в селе? Но нет, этого быть не может».

Тем не менее, как ни велика была уверенность Аюба в том, что мертвые не оживают, закончив свое дело, он поспешил поскорее выбраться из злополучного оврага.

В то же утро Саад пустил по селу слух, что работник поджег его сено и сбежал. Сочувствия Сааду никто не выражал.

— Да продлятся годы того человека, кто бы он ни был! — восклицала Кайпа. — Благодарение всевышнему, хоть малым, да наказал наконец злодея!..

Братья молчали.

17

— Вы уже три дня ходите в лес,— сказала Кайпа,— может, хватит рубить? Не пора ли попросить у Исмаала арбу?

— Пока рано,— ответил Хасан. — Сегодня еще порубим, а там посмотрим.

«Где уж там арбу просить,— подумал про себя Хусен,— и наполовину не наполним».

— Вы хоть кизила принесите,— крикнула Кайпа вдогонку сыновьям.

Ребята уже выходили из села, когда увидели Мухи. Он гнал в стадо корову. Со времени той драки Хасан ни разу не встречал его.

— Эй, ну-ка подожди! — сказал Хасан.

Мухи остановился.

— Что тебе надо?

— Сейчас узнаешь, что мне надо, Рваная Губа. — Хасан направился к нему, сжав кулаки.

Бежать бесполезно. Мухи это понимал, а потому выставил палку для защиты и стал ждать.

Хасан пошел прямо на него. Мухи отчаянно замахал палкой, не подпуская к себе противника. Но Хасан все же изловчился, вырвал палку, пригнул к земле. Тут и Хусен решил внести свою лепту, но брат закричал:

— Отойди! Я и один справлюсь. А то скажут — двое на одного напали...

— А ты, мерзавец,— задыхаясь, сказал Хасан Мухи, — будешь еще говорить гадости о моей матери? Смотри, не то я тебе вторую губу разорву.

Мухи сначала пытался сопротивляться, но где ему сладить с разъяренным Хасаном! А когда увидел, что из носу идет кровь, заплакал, опустил руки и совсем поник.

Хасан отпустил его.

— Эх ты, расхныкался, как девчонка. Лучше язык держи за зубами. В другой раз так отделаю, сам себя не узнаешь.

Небо хмурое. В степи темно, мрачно. А в Тэлги-балке и вовсе сгустились тени. Склон, где было Саадово сено, зловеще чернеет.

Хасан гордо посмотрел на следы пожара. Там, где стояли копны сена, остались только кучки пепла, на месте шалаша торчали обугленные столбы. Связанные сверху, они издали казались похожими на железную треногу, что ставят в очаг под чугун.

Хасан рад, что Саадов работник сбежал. Не то не миновать бы безвинному человеку беды. Правда, обидно, что люди хвалят его, а не Хасана, который поджег сено... Но тут уж ничего не поделаешь. А жаль!

Ведь за работником всего и заслуг, что сбежал с перепугу!

На дороге показался всадник. «Уж не Саад ли?» Но это — лесничий Элмарза. Придержав коня, он притворно-ласково спросил:

— Что делаете здесь, молодцы?

— Смотрим.

— Как здорово все сгорело, а? Дотла. Умеючи поджигали.

И оттого, что обычно злобный и мрачный Элмарза заговорил вдруг непривычно ласково, Хасан почувствовал неладное.

— Интересно, кто так хорошо сработал? — продолжал лесничий.

— Люди говорят, работник Саада,— покосился на лесничего Хасан.

— Не думаю. Он не посмел бы. — Элмарза внимательно посмотрел на Хасана, потом на Хусена. — А вы никак за дровами?

Хасан кивнул.

— Там, на опушке, не ваши? — Элмарза показал кнутовищем туда, где братья сложили свои дрова. И, не дожидаясь ответа, добавил: — Вы никого здесь не видали, когда рубили?

— Нет...

— Странно. Вы же не слепые. Здесь работали и никого не видали...

— Мы не были в этом лесу...

— Как же не были? Разве это не ваши дрова?

— Нет, не наши.

Хасан при этих словах выразительно глянул на брата, боясь, как бы тот ни проговорился. Но Хусен уже давно понял, что к чему: стоял как ни в чем не бывало с наивным видом и кивал головой, молча соглашаясь со всем, что говорил Хасан.

— А где же тогда ваши дрова? — недоверчиво спросил Элмарза.

— Нигде. Мы сегодня первый день идем.

Элмарза задумчиво посмотрел вслед мальчишкам, покачал головой и сказал:

— Горьковат сын Беки, не сжуешь...

Немного пройдя, Хасан обернулся. Элмарза все стоял, глядя им вслед.

— Неужели догадывается? — Хасан положил руку на плечо брата. — А ты молодец. Молчал.

— Я же не глупый, все понимаю,— гордый доверием Хасана ответил Хусен.

18

Растянувшись от удара Аюба ничком на земле и ударившись головой о камень, Касум потерял сознание. Ему сначала почудилось, что он летит в пропасть. Летит долго. Но вот наконец он в какой-то яме. Тело болит нестерпимо. Потом все исчезло. И Касум уже ничего не чувствовал: ни тела, ни боли, ни земли. Его и самого будто не стало. Он был во власти Саада и Аюба, и те могли делать с ним, что хотели...

...Кто-то лил на голову Касума холодную воду. «А, это мать!» — подумал Касум. Она льет и гладит своей мягкой ладонью его лоб.

— Смотри, какой ты грязный,— говорила она часто в детстве, когда купала его прямо во дворе под тутовником.

Вода иногда бывала очень холодной, Касум дрожал и фыркал, а мать смеялась:

— Терпи, сын мой, твой дед и отец всю жизнь купались в ледяной горной воде. И оттого они были мужчинами, настоящими горцами...

Касум открыл глаза. Вокруг никого и ничего. Ни матери, ни тутовника. Только высоко в небе висела большая круглая желтая дыня. То ли солнце, то ли луна — Касум никак не разберет. Не поймет он и того: ночь на земле или день... Зубы стучат от холода...

И снова Касуму показалось, что он в горах, там, где родился, где мальчишкой скакал, словно косуля. Его село раскинулось у чистого, ясного, как звезда, родника. И ручей, что течет сейчас под Касумом, показался ему тем самым родником. Но почему он лежит в нем? И где же мать, которая только что гладила ему лоб?

Касум попытался приподняться. Резкая боль пронзила все тело.

«Что со мной происходит?» — Касум поднял голову, огляделся по сторонам. Желтый круг на небе закачался, как от сильного ветра. Все закружилось, и Касуму показалось, что он снова летит в пропасть.

Касум зажмурился. Перед ним возникли озверелые лица Саада и Аюба, и он вспомнил все!

Он не в родном селе. Это глубокий овраг неподалеку от Саадова луга. Касум лежит в маленьком ручейке, протекающем по дну оврага. Только как же он сюда попал? Сам ли он дополз сюда или Аюб с Саадом бросили?.. Этого Касум никак не мог вспомнить.

Какое-то время Касум не двигался, собирался с силами. Наконец, сжав зубы до боли, повернулся и выполз из воды. И тут рука его коснулась чего-то мягкого. Он пощупал, посмотрел — это была его шапка.

Новая попытка двинуться дальше была ему уже не под силу. Касум понял, что из оврага не выбраться, и, потеряв всякую надежду, снова повалился на землю. И грудь, и спина, и голова — все болело.

Касум смотрит на желтую дыню в небе. Теперь он знал, что это луна. Луна его радует. Касум видит луну! Значит, он жив.

Ночь показалась Касуму бесконечной. Только с рассветом, когда запели птицы, он пошевелился, приподнялся, хотел встать, но закружилась голова. Превозмогая боль, Касум осмотрелся, ища место, где ему легче выбраться из оврага, и пополз. Надо во что бы то ни стало вылезти из этой могилы. В лесу можно разжечь костер, согреться, высушить одежду!.. Ни о чем другом он сейчас и думать не мог.

Касум отполз совсем недалеко, когда на место, где его вчера сбросили, вернулся Аюб, с тем чтобы закопать «убитого». И кто знает, как бы все обернулось, если бы не крутой поворот оврага, за который успел свернуть Касум. Может, на этот раз Аюб уже без промашки отправил бы его на тот свет.

А Касуму очень хотелось жить. Это желание, жаркое, как огонь в очаге горца, не давало угаснуть душевным силам Касума.

Утро выдалось теплое. И чем выше поднималось солнце, тем больше клонило ко сну вконец измученного Касума.

Спал он недолго. Проснулся от резкой боли в боку. Тепло и короткий отдых сделали свое дело — Касум почувствовал прилив сил. Теперь он мог и приподняться. Уже сутки не имевший во рту и маковой росинки, Касум вдруг ощутил голод и вспомнил о сумке с едой,

которую он во время пожара вынес из шалаша и положил подальше. В ней остался целый чурек. «Лежит ли она там, где я ее положил, или Саад с Аюбом унесли сумку с собой?» Но если она и там, какой с нее толк? Касум не в силах добраться туда. Да и небезопасно.

Касум понимал, что хозяин во всем винит его. «Кто бы это мог сделать?» — спрашивал себя Касум. И тут же мысленно отвечал: «Мало ли у Саада врагов. Каждый второй в селе ненавидит его».

Конечно, если бы Касум увидел, он ни за что не дал бы поджечь сено, как-никак три года работал у Саада, заботился о его хозяйстве, словно о своем. И ведь ни разу не провинился! Одно это должно было заставить хозяина задуматься, прежде чем обвинить работника. А он и разбираться не стал, зверем кинулся, как на самого лютого врага.

Саад — горец, Касум — тоже горец. Саад — мусульманин и Касум — мусульманин. Два года назад, провожая Касума, мать и дядя по отцу советовали ему наниматься только к мусульманину, а не к гяуру-христианину. Вот тебе и мусульманин: в один миг забыл трехлетний честный труд Касума. Беки тоже был мусульманином, к тому же и односельчанином Саада. Но Саад убил его из-за паршивой овцы. Касум тогда разругался с другим Саадовым работником, Сайфутдином, за то, что тот донес хозяину об овце. «Когда-нибудь и Сайфутдин на своей шкуре узнает, что от Саада доброго слова не дождешься, как ни гни на него спину»,— подумал Касум.

Далеко в горах, в селе, со всех сторон опоясанном скалами, старая мать ждет Касума с заработком. Ветхая сакля того и гляди завалится. Во дворе ни коровы, ни лошади. Вся надежда: вернется сын с деньгами — и хозяйство поправит. Каждый день, наверно, поднимается она на ближайший пригорок посмотреть, не идет ли долгожданный? Может, и сегодня стоит там. А сын ее здесь в чужой стороне лежит весь разбитый в глубоком овраге, и нет у него надежды выкарабкаться. Да и как он теперь пойдет к людям, к матери? Опозоренный, с пустыми руками.

Голод заглушает в человеке все мысли, кроме стремления утолить его. Касум тоже ни о чем другом больше

не мог думать. «Хоть бы покурить! Так ведь и табак и спички отсырели, никуда не годятся».

Касум разложил на солнце табак, спички и затих в нетерпеливом ожидании... День прошел очень быстро. Хорошо хоть хватило сил и до вечера он сумел собрать в кучку несколько охапок пожухлой травы и сделать себе подстилку. И одежда просохла. Вот если бы еще пожевать чего-нибудь, вполне можно было бы дотянуть до утра.

Завтра-то Касум выберется из оврага и спрячется в лесу. Там не пропадешь.

19

Касум уже вылезал из оврага, как вдруг услышал конский топот. Он осторожно выглянул из-за кустов и увидел Элмарзу, рысью скачущего в сторону леса. Касум порадовался, что не разжег костра. А собирался ведь!.. Уж на дымок-то Элмарзу потянуло бы.

Прошло много времени, пока Касум решился наконец пойти дальше. Шатаясь, словно пьяный, он двинулся к лесу. Но сделал не больше десятка шагов. Голова закружилась, в глазах потемнело, и Касум упал на колени. А до леса осталось совсем немного...

Касум с трудом заполз в высокую траву, укрылся там, выжидая, пока Элмарза проедет назад. Лесничий вернулся довольно скоро. И опять он, на счастье, ничего не приметил.

Касум снова попробовал встать, но теперь уже совсем ничего не получилось. Все тело нестерпимо болело. Попробовал ползти, но до того он наползался за два эти дня, колени в кровь разодрал.

А лес рядом... Там груши, кизил, орехи!.. «Ничего, вот немного отдохну, встану и пойду,— утешал себя Касум. — Наемся спелых груш — и голова перестанет кружиться...»

Он лежал в полузабытьи, когда на него наткнулись Хасан и Хусен. Острый детский глаз все заметит. Хусен потянул брата за рукав:

— Смотри, человек какой-то лежит!

— Где?!

— Вон, в траве.

Присмотревшись, Хасан разглядел старую овчинную шапку. Ребята подумали: не убитый ли. Касум с трудом приподнялся, посмотрел на братьев и снова в изнеможении опустил голову.

— Вы одни? — еле прошептал Касум.

— Одни мы. А тебе кто нужен?

— Никто мне не нужен. Хорошо, что вы одни. Элмарзу видели? Куда он поехал?

— Откуда нам знать?

Хасан все еще был очень сердит на Саадовых работников, и потому и ответы его были резкими. Но беспомощность Касума и страдальческое выражение лица постепенно смягчили сердце мальчика. Он начал понимать: с пастухом что-то случилось...

— А ты меня знаешь? — спросил Касум.

— Знаю.

— Что народ говорит обо мне?

— Болтают, будто ты поджег сено Саада и потому сбежал.

Касум грустно улыбнулся:

— Вы, ребята, никому не говорите, что видели меня, ладно?

— А чего ты лежишь здесь, почему не уходишь? — не без удивления спросил Хасан.

— Ушел бы, да не могу, мальчик, Саад с Аюбом поработали на совесть. Так били, что самим показалось, будто убили они меня, потому и бросили в овраг. Иначе, может, вернулись бы добивать... Удивляюсь только, как это не зарыли меня живьем в землю?

— Сильно били? — с состраданием спросил Хусен.

— Не жалели, костей наломали — не соберешь,— горько усмехнулся Касум. — Саад думал, я поджег сено. Мне теперь досадно, что не я это сделал. Молодец тот, кто насолил этому зверю!

Хасану так хотелось сказать, что он и есть тот молодец. Едва сдержался.

Глядя на топор в руках Хасана, Касум попросил:

— Сруби-ка мне, мальчик, две хорошие палки. С ними я скорей доберусь до леса. Долго здесь оставаться опасно.

— Мы поможем тебе, и без палок уйдешь, — сказал Хасан, подставляя плечо. — Хусен, а ты подойди с другой стороны.

Касум оперся на мальчиков, не без труда шагнул раз, другой, как бы нащупывая землю, и они двинулись вперед.

Скоро остановились передохнуть.

— Голодный я, — сказал Касум, — потому и сил нет, в лесу поем груш, лучше будет...

— Достань чурек, — приказал Хасан брату.

Касум весь задрожал при виде хлеба.

— И тыкву достань, — добавил Хасан.

— Да благословит вас бог, — со слезами на глазах проговорил Касум. — Вы чьи дети?

— Мы сыновья Беки, — ответил Хасан.

— Сыновья Беки, говоришь? — переспросил Касум и посмотрел на них внимательно. — Живите долго, дети! Беки был бедный, но достойный человек. А Саад — зверь. Люди не любят Саада. Потому и сено его сожгли. И правильно сделали.

Касум поел, еще раз поблагодарил ребят и скрутил самокрутку.

— Табак отсырел, — сказал он, не без труда пытаясь затянуться.

У Хасана был и табак. Касум скрутил самокрутку, с наслаждением затянулся.

— Хорош, — сказал он, довольно улыбаясь и покачивая головой. — У меня тоже был отменный табачок, остался в кармане бешмета. Вы случайно не видели, у шалаша не лежит бешмет?

— Ничего там нет, кроме обгоревших жердей.

— Унес кто-то. А жаль. Ночью без бешмета холодно. Ремень и кинжал тоже, конечно, взяли.

Когда на другой день ребята пришли туда, где накануне оставили Касума, его на месте не оказалось.

— Наверно, домой ушел? — спросил Хусен.

— Дом его далеко, пешком не дойдешь.

— А где далеко?

— Там, — махнул рукой на восток Хасан, хотя и сам толком не знал где.

Братья искали Касума недолго. Он прятался от людских глаз в ближнем кустарнике и был растерян и тронут, когда дети протянули ему отцову овчинную шубу и старый кинжал. Теперь Касуму были не страшны ни холод, ни зверь.

Несколько дней ребята не приходили. Хусен не сдержался, рассказал матери о допросе, который учинил им Элмарза. Кайпа страшно перепугалась и больше ни за что не хотела пускать их в лес.

— Не пойдете! — решительно заявила она в ответ на уговоры сыновей. — Не хватало, чтобы еще и вы попали в лапы Саада. Этот дракон ни перед чем ни остановится.

Касум ждал мальчиков. Он уже привык к тому, что дети приходили к нему. Вообще-то, кроме табаку, ему от ребят ничего не нужно. Силы прибывали с каждым днем, груши и кизила было много. К тому же Касум обнаружил в лесу делянку кукурузы. Поздно посаженная, она сейчас была как раз молочной спелости.

Касум постоянно думал о доме. Часто видел во сне свою старушку-мать. Как же он появится перед ней с пустыми руками. Саад должен ему за три года. Касум раньше не брал денег, копил их, хотел получить все сразу перед отъездом. А уезжать собирался в эту зиму.

Теперь деньги пропали. Если пойти и потребовать их, Саад живым не отпустит. Пожаловаться властям — обвинят в поджоге сена...

Голова у Касума шла кругом, когда думал, как ему быть. Но одно он знал твердо: не уедет, не отомстив Сааду за все! Саад с Аюбом — горцы, и Касум — горец! И хотя те богаты, а он, Касум, беден, но мужества ему не занимать. Ни один горец не прощает обиды, и Касум не простит Сааду. Он может уйти с пустыми руками, но не с позором.

Был мрачный, пасмурный день, моросил дождь, когда Касум услышал скрип арбы. Он притаился в кустах, осторожно выглянул. Арба еще не поравнялась с ним, когда Касум узнал Аюба. Тот был один. Касум рванулся — откуда силы взялись — и точно лань выскочил на дорогу. Правда, поясницу пронзила острая боль, но это не остановило его.

Увидев Касума, Аюб оцепенел.

С того самого дня, когда он не нашел избитого батрака в овраге, Аюб и во двор-то боялся ночью выйти, чтобы, чего доброго, не встретиться с Касумом. Он и сегодня ни за что бы не поехал в лес, если бы Саад не заставил.

Аюб, точно ребенок, боялся кладбищ и мертвецов. Страшные сказки, услышанные еще в детстве, и сейчас казались ему правдивыми. Где бы ни ходил, ни ездил в эти дни Аюб, он все время думал о работнике. Что, если и Касум где-нибудь появится?..

Если бы Аюб меньше об этом думал, он, может, и не так бы испугался, когда перед ним вдруг действительно вырос, словно из-под земли, обросший Касум, подпоясанный вместо ремня лозой дикого винограда. Увидев «воскресшего», Аюб закрыл руками лицо и закричал не своим голосом.

Касум медленно двинулся на Аюба. Тот снова заорал, соскочил с арбы и кинулся бежать по дороге.

Люди останавливались и удивленно смотрели ему вслед.

Уже у себя во дворе Аюб обернулся к воротам, выставил вперед руки и снова закричал:

— Не входи! Не подходи ко мне!..

— Кто там? — выбежала ему навстречу мать.

— Вон, вон идет, видишь, идет сюда? Не впускай его!..

На все вопросы о том, кто идет и кого не надо впускать, Аюб ничего толком не отвечал. Только Саад понял, какое видение преследует племянника.

— Не мели чепуху! Откуда ему взяться, если он давно в земле.

— Кто в земле? — спросила в испуге мать Аюба. — Что с вами?

— Откуда я знаю, кто в земле! — окончательно разозлился Саад. — Тот, о ком твой сын говорит.

— Нет, он не в земле! — замахал руками Аюб. — Вон он идет! Неужели не видите?

Саад боялся только одного: чтобы в своем бреду Аюб не назвал имени Касума. Ведь тогда может все раскрыться. И никак он не мог сообразить, что же случилось с Аюбом в лесу, что так напугало парня?.. Ведь с утра поехал в лес в полном здравии. А сейчас...

Саад несколько раз пытался усадить Аюба рядом с собой, успокоить его и расспросить.

Но Аюб только метался, как в клетке, и орал: «Вон он идет! Не впускайте его!»

Все старания Саада разбивались о глухую стену. Он махнул рукой и ушел к себе.

Мулла написал помутившемуся рассудком Аюбу не один джай[1], и женщины, общающиеся с джиннами[2], не раз приходили к нему, но ничего не помогало.

20

О безумии Аюба в селе говорили разное. Одни утверждали, будто это злое дело джиннов, другие считали, что он, чего доброго, повстречался в лесу с алмастом[3].

Но Саад очень скоро убедился, что ни джинны, ни алмаст тут ни при чем: в одну из очередных поездок во Владикавказ он увидел на базаре лошадь Аюба. Ее продавал какой-то незнакомый ингуш. На вопрос Саада о том, где он взял лошадь, ингуш сказал, что купил ее и теперь вот продает. Продавец заявил, что он готов поклясться на Коране в правдивости своих слов. Саад потребовал, чтобы он назвал имя человека, продавшего лошадь, или хотя бы описал его.

Имени ингуш, конечно, не знал, но он сказал, что купил лошадь у дагестанца, который плохо объяснялся по-ингушски.

— Дагестанец говорил, будто работал у какого-то ингуша за хребтом, в Алханчуртской долине, и хозяин вместо денег дал ему коня, которого он и продает, чтобы добраться до дому. Кто мог подумать, что лошадь у него краденая!..

«Это точно Касум!— окончательно уверился в своих подозрениях Саад. — Но как он воскрес из мертвых? Ведь я собственными глазами видел его труп».

Перепуганный продавец во избежение неприятностей готов был отдать лошадь Сааду.

— Я чистую правду сказал, мне не нужно чужого! — уверял он.

Саад поначалу хотел забрать коня, но потом не стал. Не из жалости к человеку, заплатившему за краденое. Скорее из осторожности. Он вдруг подумал: «Кто знает, из какого этот человек рода! Не нажить бы новой

---

[1] Джай — амулет с молитвой; его обшивают кожей и вешают на шею тому, кого надо исцелить.

[2] Джинн — дух.

[3] Алмаст — мифическое человекообразное существо.

вражды из-за коня, который и принадлежит-то не мне. А сумасшедший Аюб сейчас в коне не нуждается».

На обратном пути Саад, пересилив неприятное чувство, свернул в Тэлги-балку. Спустившись в овраг, он отыскал место, где они с Аюбом бросили Касума. Отыскал холм, который, как ему казалось, был могилой убитого работника.

Заткнув за пояс полы черкески, Саад стал разгребать землю руками — лопаты у него не было. Справился быстро, яма была неглубокой.

— Будь ты проклят, бестолковый,— честил он вслух племянника,— разве так мелко закапывают? Ясно, тот очнулся и в два счета разворотил эту мышиную нору. Не пойму только, как он выжил? Ведь мы так его отделали!

Но скоро Саад немного успокоился. Он вспомнил, что продавец лошади говорил, будто Касум собирался домой. «Может, оно и лучше, что так вышло,— подумал Саад. — Теперь люди поверят слуху, что работник поджег сено и сбежал».

Но спокойствие Саада скоро было нарушено.

Как-то в один из осенних дней Сайфутдин из-за тумана не стал отгонять овец далеко от села и пас отару поблизости. Пастух сидел задумавшись, когда к нему подошел Касум. Сайфутдин не испугался. Он-то ведь не считал Касума умершим!

Касум попросил Сайфутдина сказать Сааду, чтобы тот заплатил ему за работу. Пусть, мол, удержит сорок рублей, которые Касум выручил за лошадь Аюба, а остальные передаст через него.

— Без этих денег я не уйду, пусть так и знает! — добавил он решительно.

На другой день Саад, вооружившись так, словно на войну собрался, пошел вместе с пастухом туда, где должен был появиться Касум. Саад, понятно, и не собирался отдавать ему деньги. Шутка ли, своими руками выложить две сотни? Да еще человеку, который нанес ему такой урон! «Убью его и скажу, что он пытался угнать мою отару. Власти меня не тронут»,— думал он.

Долго прождал Саад, но в этот день Касум не появлялся. Не было его и на следующий. И только на третий день, когда Сайфутдин один пригнал овец, пришел Касум.

— Саад два дня ждал тебя здесь,— сказал Сайфутдин.

— Я видел его. Передай, пусть не устраивает мне засады. Ничего у него из этого не выйдет. Не хочу наживать кровную месть ингушей, не улыбается мне и жизнь абрека, потому убивать Саада не собираюсь, только без заработанных мною денег отсюда не уйду. Сено поджег не я, и кто это сделал, не знаю. Но если Саад не отдаст мне долг, я устрою ему беду похлеще! Так и скажи!

Сайфутдин обещал слово в слово передать все хозяину.

Саад пока еще ни с кем не поделился своим беспокойством. Даже родственникам ничего не сказал, чтобы слух о его тревоге, чего доброго, не пополз по селу. Он знал, что многие его не любят. А теперь еще новая угроза; только этого позора и не хватало. Какой-то нищий пастух осмелился ему грозить!..

Жилось Сааду в эти дни очень неспокойно. По ночам снилось, что горит усадьба или Касум целится в него через окно. «Я должен добиться, чтобы Касума арестовали!» — решил Саад и собрался в Пседах к приставу.

Но приставу в эти дни было не до Саада.

В Ассинском ущелье убили правителя Назрановского округа князя Андроникова. Недавно назначенный на этот пост Андроников из кожи лез, чтобы заслужить похвалу начальства. В первую очередь он задумал совершить то, что не удалось бывшим правителям Веденского округа Добровольскому и Галаеву. Андроников решил уничтожить отважного абрека Зелимхана, слава которого уже несколько лет гремела от Хасав-Юрта до Ассинского ущелья.

И вот его постигла участь Добровольского и Галаева.

Пристав, понятно, был не в себе. И Саада, к которому он прежде относился дружелюбно, встретил непривычно грубо и даже злобно.

— Нашел заботу! Подумаешь, сено сожгли да лошадь отобрали! Ты понимаешь, что случилось? Понимаешь, какой человек погиб от руки дикого зверя? Князь погиб! А ты о пастухе... Зелимхана надо поймать! И Суламбека! Все зло от них! Вот чем надо заниматься.

— Что я могу сделать Зелимхану? — развел руками Саад.

—А Суламбек! Может, скажешь, он в небе? Бывает ведь в селе, навещает своих?

— Кто знает! Я его не вижу.

— «Кто знает!» Так всегда и уходите в сторону. Власти поддерживают вас во всем, богатство ваше оберегают, а вы никогда ничем не поможете. Даже эту рыжую собаку Суламбека у себя под носом схватить не хотите!..

Саад понял, что на этот раз ничего он от пристава не добьется, и ни с чем уехал домой. В пути его терзала мысль о том, что пристав теперь, чего доброго, отвернется от него. «А что я могу сделать Суламбеку,— думал Саад,— не сидеть же мне день и ночь в засаде у его дома и ждать, когда он появится».

К тому же Саад знал: Суламбек — не Беки. Вражда с этим человеком — дело опасное. Да и не нужна она ему.

Сейчас Касум не давал покоя Сааду. Всегда покорный и бессловесный, он вдруг взбунтовался, грозился усадьбу спалить. Тревожно было на душе у Саада.

Хасан всеми силами рвался в лес. Там ведь Касум. Один, без пищи, без табака. Но мать не пускала.

— И не просись, никуда не пойдешь! — твердила она.

— Ну чего ты боишься? — сердился Хасан. — Надо же нам дрова привезти.

— Ты, может, не слыхал, что с Аюбом случилось? Дрова никуда не денутся. Вот перестану носить Султана к Елгаз, сама съезжу в лес.

По совету Шаши Кайпа вот уже несколько дней ходила с Султаном к старушке Елгаз. Та поила мальчика настоями из трав.

Хасан не отступался.

— Ты же не знаешь, где мы сложили дрова.

— Не найду — других нарублю.

— Но с тобой ведь тоже может что-нибудь случиться?

— Мне не страшно. И умру — не беда!

— Нани, — вмешался Хусен, — а шуба, которую я спрятал в лесу? Она же отсыреет и сгниет!

— Пусть сгниет! Она уже старая.

Мать была неумолима.

21

В час, когда уставший за день человек забывается крепким сном, кто-то постучал в окно Беки. Стук был совсем слабый, но чуткая Кайпа услышала и поднялась с постели:

— Кто там?

Человек за окном приник к стеклу. Его расплывшееся в улыбке лицо показалось Кайпе очень знакомым. Но темнота не давала ей возможности получше рассмотреть ночного гостя.

— Это я! — почти одними губами сказал он. — Ты что, не узнаешь меня, Кайпа?

Она нерешительно покачала головой. Человек кивнул в сторону двери и пошел туда. Кайпа тоже подошла к двери, но не отворила ее. И вдруг она услышала шепот в замочную скважину.

— Это я, Дауд!

Она рывком сдвинула засов.

— Да будет благословен твой приход! Отпустили наконец?

— Отпустить-то отпустили, но осторожность соблюдать надо. Ну а вы как тут управляетесь?

— Так и управляемся. Одна беда другую сменяет. Да ты проходи, садись...

Кайпа провела гостя в глубь комнаты.

— Какое счастье, что отпустили тебя! Поберегись хоть теперь.

— Придется поберечься,— вздохнул Дауд. — Но недолго им осталось лютовать. Скоро конец этой власти. Умные люди говорят, революция будет!

— А что это такое, Дауд?

— Революция,— значит, новая власть будет. Без царя, без помещиков, без пристава...

— Ой, да разве такое возможно?

— Возможно! Только для этого все люди должны подняться против старой власти. Это я слыхал от русских еще в Грозном, да и от тех, с кем в тюрьме сидел. Их за то и посадили, что они народ поднимают против царя и помещиков. И я теперь буду в наших аулах делать то же самое. Вчера вот встретился с двумя-тремя верными людьми. Они другим расскажут, глаза откроют...

— Острожней, Дауд! Как бы новая беда тебя не настигла! — с печалью в голосе сказала Кайпа. — Каково твоей матери вечно жить в тревоге за сына!

Сказала, а сама посмотрела на своих спящих сыновей. Ей ли не знать, какое это счастье для матери, когда дети живы-здоровы и в безопасности.

— Как вы в поле-то одни управляетесь, Кайпа? Удалось ли посеять чего-нибудь?

— Да где уж там. Лошадь у нас пала прямо на пахоте. С тех пор живем тем, что возле дома посеем.

— Э! Без лошади дело плохое! Какая уж там жизнь!.. Надо вам любой ценой добыть лошадь...

— Что ты! На какие деньги нам лошадь покупать. Все лето кое-как перестраивали завалившийся дом. Совсем я из сил выбилась.

— Не зря, видно, говорится, что к несчастному даже из родительского дома горе приходит.

— Вот уж истинно — пословица для меня придумана. Кому как, а мне даже из отчего дома нет радости!..

— Ничего, Кайпа, крепись! И не заметишь, как дети подрастут. Будет тебе тогда и радость и достаток!

Дауд снова сел и осмотрелся вокруг.

— А дом-то у вас стал лучше прежнего.

— Теперь, я думаю, постоит!

— Ты ничего не обнаружила под стеной, что примыкает к сараю? — нерешительно спросил Дауд.

Кайпа удивленно посмотрела на него и на минуту даже про очаг забыла, подошла поближе.

— А что там было?

— Я зарыл у вас в сарае винтовку. Завернул в старый мешок и зарыл.

— Вот странно! Ничего мне там не попалось... А я еще все думала, когда тебя забрали: «Ведь пришел к нам с винтовкой, куда же он ее дел?»

— Я даже камни навалил сверху, чтобы куры не разгребли...

— А может, дети видели? Сейчас спросим,— она подошла и растолкала Хасана. — Сынок, сынок!

Хасан привстал.

— Ты что, не узнаешь?— улыбнулась мать. — Это же Дауд.

Мальчик вскочил и бросился ему на шею.

— Э, да ты совсем взрослый стал! — разглядывая

Хасана, довольно причмокнул Дауд. — Помощник что надо! Хозяин!

— Сынок, мы вот про винтовку говорили. Дауд зарыл ее в нашем сарае перед арестом. Спрашивает, не попадалась ли она нам, когда стену разбирали. Может, вы видели?

— Видели... Мы нашли ее... — не очень охотно ответил Хасан.

— А где же она? — удивилась Кайпа. — Почему я ничего не знаю об этом?

Хасан молча вышел и через минуту вернулся.

— Молодец! — сказал Дауд, разглядывая винтовку и проверяя затвор.

Кайпа не могла прийти в себя от удивления.

— Вот тебе на! — сокрушалась она. — И даже словом не обмолвился...

Но обрадованный Дауд и огорченный Хасан не слыхали ее. Каждый думал о своем.

— Спасибо, сынок,— сказал Дауд,— ты хорошо сохранил винтовку. Хоть разок стрелял из нее или нет?

— Стрелял. И не один раз...

— Что?! — вырвалось у Кайпы. — Стрелял? Где же это ты стрелял, что я не слыхала?

— В лесу...

Скрывать было уже нечего.

— Вот почему ты все время так рвался в лес?! Теперь я вижу, что мои горести опять начинаются. Все идет к тому, что ты со своей горячей головой натворишь еще немало бед!

Кайпа тяжело опустилась на лавку.

— Ну и как у тебя получалось? — с интересом спрашивал Дауд. — Не упал в первый раз?

— Нет. Я прижал приклад к плечу.

Дауд обнял Хасана.

— Молодец. Из тебя толк выйдет. Эту винтовку я возьму. Она мне сейчас нужна. А тебе чуть позже принесу другую.

Хасан кивнул. Он был немного ошарашен внезапным приходом Дауда. Даже не сообразил, что появление это не совсем обычное: ведь на дворе глубокая ночь. И только позже он вспомнил, что Дауд был в тюрьме, а он, Хасан, даже не расспросил, как его отпустили и что он теперь будет делать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Дауд с трудом поднимается вверх по узкой лесной тропке. Ноги разъезжаются в разные стороны. Три дня беспрерывно лил дождь, и вот наконец небо просветлело. Утро выдалось холодное, осеннее. Кругом тихо. Лучи уже осветили вершину хребта. Желтеющая листва на его склонах сверкает будто облитая золотым дождем.

Дауд старается не спугнуть тишину, не нарушить ее неосторожным движением. Ветви опускает без шума. Но, как назло, перед ним, словно играя, вьется стайка птиц. Одна рябенькая пичужка вертится перед самым носом, будто разглядывает путника, хочет узнать поближе.

Дауд злится: «И вся-то с детский кулачок, а сколько от нее шума, лес растревожила».

На дереве, у самой тропинки, неподвижно, словно приклеенная, сидит сова и таращится своими огромными круглыми глазами. Перескочив с дерева на дерево, скрылась из виду белка.

А рябенькая пичужка не отстает. Так она надоела Дауду, что он готов был пристрелить ее, да побоялся, как бы грохот не услыхали. Выстрел винтовки — это не ружейный выстрел. Привлечет к себе внимание. Особенно надо быть осторожным после того, что случилось прошлой ночью...

...После нескольких дней отсутствия Дауд пробрался к себе домой. И не знал он, что натворили в его дворе...

...Пристав только что вернулся из Владикавказа, когда ему доложили, что неблагонадежный Дауд никак не угомонится: ходит по селам и ведет среди людей крамольные разговоры против царя и властей. Пристав взбесился. Ведь он дал слово начальству, что у него на участке все будет спокойно. И вот опять!.. «Видать, понравилось ему сидеть в тюрьмах!» — кипел злобой пристав.

В сопровождении казаков и сельского старшины он нагрянул к Дауду. Дома оказалась только старая Зуго.

— А где твой сын? — рявкнул пристав.

— Нет его.

— Обыскать!

Казаки перевернули весь дом. Вспороли штыками матрасы и подушки, вытрясли все из сундуков, переворошили копны кукурузных стеблей... Но никого не нашли.

Разочарованный пристав готов был уже покинуть двор, когда к нему вдруг подбежал один из стражников и протянул гильзу от патрона для винтовки.

— А-а!!! — торжествующе взревел пристав. — Ну, старуха, говори теперь, где твой сын прячет оружие?

Зуго пожала остренькими худыми плечами.

— Не знаешь? А откуда же гильза?..

Зуго молчала.

— Я кого спрашиваю? Говори, откуда это?

Пристав вплотную приблизился к старушке, ткнул ей в глаза гильзу и... плюнул в лицо.

Бескровные, сухие губы Зуго дернулись и плотно сжались. И прежде чем лоснящаяся жиром, расплющенная морда с большими закрученными усами успела отодвинуться, она плюнула в нее.

— Ах ты сука! — взвыл пристав и, схватив старушку за плечи, резко отбросил от себя.

Зуго упала: много ли сил нужно, чтобы свалить былинку?

Набросившиеся на нее, как собаки на кость, два стражника стали избивать несчастную женщину. Они бы до смерти избили Зуго, не останови их пристав.

— Ладно. На сегодня хватит! — бросил он.

В эту минуту во двор вошла жена Дауда.

Золовбан с плачем бросилась сначала к свекрови, безуспешно пытавшейся подняться с земли, потом накинулась на стражников.

— Будьте вы прокляты! Что вам надо от старушки, мерзкие гяуры?

Женщина говорила по-ингушски, но последнее слово пристав знал хорошо.

— Гяуры? Кого это ты называешь гяурами? — двинулся он на Золовбан.

— Гяуры! Гяуры! — повторяла обезумевшая от горя женщина.

— А ну заставьте ее замолчать!

Один из стражников схватил Золовбан за рукав.

— Не ори, сука! — рявкнул он.

— Отпусти! — рванулась женщина. Но казак резко потянул ее к себе и разорвал на ней платье до самого пояса.

Прикрывая голую грудь и рыдая, Золовбан не унималась.

— Пошли! — пристав влез на коня.

Зуго, так и оставшаяся сидеть на земле, с упреком сказала старшине:

— Ты же ингуш! Почему позволяешь им издеваться над беззащитными женщинами?

— А что я могу сделать? — пожал тот плечами.

— Нет! — покачала головой старушка. — Я ошиблась. Ты не ингуш. И даже не мужчина. Мой сын не позволил бы издеваться над твоей матерью и женой...

— Твой сын! А может, скажешь, все это не из-за твоего сына?..

— Вставай, нани! Пойдем в дом,— сказала Золовбан, одной рукой прикрывая грудь, а другой помогая свекрови подняться...

...Дауд ни о чем не подозревал. Подойдя к своему дому, он приник сначала к окну, горя нетерпением увидеть скорее родные лица. И каково же было его удивление, когда он увидел широко открытые страдальческие глаза матери и склоненную над ней Золовбан.

Дауд вихрем ворвался в дом...

Скоро он знал в подробностях обо всем случившемся...

— Больше эта собака никогда не ступит на порог моего дома! — сказал он, решительно направляясь к двери.

— Куда ты? — кинулась к нему жена. — Ведь опять арестуют! Пожалей нас!..

— Я — горец, Золовбан. Подумай, могу ли я простить им оскорбление жены моей и надругательство над матерью?

— Берегись их, сынок! — умоляла Зуго. — Они не дадут тебе покоя. А с нами они больше уж ничего не сделают.

Дауд бережно отстранил жену и вышел.

Золовбан кинулась за ним.

«Не уходи, Дауд! — хотела крикнуть она. — Побудь со мной. Я так ждала, так тосковала... Не уходи, не оставляй меня. Не могу я больше без тебя!» Но слова эти застыли на губах у бедной женщины. Она приникла к мужу, беззвучно заплакала и ничего не сказала.

Дауд и без слов все понимал. Он ласково заглянул ей в глаза, погладил дрожащие плечи, не оглядываясь, пошел со двора.

От Кескема к лесу дорога идет по голому, словно бритая голова, склону. Дауд спешил, надо было вернуться назад до рассвета.

В Пседах он пошел оврагом. Постоял над мостом, огляделся. Вокруг ни души. Люди спят. Ночь хоть и беззвездная, а присмотреться — все видно. Дойдя до знакомого дома, Дауд остановился и прислушался. Ни звука. Тишина и во дворе и в доме. Светилось только одно окно. Дауд, как кошка, неслышно подобрался и заглянул.

В щель ставен он рассмотрел человека, из-за которого пришел сюда. Пристав, уже раздетый, сидел на кровати с высокими резными спинками — готовился ко сну. На какой-то миг взгляд Дауда остановился на жене пристава. Она лежала в кровати и что-то говорила мужу, звонко смеясь.

Дауд невольно вспомнил Золовбан, вспомнил, как, обхватив своими натруженными руками его шею, она горько плакала у него на груди, представил и то, как она стягивала рукой изорванное платье, укрываясь от чужих бесстыдных взглядов... Он до боли сжал зубы, еще раз оглянулся вокруг и сунул дуло винтовки в щель. Но выстрелить не успел. Пристав поднялся с кровати и исчез из поля зрения. Дауд слышал его шаги в комнате. Уверенный, что пристав вот-вот вернется к жене, Дауд нетерпеливо ждал.

— Руки вверх! — раздалось рядом.

Он резко обернулся. В десяти шагах от него стоял человек. «Казак!» — скорее почувствовал, чем увидел Дауд.

— Руки вверх! — человек щелкнул затвором.

Дауд, не раздумывая, нажал на курок и кинулся к оврагу.

Он бежал лесом, а за ним катился разлив собачьего лая. Грохнуло несколько винтовочных выстрелов. Но Дауд был уже далеко.

Уже под утро он спустился в Родниковую балку, где рядом с расщепленной грушей, в прикрытой ветками яме, было убежище Касума.

Несколько дней назад, возвращаясь домой из Пседаха, Дауд издали разглядел едущих навстречу стражников. Он свернул в лес и там у самой опушки столкнулся с человеком. Тот поначалу испугался. Потом они разговорились. Так познакомился Дауд с Касумом.

Просидели вместе в лесу всю ночь, немало рассказали друг другу...

Дауд убавил шаг. Прислушался. Погони не слышно. Все начинается сначала. «Снова надо прятаться!» — подумал он.

Теперь уж не много сделаешь. Не то, что по селам ходить рассказывать людям о борьбе рабочих России с царем да помещиками — головы высунуть нельзя. Если возьмут живым, петли не миновать. В лучшем случае до конца дней суждено волком по лесу метаться. В одиночку. Касум какой товарищ! Отомстит Сааду, успокоит душу и уйдет к себе в горы.

Дауду и бежать-то нельзя. Документов у него никаких нет. Далеко не уйдешь. В первом же селе схватят. А как узнают, что ингуш, опять сюда и привезут.

Как ни прикидывай — расправы не избежать. На родине каждый второй его знает. Ингушей, побывавших на сибирской каторге, немного. Поэтому он вроде бы человек известный. А доносчики всегда найдутся.

Дауд минутами думал: «Может, надо было стерпеть ради главного дела? — Но тут же сам себе возражал: — Нет, не мог я простить издевательства над женой и над матерью. Обидно, конечно, что пристава не уложил. Жаль и казака. Впрочем, кто знает, безвинный он или один из тех, кто измывался над моими родными? Да и

не только над ними. Мало ли их, что помогают властям во всех черных делах...»

Неспокойно, очень неспокойно на душе у Дауда. Как ни старался он оправдаться в своих глазах, а разум потихоньку брал верх. Поостыл Дауд и теперь уже все больше и больше думал, что русские товарищи не одобрили бы его. Они не раз говорили Дауду: «Весь народ надо поднимать. Один человек — что палец... Люди ведь считают, что только старшина да пристав им недруги. А о главном зле, о богачах-пиявках да о царе едва ли кто задумывается. Вот и надо им обо всем рассказать. Надо поднимать народ на борьбу».

Многое еще слыхал Дауд от товарищей по ссылке, и понял он многое. Знал и то, что мало, совсем мало в его родных местах таких людей, кто все это, как он, понимает. А потому и должен он, Дауд, открывать глаза односельчанам и всем ингушам в соседних селах. Одного вразумишь — другому передаст... Однако вот ведь как повернулось. Не очень-то многих вразумил!..

Вот и груша. Лучи восходящего солнца, словно тысячи натянутых нитей, протянулись сквозь ветви деревьев и легли на ковер из листьев. Сверкали золотые узоры паутины. А Дауд шел, как слепой. Только дым костра, неожиданно ударивший в лицо, заставил его поднять глаза. Перед ним стоял Касум.

Увидев Дауда, Касум вскочил, но тот усадил его и сам присел рядом.

— Что, не горит? — кивнул он на хворост.

— Да вот, никак не разожгу.

— Ну и ладно. Загаси совсем. Не нужен костер сейчас.

— Я яйцо испечь хотел. Очень вкусно получается, если завернуть его в шкурку и испечь...

— Повремени пока. У меня есть с собой еда.

Они молча поели. Дауд еще долго сидел, не проронив ни слова. Потом сказал:

— Вдвоем, конечно, лучше. Да нельзя тебе со мной оставаться. Придется разойтись в разные стороны.

Касум вопросительно посмотрел на товарища по несчастью.

— Расстаться? Разве товарища бросают вот так, ни с того ни с сего?

— У нас разные пути, Касум. Из-за меня ты можешь очень дорого поплатиться. Знаешь, я — враг власти.

— Я тоже буду врагом власти,— не задумываясь сказал Касум.

Дауд невольно улыбнулся и покачал головой.

— Не веришь? Вот убью Саада и стану врагом власти! — убеждал Касум.

— Саад! Он и сам — власть... Убил моего сородича Беки и ходит как ни в чем не бывало. Да и одного ли его убил...

— Беки был хороший человек! — закивал Касум.

— Я и сам рано или поздно прикончил бы Саада, да сначала решил приставом заняться.

— Ты убил его?! — вырвалось у Касума.

— Хотел, да не удалось...

— Э-э, пристава убить трудно. Его охраняет много казаков.

— Пристава я не убил, но стражника уложил!.. Придется, пожалуй, мне добровольно сдаться. Не то невинных людей будут мучить... — задумчиво сказал Дауд. — Вот почему я и говорю, что нам с тобой надо расстаться. Меня, может, уже ищут, и тебя схватят.

Дагестанец улыбнулся и покачал головой.

— Ты думаешь, Касум не мужчина?

— Нет, не думаю! Пойми меня правильно. Я и без казака на подозрении. Пока стоит эта власть, мне покоя не будет. А ты...

— Дауд, я бы и без того не оставил тебя, а теперь, когда знаю о твоей новой беде, вовсе не сделаю этого. — Касум приложил руки к груди. — Я горец, а горец, ты сам знаешь, друга в беде не бросает. И хватит об этом. Вот сведу счеты с Саадом, и подадимся мы с тобой в горы.

Дауд больше не настаивал на своем.

— Надо уходить поглубже в лес,— сказал он, поднимаясь с места. — Там будет надежнее.

2

Запретный лес. Так в народе называют заповедные участки. Никто не знает, почему он запретный и зачем нужно властям держать нетронутыми такие большие

лесные угодья. Но все хорошо знают, что не только с топором туда нога не суй, а даже за кизилом да за дикой грушей, которых год от году опадает и сгнивает там видимо-невидимо, ходить не смей. Не сдобровать, если попадешься на глаза объездчику или лесничему.

Тропинки все давно позаросли. И только следы разных зверюшек виднеются там и тут. А тишину нарушают одни птицы. Никем не пуганные, они заливаются без устали.

...Новое пристанище Дауда и Касума было надежно скрыто от людского глаза. Они вырыли глубокую пещеру между торчащими корнями чинары. Сама чинара гордо высилась на склоне и прикрывала все вокруг тенью своей мощной кроны, оберегая при этом жилище скитальцев от ветра и от дождей.

Прошло три дня с той страшной ночи. Дауд не мог дольше оставаться в неведении. Кто знает, что там с семьей, что делается в селах? Не случилось бы беды, пока он отлеживался здесь, как медведь в зимней спячке. Невеселые думы толкнули на риск. Беззвездной ночью Дауд отправился в Сагопши, которое ближе остальных сел.

Дом Исмаала стоял на западной окраине села. К нему и решил зайти Дауд. Исмаал — человек надежный и мудрый: тоже немало натерпелся, но спины своей перед власть имущими не сгибал.

Все село было погружено в сон, когда Дауд тихо постучал в окно приземистого домика. Хозяин тотчас вышел. Исмаал никогда не посылал жену узнать, какого гостя ведет в их дом очередной стук. «Не женское это дело»,— говорил он.

— Ты? — не без удивления спросил Исмаал, когда разглядел Дауда.

— Шш,— остановил его тот.

Исмаал, ни о чем больше не расспрашивая, повел ночного гостя в дом.

— Чужих у вас нет?

— Шурин мой, Малсаг, у нас. Но его тебе опасаться нечего. Входи, не бойся.

Навстречу Дауду поднялся высокий, статный красавец. Решительный и умный взгляд выдавал в нем человека сильного характера. Несмотря на свою молодость, он успел уже узнать, почем фунт лиха. Отец его с детских

лет уповал на то, что сыну уготовано судьбой стать вторым Уцага Малсагом[1], и в тайне души надеялся сделать его офицером. Он даже, собравшись из последних сил, отдал сына в школу, в Назрани. Но Малсаг проучился всего два года. Случилось так, что, проходя по берегу Сунжи, он и его товарищ увидели, как какой-то старик безуспешно силился вытянуть увязнувшую в реке арбу. Молодежь поспешила на помощь бедняге. Но в эту минуту к переезду подъехал фаэтон, в котором восседал офицер в сопровождении двух казаков.

Кучер махнул кнутом, мол, сойди с дороги. Старик был бы рад, да арба крепко увязла. И вдруг офицер выхватил у возницы кнут, рванулся с фаэтона, подбежал к старику и стал хлестать его.

Все свершилось в мгновение ока. Малсаг даже не сразу сообразил, что происходит. Но уже через миг он повис на руке офицера, вырвал у него кнут.

Казаки схватили Малсага, а заодно и его товарища. Скрутили обоим руки, избили их и сдали в полицейский участок. В участке юноши пробыли всего неделю, но из школы их тем временем выгнали.

С тех пор Малсаг люто возненавидел офицеров и всех, кто с ними заодно, кто позволяет им куражиться над людьми: полицейских, пристава и всякую прочую власть.

Уже два года как умер отец, так и не увидевший сына офицером. Все заботы о матери и двух младших сестренках легли на плечи Малсага. Жилось им нелегко. Особенно горевал Малсаг, что не мог привести в дом давно засватанную любимую: родители невесты запросили слишком большое приданое[2].

— А к нам дорогой гость, — сказал Исмаал, входя в комнату.

— Мир этому дому! — произнес идущий следом Дауд.

Он поздоровался с Малсагом, не спеша снял с плеча винтовку и поставил ее в углу у двери. Ответив на приветствие, Малсаг попеременно смотрел то на гостя, то

---

[1] Уцага Малсаг — офицер-ингуш, прославившийся в народе своей удалью и красотой.

[2] Таков обычай. У ингушей приданое для невесты к свадьбе готовит жених.

на винтовку. Человека этого он видел впервые. Но не многое надо было знать, чтобы понять: кто приходит в дом ночью и приходит с винтовкой, тот днем себе не хозяин. В этом у Малсага сомнения не было.

Дауд посмотрел на лампу.

— Нельзя ли ее... ну, хотя бы убавить? — спросил он.

Из угла вышла на свет жена Исмаала.

— Да это же Дауд! — хлопнула в ладоши Миновси. — Тебя не узнаешь, такие усищи отпустил!

— Приверни лампу, — велел Исмаал.

— Сейчас, сейчас... — засуетилась Миновси.

Все сели.

— Что нового в селах? — спросил Дауд. — Я три дня пропадал в лесу.

— У нас нет ничего, а вот в Пседахе... Там стражника у пирстопа убили, — сказал Исмаал.

— А кого-нибудь подозревают? Аресты были? — Дауд посмотрел на них.

— В Сагопши пока никого не трогают, — ответил Исмаал, — а что в Пседахе, не знаю.

— А в Кескеме ты не был эти дни, Исмаал? — спросил Дауд.

— Проезжал. Жену твою видел, она в огороде копалась. Сказала, что мать хворает.

«Значит, пока меня не ищут», — успокоился Дауд и, обращаясь к жене Исмаала, которая возилась у очага, попросил:

— Миновси, ты не сходила бы за сыном Беки, пока мы тут разговариваем? За старшим, за Хасаном?

— Сейчас схожу! Вот только поешь... — С этими словами она поставила перед Даудом тарелку с двумя куриными крылышками и миску с галушками — все, что оставила от ужина детям, которых сон сморил раньше, чем мать успела сготовить еду.

— Придвигайся ближе, — предложил Исмаал Дауду. — На нас не смотри, мы уже поели.

Дауд еще не кончил ужинать, когда в комнату влетел Хасан. Он сразу кинулся к Дауду.

— Вот это будет мужчина! — сказал Дауд. — Птицей прилетел, а?

— Ты прав, — согласился Исмаал. — Уж если из него не выйдет настоящий мужчина, не знаю тогда, из кого еще и выйдет.

Хасан ждал, что Дауд добавит: «А потому, что ты мужчина, я принес тебе винтовку». Но Дауд молчал. «Это он при Малсаге не хочет говорить об оружии!» — успокоил себя Хасан.

— Ну, как вы там живете? — спросил Дауд. — Как мать, братья?

— Ничего живем. Только Султан, как всегда, болеет.

— Ты спал небось? — поинтересовался Дауд. — Я хотел зайти посмотреть, как вы, но подумал: небезопасно это, чего доброго, опять на ту сволочь, на соседа вашего, наткнешься.

— Соси уехал вчера. Во Владикавказ.

— Уехал, говоришь? — Дауд задумался.

Исмаал положил руку ему на плечо, улыбнулся и сказал:

— Ты все нас расспрашиваешь, а о себе ничего не рассказываешь. Как сам-то живешь?

— Э! Какая это жизнь? Словно зверь... Все в лесу и в лесу.

— А сейчас-то чего по лесам прячешься? Тебя ведь отпустили.

— Есть причина...

— Жизнь, она, Дауд, у всех у нас хуже некуда, — вздохнул Исмаал.

— Ничего, не унывай, — как бы встряхнувшись, сказал вдруг повеселевший Дауд. — Недолго осталось — придет конец нашим мучениям. Вон в России уже народ поднимается. Русские, с которыми я вместе был в Сибири, рассказывали. Скоро конец этой власти! Все балки под царевым троном подгнили. Малость нажать — и совсем обломятся. Так-то!

— Не знаю, когда власти конец придет, а людям многим конец уже пришел. Хвост вытащишь — голова увязнет. Только чуть наладишь хозяйство — налогом обложат или опять скажут: «Следы ведут в ваше село»[1]. Какую-нибудь причину найдут обязательно и штраф сдерут.

— Это уж точно. Беды и горести так и кружат вокруг наших домов. Я вот и то боюсь, как бы за убитого казака не стали всех подряд наказывать... Ведь пал-то он от моей пули...

[1] Имеется в виду след краденых лошадей или другого скота.

— Что ты! Что ты!

— Клянусь богом! Надо, я думаю, сообщить в участок, чтобы невинных людей не мучали.

— И думать не смей! Тебе еще только кровной мести не хватает! Убитый-то ведь ингуш, а никакой не казак.

— Неужели! — переменился в лице Дауд. — Но он же по-русски кричал: «Руки вверх!»

— Это все они так, чтобы не узнали их, — сказал Малсаг. — И одеваются, как казаки.

— И с людьми расправляются так же безжалостно, — добавил Исмаал, — зато, не приведи бог, с кем из них что приключится, с нашего брата шкуры снимают: отвечай и по царскому закону, и по горскому.

— Я вынужден был выстрелить в него, — вздохнул Дауд. — Иначе он убил бы меня. А пришел я туда не за ним. Мне пристава надо было убрать, Сахарова...

Хасан горящими глазами смотрел на Дауда. «Вот это да! Какой смелый!» — гордился он родственником.

— Не быть бы сейчас Сахарову в живых, если бы этот ингуш не помешал мне.

— Эх, черт побери! — хлопнул по коленям Исмаал.— Не плохо бы! Уж очень эта собака людям надоела! Но, может, оно и к лучшему, что ты не убил его! Ведь не сносить бы головы!..

— За голову я не боюсь. А только теперь, когда поостыл, понимаю, что зря это. Одного убьешь — другой на его место встанет. Власть надо скидывать. Иного пути народу нет. Тогда я об этом не подумал... Уж очень у меня душа горела. Он, проклятый, над матерью моей, старухой, издевался, да над женой...

— А знаешь, Дауд? Они не будут искать убийцу стражника. Пирстоп считает, что ингуша убили из мести. Потому все так и спокойно. У, проклятые! — погрозил Исмаал в окно. — Я бы по одному их всех перестрелял!

— Вон Зелимхан! — возразил Дауд. — Скольких он поубивал: и стражников, и офицеров, и приставов. А толку что? На их место тотчас же ставили других, еще злее.

— Что же ты нам прикажешь делать? Терпеть, как бессловесной скотине, и пусть нас всех поубивают? Плюнет тебе пирстоп в лицо — а ты утрись, да еще и радуйся, что дешево отделался? Так, что ли?

Сейчас даже Хасан не соглашался с Даудом. Он не раз видел, как при появлении пристава или стражников люди кидались врассыпную, подальше от беды. Помнил он и то, как казаки плетьми избили Гойберда. Избили только за то, что чести приставу не отдал. И неважно, что Гойберд не офицер и не солдат. Сахаров ввел такое правило: кто бы ни встретился с ним, обязан отдать ему честь по-военному.

Многое еще видел Хасан, а чего не видел, о том рассказы слышал. И что же? Пристава терпи, стражников терпи, Саада терпи? Где взять столько терпения? Хасан уверен, что стоит на место ненавистного Сахарова явиться другому приставу — и все изменится. Новый бояться станет. Не будет таким жестоким. Вон взять, к примеру, Мухи. С тех пор как Хасан отколотил его, будто шелковый стал. А до того что было? С каждым днем все наглел.

Исмаал, Хасан да и Малсаг так разгорячились — все обиды вспомнили. А Дауд сидел молча и думал. Встал перед ним, как живой, человек из далекой Сибири, Николай Александрович, худощавый, с реденькой бородкой клинышком. И еще Виктор. Дауд называл его Рыжим.

Бывало, заспорят они между собой, Виктор распалится, а Николай Александрович — как водой его обольет — скажет:

— Ты, браток, горишь, словно твои брови. Это не дело. Человек должен уметь сдерживать себя. Спокойствие — сила, уверенность в своей правоте. Вот оно что!

Характеры у этих людей были разные, а цели одни. Оба они называли себя большевиками — болшеками, как с трудом выговаривал Дауд. Посадили их за то, что боролись за правду, за лучшую жизнь для бедняков. Дауд много ночей слушал их, рассказывал и сам: о том, как живут в ингушских селах, как бедствуют и мучаются люди...

Дауд гордился дружбой этих людей и верил им, как ребенок верит матери. Он как сейчас помнит слова, сказанные на прощание.

— Видишь, — поднял Николай Александрович указательный палец, — один перст. Ударь им — никто и не почувствует. А двинь кулаком — это сила! Удар кулака с ног свалить может. Вот чего никогда не забывай! Знаю,

что в ваших краях много храбрых абреков, слыхал и о Зелимхане, о том, что он заступник бедняков. Но он — как этот палец... В одиночку даже самый отважный человек ничего не сделает. Так Ленин говорит! И это точно. Вот если бы все храбрецы объединились, да народ за собой повели, — Николай Александрович снова сжал кулак, — это была бы сила!

...Вспомнил Дауд эти слова и подумал, что сам он чуть было не позабыл наказа товарища, когда в одиночку пошел на пристава.

— Нет, Дауд, — прервал его воспоминания Исмаал, — если присосался клещ, надо его отодрать. Пирстоп — он тоже клещ. Присосался и пьет нашу кровь, а мы: «На тебе, пожалуйста!» Ведь даже мышь кусается.

— То-то и оно! Мышь кусается, да укуса ее никто не боится. Нас мало, очень мало, и пока мы ничего сделать не можем. Вон я вроде той мыши — убил стражника, а толку что? Поймают — убьют или сошлют в Сибирь на каторгу, вот и все! Не то это! Я недоволен властью, ты недоволен, он недоволен... И все мы сидим по своим домам и про себя проклинаем: кто пристава, кто начальника округа, кто царя. Сидим и молчим. А почему молчим? Защитить себя не можем, силы у нас мало. Одному, если ты и силен, как лев, ничего не сделать с властью. Один палец — это один палец, а пять пальцев — это кулак! Надо нам собраться в кулак и народ вокруг себя сплотить.

В эту минуту вошла Миновси. Но не успела она закрыть за собой дверь, Исмаал сказал:

— Побудь во дворе, как бы кто не зашел к нам.

Миновси молча кивнула и вышла.

— В этом ты прав, Дауд, — сказал Исмаал, — только народ у нас согнулся от горестей, не до борьбы ему.

— А ты думаешь, в России беднякам слаще живется? Потому и встают они против помещиков и против хозяев фабрик и заводов. Вон и в Грозном! Там рабочие то и дело бастуют, борются за свои права.

— В городе проще. Там у всех одинаковый достаток, и люди целый день работают бок о бок, потому они и вместе, — настаивал на своем Исмаал.

— А у нас разве достаток не один и тот же? — вмешался в разговор Малсаг. — Если не считать лавочников и мулл, все остальные равны в своей бедности.

— Ты прав, Малсаг! — кивнул Дауд. — Ты все понимаешь.

— Понимать-то и я понимаю, — покачал головой Исмаал. — Но какой толк от нашего понимания, если нет у нас никакой возможности собрать весь народ и все объяснить: так, мол, и так, и царь, и пирстоп наши враги, а потому надо нам всем сообща бороться? Пока хоть с пирстопом да с другими властями, что к нам поближе. Но где об этом скажешь? А ведь много еще таких, кто считает, что и царь им послан богом, и бедность от бога. Разве объяснишь...

— Да, народ у нас темный, забитый. И не удивительно. Мулла старается и за бога и за царя. Всё люди принимают как должное, всё от бога! Как переубедить, как заставить понять, что они заблуждаются? Всех сразу, конечно, не убедишь! Но надо пробовать. Сегодня — одного, завтра — другого. Смотришь, через какое-то время поймут уже многие!

— Это, по-моему, дело возможное, — сказал Исмаал и посмотрел на Малсага.

Тот кивнул в знак согласия.

— Нам надо запастись оружием, — продолжал Дауд. — Против винтовки нужна винтовка, а не кинжал. Придет время — и нам понадобятся винтовки и наганы.

— Оружие сейчас стоит дорого. Не всякий может купить.

— Тот, кто сможет...

С той минуты, как заговорили об оружии, у Хасана глаза так и загорелись. Ему ли не знать, какая это необходимая вещь — винтовка. И Хасану она нужнее, чем кому бы то ни было. Царь, конечно, враг, но Хасану Саад куда больший враг. Сначала его надо убить. Хасан бы что угодно продал, лишь бы купить винтовку.

— Иной продаст единственную корову, да купит, — сказал Малсаг после недолгого молчания. — Если узнает, что оружие...

Исмаал возразил:

— Нет уж, отнять у детей единственную корову, купить оружие, сесть и сложить руки?

— Недолго мы будем сидеть сложа руки, — стоял на своем Малсаг. — Мой двоюродный брат Хамарза пишет, что у них очень беспокойно. Он в Ростове на заводе ра-

ботает. Рабочие там бастуют, не хотят больше жить в бедности и бесправии...

— И так по всей России, — согласно кивнул Дауд. — Болшеки готовятся. Царя будут свергать.

— И мы должны готовиться. Как только они поднимутся, нам тоже надо браться за оружие, свою местную власть скидывать.

Малсаг вскочил и стал бегать из угла в угол.

Дауд оглядел всех и сказал:

— Ну, а сейчас у нас пока одна задача — рассказать людям все, что мы знаем о том, что делается в России. Это поднимет в них дух и веру в собственные силы. Надо использовать любую возможность. Миновси пусть женщинам рассказывает, Хасан — ребятам...

«Рассказать-то я могу сколько хочешь. Это не трудно! — подумал Хасан. — Вот винтовку где достать? Все поднимутся на царя с винтовками, а я что буду делать? — Хасан поглядел на Дауда и хотел уже спросить про ружье, но промолчал. — Не мог, наверно, достать, — подумал он. — Ладно, поживем — увидим. Люди купят, и я как-нибудь куплю. Уговорю нани продать корову».

Дауд поднялся. Пора было уходить. А в дом вдруг вбежала испуганная Миновси.

— Что случилось? — бросился к дверям Исмаал.

— Суламбека убили.

Исмаал оцепенел. Суламбек был его родственником по материнской линии. Но это известие потрясло не только Исмаала. Суламбека любили и уважали все. Все, кто ценил мужество и справедливость.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Исмаал.

— Человек пришел сообщить. Завтра траур.

Все помолчали.

— Эх, и зачем он сдался! — сказал Дауд. — Ведь знал же, что не смилостивятся над ним?

— А что же было делать, если грозились сжечь село? И ты бы на его месте сдался. Они ведь слов на ветер не бросают, сожгли бы и не задумались.

— Власти за его голову сулили десять тысяч, — сказал Малсаг.

— Несчастный! — вздохнул Исмаал. — Расстрела он не боялся. Не хотел только на виселицу угодить...

— Говорят, что повесили... — почти прошептала Миновси, с тревогой глядя на мужа.

— Ох, сволочи! Это они чтоб сильнее народ запугать! — гневно бросил Дауд.

Мужчины опустили головы. Но сейчас сердца их полнились уже не горем, а злобой и ненавистью.

3

Длинен подъем, ведущий из Верхних Ачалуков на Ганрбек-Юрт, что лепится на самом гребне хребта. Вверх по склону взбирается арба. Иногда ее покачивает в сторону — колесо попадает в рытвину. Местами подъем очень крут, и тогда лошадь кажется Эсет похожей на крадущуюся кошку.

Арба полна больших и маленьких ящиков. В них конфеты, вкусные красные коржики, табак, спички. Тут же и мешок с сахаром.

Эсет уже надоело смотреть на извилистую дорогу, на Ачалуки, что остались внизу, в лощине... А подъем все не кончался...

— Дади, мы скоро перевалим хребет?

— Скоро, дочка, — отвечал Соси, не оборачиваясь.

— А лошадь тогда пойдет быстрее?

— Ну конечно. А что это ты так торопишься?

— Уже темнеет.

— И пусть себе темнеет. Мимо дома мы не проедем.

Эсет умолкла. Ясно, что домой они попадут только затемно. А как она хотела еще сегодня порадовать Хусена, угостить его конфетами. Потихоньку от отца Эсет взяла из ящика несколько штук и спрятала их за пазуху.

Делать нечего, придется до утра спрятать конфеты в огороде, у забора, а завтра она отдаст их другу.

Когда уезжали из села, Эсет с отцом встретили Хусена, он выгонял корову в стадо. Мальчик долго смотрел им вслед. Эсет подумала, что Хусен завидует ей. Он нигде, кроме Сагопши, не бывал, а Эсет уже дважды ездила во Владикавказ. На этот раз отец взял ее с собой, чтобы купить ей пальто и ботинки...

...У Хусена нет ни пальто, ни ботинок. И лошади нет. А без лошади как съездишь во Владикавказ?

Эсет очень жалела Хусена. Будь в ее силах, она купила бы ему пальто и ботинки. Тархану не купила бы, а ему купила. Но Эсет ничего не может. Разве только иногда конфет принести.

Арба наконец вскарабкалась на гребень. Солнце еще не закатилось, и позолоченные лучами горы с венчающей их белой шапкой Казбека казались отсюда очень высокими, совсем не такими, как из Владикавказа.

— Дади, а на ту снежную вершину наша лошадь смогла бы подняться?

— На ту? Нет, не смогла бы.

Соси помолчал, а потом заунывно запел. Эсет прислушалась к словам песни и вспомнила: она слышала ее и раньше, когда летом к ним приходили муталимы на праздник мовлат. Смысла слов Эсет не понимала ни тогда, ни сейчас. Отец повторял одно и то же раз десять. Наверно, он и сам не понимал, что значат эти слова.

Под уклон лошадь пошла быстрее. Скоро скрылись из виду горы и нависший над ними желтый диск солнца, похожий на медный таз. В лощине было сумрачно и прохладно. Соси придержал лошадь.

Эсет услышала, как он сказал кому-то:

— Салам алейкум.

— Ва алейкум салам, — отозвался уже другой голос. — Я ответил на твое приветствие не потому, что считаю тебя мужчиной.

Эсет повернулась и увидела около кустов шиповника у самой дороги человека с винтовкой.

— А кто ты такой, что меня за мужчину не считаешь? — удивился Соси.

— Сейчас узнаешь кто. Слезай с арбы!

Соси все еще не узнавал говорящего, хотя пристально смотрел на него. Затем повернулся и полез за винтовкой, спрятанной между ящиками.

Человек у кустов навел на него дуло своей винтовки и крикнул:

— Соси, не двигайся! Не то все пять пуль пущу в тебя! Руки вверх!

Эсет заплакала. Соси поднял руки и замер.

— Слезай с арбы!

— Прошу, не говори лишнего. Я такой же ингуш, как и ты. Я ни с кем не враждую.

— Зато я с тобой враждую! Потому и поджидаю тебя с самого утра.

— Я не знаю тебя! Кто ты?

— Забыл человека из Бердыкеля? Может, вспомнишь день, когда соседа твоего хоронили, Беки?

Соси задрожал. Теперь он узнал Дауда. Попытался что-то сказать, но в горле словно комок застрял.

— Ты думал, что посадил меня на всю жизнь?

— Клянусь чем хочешь, я не повинен в твоем аресте!

— Ах ты продажная сука! Слезай с арбы, пока я не нажал на курок.

Соси послушно слез и вдруг упал на колени посреди дороги. Глядя расширенными глазами на Дауда, всхлипывала Эсет.

— Ради бога, пожалей! Не меня, так ребенка...

— Я поклялся вырвать из тебя душу, помнишь? Так бы оно и было, если бы не эта девочка. Ради нее оставляю тебе жизнь...

— Да продлит бог твои дни и даст всего, что ты хочешь... — Соси робко поднялся с колен. Эсет утихла.

— Нет, так ты не уйдешь! — сказал Дауд.

Соси остановился.

— Что тебе? Может, деньги нужны? Есть деньги. Или выпить хочешь, закусить? Тоже есть.

— Снимай сапоги!

Соси скривился в глупой улыбке и развел руками.

— Зачем они тебе? Я лучше денег дам, новые купишь...

— Снимай...

Соси снял сапоги, положил их перед Даудом.

— А теперь брюки!

— Что?!

— Снимай, если жизнь дорога!

— Не позорь меня! — взмолился Соси. — Какая тебе польза от моих брюк. Возьми лучше деньги...

— По себе всех меряешь. Думаешь, одними только деньгами и живут люди.

— Делай что хочешь, но не позорь меня.

— Мне не штаны твои нужны и не лошадь. Я бы догола тебя раздел и пустил по дороге на посмешище людям. Да уж ладно. Скажи спасибо, что девочка с тобой. Ее только и жалею.

— Дади, иди садись... — позвала дрожащим голосом Эсет.

— Ну, так, — сказал Дауд, — уйдешь сегодня от меня живым, а за это сделаешь вот что...

— Все сделаю, что скажешь, — поспешно согласился Соси. — Никаких денег не пожалею...

— Мне ничего от тебя не надо. А вот детям Беки ты купишь лошадь...

— Куплю!

Соси кинулся надевать сапоги.

— ... И дашь арбу кукурузы.

— И кукурузы дам.

— Ну, а теперь лезь на арбу и достань свою винтовку.

— Какую винтовку? — прикинулся удивленным Соси. — Нет у меня.

— А если я найду? Отойди-ка от арбы.

Не сводя с него пристального взгляда, Дауд поставил ногу на колесо, сунул руку под ящики и вытянул винтовку.

— Мне она нужнее. Тебя власть бережет. Ты ей исправно служишь, можешь жить без страху. Меня больше не бойся, если выполнишь все, что я велю, а других врагов, сам говоришь, у тебя нет.

— Все, что ты велел, я выполню. А винтовку зря отбираешь. У тебя уж есть одна.

— Кому-нибудь другому отдам. Нашему брату без винтовки никак нельзя.

Соси тронул лошадь. Дауд уже вслед ему крикнул:

— Смотри, имени моего не произноси, если не хочешь, чтобы люди узнали, как ты штаны готов был снять передо мной!

Соси, не отвечая, стеганул лошадь кнутом.

Они уже были совсем близко от села, когда Эсет наконец немного пришла в себя и спросила:

— Кто это был, дади?

— Абрек, — не сразу пробурчал в ответ Соси. И добавил: — Ослиный брат, ты еще заплатишь мне за эту винтовку... И за все.

— Хуже, если бы он штаны твои забрал, — сказала Эсет.

Обернувшись к дочери, Соси погрозил кнутовищем:

— У, шайтан! Про какие это штаны ты говоришь? Прикуси язык, не то я тебе, как курице, срежу голову.

— Теперь тебе ничего не страшно. Смело можешь встретить любого врага, — сказал Дауд, протягивая пятизарядную винтовку.

Касум взял винтовку. И странно, Дауд не увидел на его лице никакой радости.

— Что с тобой?

— Плохое дело, Дауд. Видел Сайфутдина, односельчанин мой приходил, что служит у Мазая, сказал, мать моя очень больна и некому за ней присмотреть. Я ходил к нему узнать, не отдал ли ему Саад моих денег, а заодно и за табаком.

— Ну и как? Отдал?

— Не отдал и не собирается.

Касум помолчал, потом сказал:

— Дауд, идем со мной в Дагестан. Там безопасно. Ни одна душа не узнает, кто ты такой. А здесь недолго и до греха...

— Спасибо, Касум! Но я не пойду. Нельзя мне думать только о своей шкуре. Я нужен людям здесь, в наших селах. Стоит хоть ненадолго все бросить и уйти — и они перестанут мне верить. Понимаешь? И все немногое, что я успел сделать, пойдет прахом. А ты иди, Касум. Такое известие получил — нельзя не идти.

Дауд помолчал, потом покачал головой и добавил:

— Эх, знать бы, что пойдешь, забрал бы я у Соси деньжонок, пригодились бы тебе на дорогу и на первое время. Ведь у тебя же ничего нет. Подумать только, два года человек проработал и ни с чем уходит!

— Ничего, — вздохнул Касум. — Если суждено, я еще вернусь и получу свое у Саада. Пусть только матери легче станет.

— Касум, — сказал Дауд. — Чтобы твои земляки не подумали, будто ингуши поступили с тобой нечестно, я сделаю все, что в моих силах. Подожди только два-три дня!

Однако, как ни уговаривал его Дауд, Касум не стал задерживаться. Он и винтовку не взял. Небезопасно в такую длинную дорогу идти с винтовкой. Дауд и сам это понимал, но ему хотелось помочь Касуму. Винтовку ведь можно продать. А такая винтовка стоит хорошей лошади.

Касум протянул руку.

— Прощай, Дауд. Ты — мужчина. Ты — настоящий горец, настоящий... ингуш!

— Касум! — пожал ему руку Дауд. — Мы с тобой люди бедные, и никакой между нами разницы, хоть ты

дагестанец, а я ингуш. Саад и такие, как он, готовы на все, чтобы нас поссорить. Это нужно царю. Но придет конец и Сааду и царю.

Дауд долго смотрел вслед удаляющемуся Касуму. После побоев дагестанец заметно прихрамывал. Путь ему предстоял немалый: перебраться через хребет, обойдя станицу Вознесенскую, и в Моздоке сесть на поезд. Хорошо в шапке за подкладкой зашиты двадцать рублей, оставшиеся от продажи лошади Аюба.

Густой утренний туман постепенно рассеивался, когда Касум выбрался из балки на большую дорогу. На противоположном хребте просматривалась казачья станица Вознесенская, или Магомет-Юрт, как называют ее ингуши.

Касум постоял, подумал, как ему лучше идти до станицы. Через Сагопши опасно. А через степь по траве и бурьяну очень сыро.

У подножия паслась отара овец. Издали казалось: это туча стелется по земле. Касум знал, овцы угромовские. У него таких отар не одна.

«Зачем им столько? — удивлялся Касум. — Дауд говорит, всем им скоро конец. Правда ли это? А их земли и овцы, куда они денутся?»

Поглощенный своими мыслями, Касум не заметил, как к нему совсем близко подошли двое незнакомых мужчин. Они шли со стороны Согап-рва. Один был худой, высокий, с рыжей бородой, у другого реденькая борода и усы такого же иссиня-черного цвета, как и его овчинная шапка.

Высокий поздоровался по-русски.

— Ассалам алейкум, — сказал и чернобородый, видимо, посчитавший недостаточным приветствие своего товарища.

Касум почтительно кивнул обоим. Затем они обменялись рукопожатиями.

— Где тут Угром? — коверкая ингушские слова, спросил высокий, явно принимая Касума за ингуша.

Касум показал на строения, что виднелись неподалеку от села.

— У него работа есть? — теперь уже по-русски спросил высокий.

Касум неопределенно пожал плечами, а потом, как бы вспомнив о чем-то, сказал:

— Да, ест арбота. Миного ест.
— Это хорошо! — обрадовался рыжебородый и подмигнул товарищу.
Тот тоже довольно закивал головой.
Касуму показалось, что этот, второй, из Дагестана. Он обратился к нему на своем языке, но тот отрицательно покачал головой:
— Белмейда. Мен ногай [1].
Русский показал на Сагопши и спросил:
— Ты оттуда?
Касум с трудом понял и отрицательно закачал головой.
— Дагестан. — И он показал на восток.
— Куда сейчас идешь?
Что-то вдруг осенило Касума, он кивнул в сторону Сагопши и сказал:
— И я арбота нада.
Все трое вошли в Сагопши. Касум вел их исхоженной вдоль и поперек улицей. Он спешил поскорее добраться до знакомых ворот, окрашенных в синий цвет, боялся, как бы люди по пути не нанялись к кому-нибудь другому. Правда, на этой улице два таких дома, куда нанимают работников. А все другие и сами бы рады пойти в наем, да только не принято это. Как бы ни был беден человек, а пуще всего боится попрека, что вот, мол, такой-то прислуживал тому-то. Вот и получается «всемирное» переселение: ингуши уходят на промысел в казачьи станицы — как говорят, в Россию — или того дальше, а дагестанцы, ногайцы идут в ингушские села...
Остановились у ворот Саада. Русский постучал.
На стук вышла жена Саада Муминат — красиощекая пышнотелая женщина. Скрестив руки на своей большой груди, она уставилась на русского. Заросшего бородой, изможденного Касума она не узнала.
Муминат не сильна в русском языке. Однако сумела все же объяснить, что мужа нет дома, но скоро вернется, что есть кукуруза и надо ее лущить. Только сама она без хозяина не может нанимать работников.
Женщина завела их во двор и усадила под навесом у сарая. А про себя подумала: «Бог послал этих людей, вон ведь сколько кукурузы лущить надо, на всю зиму!»

[1] Не понимаю. Я ногаец.

С одним работником в большом хозяйстве разве управишься?

Муиминат добрее Саада. Не успели сесть, она уже принесла и поставила перед ними чурек и творог. Касум из-под низко надвинутой на глаза шапки посмотрел на нее, с грустью подумал: жаль, не в ее это власти отдать ему деньги, она бы наверняка отдала.

Саад пришел скоро. Но он опять куда-то торопился и разговаривать с работниками не стал, даже к сараю не подошел. Подозвал к себе русского и через него передал, сколько надо налущить кукурузы, и назначил цену. Рыжебородый торговаться не стал.

— А как твои товарищи? — спросил Саад.

Касум ниже опустил голову.

— Они не знают по-русски. Тоже будут согласны.

Саад ушел в дом. Но вскоре вышел и оседлал лошадь.

Касум и радовался, что хозяин уезжает, и боялся: вдруг надолго...

К работе приступили сразу. Касум старался пореже выходить из сарая. Но разок ему все же пришлось выйти за палкой.

Когда Касум вышел во двор, сидевшая неподалеку на цепи овчарка незлобно тявкнула и замолкла. Встретившись взглядом с Касумом, она словно бы удивилась и на минуту застыла на месте, потом завиляла хвостом и стала барахтаться на спине — явно выражала удовольствие.

Уже было темно, когда Касум услыхал крики детей: «Дади едет! Дади!»

Работники отложили палки и закурили. Касум чутко прислушивался. Скрипнули ворота. Затем донесся голос Муиминат:

— Не надо закрывать, сейчас коровы придут.

Процокал копытами конь. Простучали по веранде сапоги Саада.

— Седло снять? — спросила Муиминат.

— Чуть ослабь ремни и оставь, — ответил муж. — Мне еще надо к человеку одному съездить.

Замычали коровы. Скоро Сайфутдин пригонит овец. А коров к тому времени загонят в сарай. Муиминат с ведром направилась доить. Старший сын и дочка побежали к воротам высматривать овец.

Самый подходящий момент. Касум поспешил к веранде.

Саад, стоя на коленях на разостланной посреди комнаты козьей шкуре, совершал намаз. Касум остановился в двери — не станет он нарушать молитву.

Саад, как бы задерживая входящего, громко произнес:

— Ассаламу алайна, ва ала...[1]

Затем снова понизил голос, провел руками по лицу в знак окончания молитвы и, мельком взглянув на Касума, спросил по-русски:

— Что тебе?

— Мне нужны деньги. За два года моей работы.

Саада будто кто подкинул. Он вскочил и рванулся к стулу у двери, где положил ремень и кинжал в серебряных ножнах.

— Стой на месте! — крикнул Касум, выхватывая кинжал.

— Не горячись попусту! — презрительно бросил Саад. — Живым тебе отсюда не уйти!

— За свои деньги я готов умереть у твоего порога, но и ты не останешься жить!

Трехлетняя дочка Саада, испуганно разглядывавшая Касума, кинулась к отцу и обхватила его ноги. Отец отстранил ее и снова бросился к стулу. Но кинжал Касума преградил ему путь.

— Вернись, Саад, и сядь на свое место! Иначе я проткну тебя насквозь!

Взглянув на перекошенное от ярости лицо Касума, Саад повернулся и сел на козью шкуру.

— Ты поджег мое сено, ограбил племянника, а теперь еще в дом мой пришел? Стыда у тебя нет!

— Сено поджег не я!

— А кто же?

— У тебя много врагов, угадать трудно. А я не виноват. Отдай мои деньги, лучше будет.

— Убери кинжал. Я не из пугливых.

— Уберу, когда отдашь долг.

— Хорошо! Отдам! — неожиданно согласился Саад. Он явно что-то задумал. — Сколько тебе?

— Сам знаешь сколько!

---

[1] Слова молитвы.

Саад полез в карман, отсчитал несколько бумажек и протянул работнику.

— Клади сюда! — Касум показал на свой кинжал.

Взяв с конца кинжала деньги, он, не считая, засунул их в карман. Затем, кивнув в сторону двора, сказал:

— Эти двое не знают, что я за человек! Их не трогай! — И, схватив со стула кинжал Саада, в мгновение ока выскочил из комнаты и закрыл за собой дверь.

Саад кинулся за ним, но дверь не открывалась — Касум продел вместо засова его кинжал. Саад бросился к окну. Касум, успевший уже вскочить на лошадь, стоявшую у коновязи, был в воротах, когда услышал звон разбитого стекла.

Саад добежал до комнаты для гостей — там было его оружие: винтовка и семизарядный наган. Но здесь ему не повезло. Дверь оказалась запертой.

Он дергал ее изо всех сил.

— Что ты делаешь? — крикнула Мунминат, прибежавшая на шум.

— Какого черта ты заперла эту дверь! — заорал Саад.

Мунминат в испуге с трудом нашарила в кармане ключ. Саад схватил винтовку и вихрем понесся к воротам. Навстречу ему бежал сын.

— Дади, он уехал на нашей лошади! — кричал мальчик.

Не говоря ни слова, Саад повернул в сарай, вывел неоседланную лошадь, вскочил на нее. Но в это время овцы устремились в ворота и запрудили весь двор.

— Чтоб вас съели на похоронах! — заревел Саад, слезая с коня.

Куда теперь поедешь? Касума и след простыл. Под ним конь-огонь.

— Зачем ты засунул этот кинжал в двери? — крикнула с веранды Мунминат.

— Чтоб язык твой болтливый отрезать! «Зачем, зачем?!»

4

Был на исходе четверг. По обычаю в ночь с четверга на пятницу соседи подносят друг другу сага.

Раньше, когда жизнь еще не так скрутила семью Беки, Кайпа готовила для сага чапылги — лепешки, начи-

ненные творогом или картошкой. Сейчас об этом и думать нечего. В доме ни муки, ни масла. Корова совсем не дает молока.

Однако обычай есть обычай.

— Хусен, снеси хоть соли соседям, — сказала Кайпа, подавая сыну тарелку с тремя равными кучками соли. — Хотя не богато подношение, зато соль белая [1].

Хусен нехотя взял тарелку. Ему совестно нести людям одну соль.

— Иди, иди, — подтолкнул его Хасан. — Что делать, если нам больше нечего отнести?

— Вот сам бы и отнес, — недовольно буркнул в ответ Хусен. — Почему это всегда я должен ходить.

Мать перебила их:

— Ты младший, потому тебе и идти.

— «Младший, младший»! — Хусен злой выскочил из комнаты и так хлопнул дверью — стены задрожали.

Отдав всю соль семье Гойберда, Хусен скоро вернулся. У ворот стояла Эсет. Она всякий раз с нетерпением ждала четверга. В такие дни мать снимала свой запрет и девочка отправлялась к соседям разносить сага. Без причины у Кабират не больно-то вырвешься из дому.

Эсет протянула Хусену три больших куска сахару.

— Зачем так много? — удивился Хусен.

Давно у них не было столько сахару.

— Это же сага! На, возьми и это, — сказала Эсет, запуская руку за пазуху.

— Что там у тебя?

— Тише, — она прикрыла ладонью рот. — Это я еще из Владикавказа привезла. Бери.

Она протянула ему полную горсть конфет.

Хусен стоял в нерешительности и не знал, то ли поблагодарить ее и взять, то ли отказаться от подарка...

Эсет поманила Хусена пальцем, приникла к самому его уху и, как великую тайну, замирая, прошептала:

— Дади сказал, что купит вам лошадь.

— ...

— Понимаешь, лошадь! И даст вам арбу кукурузы.

---

[1] Подношение белого цвета считается наиболее ценным.

— Зачем?

— Потому, что у вас нет лошади и кукурузы.

Эсет не решилась рассказать все, как было. Ведь Соси грозил ей голову оторвать, если она хоть словом кому-нибудь обмолвится. Даже Кабират ничего не знала. Про винтовку ей сказали, что в пути потеряли — упала будто бы с арбы.

— Не нужна нам его лошадь. Мы сами купим, — сказал Хусен, придя наконец в себя.

— Нужна, — хлопнула в ладоши Эсет. — У дади денег много, а у вас нет. — Девочка говорила, а сама все оглядывалась — не подслушал бы кто.

— Подумаешь, деньги! Не гордись своими деньгами! — поджал губы Хусен. — Скоро у всех будут деньги... и лошади будут!

Эсет даже рот раскрыла от удивления.

— Откуда все их возьмут? Вороны, может, накаркают?

— «Вороны, вороны»! — передразнил ее Хусен. — Скажи лучше, какие вороны тебе накаркали, что отец твой купит нам лошадь?

— Вот увидишь. Может, даже завтра купит. Он завтра в Пседах едет, на базар.

С этими словами Эсет побежала к себе домой.

— Откуда ты взял столько сахару? — удивилась Кайпа.

— Эсет принесла.

— Спасибо им. Как это Кабират не пожалела, столько прислала. А ну, Хусен, сбегай в сад, сорви сливовую веточку. Надо чаю заварить, раз есть сахар.

Хусен неотступно думал о том, что сказала Эсет. С чего это Соси купит им лошадь и даст арбу кукурузы? Соси, который с умирающего сдерет копеечный долг, который с великой неохотой, будто душу из себя тянет, дает закат для сельских сирот?

— Два-три дня будем пить сладкий чай, — радовалась Кайпа, раскалывая тупой стороной ножа куски сахара, — спасибо соседям. Уж очень надоел пустой чай. И молоком не забелишь с такой коровой.

— Нани, а не лучше ли продать корову? Какой с нее толк? — вставил Хасан.

У него своя забота. С тех пор как Дауд у Исмаала говорил о том, что у каждого должно быть оружие, Ха-

сан не раз собирался завести с матерью разговор о продаже коровы.

— Многие советуют продать ее и купить лошадь. Говорят, лошадь вернет корову. — Кайпа с грустью посмотрела на нары, где лежал Султан, и добавила: — Что мне лошадь, если я и за ворота не могу выехать!

— Выходит, так и будем любоваться на эту корову, пока Султан не выздоровеет? А он, может, никогда не поправится?

Кайпа помолчала.

— Жена Алайга говорит, надо выспросить, кто будет скотину резать, нести туда Султана и подержать его в только что вспоротом брюхе. Тогда, говорит, обязательно выздоровеет.

— Только навозом ты его и не лечила, — сказал Хасан.

— А что делать? Мучается ведь. И меня мучает. Кручусь вокруг него, словно наседка, ни шагу не могу из дому сделать.

Мысли Кайпы и Хасана были далеки друг от друга, как небо от земли. Хасан понимал, что о покупке винтовки и мечтать нечего. Придется ждать, может, Дауд выполнит свое обещание и принесет ему ружье. А не принесет — тогда надо что-нибудь придумать.

Хусен, сидя в сторонке, молча слушал разговор матери с братом и вдруг ляпнул:

— Не надо продавать корову. Завтра Соси купит нам лошадь!

— Что? — расхохоталась Кайпа.

— Он спит и видит сон! — покосился на брата Хасан.

— И никакой это не сон! — рассердился Хусен.

Кайпа подошла к мальчику, погладила его по голове.

— Не вздумай, сынок, еще кому-нибудь сказать об этом. Люди станут смеяться над тобой. Если бы Соси сделал такое, солнце взошло бы на западе.

Хусен опустил голову и замолчал. Он ужасно разозлился на себя за то, что проболтался. И сам ведь не очень верит. Надо бы дождаться следующего дня, посмотреть, правда ли Соси приведет лошадь, тогда и говорить.

Было еще темно, когда Соси стал собираться в Пседах.

— Дади, ты сегодня купишь лошадь?

— Какую лошадь? Что ты мелешь?

— Ты же обещал, что купишь?..

Отец подошел и ладонью наотмашь ударил Эсет по щеке.

— А ну, замолчи, шайтан!

— Эй, ты что накинулся на ребенка? — встала между мужем и дочерью Кабират.

Сама-то она частенько прикладывала к ней руку, но другим не позволяла и близко подойти к девочке.

Эсет, закрывши руками лицо, всхлипывая, сказала:

— Ты же сам обещал купить лошадь и дать арбу кукурузы. Не хочешь — и не надо. Они и без тебя купят...

Соси снова кинулся к Эсет, но Кабират преградила ему дорогу.

— Женщинам следовало бы сразу при рождении отрубать голову! — крикнул Соси, чуть вытянув из ножен кинжал и тотчас же со злостью вогнав его обратно.

— Ну, хватит, хватит! — сказала Кабират, махнув рукой. — Мы знаем, что ты храбрый.

— Я не храбрый. Но пусть только она посмеет еще хоть пикнуть! — И, погрозив пальцем, Соси вышел.

Мать и так и этак пытала дочь, о какой, мол, она лошади говорит и кому ее покупать надо. Но Эсет не проронила ни слова.

Кабират не на шутку растревожилась. Может, дочь знает такое, что и не скажешь? Уже не собирается ли Соси привести в дом вторую жену? Она ласкала Эсет, обещала купить ей чего только попросит. Но дочь молчала.

— Чтоб у тебя язык отсох! — крикнула Кабират. — Может, ты уж и онемела совсем?

...Соси поехал прямо в полицейский участок. Несколько дней он терзался, все думал, как поступить — сообщить о встрече с Даудом или нет. Соси был уверен, что Дауд опять скрывается от властей. А если нет? Если никто не будет ловить его и Дауд станет мстить Соси — будет всем рассказывать, что чуть не снял с него штаны? Э, да никто ему не поверит. А если его не

арестуют, Соси ведь должен купить лошадь и дать арбу кукурузы семье Беки...

Неподалеку от ворот полицейского участка он встретился с Саадом.

— Ассалам алейкум.

— Ва алейкум салам. Ты что, к пирстопу?

— К нему.

— Его нет.

— А куда он поехал?

— Спрашивал. Не говорят.

— Может, скоро приедет?

— Кто его знает? — пожал плечами Саад и, облокотившись о бидарку, спросил: — Он что, звал тебя?

— Да. А тебя?

— Меня тоже.

Оба они врали. У каждого из них были схожие заботы, но и тот и другой предпочитали скрывать их друг от друга.

— Пройдемся. Посмотрим, что в лавках есть, — предложил Саад.— Может, тем временем и пирстоп вернется?

— Не хочется. Я здесь подожду.

Саад сел в бидарку, взялся за вожжи. В это время за мостом показался всадник. Узнав Товмарзу, Соси схватился за рукоять кинжала.

С тех пор как Соси на пахоте дал пощечину Товмарзе, вражда между ними не затихала. Как ни искал Соси примирения — людей не раз засылал, Товмарза не соглашался простить ему, но и мстить не мстил.

И сейчас, будто не заметив Соси, Товмарза поздоровался с Саадом и сказал:

— Ты пирстопа ждешь? Он в Сагопши.

— Что случилось?

— Там на майдане убитый лежит. Люди вокруг собрались и пирстоп там.

— А кто убитый?

— Не знаю. Одни говорят, вор, другие, что беглый какой-то.

Хлестнув коня, Товмарза поскакал по дороге в Кескем.

— Едем посмотрим, что за человек? — предложил Соси.

Он уже загорелся любопытством.

— Да, пожалуй, поедем. Здесь делать нечего.

Саад погнал лошадь во весь дух. Ему не меньше, чем Соси, хотелось поскорее самому посмотреть, кого там убили. Каждый надеялся увидеть своего врага. Соси даже поклялся про себя: если убитый окажется Дауд, зарезать барана и пригласить муталимов на мовлат.

5

Отъехав от села, Касум хотел было завернуть в лес — поделиться с Даудом своей удачей, порадовать товарища. Но вовремя спохватился. Поразмыслив, решил, что это опасно. Если будет погоня, первым делом лес прочешут. «Самое разумное, — решил Касум, — податься в Магомет-Юрту. Туда не поскачут, побоятся, как бы казаки не приняли их за конокрадов и не открыли огонь. Так бывало».

Касум свернул в Магомет-Юрту. Там он отпустит коня и дальше пешком будет пробираться до Моздока, а оттуда на поезд. Так безопаснее. Да Касуму и не нужно большего, чем ему положено. Придержав коня, он полез в карман, — посчитать, сколько Саад дал ему денег. Светила полная луна, и сделать это было совсем просто. Денег оказалось всего сто пятьдесят рублей.

— Ну, нет, Саад, в таком случае тебе не видать коня как своих ушей! — погрозил Касум плетью назад и двинулся дальше.

На подъем конь пошел шагом. Касум не стал его подгонять. «Наверстаю на спуске, — подумал он. — В Моздоке продам лошадь — сколько бы ни дали,— и домой!»

Всего два дня пути отделяли его от родных гор, от родного села, от матери. Мать! Как она там? Может, увидит сына — поправится?

Касум ехал и прислушивался к топоту коня, как бы отсчитывал — ведь с каждым шагом ближе дом!..

Станица вытянута в сторону от дороги — только одним концом она примыкает к проезжей части. Крайняя усадьба полукольцом обнесена рвом.

Из рва вдруг вышли двое и встали на дороге. Оба с винтовками. Весной у станичников увели коней, и с тех пор они каждую ночь выставляли посты. Но откуда было Касуму знать об этом.

Сейчас перед ним был один из таких постов.

Касум резко осадил коня.

Один поднял винтовку.

— Не стреляй, Степа, — остановил его другой. — Узнаем сначала, что за человек.

— Что за человек! Не видишь, что ли? Горец!

Степан, сын станичного богатея, давно усвоил то, что слышал от всех, кто бывал у них в доме: ингуши — воры, абреки, их надо убивать. Отец его в станице вроде бы как атаман, с ним считаются все. Он богат, а богатого кто же не чтит.

Степан мечтал пойти дальше своего отца. Богатства наживать ему не приходится — без того хватает. Он мечтал прославиться своей храбростью, смелостью. В дозорные Степан ходил с особым удовольствием. Все надеялся встретить абрека-конокрада. Но каждый раз возвращался огорченный, словно охотник, которому так и не попалась дичь.

И вот удача. Если это не абрек, то уж наверняка вор. Не понимал Степан того, что, будь этот всадник абреком или вором, не стоял бы он так спокойно посреди дороги.

А бедняге Касуму и в голову не приходило, что, столь далеко отъехав от Сагопши, он вдруг встретит совсем неожиданную опасность. Дагестанец стоял в растерянности, не зная, что же предпринять: то ли подъехать к ним, то ли повернуть коня и ускакать? Пожалуй, от этих не уйти. Вон один держит винтовку наготове, того и гляди выстрелит.

— Каков конь! — вырвалось у Степана. — Не иначе — абрек. — Он щелкнул затвором и закричал: — Слазь с коня!

— Степан, не горячись, — придержал парня за локоть товарищ.

Но тот отскочил от него и прицелился. У Касума мелькнула мысль: «Не достать ли кинжал? — Но тут же он подумал: — Что кинжал против винтовки? Только еще больше обозлятся».

Видя, что всадник вроде бы не собирается защищаться, Степан совсем осмелел.

— Не тронь, — попытался еще раз удержать его напарник, — человек, похоже, мирный, пусть себе едет...

Но Степан не слушал.

— Эй, ты! Слазь, зверюга!

Касум, в упор глядя на врага, покачал головой. Раздался выстрел. Конь шарахнулся в сторону. Касум, обеими руками схватившись за грудь, еще сидел, слегка, правда, откинувшись назад. Но тут раздался новый выстрел — и Касум свалился на землю.

— Зря ты это — человек мирно ехал своей дорогой...

— Все они мирные! — сказал Степан, высвобождая стремя. — Ты лучше подержи лошадь, не то ускачет.

— Не буду держать! — зло отрезал напарник и, махнув рукой, пошел прочь. — Не стану я тебе помощником в таком деле!

— Трус! — крикнул ему вдогонку Степан. — А еще казак!

— То-то и оно, что я — казак! А казаку не к лицу грабить да невинных людей убивать.

— А как они коней наших станичных угнали, забыл!

— Да он, может, и знать-то об этом не знает.

— Ага, не знает он! — И Степан поволок убитого с дороги.

К утру пополз слушок. Так, мол, и так: ночью дозорные на посту вора убили, ехал тот на украденном у казаков коне, и пристрелил его Степан. Одни говорили, что у вора было два коня, другие называли и того больше.

А коня еще до света угнали в Моздок, чтобы соседи его не увидели.

6

И вот Касум снова в Сагопши. Лежит на арбе в самом центре села. Народу вокруг не счесть. Тут и мужчины, что идут с молитвы, женщины, возвращающиеся с базара... Здесь же толпятся дети.

— Да простит тебя всевышний! — бормотали люди. Некоторые в ужасе отводили глаза: пуля изуродовала все лицо Касума.

— О дяла! — вскрикивали женщины и тут же спешили уйти.

Только детей ничто не останавливало. Они теснились у самой арбы.

Не все знали Касума. Вечно занятый делом, он за годы работы у Саада почти никогда не выходил на май-

дан. Но даже те, кто видел, не могли сейчас в этом изуродованном трупе признать бывшего Саадова работника.

— Кто его убил?

— Казаки из Магомет-Юрта.

— А зачем к нам привезли?..

Встав на ступицу колеса, Хасан смотрел на убитого, на хорошо знакомую шубу. Не шуба — он бы, возможно, тоже не узнал Касума.

Хасан молчал и часто косился на Хусена, чтобы не проболтался.

На площади появился фаэтон пристава. Рядом с ним восседали старшина Ази и казак из Магомет-Юрта.

Встав в фаэтоне, старшина сказал:

— Пирстоп говорит, чтобы вы прекратили воровство.

— А кто занимается воровством? — спросил Исмаал.

— Кто, спрашиваешь? Мы, ингуши. Видишь того, что лежит на арбе? Его убили этой ночью, когда он угонял лошадей из Магомет-Юрта.

— Сколько лошадей у него было? — спросили из толпы.

— Сколько бы ни было, какая разница?

— Не перебивайте, пусть говорит...

— Зачем он туда поехал воровать? Вы думаете, станичники позволят вам безнаказанно грабить их? Нет, не позволят! С каждым поступят, как с ним, — Ази показал на арбу. — Царь не для того поселил казаков на этой земле, чтобы вы грабили их.

— Мы никого не грабили, и зря вы нас обвиняете, ты и твой царь! — бросил Исмаал.

— Что он говорит? — пристав сердито взглянул снизу вверх на старшину.

Ази перевел. Выслушав его, пристав повернулся к Исмаалу:

— Кто весной угнал лошадей у казаков? Может, и этого не было?

— Вот то-то и оно! Кто угнал? — вопросом на вопрос ответил Исмаал.

— Кто угнал? — повторили за ним несколько голосов.

— Мы не угоняли! — забеспокоились люди. — Почему мы должны отвечать за других?

— Мы не обязаны охранять хозяйства станичников.

Ази перевел приставу.

— Казаки и сами хорошо себя охраняют, говорит пирстоп, — прохрипел Ази.

Мужчины еле сдерживали себя, слушая эту хвастливую болтовню пристава и его прихлебателя.

Исмаал опять не стерпел:

— «Лежит в арбе, лежит в арбе»! Что вы гордитесь этим? Человека убить легко. Да и неизвестно еще, за что убили.

— По-твоему, ни за что убили? — спросил Ази.

— Не могли без причины убить, — забормотал Шаип-мулла. — Клянусь Кораном, не без причины убили!

Мулла посмотрел на стоявшего рядом Торко-Хаджи, пытаясь догадаться, какое впечатление на старика произвели его слова.

Торко-Хаджи с явным неудовольствием взглянул на Шаип-муллу и промолчал. Он стоял в расстегнутой абе [1] с засунутыми за ремень пальцами обеих рук и глядел вниз, словно рассматривал свою седую бороду.

Стоявший неподалеку Гойберд прищурил один глаз.

— Чует мое сердце, убитый — мирный человек. Клянусь богом, мирный, — сказал он как бы самому себе.

— Пирстоп говорит, вы лжете, что убитый не ваш односельчанин, — снова закричал с фаэтона Ази.

— Ази! Ты же наперечет знаешь всех сагопшинцев.

— Я говорю вам то, что мне велено сказать.

— А где твоя голова?

— В могиле моего отца! — рявкнул старшина.

Эти слова он обычно произносил, когда злился.

— Вот уж истинно там ее место! — процедил сквозь зубы Исмаал.

Ази услышал и погрозил ему с фаэтона:

— Для твоей головы тоже готово место. И язык твой скоро тебе...

Ази не договорил. Пристав потянул его за полу черкески и сказал:

— Что за базар ты открыл? Что они хотят?

И вдруг случилось непредвиденное: в толпе кто-то заговорил по-русски. Все посмотрели в ту сторону. Сахаров, отстранив склонившегося к нему Ази, тоже удивленно посмотрел туда.

---

[1] Аба — широкополое одеяние типа рясы.

— Он говорит правду, — сказал Малсаг, показывая на Исмаала, — говорит то, что думает народ. Вы привезли к нам неизвестного сагопшинцам человека и хотите обвинить нас в воровстве.

— Кто здесь переводчик, я или ты? — закричал Ази.

— Я не собираюсь заменять тебя, я правду говорю.

— Почему же ты не встанешь сюда, на мое место?

— Это место тебе больше подходит. А мне там нечего делать.

— Не пререкайся со старшим, — погрозил Малсагу посохом Шаип-мулла. И опять, как прежде, посмотрел на Торко-Хаджи.

Но старик и на этот раз не проронил ни слова.

— Старшина не говорит вам правды, — крикнул Малсаг приставу.

— Ну, может, ты расскажешь? — спросил Сахаров. — В чем она, правда?

— Вы знаете, что наши сельчане боятся ездить в Моздок на базар? Хорошо знаете. Хорошо знаете вы и то, что у наших людей отбирают лошадей, а их самих иногда убивают. Без всякой вины! Спросите сидящего рядом с вами станичника.

Ази замахал на Малсага руками.

— Замолчи! Закройте ему рот, — сказал он по-ингушски, — не то его сейчас свяжут и увезут.

— Пусть говорит, — остановил старшину пристав.

— Весной старика убили! За что? В чем он был виновен? Человек ехал из Моздока, с базара...

— Его у Киевской убили, не у нас, — крикнул станичник.

— Какая разница, у Киевской или у Вознесенской? Казака убили! Почему же вы его не положили здесь на площади, посреди села? И этот, наверно, такой же вор.

— Как складно говорит, словно ласточка[1], — удивленно покачал головой Гойберд, — клянусь богом, как ласточка! Вот ведь счастливец, шпарит по-русски, как сам пирстоп.

Гойберд тяжело вздохнул, вспомнив, что не может отдать Рашида учиться.

— Ты все сказал? — спросил пристав.

[1] Ингуши это сравнение применяют к человеку, говорящему умно и складно.

— Все.

— Арестовать!

— Я же предупреждал, — забормотал Ази, протянув руки к народу, пытаясь показать, что он вовсе и ни при чем в истории с Малсагом.

— Пусть арестовывают, — говорил Малсаг окружающим, когда, расталкивая людей, к нему приблизились два казака. — За правду я готов идти хоть в Сибирь.

— Молодец! Ты — мужчина! — сказал наконец дотоле упорно молчавший Торко-Хаджи.

Шаип-мулла, как громом пораженный этими словами, забормотал молитву.

Многие вокруг не знали русского языка и не поняли, о чем говорил Малсаг.

— За что его арестовали? — с удивлением спрашивали они. — Что он сказал? Куда его ведут?

Расспросы прекратились только после того, как Ази поднял руку и крикнул, призывая к тишине:

— Люди, послушайте последнее слово пирстопа...

— Да будет оно у него и впрямь последним! — раздалось из толпы.

— ...Если у убитого не найдется родственников, — продолжал Ази, — пирстоп велит его закопать в яме, как собаку. Можете ли, спрашивает он, допустить такое, вы же мусульмане!..

— Это он говорит, Ази, а что ты говоришь? — спросил Исмаал.

— Что я должен тебе сказать?

— Не мне, ему скажи. Скажи, что этот человек не из нашего села.

— Я еще не дожил до того, чтобы слушать твои советы! — огрызнулся Ази. — Сам знаю, что мне говорить.

— Когда же ты заговоришь? Когда мертвые воскреснут, так, что ли? — крикнул Алайг. — Среди нас есть люди, которые не хуже тебя знают русский язык.

— И у многих из них хватит смелости сказать правду, — добавили из толпы.

...Фаэтон тронулся. Арба с телом убитого потянулась следом.

Уже на выезде из села им встретились Саад и Соси. Оба соскочили с бидарок и по-военному отдали честь. Сахаров не ответил им, только кивнул в сторону арбы.

— Посмотри, не узнаешь ли, кто это? — обратился он к Сааду, даже не взглянув на Соси. Будто того и вовсе тут не было.

Но Соси раньше, чем Саад, подскочил к арбе. И сразу понял, что не придется ему резать барана и звать муталимов.

Саад только по шапке узнал Касума.

— Где его убили?

— Ты знал этого человека?! — вырвалось у пристава. — Хоть один нашелся, признал его!

— Да как же мне не узнать своего работника. Это же тот самый, о ком я говорил вам. Он поджег мое сено и сбежал.

— Благодари их, — кивнул пристав на сидящего рядом казака.

— А конь? Где конь, на котором он ускакал?

— Вернули хозяину.

— Мне никто не возвращал его! — удивился Саад.

— Ты что, спятил! Или спросонок? С чего это тебе его возвращать станут?

— Потому, что он с моего двора угнал коня, — ответил Саад, зло покосившись при этом на Соси.

Уж очень ему не хотелось, чтобы в селе узнали подробности происшедшего. Но делать нечего. Пришлось рассказать все, как было. Только про деньги Саад сказал, что отдал их Касуму по доброй воле.

Пристав помедлил: не очень-то ему хотелось возиться с этим делом, других забот по горло.

— Ну вот что, — сказал он решительно Сааду. — О коне больше не говори. Мы твоим односельчанам сказали, что этот ингуш и убит за то, что угнал у казаков коня. А мы стараемся положить конец кражам. Вот такто! Понял?

— Не сомневайтесь, гаспадын пирстоп, — согласно закивал Саад. — Я не подведу вас.

— И ты держи свой язык за зубами, — погрозил Сахаров Соси, стоявшему с разинутым ртом.

— Га...гаспадын пирстоп, — выдавил наконец из себя лавочник. — Я хотел сказать вам...

— Что еще?

Соси переступил с ноги на ногу, поглядел на Саада. Но тот не уходил.

— Ну? — сердито крикнул пристав. — Говори, что ли?

Вздрогнув от окрика, Соси заговорил:

— Есть другой опасний, чем это... — Он показал на арбу.

— Кто же? — ощетинился пристав.

Не решаясь при Сааде назвать Дауда, Соси помялся.

— Кто он, болван? — заорал вконец обозленный пристав, которому и без того было невмоготу от всякого рода врагов — абреков и бунтарей.

— Ты знаешь его, гаспадын пирстоп, — сказал почти шепотом Соси. — Помнишь, он еще из Сибири сбежал?

— А-а, — протянул пристав, вспомнив Дауда. — Где ты его видел?

— На дороге от Ачалуков в Сагопши. Я возвращался из Владикавказа. Он напал на меня. С пятизарядной винтовкой...

— И отобрал товар? — перебил его пристав. — Что же ты, не мужчина, не мог сам себя защитить?

— Нет, гаспадын пирстоп, товар не отобрал...

— Ну, так что же он сделал?

Соси осекся. На этот вопрос ему не так-то легко было ответить. Не скажешь ведь, что винтовку отобрал и, больше того, чуть штаны не снял. На всю Ингушетию себя ославишь...

Соси захлопал глазами и сказал, пожимая плечами:

— Ничего не сделал...

— Какого же черта ты мне голову морочишь? Последи за ним. Узнай, с кем дружбу водит, где бывает. Потом доложишь.

— Будет зделана, гаспадын пирстоп!

Пристав уехал. Арба осталась стоять у обочины. Мертвец больше не был нужен приставу. Он велел Сааду и Соси похоронить его.

Едва фаэтон скрылся из глаз, Саад принялся обшаривать карманы убитого работника. Денег не было. «Деньги людям, а мне — труп!» — зло подумал он и сел в бидарку. Ему тоже был не нужен мертвый Касум.

Соси поехал следом.

— Куда вы? — крикнул вдогонку хозяин арбы, чеченец из Пседаха. — Кто же похоронит его?

— Подожди немного. Сейчас пришлем людей из села.

— И это называется — мусульмане! — чеченец махнул рукой.

7

В последние дни Соси стал непривычно ласков с Эсет. Девочка поначалу недоумевала, в чем причина такой перемены. Как-то, когда они были одни, отец сказал:

— Я больше никогда не трону тебя и другим не дам. Только ты при нани не говори про лошадь и про кукурузу для этих. — Он кивнул в сторону дома Беки.

Эсет стояла, потупившись. Отец подозвал ее поближе, погладил по головке.

— Вот поеду во Владикавказ, куплю тебе шелковый платок. Самый красивый. Ни у кого такого не будет. Самый лучший привезу.

Против ожидания Соси лицо девочки не загорелось радостью, как бывало прежде. Отец отвернулся, задумался о своем. Не очень-то теперь съездишь во Владикавказ. Можно, конечно, не балкой, а через Алханчуртскую долину, но Дауд, он вездесущ — и там может встретиться. Нет, не будет у Соси спокойной жизни, пока Дауд на свободе. Любой ценой надо его убрать.

Ладонь все еще лежала на голове дочки. Он снова погладил ее волосы.

— Ты еще кому-нибудь говорила об этом?

— О чем?

— Ну, о том, что я куплю лошадь и кукурузы дам?

Эсет покачала головой.

— Умница! Правильно сделала. И не говори. До весны я обязательно куплю лошадь. А сейчас она им и не нужна...

Глаза Эсет потеплели.

— И кукурузы дам... когда кончится. Много у них еще своей, не знаешь?

— Не знаю.

— Ты разве не ходишь к ним?

— Нет. Нани не велит. Ругается. — Лицо девочки помрачнело.

— Больше не будет ругаться. Ходи смело. Ты ведь любишь играть с Хусеном.

Эсет удивилась. Раньше отец не меньше матери сердился, когда она ходила к соседям, и вдруг сам разрешил. Даже строго сказал вошедшей матери:

— С сегодняшнего дня не смей запрещать Эсет ходить к соседям!

— Что? — удивилась Кабират. — Может быть, позволим ей шататься где вздумается?

— Пойти к соседям — это не значит шататься где вздумается. Ребенок сидит целыми днями взаперти, хватит, она не в тюрьме. И они пусть к нам ходят. С соседями надо жить по-соседски.

Кабират не переставала удивляться.

— Может, ты насовсем отдашь им свою дочь? — язвительно спросила она.

— Поживем — увидим. Придет время — отдам тому, кому следует.

Эсет уже ничего не понимала. Куда ее отдавать собираются? Зачем? Разве она не нужна им? Не надо ее никому отдавать. Пусть только позволят ей играть, когда хочется и где хочется: на улице или во дворе у соседей — Эсет любит ходить к ним. Кайпа такая добрая и так всегда рада ей!

...— Это ты, моя девочка? Давно у нас не была!

Кайпа в сенцах лущила кукурузу. Слева от нее возвышалась целая гора кочерыжек.

— Хусен отбил их палкой, мне теперь полегче.

— А где он? — робко спросила Эсет.

— Пошел звать Хасана. Застрял парень у Исмаала.

Эсет опустилась на корточки около кукурузы.

— Не спеши, мозоли натрешь! — сказала Кайпа, глядя на белые как снег руки Эсет. — Кабират рассердится и снова запретит тебе к нам приходить.

— Теперь не запретит. Дади велел ей пускать меня к вам, когда захочу.

— Что ты говоришь? Неужели?

— «Хватит, — сказал дади, — она не в тюрьме». Он даже велел: пусть Хусен... и Хасан тоже — пусть к нам приходят!

— Не очень-то я хочу к вам ходить! Подумаешь, медом, что ли, на вашем дворе кормят? — сказал возвратившийся Хусен.

— Не болтай, чего не следует! — махнула рукой Кайпа. — Вот к тебе не стоит приходить в гости. Не умеешь себя вести.

— Не стоит — пусть не приходит! Кто ее звал?

— Ах ты негодный мальчишка! Замолчи сейчас же. Она вовсе и не к тебе пришла, а ко мне. Правда, Эсет?

Эсет молча терла в обеих руках кочерыжку, не замечая, что уже очистила ее от зернышек.

— Эсет пришла помогать мне, — добавила Кайпа, видя смущение девочки.

— Мы и без нее бы справились, — пробурчал Хусен, усаживаясь рядом с ними.

Со двора кто-то кликнул Кайпу. Она поднялась и пошла к двери. На ходу оглянулась, погрозила сыну пальцем:

— Не смей обижать девочку! Смотри!

Первой заговорила Эсет:

— Хусен, у вас, кроме этой, еще есть кукуруза?

— Почему же нет? Конечно, есть! — насторожился Хусен.

— А где она?

— Там, где и у вас!

— Дади сказал, когда у вас кончится кукуруза, он даст целую арбу.

Хусену тотчас вспомнилось, как над ним потешались мать и Хасан, когда он им про лошадь говорил.

— Не нужна нам ваша кукуруза! Слышишь? Мы не нищие! И не ври больше...

Вошла Кайпа с женой Алайга Марем. Хусен и Эсет замолчали.

— Чья это такая девочка? — спросила Марем.

— Это дочка Кабират, соседки нашей.

— Как она похожа на русскую! Белокурая, синеглазая.

— Вырастет — красавицей будет! — довольно сказала Кайпа. Эсет зарделась.

— Вот и будет невестой моему сыну! — не унималась Марем.

— Чего захотела! — недовольно вскинула голову Кайпа. — А у меня что, нет сыновей? Нет, мы Эсет никому не отдадим.

Теперь уже покраснел Хусен. Они с Эсет глаз не могли поднять друг на друга, а женщины будто забыли

о детях. Кайпа помрачнела. Она вдруг всерьез подумала о будущем и тяжело вздохнула. Разве Кабират и Соси отдадут свою дочь за бедняка...

— Хватит вам кукурузы с огорода? — перевела разговор Марем.

— Где уж там! Может, хватит на пару месяцев, а потом не знаю, что и делать!..

Женщины прошли в комнату.

— А ты сказал, у вас много кукурузы...— с укором покачала головой Эсет.— Зачем неправду мне говоришь?

— Так мне хочется! — бросил Хусен.

Они опять замолчали. Из комнаты слышались голоса.

— Вам легче,— говорила Кайпа.— В доме есть мужчина. Алайг всегда что-нибудь сообразит. У него золотые руки.

— Эх, Кайпа! — вздохнула Марем.— Как бы и мне не остаться без него. Такое вокруг творится, только и жди беды.

— Какой еще беды? — не поняла Кайпа.

— Слухи всякие ходят. Говорят, власть будет другая. Алайг винтовку собирается купить. Зачем она ему? Может. абреком стать хочет. Боюсь я, убьют его или посадят!.. Исмаал во всем виноват. Плохой он человек. С тех пор как Алайг стал к нему ходить, совсем переменился. Исмаал все про царя да про власть говорит...

— Да разве он один об этом говорит. Я даже от женщин такое слыхала,— сказала Кайпа.— А Исмаал очень хороший человек, Марем. Ты не права.

— Подожди. Узнаешь, какой он. Лучше, пока не поздно, сына своего, Хасана, отвадь от него. Не то новую беду наживешь.

Разговор их прервал плач проснувшегося Султана. Марем посмотрела на него и горестно покачала головой.

— Кайпа, ты так и не послушалась моего совета.

— Да все никак не могу найти, где бы скотину резали.

— А ты сходи к Бийсолте. Он же мясом торгует, часто режет.

— Я не знаю его. Неудобно.

— Знаешь, не знаешь, ради ребенка и поклониться можно.

— Уж я ли не кланяюсь. Все перепробовала. Ничего не помогает. И ноги его не держат, и говорить никак не научится...

— Хусен,— прошептала Эсет,— дади обязательно купит вам лошадь, он обещал.

Хусен не ответил.

— Слышишь, Хусен?

— Слышу.

Он больше не грубил. Зачем обижать Эсет? Наверно, и сама верит в эту сказку? Просто очень хочет, чтобы у них было все: и лошадь, и кукуруза...

Уходя домой, Эсет заглянула в доа, там почти ничего не было.

— И это вся ваша кукуруза? — спросила она.

— Нет, не вся. Вон еще початки в стеблях.— Хусен кивнул в сторону огорода, где высилась небольшая кучка.

Оставшись вечером вдвоем с отцом, Эсет сказала:

— Дади, у них очень мало кукурузы. Я сегодня смотрела.

— Мало, говоришь? — кончик уса у Соси дернулся под самый глаз.— А у нас много. Нам бог с неба ее сыплет! Ты знаешь об этом?

— Нет, не знаю.

— Он ночью сыплет. Ты тогда спишь, потому и не знаешь.

Ус опять на месте. Соси улыбался. Сдерживая себя, пытался быть ласковым.

— Вот когда у них все кончится, ты скажи мне. Тогда и дам. Хорошо?

Эсет кивнула.

— А ты не видала, доченька, никто к ним не приходил? Тот мужчина, помнишь, которого мы на пути из Владикавказа встретили? Ты его ни разу не видела там?

— Нет, не видела.

— Он очень мне нужен.

— Я спрошу у них, дади, приходит он или нет.

— Боже тебя упаси, не спрашивай. Ты только смотри и слушай, если про него говорить будут. Даудом его зовут. И о нашем разговоре никому не говори.

Эсет и не сказала никому... Только Хусену. Ему она всегда все рассказывала. Он же самый лучший друг! А Дауд — друг Хусена. Эсет знала это. Поняла она и то, что отец неспроста ищет Дауда.

— Хусен, пусть Дауд к вам не ходит.

Хусен удивился.

— Откуда ты его знаешь?

— Однажды, когда мы с дади возвращались из Владикавказа, он нам... повстречался на пути.

— Ну и что?

Эсет опустила голову. Что делать? Она никогда ничего не скрывала от Хусена. Девочка не удержалась:

— Это же Дауд велел, чтобы дади купил вам лошадь! — выдохнула Эсет.— И кукурузы велел дать. Целую арбу...

— Ну да? — удивился Хусен.

— А ты думал, дади сам на это решился? Дауд ему пригрозил.

Больше Эсет ничего не рассказала. Теперь Хусен знает, что Соси зол на Дауда и может донести властям. Хусен скажет, чтобы был осторожен, не приходил к ним.

Дауд с каждым днем все больше убеждался, что в убийстве стражника его никто не подозревает. Как-то под утро он возвращался домой и вдруг увидел двух казаков у своего плетня. Они о чем-то тихо переговаривались. Прислушавшись, Дауд уловил обрывки их разговора.

— Нет его дома. Видать, и правда ночами по селам ходит, народ мутит. Поедем, чего ждать.

— Никак нельзя. Пристав велел найти и взять. Ему они вот где,— казак провел ладонью по шее,— эти абреки да смутьяны, боится их, как огня.

Дауд больше не задерживался, повернул обратно и задами ушел из села. Теперь он точно знал, что в убийстве его не подозревают, но от этого было не легче!

...Приставу сообщили, что специальному карательному отряду полковника Вербицкого поручено прочесать лес. Отряд создан для борьбы с абреками. Он еще не прибыл. Народ был в тревоге. Ходили слухи, что обозленный неудачами с поимкой Зелимхана, Вербиц-

кий зверски расправляется с горцами, считая их всех своими врагами. Как в пословице говорится: «Боялся коня — бил седло».

Пседахский пристав со дня на день ждал прибытия отряда. С трех сел собрал сено для коней, но больше ничего делать не стал. Хитер он. Не из тех, кто без нужды станет ввязываться в неприятности. Создан отряд — с отряда и спрос. А пристав — не индейка. Нет у него никакого желания лазить по ущельям и подставлять свою голову под пули. Абрек — это тебе не безобидный крестьянин! А вообще-то ему сейчас в лесу и ловить особо некого. Если только Дауда... Вот и лавочник жаловался на него. Это, конечно, ерунда. Тут дело поважнее. Дауд мутит людей. Но даже из-за него Сахаров не пойдет в лес.

...К радости пристава, Вербицкий так и не дошел до Алханчуртской долины. Полковник получил новый приказ — срочно идти в ущелье Ассы. По сведениям, там скрывался Зелимхан. Ярость обуяла Вербицкого, но не подчиниться он не мог.

Сахаров почти каждую ночь посылал казаков сторожить Дауда, но тот не появлялся.

Соси доложил, что Дауд собирает людей в доме Беки. Вчера два казака караулили, но тоже напрасно.

А Дауд тем временем сидел у Исмаала и слушал рассказ о стычке на сельской площади между Малсагом и приставом.

— Побольше бы таких людей,— сказал Дауд,— скорее бы и другие поняли, что к чему.

— Вот тогда бы можно с пирстопом поговорить,— потряс кулаком Исмаал.

— Разговаривать-то мы и сейчас с ними можем... Но этого мало.

— И нас, Дауд, мало. На три села всего несколько человек!

— Что верно, то верно. Не много. Но душой каждый второй с нами. Слишком долго люди под ярмом ходят— трудно спины распрямить. Веру им надо дать, веру в свои силы! Понимаешь?

— Не знаю, что может заставить их поверить в свою силу,— покачал головой Исмаал.— И я, и Алайг, и Гой-

берд со многими говорим, рассказываем, что царь при последнем издыхании, что будет революция и всю землю отберут у помещиков и отдадут крестьянам. Они слушают и молчат. Не знаю, верят или нет,— он развел руками.

— Ничего, Исмаал, поверят. И мы с тобой не сразу поверили. А теперь не только разговоры — дела вон какие вокруг делаются! Каждый день слышим: то в Ростове, то во Владикавказе, то в Грозном — везде рабочий народ поднимается. Не хотят больше люди терпеть унижение и нищету. Скоро и до наших мест дойдет. Вот тогда и поверят.

Засиживались иногда за полночь. И день ото дня Хасан все больше и больше понимал то, о чем говорил Дауд. И уж он-то верил — не мог не поверить, что жизнь непременно изменится, настанет наконец такое время, когда на земле не будет места таким, как Саад.

Кайпа сердилась, что Хасан все позже и позже возвращается домой. Вот и сегодня недовольно сказала:

— Где ты так поздно ходишь? Мало у меня горя, теперь того и жди — еще и дети чего-нибудь натворят!

Хасан обнял мать и радостно улыбнулся.

— Зря беспокоишься, нани. Ничего не натворю. Ты же знаешь, я был у Исмаала.

— О чем вы там говорите? Все про власть? Лучше бы своим делом занимались.

— Про какую власть? Ты о чем, нани? — насторожился Хасан.

— Знаю о чем! — всхлипнула Кайпа.— С тех пор как не стало отца, мои глаза не высыхают от слез. Хоть ты пожалей меня, не терзай душу.

— Да что с тобой, нани?

— Я не слепая и не глухая. Вижу, что вокруг делается. Вон Малсага арестовали. А за что? Только за то, что правду не побоялся сказать. Сила на их стороне, что хотят, то и делают. Не дай бог с тобой что случится. Я же с ума сойду! Все жду, когда помощником мне станешь, дашь вздохнуть. А ты...

— Не горюй, нани. Все будет хорошо! Скоро, очень скоро я стану тебе помощником. Ты обязательно вздохнешь легко! Выколи мне глаза, если не будет так.

Кайпа утирала слезы. От хорошего настроения Хасана не осталось и следа.

8

Утром Хасан заявил, что едет с Исмаалом за дровами. Мать промолчала. «Пусть едет,— подумала она.— Дрова всегда нужны. Работа человека не портит. Лишь бы ничем опасным не занимался».

Кайпа в последнее время очень тревожилась о своем старшем. Только из уважения к Исмаалу, который так много сделал для их семьи, она не осмеливалась положить конец ночным бдениям Хасана. Ей хотелось верить, что такой добрый человек, как Исмаал, не допустит, чтобы Хасан огорчил свою мать, сделал что-то плохое.

Углубившись в чащу, Исмаал и Хасан увидели Дауда. Он уже ждал их.

— Ассалам алейкум,— приветствовал Исмаал.

— Ва алейкум салам, да будет ваш приход мирным,— улыбнулся Дауд.— Я очень рад. Тоскливо здесь одному. Можно одичать.

— Дауд, у нас радостная весть,— сказал Исмаал,— вчера ночью выпустили Малсага.

— Что ты говоришь! Вот это новость! Теперь люди увидят, что пристав и его стражники не такая уж сила.

Исмаал спешился. Они пошли рядом с арбой. Хасан остался сидеть в ней и молча слушал разговор своих старших друзей.

В лесу тишина. Кроме них, никого. Изредка дунет ветерок, и тогда с деревьев лавиной осыпаются листья, будто желтый снег падает...

— А знаешь, Дауд,— пожал плечами Исмаал,— мне почему-то кажется, если бы Малсага не отпустили, народ был бы злее на власти. И тогда...

— Э-э, Исмаал, злобы и ненависти и без того хватает, жаль только — согласия между людьми нет. А все потому, что каждый за себя боится, боится, как бы и его не арестовали. Были бы все заодно — разве дали бы арестовать Малсага? Стеной встали бы.

— Да! Всех бы они, конечно, не посадили.

— Стой, Хасан,— остановил Дауд.— Вот здесь и будет рубка.

Хасан выпряг лошадь, привязал — пусть пасется. Дауд сошел с дороги вправо, разгреб листья.

— А ну, идите-ка, полюбуйтесь на эти «дрова».

— Ух ты! — удивился Исмаал, опустившись рядом с Даудом на корточки и беря в руки короткую казачью винтовку.— Хороша!

— Принимай подарочек, Исмаал. Это тебе от Соси.

Исмаал прицелился и довольно крякнул.

— А это тебе, Хасан.— Дауд протянул ему точно такое же, как у Довта, ружье.

Хасан покраснел от радости. Но взгляд его не отрывался от дула винтовки, что виднелась в груде листьев.

— А это моя,— сказал Дауд, перехвативший взгляд Хасана. — Ну, посмотрели, теперь понадежнее спрячьте их.

Исмаал уложил винтовку и ружье на днище арбы, прикрыл ветками.

Дауд взял топор и принялся рубить дрова. Делал он это с удовольствием. Истосковался по работе.

Исмаал хотел сменить его, но Дауд отмахнулся.

— Нет, друг, оставь. Очень мне приятна эта работа.

— Ну, а мне что же, так и стоять? Знал бы, второй топор прихватил.

— Вот и хорошо, что нет второго. Двумя топорами мы бы за час покончили с этой работой, и остался бы я опять со зверьем один на один. А так подольше побудете со мной.

Хоть день был короткий, а арбу все же нагрузили задолго до наступления темноты.

— Придется еще часок переждать,— сказал Исмаал.— Нельзя с такими дровами засветло из лесу выезжать, Элмарза увидит, придерется. С ним может и стражник оказаться. А у нас там под дровами...

Стемнело. Дауд попрощался с друзьями, сказав, что уходит на два-три дня во Владикавказ.

В село вернулись к ужину. Исмаал и Миновси усадили Хасана за стол и не отпустили, пока не поел с ними. Но вот покончено и с этим. Хасан изнемогал от нетерпения, когда же наконец ружье окажется у него в руках. Исмаал пробовал было возразить, что не стоит пока брать его с собой, пусть лучше у них полежит, понадежнее. Но парень очень упрашивал, и Исмаал уступил.

— Только смотри, не щеголяй с ним. Убери подальше. Достанешь, когда понадобится, не то греха не оберешься.

Хасан согласно кивнул, спрятал ружье под черкеску и вышел. На улице он огляделся. Убедившись, что никого нет, быстро пошел домой.

А спокойствие было обманчивым. Уже несколько ночей у Соси прятались казаки, которые из его двора следили за домом Кайпы.

К счастью, на этот раз казаки были заняты едой и никто не видел, как Хасан проскользнул в дом. Он спрятал ружье за очагом и вошел в комнату.

— Где же твои дрова? — спросила Кайпа.

— Завтра привезем нам. Не делить же одну арбу на двоих.

— И завтра, как сегодня, вернешься ни с чем,— махнула рукой Кайпа.

— Я и сегодня не с пустыми руками! — гордо вскинул голову Хасан.

Выскочив на минуту, он вернулся с ружьем.

— Убери. Убери его, чтобы глаза мои не видели!

— Оно не заряжено, не бойся!

— Откуда это? Где ты взял?

— Дауд дал.

— Зачем оно нам? О дяла! Только ружья в нашей жизни не хватает.

— Значит, понадобится, иначе Дауд не дал бы мне его.

— Хочет и тебя лишить крова. Сам не может нос домой сунуть и других с пути сбивает...

— Ничего, недолго... Скоро власть скинут, тогда...

В эту минуту во дворе послышались шаги.

Хасан спрятал ружье и, услышав стук, пошел открывать дверь.

— Кто там? — спросил он.

— Это я! Открой скорей!

— А-а, Сями, входи!

Сями прямиком пошел к очагу. Сел на корточки, протянул руки к огню. Теперь уже не только нижняя губа — вся челюсть у него отвисла и тряслась.

— И чего это ты так замерз? Ведь не холодно! — удивилась Кайпа.

— Ради бога, Кайпа, разреши мне сегодня у вас переночевать.

— Ночуй, конечно, о чем разговор. Слава богу, места хватит.

— Братья не пускают меня домой из-за того, что не поехал сегодня в лес. Я бы поехал,— стуча зубами, объяснил Сями,— если бы не заболел. Ломает всего, и голова кружится.

— Голоден ты, наверно, потому и голова кружится.— Кайпа поставила перед ним ужин — долю Хасана.— На, поешь.

— Садись и ты,— кивнула она сыну.

— Я сыт, нани. Поел у Исмаала.

— Вот и хорошо. Дров не привез, так хоть сытым приехал.

Хасан нахмурился. Бровь дернулась и застыла.

Сями съел очень мало и отставил миску. Мать и сын удивились. Такого не бывало.

— Кайпа, где мне лечь? — спросил Сями.

Сейчас сон ему был дороже всякой еды.

— Где тебе больше нравится, там и постелю!

— Можно здесь. Мне тут теплее будет.

— Ну что же, ложись здесь.

Кайпа постелила. Сями укрылся своей старенькой шубейкой, свернулся калачиком и затих.

И невдомек было всем троим, что стражники, сидевшие у Соси, заметили Сями, когда он стучал в дверь, и теперь кружились вокруг дома Кайпы. Они подумали, что это Дауд.

Казаки близко не подходили. Решили подождать, пока абрек не пойдет обратно.

Кайпа долго не могла уснуть — Султан не давал. Наконец все затихли, и слышалось только тяжелое прерывистое дыхание Сями.

Вдруг что-то грохнуло. Кайпа очнулась. В окне уже брезжил рассвет.

— Стой! — услышала она крик во дворе. Вслед за тем один за другим раздались еще два выстрела.

Кайпа вскочила и подбежала к окну. В дверь ворвались два казака. С испугу она и не подумала, как же они вошли, ведь дверь была закрыта.

— Где оружие? — подступили они к Кайпе.

Женщина не понимала, о чем они спрашивают и чем так встревожены. Она смотрела на них и испуганно моргала глазами.

Проснувшись и увидев казаков, Хасан тотчас вспомнил о ружье. Стражник уже доставал его из-за очага.

Кайпа вся задрожала от ужаса, но про себя подумала: «Может, на этом успокоятся и уйдут?»

Хасан вырывался из рук казака, пытаясь дотянуться до ружья. Но силы были неравные. Здоровенный мужик, как в тисках, сжимал парнишку.

— Будь спокойней. Не зли их,— со слезами упрашивала Кайпа.— Отдай им ружье, а то...

Но Хасан не слушал ее. Тогда второй казак снял с гвоздя веревку и скрутил ему на спине руки.

— Отпустите моего мальчика, собаки,— кричала по-ингушски Кайпа.— Что он вам сделал?

— Не плачь, нани, не унижайся перед ними. Ничего со мной не будет.

— Ничего не будет! Я знала, что этим кончится, знала, что накличешь новую беду на мою голову!..

— Убирайся, стерва! — оттолкнул стражник Кайпу и вывел Хасана во двор.

Хасан держался мужественно, хотя испугался. Теперь он даже гордился, что его арестовали, как настоящего мужчину. Вот если бы Кайпа не плакала, тогда бы он чувствовал себя совсем спокойно.

Кое-кто из соседей, разбуженных выстрелами, заглядывал во двор и, увидев казаков, молча отходил.

— Люди, помогите! — кричала Кайпа.

Показался всадник. Это был старшина Ази. Ему сообщили, что убит абрек. Кайпа и рта не успела открыть, чтобы пожаловаться, как Ази тотчас закричал:

— Вот уже второй раз я на твоем дворе! В Сибирь захотелось?

— За что в Сибирь? Что мы сделали?

— Прячешь у себя абреков!

— Каких еще абреков? Где ты их видишь? И мне ли до абреков!

Ази махнул рукой и, не отвечая Кайпе, повернулся к казакам. Один из них поманил его за дом.

— А ну, иди сюда! — крикнул оттуда Ази.— Сейчас я покажу тебе абрека.

На лице у Кайпы выступил холодный пот. «Господи, кто еще там? — подумала она.— Неужели Дауд?» Но, увидев растянувшегося на грядке Сями, Кайпа обмерла.

— О дяла! — она покачнулась, будто ее толкнули в грудь.— Это он абрек? Посмотри на него получше.

Ази сошел с коня, повернул Сями. Он был мертв. Глаза бедняги, казалось, вопрошали: «За что?»

— Какой он абрек? За что убили человека?

Кайпа воздела руки к небу и заплакала.

Ази не слушал ее. Стражник рассказывал ему подробности события. Ази прервал его какой-то фразой, тот застыл в удивлении.

— Что? А почему же тогда убегал?

— Потому, что не все у него на месте...— Ази покрутил пальцем у виска.— Понял?

Казак молча повернулся и пошел к дому.

— А оружие? — вспомнил он, вдруг остановившись.— Оружие, которое мы нашли в доме?

— Чья винтовка? — спросил Ази у Кайпы.

— Наша. Чья же еще.— Кайпа была не из тех, кто мог бы свалить свою вину на другого, пусть и на мертвого Сями, которому теперь нипочем любое обвинение.

— Разве ты не знаешь приказа? Почему вы держите в доме оружие?

— Это же однозарядное ружье! — покосился на Ази Хасан.

— Это не важно какое, однозарядное, десятизарядное или такое, которое заряжают в могиле моего отца! — закричал Ази.— Приказ есть приказ. И что тут за народ!

Ази внимательно посмотрел на Хасана. Потом махнул казакам. Те быстро пошли со двора.

— Развяжи меня, они уносят ружье! — закричал Хасан.

— Ох, если бы они у тебя всегда были так связаны! — в сердцах сказала Кайпа.— Не делал бы, чего не следует!

Убитого похоронили в тот же день. Кроме вдовой сестры Сями, никто не плакал, если не считать притворные всхлипывания жен Элмарзы и Товмарзы.

Мужчины выражали соболезнование Элмарзе, в душе уверенные, что смерть принесла облегчение несчастному Сями.

Но были в селе и такие, в ком убийство невинного отозвалось новой болью и злобой к насильникам.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Летнее солнце щедрое. Не успеет взойти — шлет миру тепло. Все живое пробуждается, радуется.

И только Хусен никак не мог подняться. Мать разбудила его, едва забрезжил рассвет. И поручений по дому столько надавала, что он спросонья не все и запомнил.

Кайпа с Хасаном уже наверняка перевалили Терский хребет и едут по моздокской дороге, а Хусен все еще дремал. Голодные цыплята забежали в открытую дверь, носятся по комнате, как оглашенные, во дворе наготове стая воробьев ждет, когда будут кормить цыплят. Но Хусен не слышал ничего: ни цыплячьего писка, ни воробьиного чириканья.

И все же он проснулся. Со двора донеслось мелодичное, нежное пение птицы. Это тебе не воробей и не цыпленок. Хусен знал, кому принадлежит голос. Это иволга. Как-то, когда точно такая же, очень красивая птица с яркими разноцветными перьями пела на макушке вишни, Хусен незаметно подкрался и убил ее из рогатки.

— Зачем ты убил ее? Теперь за это в ад попадешь! — крикнул ему из-за плетня Мажи.

— Ну да! — недоверчиво отмахнулся Хусен.

— Не веришь — спроси у моего дади.

Побежали к Гойберду.

— Конечно, в ад попадешь! — подтвердил тот.— Это же райская птица! Клянусь богом, райская.

Хусен вернулся домой весь в слезах. Кайпа долго утешала сына.

— Ты ведь не знал, что она райская?А знал бы, так ни за что не убил! Правда?

Хусен кивнул.

— Ну а раз согрешил по незнанию, бог тебя простит.

Хусен тогда успокоился. Но и до сих пор, заслышав голос иволги, вздрагивает. Вот и сейчас: сон слетел с него мигом. Пусть поет сколько хочет. Хусен не тронет ее...

Сегодня Кайпа впервые выехала на арбе. Наконец решилась: продала корову и купила лошадь. Сегодня она привезет муки и подсолнечного масла. Больше ничего. Надо экономить, снова собирать по крохам на корову. Без коровы тоже не прожить, хотя все говорят, что главное в хозяйстве — лошадь.

В надежде, что мать привезет муки и масла и он тогда досыта наестся вкусных, жареных на масле чапилгов, Хусен взялся за дело: замочил кукурузных отрубей, дал цыплятам. Пока они клевали, не спускал глаз, чтобы воробьи не разворовали цыплячий завтрак. Подползший к двери Султан сидел и с интересом смотрел во двор. На минуту и он показался брату похожим на цыпленка. В последнее время Султан стал заметно поправляться. Теперь и на ноги встает. Но еще не ходит.

— Хусен, бапи [1], — попросил Султан. И когда Хусен протянул ему кусок чурека, взял, потом показал на красные вишни и захныкал.

— Ну чего тебе? Вишни хочешь? Сейчас принесу.

Хусен направился к дереву. Вишен не жалко. Лишь бы не ревел. Он обхватил ствол дерева обеими руками, уже собирался подтянуться, но тут его позвала Эсет. Хусен забыл обо всем и побежал к плетню. Сквозь щели на него смотрели два знакомых синих глаза.

— Хусен, иди к нам.

— Что случилось?

— Ничего. Просто так. А знаешь, что мне дади привез?

— Куклу, наверно?

— Вот еще, куклу! — обиделась Эсет. — Что я, маленькая?

— Ну что же тогда?

[1] Бапи — так ингушские дети называют хлеб.

— Догадайся! Что покупают девушкам?

— А ты разве уже девушка? — усмехнулся Хусен.

— Ну я же не о том! Просто мне хочется, чтобы ты сам догадался, что мне купили.

— Откуда мне знать? Что я, святой, что ли?

— Ну ладно, так и быть, я сейчас покажу тебе.— Эсет вприпрыжку понеслась к дому.

В это время Хусен услышал плач Султана, на которого, распушив свои крылья, кидалась нахохлившаяся квочка. Она уже успела клюнуть его в щеку. Прижимая ладошку к царапине, Султан громко плакал. Курица хотела было и на Хусена броситься, да вдруг увидела в небе ястреба и затихла.

Хусен взял Султана на руки и пошел в сад.

— Ну где ты пропадаешь, Хусен? — крикнула Эсет.— Я ведь жду тебя.

Хусен подошел. Синие глаза смотрели встревоженно. В руках у Эсет была гармошка.

— Что он плачет? — спросила девочка.

— Его курица клюнула, — сердито ответил Хусен.

— Хорошо, что не в глаз.

— Сказала бы сразу, что тебе купили, я бы не торчал здесь и с ним бы ничего не случилось...

Эсет на минуту помрачнела. Опять Хусен сердится на нее. Но, глянув на Султана, она потеплела и засветилась нежной улыбкой, пожалела мальчика. Стала утешать. Султан потянулся к гармошке. Эсет попробовала заиграть. Но стройной мелодии у нее не получилось. Однако и этого было достаточно, чтобы мальчик успокоился. Даже таких нескладных, отдельных звуков он никогда еще не слышал. Зато Хусен не восторгался.

— Ты играть-то не умеешь! Зачем тебе гармошка? — поджав губы, бросил он.

— Выучусь. Ведь мне только вчера ее купили! — без обиды ответила Эсет.

Султан опять потянулся к гармошке и снова захныкал.

— А вы идите к нам,— позвала Эсет.— Я одна. Никого дома нет.

— Где же твои?

— Уехали в Моздок. Гармошку тоже оттуда привезли. А тебе что привезут из Моздока? — полюбопытствовала Эсет.

Хусен потупился.

— Ничего. Нам надо деньги копить на корову.

Эсет тоже погрустнела.

— Если бы дади исполнил свое обещание и купил вам лошадь, не пришлось бы корову продавать... Потому он теперь и во Владикавказ не ездит — боится встретить Дауда. А как ты думаешь, Хусен, на моздокской дороге он не может встретиться дади? А?

— Откуда я знаю.

— Идите к нам. Мне скучно,— перевела разговор Эсет.

— Отчего же скучно? У тебя гармошка, вот и играй.

— Мне и с гармошкой скучно!

— Не могу я уйти к вам. Мальчишки залезут и оберут вишни,— уже мягче ответил Хусен.— Иди лучше ты к нам. Будем вишни есть.

— Нани будет ругать, если узнает, что я уходила...

Они бы еще долго спорили, но, услыхав про вишни, Султан снова захныкал и потянул брата в сад. Эсет осталась у плетня.

Когда все дела были сделаны, Хусену стало скучно. У Гойберда никого. Рашид, как обычно, ушел в поместье купать овец, остальные пололи кукурузу у родственников. Мажи еще с вечера радовался этому, предвкушая сытную еду в поле. О том, что целый день придется работать на солнце, он не думал.

На соседском дворе слышались звуки гармошки: Эсет училась играть. Они становились все громче и увереннее. Теперь мелодия уже нравилась Хусену. Захотелось подойти к плетню и крикнуть: «Эсет, я больше никогда не обижу тебя».

Внезапно, будто о чем-то вспомнив, он побежал домой. Взяв конопляных ниток, выскочил в сад. Нарвал вишен, привязал их к палочке — и вот готова красивая гроздь. Хусен направился к плетню. Гармошка молчала. Может, Эсет ушла домой? Надо позвать ее! А вдруг не услышит? Но в эту минуту Хусен увидел входящую к ним в ворота Эсет. Хусен спрятал гроздь за спиной, медленно пошел навстречу девочке и, подойдя, неловко протянул ей.

— Ой! — вырвалось у ошеломленной Эсет.

Она замерла, и только глаза ее перебегали с грозди на Хусена.

— Бери, это я тебе,— смущенно сказал Хусен.

— Мне?! — Взяв обеими руками подарок, она прижала его к груди.— Как красиво ты сделал!

Они уже сидели у двери, а Эсет все еще восхищенно смотрела на гроздь, не решаясь сорвать с нее ягодку.

— Я не буду их есть, Хусен! — сказала она.

— Ешь. Я еще красивее сделаю.

— Красивее?! Что может быть лучше! — сказала Эсет, но не вытерпела и стала одну за другой срывать вишни.

— Я очень люблю вишни,— проговорила Эсет и недовольным взглядом обежала свой голый двор, где, кроме акаций вдоль забора, не было ни деревца.— Только у нас их нет.

— А у нас сколько хочешь,— похвастался Хусен.— У меня даже оскомина от них.

— У моей дяци тоже их много. Только они не едят. Возят в Моздок, продают.

— Нани тоже повезет в следующий раз. И знаешь, что она мне купит?

— Брюки? — спросила Эсет.

— Какие брюки!..— Хусен прикрыл руками коленки, чтобы Эсет не увидела латки.

— А что же тогда?

— Мяч! Настоящий резиновый мяч!

— Интересно, куда Тархан задевал свой мяч? — встрепенулась Эсет.— Пойду поищу его. Если найду, отдам тебе.

Хусен уговаривал ее не ходить. Сказал, что вовсе ему не нужен мяч. Но Эсет не послушалась, убежала.

Вернулась она не скоро. И хотя Хусен отговаривал Эсет, но, увидев ее с пустыми руками, погрустнел.

— Так и не нашла! — виновато сказала Эсет.— Тархан, видно, потерял его.

Хусен разжигал огонь в очаге. Он сделал вид, что ему все равно, нашла она мяч или нет.

Помолчали.

— Дай-ка я растоплю! — опускаясь на корточки рядом с ним, попросила Эсет.

— Не надо. Я сам.

— Это не мужское дело! — совсем осмелела Эсет.

— Ну, тогда разжигай, — согласился Хусен и поднялся.

Мигом управившись, поднялась и Эсет.

— Зачем тебе огонь? — спросила она. — Ты что, обед хочешь приготовить?

— Мы сейчас сварим яиц!

Хусен уже давно слышал кудахтанье кур в сарае. Это верный признак, что снеслись.

Он хотел пойти в сарай, но Эсет удержала его.

— Я пойду. Это тоже не мужское дело! — лукаво улыбнулась она.

Хусен не узнавал своей подружки. Она была какая-то необычно смелая, будто взрослая. И чувствовала себя как дома. Сходила в сарай. Положила яйца в котелок, налила воды, подвесила его над огнем и уселась у очага. Но через минуту отодвинулась и стала тереть свои белые ноги.

— Обожглась? — спросил Хусен, но к огню не пододвинулся. Боялся, как бы Эсет опять не сказала, что это не мужское дело — хлопотать у очага.

— Очень жарко.

— Потому, наверное, тебя и на прополку не берут, — улыбнулся Хусен, — что любишь, где попрохладнее.

— Нани боится, что я загорю на солнце. Она говорит: девушке нельзя загорать, надо быть белой как снег! Не понимаю — зачем. Разве не все равно, будешь белая или черная? А, Хусен?

Хусен молча пожал плечами. А сам почему-то не мог оторвать глаз от ее белых коленок. Эсет и вся была белая, как молоко. Хусен сравнивал ее с распустившимся цветком. Только про себя, конечно...

Хусену, как никогда, хотелось, чтобы Эсет подольше побыла у них. Но время бежало. Кабират обещала вернуться к вечеру. Эсет заторопилась.

Хусен поник. Уж лучше бы она вовсе не приходила. Раньше он не скучал без нее, а теперь, едва она ушла, совсем загрустил.

Султан уже спал, а Хусен, сидя у порога, не спускал глаз с улицы. Дважды проезжали мимо их двора арбы. Наконец третья остановилась у ворот. С нее сошли двое — Кайпа и Хасан. Арба поехала дальше.

Хусен застыл от удивления. Сначала он подумал, что кто-то еще был на их арбе и повез дальше свой груз. Но почему тогда Хасан не поехал с ним? Арбу-то надо на-

зад пригнать. И почему не сняли мешка с мукой? Хусен готов был сам кинуться за арбой.

— Куда она поехала? — с нетерпением спросил он, не дождавшись объяснения.

— К себе домой. Куда же еще? — тяжело вздохнула Кайпа.

— Куда домой? Разве это не наша арба?

— Не наша, не наша! — крикнул Хасан и пошел вслед за матерью в дом.

— Тогда где же наша? — ничего не понимая, спросил Хусен.

— Где наша? В пропасть свалилась!

— Что ты кричишь на него? — вмешалась Кайпа.

— А чего он пристал?

— Он тоже хочет знать.

— Хорошо. Расскажем, раз хочет знать. Наша арба осталась в Моздоке. А лошадь отобрал хозяин. Ясно?

Хусен в недоумении. Что значит «отобрал хозяин». Разве не они хозяева?

— Какой хозяин? — выговорил он наконец. — Кто отобрал?

— Обыкновенный хозяин, казак! Взял и увел. Вот так. — Хасан обхватил себя обеими руками за шею и пригнулся.

Мать горестно покачала головой и, обняв Хусена, сказала:

— Обманули нас, продали нам краденую лошадь. Чтобы сгорел тот, кто сделал нам такое зло!..

Хусен, не сдержавшись, горько заплакал.

— Ну, захныкал, как девчонка! — презрительно скривился Хасан.

— Перестань, сыночек! — утешала сына Кайпа, едва сдерживая слезы. — Будет у нас лошадь... Если суждено...

Дрова, приготовленные Хусеном, так и остались нетронутыми. Очаг в тот вечер не разжигали. Холодно было в доме.

2

Хасан поднялся с рассветом, сбегал к Рашиду и быстро вернулся.

— Ты чего это чуть свет вскочил? — спросила мать.

— Если я буду спать до полудня, наши дела не поправятся.

Он еще не мог прийти в себя после поездки в Моздок.

— Куда ты собрался, я могу это знать? Хотя у тебя теперь столько секретов от меня...

— Иду на работу. Овец угромовских купать. Вот и весь секрет!

— Что же ты вчера не сказал? — засуетилась Кайпа. — Я бы с вечера испекла тебе чурек.

Она взяла сито и большую деревянную чашку.

— Не успеешь,— остановил ее Хасан. — Вон Рашид уже идет за мной.

Проснулся Хусен. Узнав, куда идут Хасан с Рашидом, он тоже засобирался. Мать попыталась удержать его.

— Завтра пойдешь. Я не успела приготовить поесть.

Но на этот раз ничто не могло остановить Хусена.

— Нани, там еще с вечера остался чурек. Я возьму его, нам хватит. И вишен нарву. — Он побежал в сад.

Солнце поднялось уже высоко. Рашид торопился.

— Вчера я в это время был там,— говорил он, глядя из-под ладони. — Зарахмет предупреждал, что всякому опоздавшему убавит заработок.

Но как ребята ни торопились, они все равно опоздали. Рашид хотел незаметно смешаться с работающими, но это не удалось. Зарахмет заметил их и закричал Рашиду:

— Вы обедать пришли или?..

— Работать, — за всех ответил Рашид.

— А какого черта спали так долго?

Рашид предпочел смолчать. Нет таких слов, чтобы разжалобить Зарахмета, а злить его нельзя. Братья совсем не поднимали глаз.

— Никто не даст вам работы, если будете приходить так поздно,— не унимался Зарахмет. — Сегодня получите за полдня, так и знайте. — Он торжественно поднял карандаш. — Как фамилии?

Подбежал сын Зарахмета.

— Что ты, сынок? — спросил отец.

— Паша зовет тебя.

Так называли помещика. Для сагопшинцев он был Угромом, а приближенные называли его по имени. По-

русски полагалось добавлять и отчество. Но жена звала его Пашей, и остальные подражали ей. Хозяин мирился с этим.

Зарахмет заторопился. Обернувшись к сыну, сказал:

— Идем, что ты стоишь?

— Я останусь здесь...

— Чего тут делать?

— Тоже буду купать овец.

— Пошли. Нечего. Одежду замараешь.

Пропустив сына вперед, Зарахмет, тяжело ступая, пошел за ним, покачивая своим тучным телом.

Хусен неотрывно следил за мальчишкой. «Счастливый,— подумал Хусен,— он идет с отцом!»

— Эй, гони вон ту овцу! — крикнули ему.

Хусен побежал к отставшей овце. Та подпрыгнула, словно ее поставили на раскаленную плиту, и кинулась в сторону.

— Глупый ты! — злобно крикнул старший.— Бросился прямо на нее.

Овца пробежала мимо Зарахмета. Он протянул руки, хотел ее схватить, но зацепился за бурьян и чуть не растянулся.

— Где ты видел, чтобы так ловили овцу? — взревел старший.

— Прямо или косо он бежит, а овцу, видать, поймает, даже самую быстроногую, —похвалил Зарахмет. — Косуля, а не парень! — И, обернувшись к старшему, добавил: — Пошли-ка его подгонять овец. Уж он-то ни одной не упустит. Если только в небо какая взлетит!..

Хусену не очень хотелось гоняться за овцами. Куда интереснее работать у самой ямы. Овцы — вжик — так и скатываются, как со снеговой горки.

— Ну, чего ты стоишь, разинув рот? — крикнул старший. — Тебе же сказали, иди подгоняй овец.

С обеда и Хасан попросился подгонять овец. Уж очень ему было не по себе от запаха лекарств. Теперь братья работали вместе.

Дело было к вечеру. Две овцы отбились от отары и подбежали к канаве, отделяющей угромовские земли. Хусен погнался за овцами. Одна повернула назад. Зато другая прыгнула, глупая, в канаву. Хусен — за ней. Овца лежала и не двигалась. Он потянул ее за рога. Овца не поднялась, только жалостливо посмотрела на него,

будто просила: «Оставь меня хоть теперь!» Хусен осмотрел овцу и убедился, что никуда ее не выгонишь — заднюю ногу сломала. Мальчишка побежал к брату.

— Молчи и никому ни слова! — погрозил тот пальцем. Лицо его мгновенно помрачнело. Вспомнилось то, что случилось давно, тогда, когда саадовской овце ногу перебили.

После работы все пошли в имение. Рашид решил остаться там с ночевкой. Место дают, кормежку тоже. Стоит ли мотаться домой и обратно. Только силы терять. Он и друзей своих хотел уговорить. Но Хасан упросил его уйти вместе с ними. Он пошептался с Рашидом, и тот быстро согласился.

Уйти пришлось не евши. После ужина спустят сторожевых собак. Они охраняют имение.

Хасан ушел с Рашидом.

— Хусен,— попросил он, — скажи нани, что я остался ночевать в имении. Мы с Рашидом сходим за той овцой.

— А если кто увидит?

— «Если кто увидит»...— усмехнулся Хасан.— Потому-то мы и не берем тебя, чтобы не увидели.

Хусен обиделся, но промолчал.

— Ну иди, быстрее,— подтолкнул его Хасан. — Да не забудь, запри дверь.

Спорить не хотелось. Хусен глубоко вздохнул и молча побрел домой.

Хасан с Рашидом взяли нож, мешок и вышли из дому.

— Куда вы? — пристали к ним Зали и Мажи.

— За семь гор!

— А зачем нож наточили? — полюбопытствовала Зали.

— Тебя зарежем!

На счастье, Гойберд был во Владикавказе. Не то он не отпустил бы их.

За селом шли степью. Наконец добрались до нужной канавы и дальше пробирались ею. Оба молчали, чтобы не обнаружить себя. Хасан думал о матери. Как бы она волновалась, если бы знала, где сейчас сын. Обязательно прибежала бы и преградила ему путь: «Только через мой труп ты пойдешь дальше! Твой отец честным ушел в могилу. Нечестного нам не надо!»

«Нечестное, нечестное! — досадовал Хасан. — А разве честно нажито все, что имеет Угром? Разве честно держать в одних руках столько земли, столько скота? Помещик и не заметит пропажи одной овцы. Бог не простит? А почему он прощает Угрому и Сааду? Почему он позволил обманщику продать нам краденую лошадь?»

Знакомый запах лекарства ударил в нос. Вот и овца. Она стонала, как человек. Рашид придавил ее коленями к земле. Хасан держал голову и пытался перерезать ей горло. Но овца — не курица. С ней не так-то легко сладить.

Наконец все было кончено. Ребята уложили тушу в мешок, присыпали кровь землей и тронулись в путь, по очереди неся мешок.

До села добрались благополучно. Проснулись Мажи и Зали. И не спали, пока не разделали тушу и не наелись жаркого из легких и печени. Перед рассветом, спрятав большую часть своей доли, надежно присыпав ее солью, Хасан взял кусок баранины и пошел домой.

— Почему ты вернулся ночью? — удивилась Кайпа.

— Не больно-то хорошо там на соломе! Дома лучше! — сказал Хасан и протянул матери сверток. — Да вот и мясо надо было принести.

— Что это за мясо?

— За работу дали. Вместо денег. Мне и Хусену, на двоих.

И радость и удивление смешались в глазах Кайпы.

— Столько мяса?! Да воздаст им бог. Нам хватит на два-три дня.

— Мы еще и завтра принесем! — счастливый радостью матери, выпалил Хасан.

— К сожалению, завтра вам придется остаться дома!..

— Что случилось?

— Вечером здесь был двоюродный брат вашего отца, Мурад, сказал, что завтра к нам собирается Саад с сельскими стариками.

— Это еще зачем?

— Придет просить о прощении крови. Есть же в нашем народе такой обычай.

— Простить ему кровь? — глаза Хасана потемнели, бровь поползла вверх. Невольно вспомнились: искажен-

ное лицо отца и его последние слова: «Хасан, отомсти». Ошеломленный сообщением матери, он некоторое время молчал.

— А что ты сказала Мураду? — спросил он наконец.

— Что я могла ему сказать? Обещала оставить вас дома...

— Вот возьмем и не останемся!

— Нельзя так. Мурада надо послушаться. Ближе, чем он, у нас нет никого.

— А что ты хочешь от меня? Хочешь, чтобы я простил этому извергу кровь своего отца? Так знай же, не бывать тому! — сказал он наконец.

— Я хочу, чтобы вам троим ничего не угрожало,— тихо ответила Кайпа. И добавила: — Горяч ты больно!

Хасан весь кипел.

— Горяч или холоден, а за деньги кровь своего отца не продам! Так и передай Мураду.

Чуть свет Хасан с Хусеном ушли на работу. Мать не противилась. В душе она гордилась Хасаном. Проводив сыновей, Кайпа сбегала к Мураду и предупредила, что прощения Сааду не будет. Мурад разошелся: он уже почти пообещал Сааду, а тут...

— Сыновья не хотят этого! — твердо сказала Кайпа.

— Не собираются ли твои сыновья отомстить Сааду? — вскочил тот с места.

— Не знаю.

— А что ты тогда знаешь? Разве не ты их мать? С каких пор малые дети пользуются полной свободой? Я-то думал, что ты заменила им отца!..

— Если бы ты приглядывал за моими сыновьями, интересовался ими, как велит долг,— глаза Кайпы налились слезами, — знал бы, что они уже не малые дети. Счастливым людям и в родственниках везет. А ты всегда чуждался нас. По какому же праву требуешь, чтобы теперь они слушались тебя?

— Не послушаются — им же хуже! Сааду они ничего не смогут сделать. А свои шеи сломают! Это уж точно!

По правде говоря, Мурад больше за себя волновался. Он боялся, что в случае какого-нибудь столкновения и ему не миновать беды. Саад и его родичи никого не оставят в покое.

Таков уж обычай.

— Знаешь, Кайпа,— сказал он миролюбиво,— я пе-

редам, что не успел переговорить с вами. А ты попробуй еще раз уговорить мальчиков!..

— Вот ты приди и попробуй поговори. А мне больше нечего сказать им.

Вечером Мурад пришел. Но Хасан был тверд. Хусен стоял рядом с братом и, сжав губы, сурово смотрел на родственника.

Поклявшись, что больше не переступит порог этого дома, Мурад вышел.

3

Поняв, что его замысел не удался и прощения не будет, Саад забеспокоился не на шутку. Надо было искать новые пути. Другое дело, когда сыновья Беки были несмышлеными. Прошло время, они подросли. Старший уже юноша. Опасность с каждым днем все ближе. Любым способом их нужно убрать. Особенно Хасана. Не убивать. Нет! Ни к чему брать на душу кровь еще одного человека. Саад знал, что парни работают в угромовском поместье, купают овец. Это натолкнуло его на мысль, которая и привела к дому старшины.

Ази внимательно выслушал своего покровителя и успокоил, обещал сделать все возможное.

Проводив Саада, старшина тотчас же пошел к Соси. В разговоре с ним он и имени Саада не упомянул. Говорили вроде бы ни о чем. Ази в какой уже раз подчеркнуто важно сообщал Соси, что он, старшина, а не кто другой в ответе за все, что происходит в селе. Заученные слова сами собой слетали с языка. Потом Ази сказал, что, если за проступки сельчан его вдруг снимут с должности, кому-кому, а Соси от этого один только вред. Кто его знает, каким еще будет новый старшина. Соси слушал и согласно кивал головой.

Когда наконец Ази дошел в разговоре до угромовских овец и до сыновей Беки, Соси неожиданно вспомнил, что на днях, выйдя во двор, он почувствовал неприятный лекарственный запах со стороны соседского двора.

— Ты уверен, что запах шел от бараньей шкуры? — спросил Ази.

— А от чего бы еще?

— Это важно. Ты не спускай с них глаз. Уверен, стоит лишь присмотреться — и не то еще выведаем.

— Даст бог, даст бог! — закивал Соси, провожая гостя.

Однако обнаружить что-нибудь еще Соси не удавалось. Иногда, правда, дуновение ветра доносило лекарственный запах. Но поди знай — откуда? С соседского ли двора или издалека, из степи, от самой купальной ямы?

И вот через два-три дня он вдруг увидел сквозь щели в плетне, как Кайпа подвесила над дверью большой кусок мяса. Бедная женщина, ничего не подозревая, решила подсушить его на солнце: сухое можно сохранить подольше. На дворе ведь лето, день-другой — и все портится.

— Откуда у них столько мяса? — подумал Соси. — Не иначе краденое! — и побежал к старшине.

В тот же день в дом Кайпы вломились казаки.

— Где мясо? — рявкнул один из них.

Испуганная Кайпа тотчас подала ему все, что у них было.

— Вот, значит, для чего ты ходил купать овец? — сердито шепнула она Хасану. — Ну теперь-то отходился.

Хасан молчал и смотрел в сторону.

Ничего не обнаружив в доме, казаки вышли во двор и направились к яме, к той самой, из которой брали глину, когда отстраивали дом. Теперь в нее ссыпали мусор. Один из казаков, ругаясь, полез вниз. Перебросал чуть не весь мусор, но так ничего и не нашел.

Казаки забрались на коней. Хасан попытался отнять у них мясо, но из этого ничего не вышло. Мать схватила его за рубашку и удержала.

Казаки остановились у лавки Соси. Оба спешились.

— Видишь, откуда ветер дует? — сказала Кайпа. — Будь он проклят! Сейчас станет их водкой поить.

Но то, что случилось вслед за этим, было подобно грому средь ясного дня. Не успел Соси выйти навстречу желанным своим гостям, как те стали избивать его плетьми. Соси закрыл лицо ладонями и присел. Но тут один из казаков дал ему сзади пинка, и Соси грохнулся им в ноги.

— Долго ты будешь марать нас своей пустой трепот-

ней? Из-за тебя взяли грех на душу, юродивого убили! Теперь вот в навозе битый час копались!

— Так ему и надо! — радовалась Кайпа, наблюдая расправу. — Бог все-таки справедлив!

Наградив свою жертву еще парой пинков, казаки уехали.

Соси вскочил, держась за бок, кинулся в лавку, с силой захлопнув за собой дверь.

В этот день он ее больше не открывал.

Зарахмет, услышав о случившемся, все же усомнился в Хасане и Рашиде. Мясо, оно, конечно, и на базаре можно купить. И тем не менее... Ни Хасана, ни Рашида больше близко не подпустили к угромовским овцам.

4

День выдался небывало жаркий. Глянешь с гребня Терского хребта на Сагопши — дома в нем кажутся не домами, а ловушками для воробьев, сложенными из кирпичей. А над ними шелестит марево, словно над раскаленными углями. По другую сторону, вдали от хребта, змейкой вьется Терек да сквозь марево зеленым островком выступает Моздок.

Давно уже шли Хасан с Рашидом. Чем выше поднималось солнце, тем больше оно палило, чем круче становился подъем, тем короче и тяжелее был шаг друзей. Присели перевести дух и поесть. Хасан выложил вареные яйца — мать специально собирала их для него. У Рашида, кроме чурека и соли, — ничего. Но дружба — она во всем дружба. Хасан поделился.

Рашид съел яйцо.

— Бери еще,— предложил Хасан.

— Хватит пока.

— Бери. Потом бог пошлет. Там, говорят, хорошо кормят.

Рашид взял еще яйцо.

— А арбузы там есть? — спросил он.

— Сколько угодно. Самое время, уже поспели.

Они шли на Терек. Хасан ездил туда с Исмаалом за арбой и узнал, что в станицах богатые казаки нанимают убирать пшеницу. Он тогда же решил пойти на заработки, Исмаал поддержал его. Кайпа поначалу пришла в ужас: отпустить неизвестно куда и на сколько!

Однако скоро утешилась, узнав, что и Рашид пойдет с ним. Понимала она и то, что нет у них другой возможности раздобыть денег. Кайпа, конечно, мечтала о лошади. Мечтала об этом, еще когда отпускала сыновей в поместье Угрюмова купать овец. Но надежды рухнули: лошади у них нет и по сей день, и в поле опять не посеяли ни зернышка. Теперь нет иного выхода, надо идти в люди. К своим богатым односельчанам Хасан не пойдет, не допустит, чтобы кто-то мог сказать: вот, мол, до чего докатился сын Беки, в услужение пошел.

Жара и еда всухомятку вызвали жажду, а взять с собой воды они не догадались. И скоро все мысли их были только о воде. Рашид особенно тяжело переносил жажду.

— На ачалукской дороге по крайней мере хоть есть колодец,— сердился он, — а это что за дорога?

— Ты не думай о воде. Давай лучше помечтаем, как мы завтра будем есть арбузы. Может, даже и сегодня.

— Где мы их возьмем?

— У казака, к которому идем. У него наверняка есть. Один-то он нам разрежет, расщедрится для гостей.

— Это мы-то гости? Забыл, как они нас ненавидят.

— Я раньше тоже так думал, считал, что все казаки не любят ингушей. Даже сердился, что нани оставляла у них арбу. Не верил им. А они все продали и деньги отдали мне, когда ездил с Исмаалом за арбой. Мы и ночевали у них. Хозяин дома был на японской войне. Исмаал тоже был. Они до полуночи проговорили.

Некоторое время друзья молчали. Оба шли босиком. Чувяки берегли, несли в руках.

Рашид едва волочил ноги. Пересохший рот раскрыт. Сейчас он был похож на запыленный, поникший под солнцем придорожный бурьян. Издали Моздок казался Рашиду совсем близко. На ровном месте всегда так. Хасан и тут успокаивал друга, подтверждал, что Моздок и правда рядом.

Лицо Рашида посветлело.

— Дойти бы до Терека, я лег бы в воду, как буйвол.

Небольшая станица, или, как еще называют ее, хутор, куда они держали путь, лежала у самого Терека. Низенькие, крытые соломой домишки прятались в густой листве садов. Кое-где гордо возвышались железные

крыши. Дом знакомых Хасана стоял на краю хутора. Он был огорожен реденьким плетнем, покрыт соломой. Хасан еще издали узнал знакомый домишко.

Солнечный диск уже склонился к горизонту, когда они подошли к хутору. Но жара держалась.

— Рашид, видишь там во дворе торчащую кверху жердь с ведром на конце? — показал Хасан. — Этим ведром они достают воду из колодца. Прямо во дворе. Сейчас ты будешь пить, пока не лопнешь.

Рашид ускорил шаг. Он не сводил глаз с ведра и тогда, когда они подошли к воротам и им навстречу вышла пожилая женщина.

— Что вам, пареньки? — спросила она, пристально глядя на них.

К плетню подбежала выскочившая из дому девчонка лет четырнадцати. Она взглянула на Хасана и улыбнулась. Затем тронула за локоть свою мать и сказала:

— Мама, это же тот, что ночевал у нас!

— А, это ты, абрек? — сказала женщина, открывая калитку. — Ну, входи, входи. С браткой приехал?

Ни Хасан, ни Рашид не поняли ее. Но им было и не до того. Они чуть не побежали к колодцу.

— Дочка, напои парней, видать, пить хотят, — приказала мать и ушла. Нюрка стремглав кинулась к колодцу, рывком опустила ведро.

— На, пей, — сказала она, подавая Рашиду большой ковш.

Рашид потянулся к ковшу, взял его бережно, словно боялся, как бы он не вырвался из рук, и стал жадно пить.

— Нельзя сразу так много, — потянула Нюрка к себе ковш.

Напившись, ребята уселись в тени виноградника. Пришел глава семьи, Федор. Это был высокого роста, сутулый мужчина с небольшой окладистой рыжей бородкой.

— Значит, работу пришли искать? — спросил он. — Ну что же, работа есть. Нюрка! — крикнул он. Девчонка прибежала так же стремительно, как и при встрече. — Отведи-ка их, доченька, к Фролу. Ему нужны работники пшеницу убирать.

— Папа, дай им отдохнуть, — попросила она. — А завтра чуть свет сведу.

— Делай, как тебе говорят. День на день не похож. Завтра может оказаться уже поздно. Договорятся, а ночевать приведешь обратно к нам. Утром отсюда и пойдут прямо на работу.

Дом Фрола был на другой стороне хутора.

— Вон, видите,— показала Нюрка на пасущихся невдалеке коней,— фроловские! У него их двенадцать штук.

«Зачем одному человеку столько коней? — удивился про себя Хасан. — Вполне бы хватило двух-трех».

Нюрка вдруг остановилась, пригнулась к уху Хасана и прошептала.

— Тебе нужен конь? — Боясь, что он, может, не понял ее, она показала пальцем на коней, а потом им же ткнула Хасана в грудь.

Юноша отрицательно покачал головой. Он хотел объяснить ей, что вообще-то конь ему очень нужен, затем и работать пришел, чтобы денег скопить на коня и... на винтовку, но Нюрка не дала ему и слова выговорить, затараторила, как сорока, озираясь при этом по сторонам:

— Боишься? Я выведу далеко за село. Тебе останется только сесть на него и побыстрее ускакать домой. Я катаюсь на них. На каком хочу, на таком и катаюсь. Никто меня не ругает. Наоборот даже, хвалят, что девчонка, а смелая.

Хасан смотрел на Нюрку и улыбался. Она все распалялась, а потом вдруг остановилась, посмотрела на него пристально и снова спросила, теперь уже четко и раздельно произнося каждое слово:

— Ну так как, нужна тебе лошадь?

Хасан, как и прежде, отрицательно покачал головой.

— А еще называется абрек! — махнула рукой разочарованная Нюрка и пошла дальше.

Они остановились у высоких дощатых ворот с жестяными петухами на створках. На стук вышел хозяин.

Фрол, как и Федор, тоже был бородат. Но борода у него черная, сам он мрачный, как дождевая туча.

Нюрка говорила за двоих: за Рашида и Хасана. Как человек, продающий скот на базаре, Фрол внимательно оглядел обоих. Спросил, откуда они, будто это так важно. Услыхав название села, еще раз смерил их взглядом с ног до головы и сказал:

— Мне надобны настоящие работники, мужики. А это что? Дети...

— Они будут работать не хуже взрослых,— заверила Нюрка, будто давно их знала.

— Ну что ж, проверим,— бросил Фрол.

Нюрка подтолкнула ребят, и они последовали за хозяином. Во дворе стоял большой дом со стеклянной верандой вдоль всей стены. Перед домом тянулся широкий виноградный навес.

— Идите-ка за мной,— кивнул хозяин ребятам и повел их за сарай, к возу с сеном. — Вот сгрузите, тогда увидим, какие вы работники.

Оба тотчас забрались на самый верх. Фрол подал им вилы и отошел к початому стогу. Нелегко было измученным изнурительной дорогой парнишкам. К тому же и голод все больше и больше давал о себе знать.

— Ну, пошибче! Бросайте, бросайте! — то и дело покрикивал Фрол.

Нюрке стало жалко распарившихся, красных от натуги ребят. Особенно Рашида. Он то и дело утирал пот с лица.

— Дяденька Фрол, хватит на сегодня. Они с дороги, устали,— не удержалась Нюрка.

— Пусть хотя бы ужин свой нынешний отработают.

— Они у нас поужинают...

— Нет уж. Здесь будут ужинать. И заночуют у нас.

Наконец, то ли пожалев ребят, то ли умаявшись, Фрол воткнул вилы в стог и скатился вниз.

— Кончайте и вы,— махнул он ребятам. — Ну каково? Подходящая работенка? Так уж и быть. Беру обоих.

Сказал и отчего-то вдруг захохотал.

Рашид жестом попросил пить.

— Воды? Ну, этого добра сколько хочешь. Идемте, идемте, — сказал хозяин, направляясь к колодцу. — И вода будет, и харчи! — Повернувшись к ним, погрозил пальцем: — Только работать придется по-настоящему.

Рашид залпом осушил большую медную кружку и попросил еще.

— Мне бы, конечно,— сказал хозяин, поглаживая бороду, — нужны полные работники, да уж так и быть! Платить буду по гривеннику в день каждому. Постараетесь — прибавлю еще по пятаку на нос, а лениться станете — совсем прогоню. Поняли?

— Поняли,— закивал головой Хасан и перевел то, что понял, Рашиду.

Нюрка попросила отпустить ребят к ним с ночевкой, отец, мол, велел. Фрол воспротивился.

— Никуда они с тобой не пойдут. Нечего им шататься! Мать! — крикнул он в дом. — А ну, накорми огольцов.

...Солнце уже спряталось, когда Фрол, усадив в телегу Хасана и Рашида, выехал со двора. Край неба, снизу освещенный солнечными лучами, горел так, будто где-то за горизонтом полыхал большой костер. Степь дышала вечерним покоем. Вдали перекликались перепела: ватта пхид, ватта пхид! Трещали сверчки. И столько их было! Казалось, сидят в каждой травинке. Донеслось ржание лошадей. Фрол на все это и внимания не обращал. Мурлыкал себе под нос что-то заунывное.

— Это его кони! — сказал Хасан Рашиду.

— Все?

— Все. — И, понизив голос, словно забыв о том, что Фрол и без того ничего по-ингушски не понимает, добавил: — Девчонка предлагала помочь мне увести одного из них.

— Ну и что ты ей ответил?

— Отказался. Сказал, что мы приехали сюда не воровством заниматься.

— Верно сказал. Заработаем, на честные деньги купим.

Они замолкли. Каждый думал о своем. Хасан подсчитывал, сколько ему нужно работать, чтобы купить лошадь. Рашид жался к другу, ему вдруг стало холодно. А Фрол тянул свою песню.

В поле добрались к вечеру. У шалаша горел костер. Вокруг него сидели трое.

— Ну, работнички, принимай подмогу. Еще вам двоих привез, чтоб не скучно было,— сказал Фрол.

— Ты бы лучше заместо них винца привез,— отозвался один из сидящих,— вот тогда бы мы уж точно не скучали.

— Э-э! — Фрол погрозил пальцем. — Вина вы еще не заслужили. Вот соберете в срок всю пшеницу в копны, напою до упаду.

Фрол уехал. Рашид скоро забрался в шалаш. Хасан решил еще посидеть. Двое русских стали спрашивать,

откуда он, есть ли родители, сколько лет. Третий был кумык. Видать, знал по-русски не больше Хасана, а потому молчал, словно немой. Спросили, какую хозяин назначил плату. Хасан сказал. Оба недоверчиво посмотрели на него.

— Да вы что, хлопцы, спятили? — не сдержался один из них. — Могли бы уж и совсем бесплатно поработать. Вы, может, думаете, ворочать вилами — это детская забава?

Хасан сидел с опущенной головой и молчал, как провинившийся.

— Вот поработаете завтра, узнаете, почем фунт лиха,— добавил русский.

— А вам сколько платит? — спросил наконец Хасан.

— По двугривенному. И то, мы считаем, мало.

— Он обещал набавить по пятаку, если будем хорошо работать.

— Жди, набавит! Как бы не так!

Хасан пожал плечами.

В эту ночь он долго не мог заснуть. Ни подстелить, ни укрыться нечем. Можно представить, какую еду здесь будут давать. Но делать нечего, надо оставаться. Куда пойдешь? Нигде сейчас не найдешь места лучше. Да, может, не так уж будет плохо и русский зря пугает?

Хасан посмотрел на Рашида. Его трясло как в лихорадке. Но на вопрос Хасана, что с ним, он ничего не ответил.

К завтраку Рашид почти не притронулся, его так и тянуло снова лечь. Но он помнил, зачем сюда пришел. Желание во что бы то ни стало хоть немного заработать некоторое время поддерживало в нем силы. Однако надолго его не хватило. Не в силах больше держаться на ногах, Рашид повалился у шалаша.

В обед вернулся Фрол.

— Ты что, отлеживаться сюда пришел? — прикрикнул он, толкнув мальчишку.

— Рашид заболел,— сказал Хасан.

— Заболел, говоришь! Может, думаете, здесь больница?

Подошли и другие работники. Они тоже вступились за паренька.

— Нельзя ему на земле лежать, болен он,— сказал один из них.

— «Болен». Я не лекарь, и у меня здесь не больница,— махнул рукой Фрол и уехал.

— У, гад! — погрозил ему вслед работник.

Скоро Рашид впал в забытье. Хасан сходил к Фролу. Тот приехал на подводе.

— Хасан, не вези меня домой! — взмолился, придя в себя, Рашид. — Завтра я поправлюсь и буду работать...

Больше Рашид не промолвил ни слова. Федор привез больного к себе домой. Хозяйка делала все, что умела сама, что советовали соседки: поила чаем с малиной, настоем липового цвета, растирала вином. Ничего не помогало. Рашид горел, как в огне, и тяжело дышал. К полуночи он заметался, с хрипом втянул в себя воздух и... затих. Затих навсегда.

Уже рассветало, когда телега, словно бы из страха нарушить покой Рашида, медленно въехала в Сагопши. Хасан сидел с опущенной головой, не дай бог встречные люди зададут вопрос, что с Рашидом. Ни за что он не сможет произнести страшные слова, сказать, что Рашид никогда уже не встанет.

И вдруг случилось самое ужасное. То, чего Хасан боялся больше всего: навстречу им из-за угла вышел Гойберд. Увидев еще издали телегу, он всмотрелся. Удивился, когда разглядел Хасана, постоял, подождал, пока подъедут, и спросил:

— Возвращаешься? А где Рашид?

Хасан еще ниже опустил голову.

— Что ты молчишь? — встревожился Гойберд.

— Рашид тоже... со мной... — выдавил наконец Хасан.

— Ничего не пойму! Где же он тогда?

— Вот лежит... в телеге.

Гойберд поднял край шубы и закричал:

— Остопурулла! [1]

Больше он ничего не смог произнести. Хасан не сдержался, всхлипнул. Федор стянул с головы картуз и тяжело вздохнул.

Убитый смертью сына, Гойберд даже не спросил, как это случилось. Какое ему теперь дело до всех подробностей? Сына-то ведь нет!..

---

[1] Непереводимое выражение.

— О, байттамал! [1] — Гойберд зажал в ладонях голову, слезы скатились по его щекам. Он взялся рукой за край телеги и пошел рядом, разговаривая с сыном, словно с живым.

— Для того ты пошел туда? — причитал он. — Хотел порадовать меня — и вот что получилось! Знать бы, ни за что не пустил тебя! Клянусь богом, не пустил бы, пока жив. И жизнь отдал бы, и душу, а не пустил бы!.. О бог, почему же ты не сказал, что тебе нужна душа человека? Я бы свою тебе отдал. Зачем ты взял его душу так рано?!

За телегой уже шли люди. Их становилось все больше и больше. Но Гойберд видел только своего Рашида. И никто из идущих сзади не решался заговорить с ним.

5

Давно уже не было дождя. Все повяло, пожухло. Люди благодарили бога, что жара наступила после того, как налилась кукуруза.

Прошло две недели со дня смерти Рашида, а Хасан никак не мог прийти в себя, болью горела его душа за Рашида, ненавистью к жестоким людям.

Неделю назад Хасан хотел было снова пойти на Терек. Но Кайпа воспротивилась, грозилась, что руки на себя наложит, если он уйдет.

На этот раз Хасан собирался не на уборку. Перед глазами у него стояли кони Фрола. Может, тогда успокоится сердце?! Нюрка ведь обещала помочь ему увести коня. Но мать ни за что не отпустит. Хасан не понимал ее и злился; что бы он ни задумал, во всем она ему перечит.

Кайпа знала, что сын недоволен.

— Сверкай зрачками и смотри на меня волком, сколько твоей душе угодно, а на Терек все равно не пойдешь!

Хасан и правда сверкал зрачками, но молчал.

— Сиди лучше дома да занимайся хозяйством, больше толку будет. Бежишь из дому, как от божьего проклятия. А ты ведь уже взрослый... Хозяин.

— Потому и бегу, что хозяин! Что дома-то делать? Углы охранять? Заработать ведь тоже надо. А так какое хозяйство? Без лошади, без коровы...

---

[1] Непереводимое восклицание, выражающее состояние горя.

— И дома дел много! Было бы желание ими заниматься. Вон и в пословице говорится: корова телилась без охоты, телок народился куцым. Дров в доме нет, плетень весь развалился. Но тебе до этого дела нет. А отец твой каждую минуту что-нибудь делал!

— Я могу сколько угодно дров наготовить. А как их из лесу вывезти? Давай лошадь, все сделаю.

Кайпа усмехнулась, укоризненно закачала головой:

— Это ты у меня лошадь требуешь?

— У тебя! Не ты ли купила лошадь, которая оказалась краденой? Надо было смотреть, у кого покупаешь. А теперь ни лошади, ни денег.

— Значит, во всем виновата я? Из-за меня все беды? Хорошо же. До первого снега я куплю лошадь, если даже для этого мне придется прислуживать людям или милостыню просить.

Хусен, молча слушавший их, не выдержал:

— Нани, пусть уходит! Не держи его, мы и сами както-нибудь проживем.

— Ты-то помалкивай, щербатый, — вскочил Хасан. — Не слишком ли разболтался? «И сами проживем».

— Хусен прав, — сказала Кайпа.

— Я, кажется, здесь лишний! — Хасан зло посмотрел на них и вышел. Постоял с минуту во дворе и направился к Исмаалу.

Исмаал только что вернулся из лесу и распрягал лошадь.

Хасан пожелал ему доброго вечера.

— Что с тобой? — спросил Исмаал, вглядываясь в его лицо. — Ты точно с высокого стога свалился.

— Я поеду с тобой в Моздок, — не отвечая на вопрос, сказал Хасан.

— Поздно сегодня. Задержался в лесу. Отложим до другого раза.

— Нельзя мне откладывать. Пойду тогда пешком. К утру доберусь.

— Чего тебе не терпится?

Хасан посмотрел исподлобья, словно бы и на Исмаала сердится.

— Лошадь мне нужна!.. Без нее я не вернусь.

— Без какой лошади?

— Обыкновенной. С четырьмя ногами и хвостом.

Исмаал все еще ничего не понимал.

— А кто тебе там ее приготовил?

— Другим их приготавливают? Вот ту, например, что нам продали?

— Э, браток! У тебя, я вижу, каша какая-то в голове! — сказал Исмаал, поняв наконец, что творится с парнем. — Зайдем-ка в дом, там поговорим.

Они вошли.

— Садись, — предложил Исмаал. — Значит, решил воровством заняться? А я-то думал, из тебя человек выйдет. Очень это здорово получается. Ни у отца твоего, ни у деда и в мыслях такого не было.

— Ты же сам говорил: у богачей надо все отбирать! — напомнил Хасан. — А я хочу увести коня у богача Фрола, у которого мы с Рашидом работали на уборке пшеницы. Из-за него, может, и Рашид погиб.

— Все может быть. Но ты меня не так понял. Ты знаешь, чем это кончится, если поймают?

— Меня не поймают. Дочь Федора обещала, что выведет коня далеко в степь...

— Забудь об этом, Хасан. Не хватало, чтобы еще такая мрачная тень упала на память Беки! Его сын — и вдруг вор?!

— Что же нам делать тогда? — развел руками Хасан.

И в эту минуту он показался Исмаалу таким похожим на Беки. Только тот был внешне куда спокойнее.

— Пропадем мы без лошади! — закончил Хасан.

— Потерпи. Придет и наше время.

— Надоело терпеть! Придет, придет! Когда оно придет?

— Э, Хасан! Не так все просто делается, как тебе кажется! Сотни лет сидят цари, сменяя один другого. И нелегкое это дело — скинуть их. Очертя голову не бросишься. Болшеки готовят к этому всю Россию. А она, брат, велика. В японскую войну я две недели на поезде добирался до фронта. Тогда впервые и болшеков узнал. Они все понимают. И знают, когда что делать надо. Нам остается ждать и готовиться. Так они и Дауду говорят. Он частенько встречается с ними во Владикавказе...

Хасан молча слушал, не перебивал.

— Вот такие дела, парень! — Исмаал положил руку ему на плечо. — Хочешь не хочешь, а терпеть пока надо. Чурек и соль есть — перебиться можно. А не будет чурека и соли, скажи. Если в этом доме останется мука только

на одну выпечку, и ту поделим поровну. Ну, а лошадь... Я же давно сказал: надо — спроси. Никогда ведь не отказывал?! А воровством, брат, нам заниматься никак нельзя. У нас другие заботы! Да, чуть не забыл: знаешь, что завтра сход в селе?

— Не слыхал, — поднял голову Хасан. Лицо его было уже спокойно. — А зачем собирают?

— Узнаешь. Наверное, Сахаров хочет что-то объявить. Хорошего ждать не приходится. Но и он не уедет от нас довольным. Человек десять договорились свое слово сказать. Думаю, что остальные поддержат. Будь и ты наготове.

6

Сельская площадь была похожа на разворошенный муравейник. Люди пришли сюда, бросив все свои дела. Одни надеялись услыхать от пристава что-нибудь доброе — это те, кто ждет милостей от царя и от бога и никогда не получает их. Другим просто любопытно было встретиться со знакомыми, обменяться новостями.

Саада не было. Хасан обошел всю толпу. Для полной уверенности он даже собрался влезть на дерево, оттуда посмотреть, но кто-то потянул его за рукав.

Обернувшись, Хасан увидел перед собой улыбающегося Дауда. Без бороды, чисто выбритый и очень от этого помолодевший, он был почти неузнаваем. Неподалеку от него стояли Исмаал и Малсаг. Хасан уже открыл рот — хотел что-то сказать, но Дауд движением руки остановил его и предостерегающе повел вокруг глазами.

— Едут, едут! — послышалось со всех сторон.

Вслед за тем донесся знакомый перезвон бубенчиков. В целой округе только кони пристава и были с бубенцами. Все смолкли и посмотрели в одну сторону. Фаэтон приближался в сопровождении шести всадников.

Словно из-под земли вырос Ази. И хотя вокруг было тихо, он заорал, выказывая свое усердие:

— Тихо, люди!

Фаэтон въехал на площадь. Вооруженные всадники окружили его. Пристав поднялся с места, оглядел толпу. Он кивнул, и Ази тотчас заговорил:

— Люди, пирстоп приехал, чтобы поговорить с вами.

Повернувшись к Ази, Сахаров что-то сказал ему и

стал внимательно всматриваться в народ. Ази начал переводить.

— Большинство из вас, люди, — сказал старшина, — живут честным трудом и преданы власти. Так говорит пирстоп...

Но не успел он закончить фразы, в толпе зашумели.

— Хитро закручивает!

— И давно он так говорит?

— Не мешайте, пусть скажет...

Ази силился всех перекричать.

— ...Но семья не без урода, говорит пирстоп, и среди вас есть такие, говорит пирстоп...

— Ну вот, опять завел свою старую зурну! — сказал Исмаал. — С этого бы и начинал!

Ази на этот раз сдержался, не ответил. Он не успевал и пристава переводить, и народ слушать.

— Пирстоп уверен, что вы выполните его требование.

— Что же он требует? — закричали со всех концов.

— В наши села прибудет на постой военный отряд. Пирстоп говорит, всем известно гостеприимство ингушей, он...

— Это он верно говорит, гостей мы принимаем...

— Только тех, кто приходит к нам с добром...

— Незваный пес ушел не евши.

— Тише, тише, — поднял руку Ази. — Пирстоп не требует, чтобы вы усадили их за свои столы да на почетное место...

— А что же ему от нас надо?

— Вы должны обеспечить зерном и сеном их лошадей.

— Где мы возьмем зерно? У нас дети сидят голодные, — крикнул Гойберд. — Клянусь богом, голодные.

— Прекратите. Не перебивайте! — взмолился какой-то старик.

— И что за народ! — добавил Шаип-мулла. — Воллахи-биллахи, с ними нельзя говорить по-хорошему.

Недалеко от Ази стояли владельцы больших отар — братья Гинардко и Инарко. С ними был и Соси. Он крикнул:

— И сена дадим, и зерна дадим!..

— Кто даст? — спросил Алайг.

— Я дам, ты дашь. И все, кто живет в этом селе! — ответил Соси. — Никто не может не подчиниться приказу властей!

— Эй, Соси, не у всех, как у тебя, доа полны кукурузой...

— Если бы ты не мотался по чужим краям да не крутился вокруг своей Маруси, а работал в поле, у тебя тоже доа не пустовал бы.

Алайг кинулся на Соси, но люди разняли их.

Пристав что-то быстро заговорил. Старшина весь обратился в слух. Потом перевел:

— Достукались! Пирстоп удивляется. Он говорит, где ваше гостеприимство, где присущая ингушам сдержанность? Он пришел поговорить с вами по-хорошему, а вы?..

— Пусть хоть до судного дня не говорит с нами по-хорошему. Как-нибудь переживем! — бросил еще не остывший Алайг.

— Переживете? Не много ли ты на себя берешь? — оскалился Ази. — Не отдадите по-хорошему, силой возьмут у вас то, что надо. Вам же будет хуже.

Толпа угрожающе зашумела.

— Это мы еще посмотрим!..

— Пусть приходит в мой двор, если жизнь надоела.

Ази вышел из себя.

— Угрожаете? Псу под хвост ваши угрозы. Двое-трое не дадут сена, от этого их лошади не подохнут. Пирстоп верит, что большинство из вас — люди честные и преданные. Они и отряд примут, и сделают все как надо. Вот такие, как ты, — ткнул он пальцем в Исмаала, — дождетесь. Я не сын своего отца, если говорю неправду!

— Не кричи так сильно, Ази, — усмехнулся Исмаал, — а то еще лопнешь, как утка, что задумала гоготать гусыней.

В толпе засмеялись. Ази смешался. Посмотрел на пристава. Тот снова заговорил.

— Ах как плохо ведут себя люди, — пожаловался Шаип-мулла, подобравшись поближе к Торко-Хаджи. — Ты бы сказал им, пусть перестанут! Это же позор. Не дают старшине говорить.

Но тот улыбался и одобрительно смотрел на Исмаала.

— А чего им молчать? — сказал он. — Люди затем и собрались, чтобы поговорить, высказать все, что у них на душе.

Дауд незаметно кивнул Малсагу, и тот направился в сторону Ази.

— У меня вопрос, — сказал Малсаг. — Зачем идет к нам этот военный отряд?

— Караулить могилу моего отца! — заорал старшина.

— В таком случае ты и дай им сено и зерно. У нас нечего караулить.

— Вас самих надо караулить!

— Слышите, люди, что он говорит? — Малсаг повернулся к толпе. — Мы что, скот или звери, чтобы нас охранять? Как они охраняют, нам известно. Помните, военные стояли? Чуть не каждого второго обвиняли, называли абреком. А сколько семей оставили голодными — забрали для коней последнее зерно. И вот теперь нам навязывают новых мучителей.

— Не соглашайтесь! — крикнул кто-то из толпы. — А то получится, как в пословице: «Курица сама нашла себе нож».

Ази с трудом успевал слушать Малсага и переводить его слова приставу.

— Арестовать его! — зарычал вдруг Сахаров.

— Вот ты и нашел себе нож! — удовлетворенно кивнул Ази.

Двое конных казаков стали пробиваться сквозь толпу к Малсагу.

— Беги! Не поддавайся им! — кричали из толпы.

Но Малсаг не тронулся с места.

— А ну, иди вперед! — крикнул один из всадников.

Малсаг не двинулся с места.

— Кому говорят, иди! — казак направил коня прямо на Малсага. Тот схватил под уздцы.

Народ заволновался. Одни кричали, что Малсаг сам виноват — не нужно было дразнить пристава, другие защищали его.

Толпа накалялась. Казалось, зажги спичку — и площадь вспыхнет. К Малсагу пробивались Исмаал, Дауд, Алайг, родственники. Не отставал от других и Хасан.

— Выполняй приказ! — скомандовал Ази. — Сопротивление может стоить тебе жизни.

Но Малсаг не обратил внимания на его окрик.

— Отпусти коня! — взревел стражник и, склонившись, плетью наотмашь ударил Малсага.

Замахнулся еще. Малсаг закрылся от удара руками. Но в этот миг другой казак огрел его сзади. Малсаг вырвал из-под черкески кинжал.

— Сабли наголо! — приказал пристав, увидевший блеснувшее на солнце лезвие.

Стражник не ждал, как Малсаг, а тотчас взмахнул шашкой, но подоспевший Алайг схватил казака за ногу и рванул с коня. Шашка скользнула, слегка оцарапав лицо Малсагу. Это оказалось той спичкой, от которой вспыхнула площадь.

Увидев кровь на щеке Малсага, в толпе закричали:

— Шашками рубят, изверги!

— Его ранили!

— Бей гяуров!

— Назад, вы все село погубите! — кричал перепуганный насмерть Ази.

Белый от страха Шаип-мулла все жужжал над ухом у Торко-Хаджи:

— Видишь, Хаджи, как все обернулось? А если бы ты призвал их к спокойствию, может, все и обошлось бы. Тебя бы они послушались.

— Ничего, — отвечал Торко-Хаджи, — рано или поздно это должно было случиться. Народ озлоблен насилием.

Сразу после удара Малсаг кинулся на всадника, которого стянул с коня Алайг.

— Не надо! — схватившись за живот, застонал всадник.

Исмаал и Дауд бросились к другому казаку. Исмаал стащил его с лошади, схватил за горло. Дауд снял оружие. Подоспел и Хасан. В руках у него был кинжал. Он огляделся. С кем расправиться? Один уже держится за живот — ранен, с другим справятся Исмаал и Дауд. И вдруг совсем близко он увидел конного стражника в окружении толпы. Хасан поспешил туда. Но прежде чем он пробился, того уже свалили с коня.

— Пирстоп! Пирстоп сбежал! — закричали в толпе.

— Не дайте ему уйти!

Лавина подалась вперед. Хасан вложил кинжал в ножны и ринулся к фаэтону.

Фаэтон поехал не по центру села, как въезжал, а свернул в боковую улочку. Двое казаков из охраны поскакали за приставом. Хасан погнался за ними.

Наперерез фаэтону выскочил с колом в руке Гойберд. Он одним ударом свалил всадника. Другой ускакал.

Когда Хасан подбежал, Гойберд уже снимал оружие с поверженного казака. Тот был без сознания.

— Хороша винтовка! — цокнул от удовольствия языком Гойберд. — Клянусь богом, хороша! Эх, Рашид... — он глубоко вздохнул. — Возьми, Хасан, шашку. Пригодится тебе.

Хасан передернулся от досады. «Шашку». Ему бы винтовку. Зачем она Гойберду? У него же нет кровника! Но о том, чтобы попросить, и думать нечего. Не отдаст. Хасан склонился над стражником и вдруг услыхал:

— Не убивай меня, дома дети...

«Чего его убивать, когда не сопротивляется? — подумал Хасан. — А шашку взять надо.

Площадь быстро пустела. Боясь, как бы не прискакали на расправу новые казаки, люди спешили убраться восвояси. Хасан поискал глазами своих, но никого не увидел.

Держась поближе к плетням, плотно прижимая к себе винтовку, торопился домой Гойберд.

Убитых не было. Удравший в начале заварухи, Ази теперь вернулся и подбирал раненых стражников.

— Вы, может, думаете, власти простят вам? — ворчал он. — Ни за что. А кое-кто даже очень дорого поплатится! Я не сын своего отца, если не поплатится!

Один из раненых стражников, когда его поднимали на арбу, вдруг проговорил на ингушском языке:

— Воды дайте!

— Ты ингуш? — удивились те, кто держал его. — А как же ты с ними, с гяурами, оказался?

— Так и оказался. Чтобы дети не умерли с голоду! Нет у меня ни клочка земли...

7

Две недели Хасан не ночевал дома. Кайпа, которая раньше делала все возможное, чтобы дети постоянно были у нее на глазах, сейчас вся замирала от страха. Хасан приходил домой редко и только ночью.

Власти охотились за теми, кого считали зачинщиками беспорядка. Арестовали пока только Малсага. Его схватили на пути во Владикавказ. Гойберда, который ударом кола свалил казака и забрал себе винтовку, в общей свалке не заметили.

О Хасане властям было известно все, что он делал на сходе: как носился с кинжалом, как снял шашку с раненого. Трижды приходили с обыском. Потому Кайпа и боялась. Стоило сыну войти — ей уже мерещилось: стражники окружают дом. И теперь уже она умоляла его не приходить. А Хасан был даже счастлив. По молодости лет он еще не тяготился своим скитальчеством. Плохо ли: бывает где хочет! Даже коня у Фрола угнал!..

Нюрка вывела лошадь далеко в степь и отдала ее Хасану. Он вскочил на коня. Девчонка поначалу, как всегда, улыбалась, но когда Хасан тронул с места, погрустнела, пошла с ним рядом и вдруг сказала:

— Приезжай еще!

Хасан молчал. Тогда она прошептала:

— Я тебе еще одного уведу!..

— Не надо! — покачал головой Хасан.

Ему и правда было не нужно. Он же не конокрад. Хватит одного. Конь отличный, продаст, купит пятизарядную винтовку. А остальные деньги принесет матери. Она подкопит к ним — и будет в хозяйстве лошадь... Да и Нюрку жаль, как бы в беду не попала. Нет, все, что останется после винтовки, отдам ей. Пусть купит себе ботинки и платье. Красивое платье! Это нечестно. Получить от нее такого коня и не поделиться деньгами!

Перевалив через хребет, Хасан поехал не в Сагопши, а к Ачалукам. Он решил оставить лошадь двоюродному брату Кериму. Пусть тот и продаст ее.

Керим оказался дома. Договорились, что он отведет лошадь в Назрань и продаст там. Поможет и винтовку купить. Держись тогда, Саад!..

Прошла неделя. Дважды заезжал Хасан в Ачалуки. А денег все не было. Кериму не удалось быстро продать коня, и пришлось оставить его у зятя. Тот обещал тотчас по продаже привезти выручку. Но, видно, не так все просто.

Очень Хасану было досадно, что не сбываются радужные надежды. И нет тебе ни винтовки, ни ботинок, ни красивого платья у Нюрки.

Вчера ночью Хасан заезжал домой. Мать заметила, что сын как-то особенно грустен. Она не угадала, что именно гнетет его. Ей подумалось другое.

— Все не слушал меня, поступал по-своему. Видишь теперь, как это тяжело скитаться по чужим домам да по

лесным чащобам. Жизнь Дауда тебя ничему не научила. А я ведь предупреждала...

Хасан сидел и молчал. Только иногда исподлобья взглядывал на нее.

— Скоро осень, а там и зима, — продолжала Кайпа. — Так и будешь мыкаться? Я с ума сойду.

— Ну и пусть осень. В школе не учусь. Терять мне нечего.

— Ты упрекаешь меня, что не учу вас?

— Да что ты, нани? Никто тебя не упрекает. Как можешь ты учить нас? В ингушских селах нет школ. А чтобы отправить в город, нужны деньги.

Мать тяжело вздохнула и сказала:

— Ты и правда уже взрослый... И умный... Только зря ввязываешься в эти беспорядки. Видишь теперь, что ничего вы не поделаете с властями. Ни Дауд, ни Малсаг и, уж конечно, ни ты.

— Не говори так, нани! Прошу тебя. Иначе я больше не буду приходить.

Кайпа замолчала. Но ненадолго. И скоро заговорила о том же:

— С властью не сладить. За падишахом большая сила. Говорят, их род триста лет царствует. Завтра в Пседахе народ собирают. Слыхала я, что будет большой праздник. Триста лет сидят. Это, сынок, что-нибудь да значит.

— А раньше разве не было падишахов? Триста лет назад? — спросил Хусен.

— Не знаю, может, и не было, — пожала плечами Кайпа.

Они замолчали. Каждый думал о своем. Хусен о том, был ли и раньше царь, а если нет, то как тогда люди жили без царя? А у Хасана невольно екнуло сердце. На праздник, наверно, и Саад явится. Ему же, Хасану, туда и носу нельзя показать. Да хоть бы и можно, какой смысл? Винтовки-то все равно нет.

Кайпа будто разгадала мысли старшего сына.

— Ради бога, Хасан, — взмолилась она, — только не вздумай пойти в Пседах! Тебя могут арестовать. Доносчиков везде хватает!

— Не волнуйся, нани, не пойду я туда. Подожду, когда будет праздник по случаю свержения падишаха. На него-то я схожу!

— Хорошо, хорошо, — обрадовалась Кайпа уже тому, что хоть на этот раз сын ей не противоречит. — Хусен сходит, потом нам расскажет, что там было. Может, падишах хоть в такой день что-нибудь хорошее сделает народу.

— Эх, нани, — улыбнулся Хасан, — и ты ждешь от него милости?

— Все люди ждут, говорят, выйдет помилование осужденным. Может, и тебя после этого простят, будешь опять как человек дома жить. Вся душа у меня изболелась.

Хасан промолчал.

— А еще, слыхала я, земли дадут.

— Нани, ну что ты говоришь! — обозлился Хасан. — Кто даст тебе земли? Угром или Мазай?

— Падишах даст. У них лишнее отберет и даст!

— Не дождешься ты этого. Болшеки, знаешь, что говорят? Оружием можно забрать у них землю! И только!

— А, это разговоры Дауда!

— Он не из своей головы выдумал. У него и в Грозном, и во Владикавказе есть знакомые болшеки. Они все знают!

Кайпа приблизилась к сыну, положила ему на голову свою худую руку. И ласково, как в детстве, стала гладить.

— Будь осторожным, родной. Не дай бог с тобой что-нибудь случится. Этого я уже не перенесу. Сколько выстрадала, чтобы вырастить вас. И вдруг теперь, когда мне уже казалось, что самое трудное позади...

Комок подкатился к горлу, и Кайпа не могла больше ни слова сказать.

И Хасан растрогался.

— Да что ты, нани, — обнял он ее, — ничего со мной не случится!

Всю эту ночь Кайпа глаз не сомкнула. Штопала одежду Хасана и все думала, думала...

Перед рассветом Кайпа с трудом разбудила сына.

— Вставай, Хасан, — шептала она, — пора уже.

Мать проводила сына все с теми же напутствиями. Потом присела у порога. Едва рассвело, явился Мажи.

— Ты что в такую рань? Не случилось ли чего?

— Мы же идем в Пседах! — удивленно посмотрел он на нее.

Без Мажи не обходилось ни одно событие: ни похороны, ни свадьба. А в день байрама, едва мулла прокричит с минарета, он уже успевает обежать все дворы, в иные и по два раза заглянет в надежде, что в темноте, да среди других ребятишек его не разглядели и не запомнили.

Пока собрался Хусен, и солнце взошло. Мажи не дал ему позавтракать.

— Там поедим. Говорят, столько скота зарезали, всех накормят, идем только быстрее.

За воротами ребята увидели людей, идущих в Пседах. Мимо пронеслась тачанка с девушками. Одна из них играла на гармошке.

— Они тоже туда? — спросил Хусен.

— Ну конечно. В такой праздник там, наверно, и танцы будут.

Сам Мажи интересовался, разумеется, не танцами. Ему только бы наесться до отвала. Можно было подумать, это насытит его на всю жизнь.

У своих ворот стояла Эсет.

— А ты что здесь, Эсет? — спросил Хусен. — Видишь, все идут в Пседах! Пошли с нами?

— Нани не пускает меня. — Эсет захлопала метелками-ресницами — того и гляди, расплачется.

— Зачем же они тогда гармошку тебе купили?

Эсет пожала плечами.

— Там, говорят, не хватает девушек с гармошками, — пошутил Хусен. — Может, пирстоп пришлет за тобой фаэтон? Уж тогда-то, я думаю, мать отпустит тебя!

Эсет опять смолчала. Но по лицу было видно, что она уже сердится. А тут еще Мажи подлил масла в огонь:

— Это очень даже может быть, что за тобой приедут. Кто еще, кроме тебя, сыграет «хаэца-обилла»? [1]

Вся обида девочки обрушилась на Мажи.

— Уж ты бы помолчал, плешивая голова! Тоже умник нашелся!

— Гусиные глаза! — огрызнулся Мажи, пониже натягивая свою старенькую шапчонку.

— Не старайся, не тяни шапку. Плешь твоя все равно видна.

---

[1] «Возьми-поставь» (*ингушск.*); этими словами подшучивают над теми, кто не умеет играть на музыкальном инструменте.

Мажи покосился одним глазом, не находя, что ей ответить. Хусен потянул за собой приятеля.

— Спеши, тебя там заждались, — крикнула вслед Эсет, — хотят посадить тамадой! Но едва ли тебе удастся набить свой живот.

В душе Хусен уже ругал себя. Это он все начал своими глупыми шутками.

8

В центре Пседаха собралось народу, точно в базарный день. По обе стороны установленных вдоль площади столов сидели люди. На почетном месте восседали пристав, старшины и самые зажиточные люди из окрестных сел. Хусен рассмотрел среди них Саада и Соси.

Дальше устроились все остальные.

Поближе к именитым гостям и к тамаде ставили фаянсовые и фарфоровые тарелки, а дальше пошли глиняные чашки и даже деревянные, в которых замешивают тесто. Но какое имеет значение, в чем подадут, важно получить угощение.

У Мажи слюнки потекли, когда он увидел мясо.

В стороне сгрудились девушки. Нарядные, все в шелковых платьях и шелковых платках. Многие с гармошками. Звучала музыка. Тут, как пчелы вокруг цветов, вились парни. Этим не до яств — им бы потанцевать, перекинуться взглядами, перемолвиться словом.

Но Хусену это ни к чему. Не думал он и о еде, хотя был голоден. Глаза его неотступно следили за Саадом. Сообщить бы Хасану, что он здесь. Но как?..

На столы поставили кувшины, большие и маленькие бутылки с красным вином и так много стаканов, что казалось, будто их собрали со всего света.

Наконец поднялся пристав — хозяин пиршества.

Он поднял руку. Все вокруг стихли.

— Налейте стаканы! — распорядился он.

Приказ выполнили не все. Старики не притронулись к вину. Пристав зло обвел их взглядом.

— Горцы!.. — крикнул он. — Граждане великой и могучей России!

На этот раз переводил какой-то молодой офицер-ингуш. Он это делал куда расторопней, чем Ази.

— Славному царствованию дома Романовых исполнилось триста лет!.. — продолжал пристав.

— Это он о ком же? — спросил соседа какой-то старик.

— А я откуда знаю! — услышал он в ответ.

— Это фамилия царей! Царь Николай тоже Романов, — пояснил человек, сидящий напротив.

Хусен тоже старался не пропустить ни слова. Его ведь будут обо всем расспрашивать. К тому же и он слыхал, что в этот день должно быть от царя народу что-то хорошее. Но пока пристав все только славил дом Романовых.

— Вот уже триста лет, — выкрикивал он, — Российское государство стоит, как кремневый утес, побеждая всех своих врагов. И стоять будет вечно! Потому что правят им цари дома Романовых!.. Я поднимаю этот бокал, — наконец завершил пристав, — за императора-самодержца Российского, короля Польского, князя Финляндского, за его величество государя-императора Николая! Да здравствует Российская империя! Да здравствует государь!

— Да здравствует Николай-падишах! Да будет жить! — вторили приставу.

Тосты следовали один за другим. Славили царя и его дом, словно соревновались, кто лучше похвалит. Люди ждали царских милостей, о которых, как они думали, должен объявить Сахаров. И потому жадно ловили его слова. Едва он поднимался, все взгляды устремлялись на него. Хусен тоже с надеждой смотрел на пристава.

Мажи был занят едой. Он добыл себе кусок мяса. Хусен не представлял, как это ему удалось. Наверно, потому, что уж очень он этого хотел.

Пригладив усы, снова поднялся пристав, и Хусен забыл о Мажи.

На этот раз было наконец объявлено, что царь издал манифест об амнистии. Освободят заключенных, прекратятся гонения на тех, кто вынужден скрываться.

— Да продлятся годы его! — удовлетворенно сказал какой-то старец.

Двое-трое других воздели руки в молитве.

— И это все? Люди мечтали: может, земли дадут. Неужели в такой день царь больше ничего не сделает для народа? — удивлялись многие.

— Заключенных он освобождает, а нас от наших тягот освободить не собирается?

— Неблагодарные вы люди! — сказал один из тех, что сидел поближе к приставу. Он был одет в новенькую, с иголочки черкеску коричневого сукна. Специально к этому дню небось шил. Золотая цепочка от часов, зацепившись за серебряный газырь, сверкала чуть ли не на всю площадь. — Клянусь богом, вам ничем не угодишь. Посмотрите, какой для вас накрыли стол! А вы ведете такие разговоры? Стыдно!

— Выходит, мы — стадо! Попасли нас за столами, и все? — крикнул чеченец из Пседаха. — У нас дома голодные семьи. Их надо кормить. И каждый день, а не один раз.

— Не царю же кормить ваши семьи.

— Кормить не нужно! Пусть даст земли, мы и сами прокормим.

— Пусть налоги убавят, задушили нас совсем.

— Дайте нам такую же волю, как казакам. Мы не хуже их.

Вскочил взбешенный Ази. Замахал руками возле своих ушей, будто отталкивая от себя все эти разговоры.

— Люди, имейте совесть, хоть сегодня не говорите о земле и налогах! — крикнул он и, высунув кончик языка, показал на него пальцем. — Больно он у вас острый. Смотрите, все дело испортите...

Пристав повернулся к офицеру-ингушу. Тот объяснил ему, о чем речь. На миг Сахаров помрачнел, веки его тяжело опустились, а усы словно распушились. Но тут же он улыбнулся и поднялся с места.

Шум прекратился. Люди встали. Одни — из уважения, другие — потому, что все встают. А пристав уже шел вдоль столов, чокался чуть ли не с каждым, с иным перекидывался словом, особенно подчеркнуто был вежлив с теми, кто выразил неудовольствие.

— Значит, царский манифест не обрадовал вас? Я думал, вы будете благодарны, — говорил он.

Офицер-ингуш шел за ним и все переводил.

— А вам разве мало, что царь простил преступников? Да может ли быть большей доброта? Жаль, я надеялся, что ингуши от всего сердца выскажут государю благодарность и свою безграничную преданность. А вы выра-

жаете только недовольство. Благодарите бога, что сегодня такой день! Не то многие из вас угодили бы за свои речи в Сибирь. Я не забыл, как месяц назад в Сагопши избили моих стражников. Но царь прощает преступников, и я, как его верноподданный, подчиняюсь высочайшему указу и прекращаю преследование всех виновных.

Пристав щелкнул каблуками и кивнул офицеру-ингушу: переводи. При этом вид у пристава был такой, будто сам он считает себя сильнее и добрее государя-императора.

— Мы благодарны! Немало для нас сделал. Не может же он создать нам здесь земной рай?.. — раздались отдельные голоса.

Офицер перевел. Пристав поднял стакан, осушил его до дна и, медленно повернувшись, пошел к своему месту.

Хусену больше нечего было делать на площади. Он услышал главное: теперь Хасан может все ночи спокойно спать дома.

Хусен поспешил в условленное место, где его ждал брат.

— Что ты так долго? — с упреком спросил Хасан.

— Я принес тебе радостную весть! — не отвечая на вопрос, выкрикнул Хусен. — Ты свободен!

Но Хасана, как ни странно, это известие оставило равнодушным.

— Свободен! Что меня, связывали? Ты лучше скажи, он там был? Да упокоится его отец со свиньей!

— Саад? Там, сидит почти рядом с пирстопом.

— Сидит, говоришь? — Хасан вылез из оврага и пошел по направлению к Пседаху.

Хусен спешил за ним, без умолку рассказывая обо всем, что видел на пиршестве. Но брат не слушал его. Шел и лихорадочно прижимал к себе старый отцовский кинжал, который был так велик, что никак не удавалось целиком упрятать его под черкеску.

Чем ближе они подходили к селу, тем отчетливее слышались звуки гармошки. Скоро братья стояли на площади. Все здесь напоминало поле боя. Опустевшие столы, беспорядочно стоявшие стулья, доски, ящики...

— Ну, где же он? — сердито спросил Хасан. — Говорил ведь, чтобы сразу бежал ко мне, как только его увидишь!

Хусен виновато смотрел на брата.

— Проткнуть бы тебя этим кинжалом! — зло бросил Хасан. — Торчал здесь, пока все не разошлись, пузо набивал.

Хусен сжал зубы, но смолчал и на этот раз.

На беду появился Мажи и тоже покосился на Хусена.

— Где ты пропадал? — закричал он. — Нам дали целое ведро мяса и много хлеба, белого. А потом, когда пирстоп и те, кто сидел с ним рядом, ушли, нам отдали то, что осталось у них на тарелках. Я во как наелся! — он провел рукой по шее.

Хасан презрительно усмехнулся. Рядом он вдруг услышал разговор двух соседей.

— Чего же они ушли от народа? — спросил один у другого.

— А ты думал, пирстоп будет любоваться твоими лохмотьями? Он повел близких людей в свой дом...

— А где дом пирстопа? — спросил Хасан.

Мажи поднял руку, хотел показать, да у него вдруг рубашонка вылезла из-за бечевки, заменяющей ремень, и прямо в пыль плюхнулись спрятанные за пазухой куски мяса и хлеба. Мажи бросился подбирать их, снова посовал все за рубашонку и заспешил домой.

— Иди и ты с ним! — сказал Хасан брату. — Сделал свое дело — и ладно.

— Может, и ты пойдешь с нами? — спросил Хусен. — Тебе ведь теперь не надо скрываться.

— Нет, идите. У меня есть дело.

Хусен ушел. Но не далеко. Скоро вернулся назад, притаился поблизости и стал следить за братом. Он был уверен, что Хасан будет ждать Саада.

В ворота пристава входили и выходили разные люди, но Саада все не было. Скоро на площади почти никого не осталось. Все труднее было прятаться. И Хасан наконец заметил брата.

— Ты почему здесь? — удивился он.

— Так!

— Я же велел тебе идти домой!..

Их спор прервала появившаяся на площади Кайпа. Она бросилась обнимать Хасана, заплакала:

— Умри твоя мать вместо тебя, это правда, что я узнала?!

— Правда, нани, правда. Я своими ушами все слыхал! — вырвалось у Хусена.

— А чего же ты не прибежал обрадовать меня? Я стояла у ворот и выспрашивала подробности у всех прохожих. Султана ведь не бросишь. Спасибо, Эсет пришла, согласилась посидеть с ним. Я сразу побежала сюда.

— Я давно уже сказал ему, чтобы домой шел, а он все никак, — кивнул Хусен на брата.

— Ну, пошли! — Кайпа обняла обоих сыновей. Лицо ее сияло радостью.

— Нани, я приду попозже, у меня здесь дело, — стал упираться Хасан.

— Потом будёшь заниматься делами. А сейчас идемте. Наконец все вместе спокойно посидим в своем доме.

— Я только на часок задержусь. Ладно, нани? — ласково упрашивал Хасан. — Потом будет поздно.

— Нет, не задержишься! — решительно сказала Кайпа. — Я зарезала двух куриц и уже сварила их. Осталось только галушки сделать. Эсет принесла чеснок.

У бедного Хусена слюнки потекли от этих слов. Шутка ли, с самого вечера ни крошки не держал во рту!

9

Говорят, беда не приходит одна. Но и радость, наверно, тоже. Ночью приехал двоюродный брат из Ачалуков и наконец-то привез деньги за коня. Целых сорок рублей! Хасан был счастлив. Да Керим добавил еще пятерку.

— Это от меня! В честь того, что избавился от преследований, — шепнул он.

Хасан прикинул, что можно и винтовку купить и лошадь. С полгода назад он не размышлял бы и, конечно, отдал предпочтение винтовке. Но с тех пор много воды утекло.

Сегодня, когда мать увела его из Пседаха, он дорогой все думал: «Саад никуда не уйдет. Рано или поздно я с ним обязательно разделаюсь. А теперь, может, и не время! — Он посмотрел на мать. До чего же она похудела и постарела. Пора наконец освободить ее от забот.

Теперь, когда появились деньги, он словно впервые увидел все их нужды. До винтовки ли сейчас? Скоро зима, а у них плетень, того и гляди, завалится, не заготовлены дрова, и весной во что бы то ни стало надо вспахать хоть клочок земли — нельзя больше жить в голоде. Для всего этого нужна лошадь! И только лошадь! Будет лошадь — будет и винтовка.

В ближайший базарный день Хасан купил в Пседахе коня. Ровно за сорок рублей. Кайпа от радости чуть не плакала и все благословляла Керима. Она считала, что это он дал им все сорок пять рублей. Так и Хасан ей сказал.

Хусен теперь не знал ни минуты покоя. Чуть свет поднимался и вел коня на водопой. Потом чистил его кукурузными листьями.

Прошло недели две. Вдоль двора протянулся обновленный плетень.

— Сыновья Беки молодцы, — говорили люди, проходя мимо их двора.

А Хасан между тем не забывал своих прежних намерений. И оставшуюся пятерку припрятал, надеясь рано или поздно скопить деньги на винтовку. Решил для начала свезти на продажу в Моздок арбу дров. Так и сделал.

На обратном пути Хасан заехал к Федору. Дома была только Нюрка. Узнав его, она поджала губы и с обидой спросила:

— Чего так долго не приезжал?

Хасан виновато посмотрел на нее. Он хотел сказать, что совсем недавно продал ту лошадь, что собирался отдать ей долю денег, но... вот лошадь купил. И теперь еще винтовка ему нужна. Только как все это объяснишь? На каком языке? Он ведь знает так мало русских слов. А она ингушских и вовсе ни одного не знает...

— Приехал, так заходи в дом! — пригласила Нюрка.

Хасан вошел. И рука его сама по себе потянулась к карману. Он достал все, какие были у него деньги: и пятерку Керима, и выручку за дрова — и протянул их Нюрке.

— Зачем? — удивилась девочка.

— Ты мой дал лошадь! — сказал Хасан. — А мой дал тебе деньги.

Нюрка отрицательно замотала головой.

Хасан показал на ее стоптанные чувяки и сказал:

— Купи ботинка.

Нюрка и с этим не согласилась. Тогда он схватил ее за руку и попытался насильно вложить ей деньги в ладошку.

— Отпусти! — закричала Нюрка.

Вырываясь, она нагнулась, и в эту минуту Хасан сунул деньги ей за пазуху. Он видел, казачки на базаре так прятали выручку. И без того большие Нюркины глаза дико расширились. Хасан стоял растерянный и не меньше ее испуганный, когда вдруг увидел из-за оттянутого платья белую нежную Нюркину грудь. Тут он совсем смутился и растерялся.

— Не глазей! — крикнула Нюрка, заливаясь краской. Отвернулась и через мгновение кинула ему деньги. — На, возьми их и больше не суй мне! Слышишь?

Деньги пришлось взять.

Хасан все еще не мог прийти в себя. А с Нюрки уже спал испуг, и она, снова посмеиваясь, спросила:

— Почему ты так долго не приходил? Я ждала тебя.

Хасан пожал плечами.

— А лошадей у Фрола украли! — сказала Нюрка. — Всех до одной.

— Кто? — удивился Хасан.

— Не знаю. Наверно, абреки. Уж лучше бы ты еще одну увел. Говорила ведь.

Но Хасан не жалел об этом.

Уже вечерело, когда собрался домой.

Хасан еще дважды ездил в Моздок с дровами и оба раза заезжал к Федору, точнее — к Нюрке. Собирался еще, но не удалось. Пристав распорядился перекрыть дорогу на Моздок и всех, кто едет туда с дровами, отправлять к нему. Все из-за того, что не исполнили его приказ и не завезли дров в полицейский участок и во все сельские правления.

Дрова у людей забирали, но лошадь и арбу, слава богу, оставляли хозяину. Это, надо понимать, тоже было одной из «свобод», дарованных в день трехсотлетия дома Романовых.

Перекрытие моздокской дороги развеяло мечты Хасана. Винтовки опять не видать. Он ходил сам не свой. И не сдержался, разговорился как-то с Исмаалом, рассказал, что терзает его с самого дня гибели отца.

— Я понимаю тебя, Хасан! Давно догадываюсь, с чего ты все о винтовке мечтаешь. И свою бы тебе дал, даже если бы мне грозило совсем ее потерять. Вот столечко не пожалел бы, — Исмаал показал кончик ногтя, — но послушай меня. Ты уже пять-шесть лет ждешь. Потерпи еще немного.

— Ты сам говоришь — пять-шесть лет жду. Разве этого мало?

— Не торопись, не такое это дело, чтобы спешить. В народе говорится: быстрая вода до моря не дошла. Сделаешь сейчас что-нибудь с Саадом, тебе не сдобровать.

— Сколько же мне еще ждать? Пока власть сменится, да? Видал, как царя славили? И Дауд совсем не показывается.

— Напрасно горячишься. Ты не прав. А Дауд давно не приходит, потому что дел у него много. Не только в Сагопши, во всей Ингушетии, в Осетии и Кабарде — везде готовятся перемены. Дауд сейчас во Владикавказе. Болшеки его позвали. Ты видал когда-нибудь, как зимой буря начинается? Перед бурей всегда бывает тихо, тепло! Вот и у нас сейчас такое затишье, — перешел на шепот Исмаал. — Перед большими событиями. Так говорил Дауд. Он знает.

Они проговорили до сумерек, пока не вернулась Миновси. Она водила заболевшую девочку к старой Шаши.

Посидели еще и после ужина.

В эту ночь Хасан не сомкнул глаз. Мысли его раздвоились. И какое принять решение, он не знал.

Не ведал покоя и Саад. В последнее время ему не раз доводилось слышать то от одного, то от другого, что старший сын Беки уже почти взрослый. И вырос он горячим и решительным. Бросалось в глаза, что Саад избегает людных сборищ и вообще почти нигде не бывает, если не считать пседахского пиршества, где он был в надежном окружении пристава и стражников.

В одну из пятниц прямо из мечети после молитвы во двор Беки неожиданно заявились старики. Это была новая попытка Саада выпросить прощение крови. На беду, Хасан оказался дома, и ему пришлось выслушать стариков до конца.

— Я знаю наш закон и уважаю вашу старость, — решительно заявил он, — но не могу согласиться с ва-

шей просьбой. Вы знаете, как был убит мой отец? Это не случайность и не какая-нибудь заслуженная им кара. Это насилие! И мы не простим Сааду кровь отца! Так и скажите ему.

Старики не унимались, все уговаривали. Наконец сказали, что Саад откупится, как никто другой не откупался, денег он не пожалеет.

— Кровь моего отца не продается! — раздраженно отрезал Хасан.

Старики ушли ни с чем.

10

На душе у Саада — как у приговоренного к смертной казни. Он все чаще задумывался: не лучше ли, пока не поздно, самому убрать старшего сына Беки. Но даже если ему удастся выстрелить первым, что из этого? Только новая кровь ляжет на него. К тому же у Беки еще два сына. Да и власти этого не простят.

Саад решил искать помощи у пристава. Рассказать и о том, что сын Беки не простил ему, даже тогда, когда с просьбой об этом пришли к нему чуть ли не все уважаемые старики Сагопши. Не только не простил, но грозил кровопролитием.

Саад вошел в дом пристава. В прихожей его остановил казак:

— Господин пристав занят.

Из комнаты доносились голоса и какой-то стук.

Пристав был в бешенстве. Не помогали никакие меры. Люди не везли дров. Сравнительно с прошедшим годом и половины не доставили. Рубить рубили, а сдавать властям не сдавали. Каждый прятал, где мог.

Приставу донесли, что лесничий, вопреки приказу, за взятки позволяет рубить дрова тем, у кого нет на то разрешения. Вот он и вызвал Элмарзу и сейчас давал ему нагоняй, да не только словом.

Сквозь общий шум из комнаты доносилось:

— Не нада, гаспадин пирстоп! Моя не будит болша!

— Сволочь! Зверь! Убью подлеца!

— Не нада убивай! Дети ест дома. Все дарва суда таскай будим!

Скоро шум утих. А затем из той комнаты вышел Элмарза. Он испуганно оглядывался, будто и здесь его кто-то мог ударить. Увидев Саада, лесничий изменился в лице. Эта встреча была для него страшнее всякого страха перед приставом: Саад стал свидетелем его позора, что может быть хуже? Овладев собой, он сделал вид, что ничего и не произошло, и собрался выскочить вон.

— Что там за шум был? — кивнув на дверь, спросил Саад.

— Да так! Сцепились мы немного с пирстопом! — с подчеркнутой небрежностью ответил Элмарза и прошел мимо Саада.

Но гордого вида ему хватило ненадолго. На пороге он вдруг весь перекосился и схватился за поясницу. Дальше шел, сильно прихрамывая: боль свое брала.

После этого Саад не пошел к приставу со своей жалобой. Решил отложить до другого раза. Махнув рукой, он пошел со двора. «Пожалуй, и совсем не пойду к нему! — размышлял он по дороге. — Кто-нибудь узнает, с чем я ходил, стыда не оберешься. Мальчишки скажут, испугался. Что будет, то будет. Наган есть, винтовка — лучшей во всей округе не сыщешь. Кто хочет умереть, пусть встанет на моем пути!»

Наступило лето. Хасан так и не приобрел винтовку.

Пока он собирался попросить у Гойберда — все равно ведь не пользуется, а деньги можно отдать по осени,— тот взял да и выменял у кого-то на прекрасную винтовку дохлую клячу. Правда, сначала была вроде ничего, но едва попала к новому хозяину, стала чахнуть день ото дня. Ума не мог приложить Гойберд, что с ней случилось. Наконец решил: не иначе, как джины вселились в конягу. Мулла написал джай и сам повесил на шею животине. Но и это не помогло. В один прекрасный день Гойдберд вернулся из лесу, впрягшись в арбу вместо лошади.

Уж лучше бы винтовка досталась Хасану!

Саад не подозревал, что у Хасана нет оружия. Знал бы — так жил спокойно. Даже странно, как это он, всегда такой уверенный в себе человек, теперь вдруг стал тревожиться. Выйдет иной раз ночью во двор — и за

каждым стволом дерева мерещится ему враг. И не сообразит, что будь в саду посторонний, первым делом собака бы залаяла.

Случилось так, что однажды и впрямь увидел он с веранды приближающегося в темноте человека. В первый миг даже отмахнулся: опять, мол, мерещится. Но черная тень зловеще надвигалась.

— Кто ты? — спросил Саад тревожно.

Ответа не последовало. Саад задрожал, рука его невольно потянулась к поясу за наганом, раздался выстрел. Человек рухнул на землю и застонал.

Из дому с криком выскочила жена Саада. Она была уверена, что стреляли в мужа.

Принесла лампу. Когда осветили раненого, Саад в ужасе отшатнулся: на земле лежал его племянник Аюб. Аюб, который после истории с Касумом так и не пришел в себя.

Убитого похоронили, объявив, что сразила его чья-то шальная пуля. До подробностей никто и не докапывался. Да и какое кому дело до безумного?

А на второй день после похорон село облетела весть, что убит еще один человек, не чета Аюбу. И тогда о последнем совсем забыли.

11

Жители Кескема всегда пасли свой скот на лесных склонах. Да и где больше пасти? Село-то лежит у самого леса. Вот и выгоняли туда. Но вдруг пристав запретил это.

Мало того что дорогу на Моздок закрыл и всякого, кто без разрешения рубил в лесу дрова, приказал доставлять для расправы прямиком в полицейский участок, теперь вот и скот пасти запретил. Видите ли, овцы да коровы лес портят.

Как ни глубока посудина, а без конца и в нее воду нельзя лить — через край перельется. Пристав не мог не знать, что чаша терпения народа не бездонна. «Жить надоело», — говорят о таком человеке.

Узнав о запрете, старый Эда-Хаджи, всеми почитаемый человек, решил сам идти с отарой в лес. Надеялся, что его-то уж не прогонят.

Не тут-то было. В тот же день пристав потребовал старика к себе, орал на него, а когда тот попробовал что-то сказать, еще и плюнул ему в лицо.

Это и переполнило чашу.

— Отец! Больше он не плюнет! Ни на тебя и ни на кого другого, — твердо заявил сын его — Саги.

Мухтар жил через дорогу от полицейского участка, и на правах почтаря он много раз бывал в доме пристава. Потому-то именно его, а не кого-нибудь из своих многочисленных родственников Саги попросил о помощи.

Мухтар сказал Саги, куда выходит окно кабинета, где пристав обычно работал по вечерам.

Люди в селе уже спали, когда Саги подкрался к дому. От дождя, лившего накануне несколько часов кряду, на улице была непролазная грязь. Ноги так и увязали.

Сквозь щели в створках ставен тонкими лучиками падал на землю свет.

Мухтар уже проверил и доложил: «Пристав не спит, он сидит в кабинете за столом».

Ухнул глухой выстрел, будто ударил в подушку.

Через миг под окном никого не стало.

Убийство обнаружили не тотчас. Как потом выяснилось, выстрела не слышал никто: ни жена, ни охрана.

Не дождавшись мужа в спальне, жена решилась наконец оторвать его от дел и вошла в кабинет. Он сидел в своем кресле, привалясь к столу.

— Вот и жди его! Смотри, где заснул! А я-то думаю, муженек работает!..

Пристав не шевелился. Тогда жена толкнула его в плечо.

— Ты что, умер? — капризно вытянув губы, сказала она и, заглянув в лицо, оцепенела.

Полуприкрытые глаза пристава были такими, какими они бывали в гневе.

Обрадованные этой смертью люди быстро забыли о несчастном Аюбе.

И если бы свершилось все то доброе, что в народе желали тому, кто убрал злого хищного зверя, счастли-

вее Саги не было бы на земле человека и жить бы ему сотни лет.

Легенда о смельчаке плыла на волнах неистощимой людской фантазии. Он, этот человек, был уже сказочным героем непомерного роста, безграничной силы и смелости...

А те, кто знал, что герой этот — Саги, готовы были на все, лишь бы спасти его от жестокой расправы властей.

«Вон ведь, самого пирстопа убили, и казаки-охранники не помеха, а я уже столько лет не отомщу за отца!» — думал Хасан.

12

Все повернулось так, что убийцу пристава искали недолго. Началась война, и все забыли об убитом приставе. Власти заботились о другом. На фронт, на защиту царя и отечества необходимо было выставить ингушский кавалерийский полк. Но каково сколотить целый полк из освобожденных от воинской повинности ингушей? Да и что он сделал для них, этот царь, чтобы ингуши согласились сложить за него свои головы?

Но как ни трудно, а полк сколачивать надо. И потому не до пристава, не до убийцы и не до арестов. Власти всячески заискивали перед народом. Важно в срок собрать полк. А пристава можно и другого поставить...

И поставили. Ингуша. Решили, наверно: убьют, так своего.

От сагопшинцев отправляли на войну около двадцати человек. Осеннее утро было еще почти по-летнему теплым и солнечным, а в доме Кайпы царили грусть и тревога.

— Ну что ты заранее в трауре, нани? — улыбается Хасан. — Вот если убьют, тогда и будешь горевать.

Кайпе от этих слов еще тяжелее.

А Хусен? Хоть и вымахал ростом с хорошего мужчину, а ребенок. С завистью смотрел он на брата, стоявшего среди комнаты в новой черкеске и в новой шапке.

— Хасан, посади меня на коня! — просил Султан.

Хусен смотрел в окно и будто впервые видел отличного коня, купленного, как и для всех уходящих на войну, на деньги сельской общины. «И почему меня не берут? — думал он с досадой. — Я и ростом с него...»

— Ну, надо ехать! — сказал Хасан, снимая кнут с гвоздя. — Меня ждут!

Кайпа обняла сына и долго молча прижимала его к себе. Потом Хасан поднял над собой Султана. Хусен в ожидании своей очереди с грустью смотрел на брата. И вдруг впервые заметил темную полоску нежного пушка на верхней губе Хасана. И не только на губе, но и около ушей. Раньше он этого не видел. «Потому-то, наверно, его берут, а меня нет!» — решил Хусен с досадой потрогав свое, еще гладкое лицо.

Но вот Хасан повернулся к нему. Не обнял его. Нет! Даже с места не двинулся. Только сказал строгим голосом старшего в доме:

— Саада не трогай, пока не узнаешь, что со мной!

Хусен не на шутку обозлился: снова брат говорит с ним, как с мальчишкой. Не считает его годным на что-нибудь толковое! Он хотел уже возразить, но Хасан не дал ему рта раскрыть.

— Это дело дади перед смертью поручил мне. Я и исполню его, если не погибну. А не вернусь, тогда сам сделаешь что надо!

Не прибавив больше ни слова, с Султаном на руках Хасан вышел из дому. Посадив братишку в седло, он взял коня под уздцы. Мать и Хусен шли за ним. У ворот Хасан снял Султана, еще раз обнял его и вскочил на коня...

Хасана не волновало то, что он идет на войну. Тревожили остающиеся дома мать и братья. А на войну? Что ж! Это даже вызывало чувство гордости у Хасана. О том же, почему его, несмотря на непризывной возраст, гонят на войну вместе со взрослыми мужчинами, он не думал. Не знал и того, что конь под ним и все воинское снаряжение куплены совсем не сельской общиной, а Саадом. Да-да! Саадом, через Ази. Это была плата за избавление от гнетущего страха последних месяцев. На такое дело Саад не поскупился.

Но Хасан ничего не знал. И потому даже с радостью шел на войну.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1

Человек, долго пробывший в темноте, радуется и самому малому лучу света. Так было и с Кайпой. Измученная многолетним ярмом бедности, она считала за счастье, что есть у них теперь хоть и не ахти какая, а все же лошадь, кукуруза посеяна, и не только на огороде у дома, а, как давно того не бывало, в поле!.. Правда, за землю еще надо платить, но это потом, осенью. Продаст кукурузу и расплатится. Хусен и всегда был трудолюбив, а сейчас, оставшись за старшего, и вовсе ни минуты не сидел без дела.

Вот только за Хасана, который был все еще на войне, душа болела. Но, благодарение богу, он пусть и редко, а весточки слал.

Однако горе не заставило себя долго ждать.

Люди только убрали кукурузу, как вдруг объявили, что село должно выставить обоз на войну. С каждого дома потребовали по сто рублей.

Лошади для фронта должны быть молодыми, крепкими, а арбы совсем новыми, с железной осью. И корм! Лошадям нужен корм. Кукурузной соломой не отделаешься. Подавай им зерно и сено... Отличное, спрессованное в пачки сено.

Тот же, у кого нет денег, чтобы внести на приобретение всего этого, сам пойдет с обозом, как возчик.

Боясь очередных беспорядков и недовольств, власти собрали стариков из тех, кто побогаче, и мулл. Им было приказано уговаривать

народ. И пошли эти люди разносить сладкие речи. По их словам выходило, что только птичьего молока не получат люди после войны, а все остальное будет.

Простодушные верили и радовались. Наивные! У царя, конечно, только и заботы, что об ингушах.

Многих, правда, сдерживало то, что обоз посылали не просто на войну, а на войну против Турции.

— Турки же правоверные мусульмане! Как же мы будем с ними воевать?

На это посланники властей тотчас находили ответ:

— Вы забыли, как мы пробирались домой с турецкой стороны, когда злой рок забросил нас туда, как плакали: «Родина, милая родина наша»? Теперь настал час встать на защиту ее, на защиту родины, которая приняла нас как детей своих.

Люди согласно кивали головами, словно забыли в этот миг, что вернувшиеся из Турции и даже их потомки все еще считаются пришельцами, временно проживающими, и потому не имеют ни клочка земли.

Велись среди людей и другие разговоры, не похожие на те, с которыми ходили старейшины и муллы.

В ингушских селах все чаще говорили о том, что пока страной правит царь, бедному крестьянину не быть хозяином земли. Но людей, которые говорили такое, было куда меньше, чем сладкоречивых стариков. И их речи слышал не каждый. Ну, а кто и слышал, не всегда верил. Попробуй, сбрось царя! Вон какая у него сила: от севера до самого юга войну ведет. Уж легче желать такому царю победы и надеяться: может, наконец, победивши, расщедрится он и для ингушей. А потому и приказ выполнять надо.

Подошла очередь и Кайпе нести сто рублей на обоз. А где их взять, если она до сих пор и за землю не может расплатиться? И почему вообще с нее берут на обоз, когда у нее сын на войне?

Кайпа пошла с жалобой к Ази. Так, мол, и так, почему сдираете две шкуры с одного человека?

Откуда ей было знать, что Ази заодно с Саадом. А Саад не успокоился, убрав с дороги Хасана. Знал, что второй сын Беки тоже подрос, вот и задумал убрать и его. Оба они понимали, что Кайпе, хоть лопни, не собрать нужных денег и, хочешь не хочешь, придется отпустить сына возчиком.

Ответ Кайпе был давно готов.

— Обоз идет на войну с турецким падишахом, — сказал Ази строго. — А твой сын воюет против германского падишаха! Понимаешь ты это или нет?

— Чтоб они укрылись землей, и германский твой падишах, и Николай-падишах, и...

Она хотела сказать: «И ты вместе с ними», но сдержалась.

— Иди, иди отсюда со своими проклятиями! Смотри, как бы новой беды не нажить! Да приготовь деньги! Слышишь?

— Что? Приготовить деньги? — повернулась Кайпа. — Да за все мое хозяйство никто не даст мне ста рублей! Что же мне теперь, милостыню просить, чтобы собрать их? А?

Ази молчал.

— Нет, я тебя спрашиваю, где мне взять столько денег?!

— Из могилы моего отца! — заорал вдруг старшина. — Откуда я знаю, где тебе их взять?!

Кайпа с минуту еще постояла, посмотрела на жирную багровую шею повернувшегося к ней спиной старшины и вышла вон. Крупные слезы одна за другой катились по щекам. Она не утирала их. Шла, как потерянная, ничего не видя перед собой.

Ходил к Ази и Исмаал просить за нее. Вернулся мрачнее тучи. Не успев войти в дом, сказал:

— Не давай им ни копейки! Говорят, заберут Хусена с обозом. Не верю я этому. Закон не позволит. Он еще мал. Хватит того, что один у тебя уже на войне!

«Эх, — думала Кайпа, — если бы все делалось по закону. Тебе ли, Исмаал, надеяться на закон?»

А Хусен сам стал проситься на войну.

— Я уже взрослый, нани, ничего со мной не случится, — успокаивал он мать. — Обязательно вернусь!

— Ты совсем как Хасан?

— Мы же братья!

— Ну, конечно, вы братья. А я кто? Только мать. Надо ли меня слушать?.. Что же, больше ничего не скажу. Иди, если решил. Да, по-моему, и не вышло бы. Ста рублей за наше хозяйство не выручишь...

Эсет была ошеломлена, узнав, что Хусену придется уйти с обозом. Впервые им предстояло расстаться.

— Не ходи, Хусен! — умоляла она. — Насильно ведь не заберут! Тебе еще лет мало. Только взрослых забирают насильно.

— Ничего не поделаешь, Эсет. Раз нет денег, придется идти.

— Я достану денег! — сказала она на другой день, придя к Хусену. Да таким тоном, будто ей стоило только руку протянуть.

Хусен пожал плечами и улыбнулся.

— Не веришь? Думаешь, не доберусь до денег дади?

Эсет говорила громко и смело. Хусен удивленно посмотрел на нее. Такой она еще никогда не была. И странно, теперь и он вел себя совсем по-другому. Ведь стоило бы ей прежде сказать такое, разговор на том бы и прекратился. Хусен крикнул бы, что он не нуждается в их деньгах, и они, чего доброго, поссорились бы. А сейчас Хусен смотрел в горящие глаза Эсет, видел ее взволнованное лицо, и его охватило не испытанное еще никогда чувство. Хотелось сжать в ладонях эти нежные, как персик, щеки, притянуть к себе ее голову...

— Я знаю, где лежат деньги. Только бы достать ключи!..

— Не надо, Эсет! — смущенно, но благодарно шепнул Хусен. — Это же воровство! И все из-за меня!

— Нет, это не воровство! — уверенно возразила Эсет. — Я должна спасти тебя. Я... я не могу без тебя!

Последние слова она почти выкрикнула. Оба в смущении потупились.

Вошла Кайпа, и они замолчали. Щеки Эсет пылали. Она вдруг впервые застыдилась, что ее застали наедине с Хусеном. Ведь мать давно твердила ей, что она уже в таком возрасте, когда неприлично оставаться одной с молодым человеком. Раньше Эсет не обращала внимания на эти слова. А теперь вот увидела Кайпу, так даже перепугалась.

Кайпа сделала вид, что не заметила их смущения, и принялась разжигать печь.

Эсет, не попрощавшись, незаметно юркнула в дверь. Но вечером опять пришла. Пришла и на следующий

день. Зная, что скоро им предстоит долгая разлука, она не могла не видеть Хусена.

Наступил день отъезда. Эсет, держась обеими руками за плетень, неотрывно смотрела на Хусена.

— Так и не удалось мне добраться до денег, — виновато сказала она.

Хусен улыбнулся.

— Ничего, Эсет! Не грусти.

Плетень разделял их. Эсет прижалась щекой к плетню. Хусен ничего не видел перед собой, кроме ее синих глаз.

— Хусен, а если потом отдать деньги, они отпустят тебя?

— Не знаю...

— Я доберусь, обязательно доберусь до них! И отдам твоей матери. А уж она...

— Не надо, Эсет, — покачал головой Хусен, не сводя с нее глаз. — Я и без денег вернусь. Вот увидишь!

— Когда?

Он улыбнулся.

— Скоро. А ты выучи новые песни, встретишь меня...

— Обязательно выучу. Самую лучшую песню тебе сыграю. Тебе первому!

— Вот и прекрасно! Ну, Эсет, мне пора!

— Уже?! Так скоро!

— Надо, Эсет. До свидания!

Эсет стояла растерянная. Она давно знала, что придет этот злосчастный миг, боялась его и в тайне души надеялась, что свершится чудо и Хусен вдруг останется. Но чуда не было. И вот он уходит. Что сказать ему? У нее нет других слов, кроме тех, что беззвучно шепчут губы: «Не уходи, постой еще!» Но глаза говорят куда больше. Говорят и такое, что Хусен еще не умеет прочитать в их синей глубине.

2

Кайпе кажется, что время плетется, как старый бык. Не сосчитать, сколько раз за день она выходит за ворота — ждет сыновей. Можно подумать, получила известие об их возвращении. А длинные зимние ночи Кайпа проводит почти без сна. Перебирая четки Беки, все просит всевышнего, чтобы вернул ее мальчиков домой.

Много прошло таких дней и ночей, а Кайпа все ждала.

И тут случилось невероятное. Однажды ранним утром в дом Кайпы вдруг ворвались казаки.

— Где твой сын? — был их первый вопрос.

— Вот мой сын, — показала удивленная Кайпа на сидящего в постели испуганного Султана.

— Ты что, шутить вздумала? — крикнул один из казаков.

Бывший с ними сельский писарь попробовал объяснить Кайпе:

— Эти люди из моздокской полиции...

— Зачем они пришли? — гневно спросила Кайпа. — Что им от меня еще надо?

— Не кричи, женщина. Будь спокойней. Они только хотят узнать, где твой сын. Не этот, другой...

— Другой? Ты разве не знаешь, что оба моих сына на войне?

— Знать-то знаю. Да... Один сбежал.

— Что?! Сбежал?! — выговорила она с трудом. — Где же он тогда, если сбежал?

— Об этом тебя и спрашивают.

Казаки уже обшарили весь дом. Потрясенная Кайпа даже не замечала, что они делают...

Не найдя беглеца и поняв, что мать ничего не знает о сыне, они ушли. И хотя Кайпе не сказали, кого из сыновей ищут, она ни на минуту не усомнилась, что это, конечно, Хасан сбежал. «Да, но где он? — мучилась в догадках мать. — И почему сбежал? Не иначе, как с ним беда!..»

Давно уже прошло время вечернего намаза. Кайпа сидела в задумчивости и мысленно просила бога, пророка и устаза [1] пощадить ее сына. В дверь вдруг тихо постучали. Кайпа встрепенулась.

— Кто там?

Напуганная утренним нашествием казаков, Кайпа боялась открывать.

— Это я, нани, — услыхала она хриплый шепот и рванулась к двери.

— Ва дяла! — вскрикнула Кайпа. — Да это же мой мальчик, а я спрашиваю, кто там! Ну, иди-ка на свет!

[1] Устаз — святой, которому исповедуются.

Дай я посмотрю на тебя! — От радости она говорила без умолку. Увидев, какие у него впалые щеки и как заострился нос, она опять бросилась обнимать его. — Вот ты какой стал! Нет! Больше я никуда не пущу тебя!

— Шш, тише, нани...

— Почему тише? В чем дело, ты тоже сбежал? Вы что, сговорились?

— А кто еще сбежал? Хасан? — вырвалось вдруг у Хусена. — Где он?

— Хасан! Конечно, Хасан! Откуда мне знать, где он! Не знаю, и жив ли, — Кайпа всхлипнула. — Сегодня с обыском приходили. А ты тоже, выходит, сбежал? И тебя теперь будут искать?

Кайпа вышла и скоро вернулась, неся в руках курицу.

— На, зарежь!

— Зачем сейчас, нани? Ночь ведь! Утром зарежем.

— Что будет утром, никто не знает. Может, опять казаки придут!

Хусен вышел и через минуту вернулся с зарезанной курицей.

— Нет, сынок, нельзя тебе здесь оставаться. Пойдешь в Ачалуки, к дяци. — Кайпа вздохнула. — Теперь и ты будешь жить жизнью абрека! Видно, так мне на роду написано, вечно гнуться под тяжестью горя...

Сын молчал. Все произошло не по его вине. Хусен никогда не забудет тот страшный день...

Это было на далекой турецкой земле. Чтобы добраться оттуда до границы, надо было идти не меньше суток.

В тот день Хусена послали возить камень для укреплений. До обеда он уже сделал рейс и ехал во второй. Погода начала портиться. На землю опустился густой туман. Хусен восседал на одной из закрепленных за ним арб и тихо напевал под нос. Настроение было хорошим. Иногда его посылали за продуктами и тогда обязательно давали в сопровождающие какого-нибудь солдата. Такие поездки Хусен не любил. Одному лучше.

Неожиданно Хусен заметил, что в тумане уже не видно впереди арбы его односельчанина Алайга. Оглянувшись, он увидел, что второй лошади, которая была привязана сзади, тоже нет.

В глазах у Хусена потемнело.

«Э! Где же они? Неужели я плохо привязал лошадь?

Он соскочил с арбы и кинулся в лощину, откуда только что не без труда выбрался. Побегал, покрутился: лошади нигде не было. Стояла только арба, глядя оглоблями в небо. Вернулся на дорогу. Но что такое? И эта арба без лошади! Тут Хусен понял: за ним следили, и пока он, как чучело сидел и мечтал, кто-то подкрался и отвязал коня. А теперь вот и второго увели...

Хусен застонал и кулаками ударил по арбе...

Долго стоял он и беззвучно плакал, потом очнулся и побежал в сторону казармы.

Из тумана вдруг возникла арба Алайга.

— Что с тобой, Хусен? — удивленно спросил он. — А где твои арбы?

Хусен, не отвечая, побежал дальше.

— Куда ты? — крикнул Алайг.

— Надо сообщить о пропаже!

— Подожди, расскажи толком, что случилось, — остановил его Алайг. А выслушав Хусена, покачал головой: — Ну как же ты недосмотрел! Сейчас по дорогам рыщут тысячи голодных людей: армян, турок. Война многих разорила. Они все теперь, как волки, только и смотрят, чем бы поживиться. И не делай глупости, не сообщай никому. Тебе же достанется.

— Если я быстро сообщу, воров еще могут нагнать. Далеко они не уехали.

— Поверь мне, погоня ничего не даст. А тебя арестуют...

— За что арестуют?

— Скажут, продал лошадей. Неужели, думаешь, поверят, что украли? Нет, Хусен, тебе надо уходить от беды.

Хусен стоял в оцепенении и с надеждой смотрел на Алайга. А тот продолжал:

— Пробирайся домой. Иди все вперед, дойдешь до Батума. Оттуда поездом поедешь в Баку. А из Баку до наших мест поезда в день по нескольку раз ходят. С божьей помощью будешь дома. — Алайг посмотрел на Хусена и полез в карман. — Вот возьми пять рублей. Будет возможность — вернешь моей жене.

Тяжелым был путь Хусена домой. Ползи он всю дорогу на коленях — и то было бы легче. Как только не

ехал: на крыше, в тамбуре, в багажном ящике под вагоном. На одной станции его поймали и потребовали документы, но удалось улизнуть.

На радостях, что видит Хусена, мать ни о чем не спросила, а он не стал ничего рассказывать.

Согретый домашним теплом и уютом, Хусен привалился к подушкам на нарах и тотчас задремал. Но скоро сварилась курица, и Кайпа разбудила его. Однако усталость брала свое, и, как ни голоден был Хусен с дороги, он, почти не притронувшись к еде, снова уснул.

Еще не рассвело, когда мать вторично подняла сына.

— Вставай, родной, вставай, — ласково приговаривала она, склонившись над ним и гладя его по плечу, — тебе пора уходить из села. У дяци отоспишься. Там ты будешь в безопасности...

Когда Хусен поднялся, на улице было почти светло.

— Э-эх, — покачала головой мать, — тебя и теперь, как маленького, не добудишься! Уже, видишь, рассветает. Уходить сейчас опасно. Куда бы мне тебя спрятать? Может, добежишь до Исмаала, пока еще на улицах никого нет?

— Да ничего, нани! Останусь я лучше дома. Может, на этот раз обойдется.

Хусену очень хотелось остаться и как-нибудь дать знать Эсет, что он дома, что вернулся. Тайком от матери он послал к Эсет Султана. Вскоре за плетнем мелькнуло ее белое платье. Перед Хусеном сверкнули знакомые синие глаза.

С минуту юноша ничего не видел, кроме этой бездонной синевы. Они молчали, глядя друг на друга.

— Совсем вернулся? — спросила наконец Эсет. — Не уйдешь больше?

— Не уйду, Эсет. Только смотри, никому не проговорись, что я здесь.

— Ладно, никому не скажу, — кивнула она, хотя на лице ее было написано удивление: отчего, мол, нужно скрывать такую радость?

Снова помолчали.

— Хусен, — заговорила первой Эсет, — а я выучила для тебя песню. И никому ее не играла. Ждала тебя.

Хусен счастливо улыбнулся, но потом вдруг погрустнел.

— Спасибо, Эсет. Только где я послушаю твою песню? Услышат, придут, а мне сейчас надо остерегаться людей...

— Я вечером поиграю. Приходи к плетню, туда, поближе к дому, — Эсет робко поглядела на Хусена.

— Обязательно приду!

В этот день Эсет дважды под разными предлогами забегала к Кайпе. Дома никому и в голову не пришло удержать ее. Другое дело раньше, когда там были юноши, а сейчас, как думала Кабират, Кайпа одна с Султаном, никто не осудит Эсет за то, что навещает соседку...

Вечером, как и обещал, Хусен пришел к плетню. Тихо свистнул. Не прошло и минуты — послышалась музыка. Хусену не часто доводилось слушать игру на гармошке, мелодия понравилась ему. Может, оттого, что играла Эсет?

Но скоро ему стало уже мало одной музыки. Хотелось услышать голос самой Эсет. А вместо того вдруг загудела Кабират:

— Ты совсем с ума сошла! Чего это разыгралась на все село?

Эсет, стараясь заглушить ворчание матери, играла все громче и громче.

— Смотрите вы на нее — и слушать не хочет! — не унималась Кабират.

Наконец гармошка, издав протяжно-рыдающий звук, умолкла в руках у разгневанной матери, а Эсет загнали в дом.

— Вот ты где?! — сказала Кайпа, подходя к Хусену, который так и остался сидеть у плетня, погруженный в свои невеселые мысли. — А я обыскалась тебя! Идем домой!

Кайпа была очень встревожена. Оказывается, уже все село гудело. Говорили, что сын Беки сбежал с турецкой войны, продав казенных лошадей, и моздокская полиция ищет его, так как обоз тот был придан Терскому казачьему полку. Для Кайпы было новостью, что полиция ищет не Хасана, а Хусена. «Так, значит, Хасан не сбежал?» — думала она.

Кайпа шла быстро, увлекая за собой сына. По пути она успела все ему рассказать.

— Ничего, — закончила мать, — одного-то я как-нибудь скрою! Поживешь пока у дяци, а тем временем гяуры забудут о тебе.

В ту же ночь Хусен ушел в Ачалуки.

3

Настало лето. А о том, чтобы без страха вернуться в свое село, не могло быть и речи. За все это время Хусен только дважды ночами побывал дома. Он бы, может, и чаще приходил, но надо было видеть, как волнуется дяци и как при появлении дрожит от страха мать.

Между тем Кайпа дрожала не зря. Полиция не забывала дороги к ее дому. А однажды, в какой уже раз не найдя своей жертвы, обозленные казаки увели с собой Кайпу и целых трое суток продержали ее в полицейском участке в Моздоке. Все допытывались, где сын.

С тех пор Кайпа боялась пуще прежнего. Потому и пришлось Хусену в те оба раза, когда был дома, еще затемно возвращаться в Ачалуки, так и не повидавшись с Эсет.

И до чего же медленно тянется время! Особенно тягостны длинные летние дни. Каково это крепкому, здоровому парню день-деньской сидеть в доме, как птице в клетке?! А дяци из страха не выпускала его днем даже во двор.

— Люди, знаешь, какие любопытные? — говорила она. — Начнут расспрашивать: кто да что. Найдется и такой, что донесет.

И не зря боялась Сийбат: в Ачалуках уже двоих арестовали за дезертирство.

Как-то поздним вечером во двор въехал всадник.

— Кто это? — спросил Хусен у дочери Сийбат, своей ровесницы.

— Наш родственник, — ответила девушка и вышла к приезжему.

— Ты так поздно! Не случилось ли чего?

— Да нет, все хорошо. Просто еду домой узнать, как там дела. Сообщили, что нани больна. Не поднимается с постели...

— Да пошлет ей всевышний здоровья.

— Спасибо тебе. Хочу заодно заехать к семье Беки. Слыхал, младший его сын вернулся с войны...

— Да он же здесь! — всплеснула руками Сийбат.

— Кто? Хусен?

— Ну, конечно, он! Хусен, где ты? Иди сюда.

Человек шагнул вперед и крепко обнял Хусена.

— Да ты, кажется, Хусен не узнаешь его? — сказала Сийбат, заметив недоумение на лице юноши.

— Я же Дауд!

От радости парень не мог ни слова вымолвить. Да и что он сказал бы в ответ? Что забыл? Но ведь это не так. Хусен часто думал о Дауде. Просто давно не видел. К тому же раньше у Дауда была густая борода...

— Ну, идем-ка, посидим, поговорим, — потянул Дауд Хусена в комнату, к нарам. — Рассказывай, как там в Турции? Правильно сделал, что ушел. Не нужна нам чужая земля. Своей много. Лучше и плодороднее, чем у них... Правда?

Хусен закивал головой в знак согласия.

— Лучше и плодороднее, — повторил Дауд, продолжая обнимать Хусена за плечи. — Вот только угромов да мазаев с нее согнать надо. А турецкая земля пусть туркам остается... У нашего брата здесь, в своей стране, врагов хоть отбавляй. С ними надо бороться... Хасану тоже пора бы вернуться...

— Полиция меня ищет! — заговорил наконец Хусен. — Даже нани однажды из-за меня забрали. Три дня в Моздоке держали...

— Ничего они не сделают нани, не бойся. Попугают, и только. А ты пока в Сагопши не ходи. Здесь они до тебя не доберутся...

— А ему скучно в доме сидеть... — пожаловалась Сийбат.

— Если хочешь избежать тюрьмы, надо терпеть! — Дауд укоризненно посмотрел на Хусена.

Хусен сидел с опущенной головой.

— Надо терпеть, — повторил Дауд. — Теперь уже недолго.

— О, дал бы бог! — сказала Сийбат и глубоко вздохнула. Потом вдруг засуетилась, увидев, что Дауд поднялся. — Ты куда? Подожди, я сейчас курицу зарежу...

— Жить вам в достатке, Сийбат! Спасибо, я сыт. Поел перед дорогой. Надо спешить. Хочу обернуться в ночь.

Дауд уехал. Уехал, а в голове у Хусена зароились разные мысли. Если царь доживает последние дни, то как же он воюет? И ведь победы одерживает. У кого же хватит сил его свергнуть? Хусен собственными глазами видел победы царских войск в Турции, слышал и то, как солдаты проклинали и войну и царя. Да и разве только одни солдаты недовольны? А жители Сагопши? Рассказывают, когда пришел приказ угнать сельское стадо коров на фронт, люди поднялись как один. Сопротивлялись с оружием в руках. И не в одном Сагопши...

...А время шло. Царь восседал на своем троне. Войне не было видно конца, и Хусену по-прежнему приходилось скрываться у тетки.

4

Никакие протесты тети не могли остановить Хусена. Он хоть раз в месяц, да наведывался в Сагопши. А со временем и того чаще. Ночь он при этом из осторожности проводил не в доме, а в огороде, под охраной высоких кукурузных стеблей.

— И охота тебе, как бездомной собаке, в огороде валяться? — говорила Кайпа. — Спал бы себе спокойно у дяци.

Какой матери не хочется ежечасно видеть перед глазами своего ребенка?! Но главная забота — всегда одна: чтобы никакое горе не настигло ее детей, ничего не омрачало их жизни. А Кайпе ли было не тревожиться? Да и на дворе скоро осень. Холодно уже.

— Мне здесь лучше, безопаснее, — уговаривал ее Хусен. — Хоть в огороде, а дома.

Не знала Кайпа, что всему причиной соседская дочь.

Хусен устраивался на ночь поближе к плетню. Он и дыру в нем проделал. На случай, если нагрянут казаки, через нее и уйти можно. В этом углу все поросло крапивой и бурьяном. Обнаружить дыру, даже зная о ней, не так-то просто.

Ни Кайпа и никто другой не знал, что этой дорожкой Эсет приходит к Хусену.

В первый раз она пришла совсем неожиданно. Послеполуденное солнце опустилось довольно низко и уже не палило. Дул легкий ветерок. Хусен дремал. Тихий шорох шагов сквозь дрему он принял за шелест кукурузных стеблей.

С трудом разжав веки, Хусен увидел склоненную над собой Эсет. Она улыбнулась.

— Испугался?

Хусен с минуту был как во сне. Потом вдруг растерянно сказал:

— Эсет, ты здесь? А дома не догадаются, куда ты пошла?

— Никого у нас нет, — успокоила Эсет. — Дади в лавке. Все остальные на уборке кукурузы.

И они забыли обо всем на свете. Для них сейчас ничего вокруг не существовало. Говорили шепотом, на ухо друг другу. Никогда еще с той поры, как минуло детство, белое, как молоко, нежное лицо Эсет не было так близко. Хусену хотелось коснуться губами ее щеки, хотелось обнять Эсет. Он с трудом сдерживал себя. И только смотрел и смотрел в ее глаза.

Они не заметили, как из кукурузы вынырнул Султан. Увидев мальчика, Эсет зарделась, испуганно посмотрела на Хусена и смущенно опустила ресницы.

— Ты чего, Султан? — спросил Хусен.

— К тебе пришел. Нани сказала: «Иди, он там один, ему скучно».

— Тсс! — приложил к губам палец Хусен.

— Нани не знает, что здесь Эсет,— сказал Султан.

—И хорошо, что не знает! Ты не говори ей, ладно? — Хусен вопросительно посмотрел на Султана и погладил его по голове.

— Не скажу! — с готовностью согласился малыш.

— Вот и молодец. А я тебе за это винтовку сделаю, — пообещал Хусен.

Эсет немного успокоилась. Краска отхлынула от щек, и лицо ее снова сделалось белым.

— Ну, иди. Поиграй, — тихонько подтолкнул брата Хусен. — А нани скажешь, что мне не скучно.

...В другой раз Эсет пришла после того, как стемнело. Хусен удивился, когда она вдруг протянула ему бутылку.

— Что это? — спросил он.

— Вино.

— Зачем оно мне?

— Сейчас ночи холодные. От него, говорят, человеку бывает теплее...

Хусен улыбнулся и взял ее руки в свои. Эсет не отняла их.

Время летело незаметно. Ночь отрывала влюбленных друг от друга. Эсет надо было спешить домой: не дай бог, кинутся искать. Теперь она взрослая, и все домашние считали своим долгом оберегать ее честь от недоброго глаза и от злословия.

Но есть ли на свете сила, способная помешать любящим? И Эсет, как завороженная, шла на зов сердца любимого, забывая порой об опасности.

Свиданиям у плетня пришел конец. Наступила пора долгих холодных дождей, и о ночевках в огороде нечего было и думать. Хусен жил в Ачалуках. В Сагопши он теперь бывал редко, да и то по ночам.

Как-то под утро уходя из дома, Хусен увидел одиноко сидящего у своих ворот Довта. Старик застыл, словно на страже тишины.

Хусен не смог пройти мимо. Он пожелал хозяину дома доброго утра и остановился. Ответив на приветствие, Довт пристально всмотрелся в Хусена.

— Неужто сын Беки? Да сохранит тебя бог!

— Он самый, — тихо сказал Хусен и опасливо огляделся по сторонам.

Старик понял, в чем дело, и, тоже понизив голос, сказал:

— Помоги тебе бог, сынок. Куда путь держишь?

— В Ачалуки.

— Поздно вышел, — покачал головой старик. — Уже светает. Люди увидят.

Едва он проговорил последнее слово, в конце улицы показался человек.

— Вон, видишь, — сказал Довт, выставив вперед свою жиденькую белую бороденку, — один уже идет. Пока не поздно заходи в дом. Кажется, это рыжая собака Товмарза.

Хусену ничего не оставалось, как принять приглашение старика.

— Здесь у меня много места, — сказал Довт. — Живи сколько хочешь, никто тебя не хватится. Ни одного

гяура к дому не подпущу, пока в этом патронташе есть хоть один патрон! — добавил он воинственно, показывая на стену, где висели ружье и патронташ.

В комнате было душно, накурено. Хусену в первый миг показалось, что он и минуты не высидит здесь. Но через некоторое время он уже не замечал табачного дыма.

Довт, как умел, развлекал своего нежданного гостя: играл на дахчан-пандаре [1], рассказывал разные истории из своей жизни. С особым интересом Хусен слушал о том, что старик пережил в Турции. Довт, как бы и сам этому удивляясь, не переставал повторять, что все было давным-давно, когда отцу Хусена Беки не исполнилось еще и пяти лет, а он, Довт, уже был взрослым мужчиной.

К вечеру Хусен подумал совсем остаться у Довта. Надо было только сообщить об этом Кайпе.

Наконец село затихло. Хусен вышел, огляделся и направился к дому.

Вернулся он скоро. Принес с собой свежеиспеченный чурек.

— А это зачем? — покачал головой Довт. — Не нравится моя выпечка?

Первые дни за рассказами Довта и за его игрой прошли даже весело. Но потом все стало как в Ачалуках. Хусен не находил себе места от безделья и от тоски по Эсет. Слушая звуки дахчан-пандара, он часто думал: «Сколько бы мелодий выучила Эсет, доведись ей побывать у Довта».

Как-то Довт собрался на охоту. Оставшись в одиночестве, Хусен подошел к окну. На улице было светло, просторно, на ярком солнце сверкал и искрился выпавший ночью снег. Хусен невольно позавидовал пробежавшим по улице мальчишкам. Даже воробью, что сидел, нахохлившись, на ветке, и тому было лучше, чем Хусену: в любую минуту мог вспорхнуть и улететь куда угодно...

Довт вернулся к вечеру с двумя зайцами в суме. Одного тут же освежевал и сунул в чугунок, другого подвесил в сенцах на холоде.

— Последи за огнем, сынок, — сказал старик, — заяц молодой, быстро сварится. А я прилягу. Стар стал.

[1] Дахчан-пандар — национальный струнный музыкальный инструмент.

Прежде в любую погоду мог целыми днями по лесу бродить. Теперь не то, ноги говорят: «Дай нам отдохнуть, устали мы».

Довт не поднялся и когда сварился заяц. И это уже не от усталости.

— Хусен, в сенцах в правом углу черемша у меня закопана. Потолки для приправы к зайцу. Я бы и галушки сделал, да вот что-то и встать не могу... Ты поешь, не смотри на меня.

На второй день, уже к вечеру, старик сказал:

— Отжил, видно, свое. Долго смерть меня стороной обходила. Надоело ей кружить...

— Может, мне пойти к нани, пусть она родственников твоих позовет? — предложил Хусен.

Довт отрицательно покачал головой.

— Я сам тебе скажу, когда придет время читать яси [1].

Не пришлось читать яси. Через неделю Довт встал с постели.

— Ошибся я, как видишь. Не пришло еще мое время умирать! — с улыбкой сказал старик. — Это она предупредить решила, чтобы ждал. Боится, забуду о ней... А силы-то все-таки ушли. Раньше и понятия не имел о простуде, теперь вон как скрутила, думал, не поднимусь. Тебе, Хусен, спасибо, да пошлет тебе бог много лет жизни. Выходил меня.

Это была правда. Всю неделю Хусен не отходил от Довта. А Кайпа каждую ночь приносила еду.

Но теперь все было позади.

В этот вечер Хусен впервые за неделю собрался домой. Там его ждала приятная встреча: у них сидел Исмаал. Они не виделись с тех самых пор, как Хусен ушел с обозом.

— Да сохранит тебя бог! — радостно сказал Исмаал, поднимаясь навстречу Хусену. — Смотри, как вытянулся! Отчего не зайдешь никогда?

Хусен посмотрел на мать. Кайпа стала жаловаться Исмаалу:

— Да я боюсь отпускать его. Если бы он слушался меня, вообще сидел бы все время в Ачалуках. Пока власти совсем не забудут о нем...

[1] Яси — отходная мусульманская молитва.

— Думаю, они уже забыли, — сказал Исмаал. — Сейчас такое повсюду творится! Не он один сбежал из царской армии. У моздокской полиции дел хватает, не до Хусена ей. И казаки тоже не все уже молятся на царя...

Кайпа и Хусен убедились в правоте Исмаала. К ним и правда больше никто не приходил с обыском.

5

В Сагопши пришла весть о том, что в Питере наконец свергли царя. Люди встретили это известие по-разному. Одни бурно радовались, другие в страхе как бы затаились, а третьи откровенно негодовали. Но таких было совсем мало — несколько местных богатеев, и только.

Хусен радовался больше всех — теперь можно никого не бояться. Но не тут-то было. Кайпа никак не могла расстаться со своими страхами и все просила сына остерегаться.

— И чего ты боишься? — сердился Хусен. — Царя-то ведь скинули!..

— Другой, наверно, встал на его место, — разводила руками Кайпа. — Война, видишь, не кончилась. Землю народу обещали, так тоже не дают. Как платили, так и платим за нее.

Хусен молчал. Возражать было нечего, мать права.

Когда пришла пора пахать, Кайпа не хотела отпускать Хусена в поле. Но Исмаал убедил ее, что бояться теперь нечего. И все же, пока сын не вернулся домой, мать совсем извелась в тревоге.

А в селе между тем стали поговаривать: какая, мол, народу разница, кто сидит на троне — Николай или какой-то там Керенский. Жизнь легче не стала. Землей, как и прежде, владеют Угром да Мазай, а люди все так же платят им. И войне конца не видать...

В село приходили все новые вести: в Петрограде восстали рабочие, они требуют прекращения войны и передачи всей власти народу. Говорили о том, что вот-вот, мол, станут давать землю крестьянам.

А Кайпа мечтала лишь об одном:

— Бог с ней, с землей! Пусть богатеи ее себе на спины взвалят. Мне бы дожить, чтобы война проклятая кончилась и Хасан мой вернулся.

Многое передумал Хусен. Кукуруза уродилась плохая. Разговоров о земле хоть отбавляй — денежки хозяину все равно готовь. Только где их взять? И о Хасане ни слуху ни духу... Эсет тоже с начала лета нет в селе. Кабират отправила дочку к своим родственникам в дальнее село Сурхохи.

Вернулась Эсет только перед самой уборкой кукурузы. В тот же вечер она пришла к плетню. Хусен был уже там. Лицо его сияло: «Значит, тоже соскучилась!»

— Удивляюсь, как это ты надумала приехать!

— Потому и приехала, чтобы тебя увидеть! — сверкнула смеющимся взглядом Эсет.

— А зачем ты ездила туда?

— Молодых людей посмотреть и себя показать, — не унималась Эсет. Но потом, вдруг испугавшись, наверное, как бы Хусен не обиделся, сказала уже совсем другим тоном: — Думаешь, по своей воле поехала? Не надо на меня сердиться, Хусен...

— Эсет, что ты там делаешь у плетня? — раздался вдруг из-за сарая голос Тархана.

Глаза девушки испуганно расширились. А Хусен тотчас скрылся в высоком бурьяне.

Все окончилось благополучно. Хусена Тархан не заметил. С тех пор Эсет больше не приходила к плетню. И Хусен стал осторожнее. Понимал: детство кончилось, а вместе с ним и прежняя свобода отношений с Эсет.

Встретились они только через неделю.

Был уже поздний час. Хусен стоял у ворот. Село отдыхало после трудового дня. В тишине особенно отчетливо слышался голос муллы, возвещающего с минарета о времени вечернего намаза.

По улице изредка проезжали груженные кукурузой арбы.

Хусен и Кайпа уже привезли свою кукурузу. Всего две арбы. А сколько труда в нее вложено?!

Всем, кто сеял в этот год в Витэ-балке, не повезло. Урожай там был плохой. А с земель Мазая и Мочко и по сию пору возят.

Хусен с завистью посмотрел вслед проехавшей мимо груженой арбе и вдруг увидел вернувшуюся Эсет. Она с кувшином шла в его сторону. Шла этой дорогой явно потому, что заметила Хусена, — ведь за водой можно пройти совсем другой стороной, и куда короче.

— Добрый вечер, — с улыбкой сказала она, поравнявшись с Хусеном.

— Вечер добрый, — в тон ей ответил он.

И оба, смутившись, примолкли.

— Что ты тут стоишь? — первой нарушила молчание Эсет. — Не девушек ли караулишь, идущих за водой?

— Вот уж нет! Просто скучно, вышел.

— Ну а если скучно, приходи попозже к плетню, — шепнула Эсет и пошла дальше.

Хусен проводил ее долгим ласковым взглядом.

Скоро Эсет вернулась. Хусен стоял все там же.

— Придешь? — спросила она.

— Обязательно приду, Эсет, — сказал Хусен. Потом подошел к ней совсем близко и спросил: — А ты, хочешь быть со мной?

— Да, но это невозможно сейчас, — сказала нерешительно Эсет.

— Все возможно!

— Но как?

— Э, да ты все равно не решишься прийти! — махнул он рукой.

— Куда?

— К нам, в огород. Там никто нас не увидит.

Эсет опустила голову и не ответила.

— Ну, я же знал, что побоишься! А может, просто не хочешь? Ты так долго была в Сурхохах.

Эсет укоризненно посмотрела на Хусена. Глаза ее наполнились слезами.

— Ты молчишь, — значит, я прав?

Эсет покачала головой.

— Тогда придешь? Расчистить проход в плетне?

Девушка помедлила с ответом. Пристально посмотрела в глаза Хусену и кивнула.

— Эсет, что ты там застряла? — крикнула от своих ворот Кабират. — К нам же гости пришли.

...Ночь была темная. Хусен расчищал дыру в плетне. Слышались звуки гармошки. В такт музыке хлопали в ладоши. Хусен от злости скрежетал зубами — каково ему знать, что в доме Соси какие-то гости и Эсет им играет.

Но вот все затихло. А еще через некоторое время Хусен услышал шорох сухого бурьяна. Он мог, не прикла-

дывая руки к груди, отсчитывать удары своего сердца. Такого с ним еще не бывало

Хусен протянул руки. Эсет словно только того и ждала.

— Возьми, — сказала она шепотом, — это платок, я для тебя его вышила.

Хусен притянул ее к себе.

— Ты так долго не приходила! — вздохнул он наконец.

— Знаешь ведь, были гости, они только ушли.

Эсет говорила шепотом, и шепот этот вызывал дрожь у Хусена. Он не мог слова выговорить. Только все ближе прижимал к себе Эсет. Она не сопротивлялась. Что-то еще говорила. О гостях, о том, что не могла дождаться, пока они уйдут. Но Хусен ничего не слышал.

Голова Эсет склонилась к нему на плечо. Волосы выбились и нежно щекотали щеку Хусена.

...А звезды были такие большие и яркие.

6

В доме Соси все чаще и чаще появлялись гости. И все труднее становилось Кабират заставить Эсет выйти к ним, блеснуть умением сыграть на гармошке.

Какая мать не мечтает, чтобы получше устроилась судьба ее дочери. Только не знала Кабират, что сердце ее дочери уже отдано Хусену.

Каждый раз Эсет уговаривали выйти к гостям, и часто эти уговоры оказывались тщетными и кончались ссорами. Тогда Соси в сердцах кричал:

— Отдам за того, кто первым посватается, и делу конец!

Эсет в таких случаях молча опускала голову, а сама думала: «Если бы этим первым оказался Хусен!» Но она понимала, что это только мечта. Мог ли почти нищий Хусен отважиться посватать Эсет? Уже он-то знал, какого зятя ждут Кабират и Соси.

Хусен даже с Эсет не заговаривал об этом. А она ждала. Очень ждала. Но и сама молчала. Не начинать же ей первой.

Время шло. Эсет теперь все больше молчала, с грустью вздыхала. На вопрос Хусена, что с ней и о чем грус-

тит, она не давала прямого ответа. Но однажды не сдержалась. Они сидели у Хусена.

Уж как это получилось, трудно сказать, но Эсет будто прорвало, и она высказала свое горе.

— Ну что же? — сокрушенно сказал Хусен. — Мне ведь тоже не легче. Такая жизнь, такое сейчас время!

— Жизнь, время! При чем тут время?

— Ну разве не время ставит преграду между мной и твоим отцом? Он ведь считает себя рядом со мной чуть ли не князем. И ты это знаешь. Только подумай, Эсет, что ответит Соси, если я осмелюсь послать к нему сватов!

Эсет молчала. Глаза ее были полны слез.

— А если даже он согласится отдать тебя мне. Представляешь, какое приданое потребует? Ну, и кроме приданого... Сама знаешь наши обычаи.

Эсет вскинула на него влажные ресницы.

— Ну как же мне быть? — растерянно спросила она. — Ты понимаешь, что будет со мной, если узнают? Понимаешь мое горе? Боже мой, что я наделала! Никакая другая девушка не решилась бы на такое!..

— Я все понимаю, Эсет! — Хусен прижал ее к себе. — Подожди!

— Я-то ждала бы. Вот только те, кто в гости ездят, не собираются ждать. Один уже два раза приезжал из Сурхохи. Присматривается ко мне.

Хусен заскрипел зубами.

— Я умру, Эсет, прежде чем отдам тебя кому-нибудь!

— Дади не спросит, выдаст, и все.

— Пусть десять раз выдаст, а я не отдам!

Кто-то пробежал под окном. Эсет отпрянула от Хусена. Она стояла, не зная, что ей делать.

Вбежала Кайпа.

— Ты что сидишь дома, когда все село собирается у мечети? — крикнула она.

— Зачем собирается? — поинтересовался Хусен.

— Откуда мне знать! Люди бегут, будто Цаген [1] обманул их, сказав, что у мечети раздают орехи... Все чего-то ждут. Надеются на хорошее. Только едва ли...

---

[1] Цаген — фольклорный персонаж, ингушский молла Насреддин.

Хусен уже не слушал мать. Он понимал, что не зря созывают. Обычно сход собирают днем. И уж если решились вечером потревожить людей, — значит, дело срочное. Подгоняемый этими мыслями, Хусен как ошпаренный выскочил вон.

Кайпа задумчиво смотрела ему вслед. И если бы она не заметила, как Эсет открывает дверь, вовсе не вспомнила бы о ней.

— Ты куда, Эсет? Посиди со мной.

— Мне пора. — Эсет поспешила домой.

А Кайпа вдруг перестала думать о сходе, и о мечети, и о разговоре, который там поведут. Ее словно осенило: «Чего же Эсет так долго сидела? Один на один с Хусеном. Они ведь уже взрослые... И Эсет такая грустная. Что с ними происходит? Любят друг друга?»

Последняя мысль испугала бедную женщину. Не потому, что она этого не желала. Кайпа любила Эсет, но она знала, что Соси никогда не отдаст ее за Хусена. О невозможном и мечтать нечего. «Неужели Хусен не понимает этого? — с грустью подумала она. — И Эсет? Ведь умница же!»

Ох, если бы Кайпа слышала, как в эту минуту Кабират поносила свою дочь. Она бы жизнь отдала, чтобы сын не думал об Эсет, не искал с ней встреч.

— Что ты делала там столько времени? — закричала Кабират, уперев руки в бока. — Развлекалась с вшивым сыном Кайпы? А что люди об этом скажут, ты не подумала? Так будешь себя вести, ни один жених к тебе не заявится!

— Век бы их не видать! — в сердцах ответила Эсет. — Очень-то они мне нужны! Пусть никто не заходит.

Соси торопливо закрывал лавку, спешил к мечети.

— Долго ходить не будут, — веско сказал он. — Скоро выдадим тебя, тем все и кончится.

Не проронив больше ни слова, отец вышел за ворота, а последовавший за ним Тархан бросил по пути:

— Гусиные твои глаза. Голову бы тебе надо оторвать.

Эсет уткнулась в груду сложенных подушек и горько зарыдала.

...Кайпа тоже чуть не плакала. Она сидела и гладила шелковистые волосы Султана. Снова и снова не давали покоя мысли о сыновьях.

Жизнь идет. А думы все те же. Уже и поседела раньше времени. Мудрено ли при таких горестях да непосильном труде?

Хусен ушел к мечети. Он ждет добрых вестей. А она по-прежнему боится только одного: не лишили бы ее и этого сына.

— Нани! Что ты сидишь в темноте? Зажги лампу! — крикнул, вбегая, Хусен.

И не успела она ответить, сын сообщил:

— Власть перешла к беднякам!

У Кайпы даже выражение лица не переменилось.

— Как это власть может перейти к беднякам? Ты просто не понимаешь, что говоришь!

— Все понимаю, нани! — Хусен улыбнулся. — Своими ушами все слышал. Русский приехал из Владикавказа! Дауд тоже с ним был! И еще один...

— Ты что-то не так понял. Как могут бедняки держать власть в своих руках?

— Они не одни. С ними Ленин! Это самый главный болшек! Слышишь? Сказали, что земли помещиков раздадут бедным! И войне конец! — крикнул Хусен и устремился к двери.

— Ты куда?

Он не ответил. Кайпа вышла вслед за сыном. Хусен торопливо разгружал арбу с дровами.

— Куда ты среди ночи?

— В поместье, к Угрому.

— Это еще зачем?

— Нам тоже причитается доля.

— Какая доля?

— Такая... как всем.

Хусен, не оборачиваясь к матери, продолжал торопливо сбрасывать дрова.

— А ну, распрягай! — крикнула Кайпа.— Не успел из одного омута выбраться, в другой собираешься кинуться?

— Ни в какой омут я не кидаюсь, — сказал Хусен, бережно отстраняя мать, которая попыталась сама распрячь коня. — Нечего тебе за меня бояться, нани. Я не на грабеж собираюсь. Мы все столько лет ждали этого дня...

— Надо еще подождать, посмотреть, что люди станут делать.

— Тогда уже поздно будет.
— Ну и хорошо А сейчас не поедешь — и все тут.
— Нет, поеду, — сказал Хусен, беря лошадь под уздцы.
Кайпа вцепилась с другой стороны. Хусен хлестнул коня. Тогда Кайпа опередила арбу и легла перед воротами, преградив путь.
— Только через меня ты уедешь со двора!
Хусен остановился. Он просил, умолял:
— Нани, ну, пожалуйста, пусти меня. Встань.
— Ни за что!
— Ну и лежи.
Спрыгнув с арбы, Хусен выбежал за ворота.

7

Были те дни, когда старый месяц уже ушел, а новый еще не показывался. А потому хоть небо и ясное, ночь была темная. Но вокруг все гудело. За селом громыхали арбы, покрикивали возницы на лошадей. Пешему на дороге и ступить было негде, держись только обочины. Весь путь до угромовского поместья забили арбы.
Впереди послышался неистовый лай. Раздались выстрелы. Собаки завизжали.
Хусен протиснулся вперед. Послышались окрики:
— Назад! Вы отсюда ничего не увезете!
— Увезем! Хоть на четвереньках стой. Все, что надо, заберем!
— Чего так стараешься? Не наследство же твое отбираем?
— Я в ответе за все это добро!
Хусен узнал голос Зарахмета.
— Перед кем отвечать собираешься?
— Перед хозяином. А кто хозяин, вы не хуже меня знаете!
— Прошло время твоего хозяина! Мы сами ответим перед ним. Ты лучше уйди по-хорошему, пока добром просим!
Арбы двинулись вперед. Боясь, как бы его не растоптали, Зарахмет отскочил.
— Так вам это не пройдет, — кричал он проезжающим мимо. — Вдвойне заплатите за все. Думаете, Угром не вернется? Обязательно вернется. И падишах тоже ся-

дет на свое место. Вот тогда и поглядим, что с вами будет. С вами и с этими, как их, болшеками, которые вас науськали...

— Ты не горюй, Зарахмет, — услышал вдруг Хусен голос Исмаала.

— А я и не горюю.

— Если Угром и не вернется, — продолжал Исмаал, — я тебе дело найду. Теперь у меня будет хозяйство, поставлю тебя приказчиком.

Все засмеялись.

Впереди зашумели. Хусен побежал туда. Шла перепалка со сторожами.

Едва Угрюмов со своей семьей и прислугой сбежал, Зарахмет и трое сторожей-сагопшинцев решили, что, если случится какая заваруха, тут-то все помещичье добро им и достанется. Потому они теперь и лютовали. И больше других Товмарза, только недавно нанявшийся в сторожа-охранники к Угрюмову. Он первый закричал:

— Куда вы? А ну, назад!

— И ты туда же?

— Смотрите, к кому перешло хозяйство Угрюмова!

— Собаки тоже сторожили. Видел, что с ними сделали?

— Люди, — крикнул кто-то из толпы, — что вы с ним разговариваете?

Толпа подалась вперед. Один сторож махнул рукой и отошел в сторону. Другой вместе с Товмарзой попятился назад, щелкнули затворы.

— Оружием не балуйтесь! Вам же будет хуже. У нас тоже есть оружие. Мы односельчане, нечего нам с вами ссориться...

Но выстрел раздался.

— Кто стрелял?

— Кто? Товмарза?!

— В кого попал?

— Ах ты, рыжий кот, куда теперь-то денешься!

— Бей его, ослиного брата!

Толпа хлынула вперед. У обоих сторожей вырвали винтовки. А когда стали бить Товмарзу, Хусен тоже дал ему свою долю тумаков за все обиды прежних лет.

— Бейте, бейте, — исступленно кричал Товмарза, — за все заплатите, никуда не денетесь!

Но никто не заступался за Товмарзу, даже люди из его тайпа.

Наконец народ заполнил помещичий двор. Все бросились к амбарам. Хусен увидел Соси с Тарханом и приостановился от удивления: «И эти здесь? Им-то чего не хватает?» Соси наполнял мешки, а Тархан таскал их на арбу.

— И ты тут, Соси? — услышал вдруг Хусен голос Гойберда.

— Может, я, а может, и мой отец. Это не твое дело.

— Что я слышу? И Соси тут! — вступил в разговор Исмаал.

— А почему бы и нет? Чем же я хуже других?

— Да ведь пока ты сидишь здесь в абмаре, у тебя у самого все растащат! Думаешь, только Угрома сегодня разоряют? Всем богачам каюк!

— Ты свое береги, за мое добро не болей! — огрызнулся Соси.

— Ну, помни, не говори, что я тебя не предупреждал.

Однако Соси хоть и огрызался, а после этого разговора недолго пробыл в амбаре — укатил домой. Испугался. Но люди меньше всего думали о нем.

Саад — вот кто не давал им покоя. Несколько человек даже прямиком после схода пошли к его двору. Но и Саад не дремал. Отара его, подгоняемая им самим и его сыном, к тому времени уже успела перевалить хребет и приближалась к Ачалукам.

Исмаал с Хусеном наполнили арбу, а потом еще заложили ее сзади и спереди двумя полными мешками.

— Ну, Хусен, больше нам здесь делать нечего. Поехали. Теперь сможешь наконец вволю наесться вкусных чапилгов, — сказал Исмаал.

С дороги сошли два человека с мешками на спинах.

— Гойберд, это никак ты? — узнал его Исмаал.

— Я, — ответил идущий впереди.

— Клади свой мешок на арбу.

— Спасибо. Не надо. Как-нибудь доберемся.

— Что значит не надо? Клади.

Гойберд и Мажи положили свою кладь и с удовольствием распрямили спины.

Немного помолчав, Исмаал сказал:

— А помнишь наш давний спор с Товмарзой? Вот оно — настало время, которого мы так долго ждали.

— Отчего же не помнить? Клянусь богом, помню.

— А он, мерзавец, вздумал сопротивляться. Против целого села встал. Ну, ничего, хорошо ему дали, запомнит надолго.

— Клянусь богом, запомнит, — согласно кивнул Гойберд.

— Они, сторожа-то, рассчитывали, что все добро им одним достанется.

— Каковы, а! Неужели так думали?

— Конечно. Угром-то сбежал.

— Жаль, упустили змею. Он и лошадей, говорят, с собой увел.

— Ничего, зато земля нам осталась. Уж теперь-то мы на ней задаром пахать будем.

...От радости Кайпе не сиделось на месте. Она то и дело подходила к углу, где была ссыпана пшеница, и долго смотрела на нее.

— Неужели все это останется у нас?

— Почему же не останется?

— А вдруг Угром вернется...

— Да пусть хоть сейчас возвращается! Только едва ли он рискнет.

...Помещичье добро тем временем растащили. Остались только дом, сараи да амбары. Народ думал, что с ними делать.

— Надо поджечь, — предложил кто-то.

— А пепел по ветру развеять, чтоб духу не осталось, — добавил другой.

Поднялся спор.

— А мне не жалко!— крикнул хромой Эса.— Клянусь могилой отца, у меня нутро переворачивается, когда смотрю на все это! Чего их жалеть?

— Правильно говорит Эса. Сжечь — и делу конец! Тогда уж Угром точно не вернется.

— Верно, нечего тянуть. Какая же это революция, если помещичья усадьба останется стоять, как стояла, и будет вечно напоминать нам горькие дни?!

— Стереть с лица земли! Мы сами строили все это. За гривенник да за миску похлебки с зори до зори спины гнули. Сами и сломаем!

— Правильно! Громи!

Подоспевший Исмаал уговаривал не трогать постройки: мол, самим пригодятся. Но его не послушали.

— Нам понадобится — лучше этого построим, к тому же у себя в селе. Давай, разбирай!

И пошла работа. Всю ночь арбы возили в село бревна, балки, черепицу, железо.

На второй день делили овец. Но тут все делалось порядком, не как с пшеницей. Несколько человек, из тех, кто постарше, взялись за дело: раздавали овец — и бедным побольше. И если к пшенице подобрались богачи, то к овцам их не подпустили.

8

Двенадцать овец теперь у Хусена. Он уже стал подумывать о том, чтобы породниться с Соси. Есть и лошадь, и пшеница. Ничего не пожалел бы Хусен, лишь бы Эсет вошла в его дом.

С полудня крутился парень у плетня, все надеялся увидеть Эсет, но тщетно. Для виду разок-другой громко прикрикнул на овец, чтобы Эсет услыхала.

Наконец она подошла.

Глаза девушки наполнились слезами, когда Хусен рассказал ей, что решил посвататься.

— Ничего из этого не выйдет, — с грустью сказала она.

— Почему? — руки Хусена сами собой сжались в кулаки.

— Не отдадут за тебя.

Хусен увидел, как с ресниц Эсет сорвались крупные слезинки. Если бы не эти слезы, он уже упрекнул бы ее: «Отдали бы, если бы ты сама захотела!» А как ей еще захотеть? Она ли не мечтала об этом день и ночь? Да и нельзя ведь ей за другого выходить.

— Не плачь, Эсет! — сказал Хусен.

— Ты не знаешь, как мне тяжело. Нани только и думает о Мурзабеке, о том, что из Сурхохи приезжал. Без конца о нем говорит.

— А отец что? — спросил Хусен, едва сдерживая злобу.

— Если нани надумает, он не станет возражать. Я слыхала, как он вчера сказал: «Нельзя же нам самим навязываться». — Сдерживая рыдания, она утирала слезы концом платка.

— Только умереть остается!

— Умереть?!

— А что же делать?

У Хусена промелькнуло: «Может, украсть Эсет? Не я первый, не я последний...»

— Ты согласишься сделать то, что я скажу?..

— Я согласна! Говори!..

И тут раздался голос Кабират:

— Дочка, а ну, иди сюда!

Эсет вздрогнула.

— Иду! — крикнула она в ответ.

И пошла. Только не прямо к дому, а вдоль плетня, чтобы дать высохнуть глазам.

Хусен задумался. Что делать? Похитить Эсет? Но куда он поведет ее, к кому? И что будет потом?..

К вечеру пришел человек и сказал, что Довт зовет Хусена.

Старик лежал в постели. Хусен пожелал ему здоровья.

— Живи и ты долго, — ответил Довт, — в два раза дольше моего. Подойди ко мне поближе. Что ты там стоишь?

Хусен подошел и тихо спросил:

— Что у тебя болит?

— Э, что бы ни болело, это не беда. Тело ведь — только оболочка. В человеке главное — душа. А мою душу уже в небо зовут. — Довт через силу улыбнулся. — Помнишь? Когда еще я говорил тебе, что настал мой час. Да вот ведь сколько прожил.

Хусен не знал, что сказать Довту, как его утешить.

— А ну, сними-ка ружье, — старик глазами показал на стену. — И патронташ тоже.

Хусен снял.

— Возьми это себе. Мне они больше не нужны. А тебе понадобятся. Все еще только начинается. Царя-то скинули, а корни его глубоко проросли, корчевать надо. Так что оружие пригодится. — Уставшие глядеть на свет глаза старика закрылись.

Но через минуту-другую он снова открыл их и сказал:

— А теперь сходи за муллой. Пусть придет, прочитает яси.

Вечером Довта не стало.

9

Хусен скоро убедился в правоте слов Довта.

Прошло всего два дня, и в Сагопши заговорили о беспорядках. Слухи были разные. Одни утверждали, что началась настоящая война между ингушами из Плиева и Яндырки и сунженскими казаками. Другие рассказывали о боях во Владикавказе.

Корни, о которых говорил Довт, давали побеги то там, то тут.

Неспокойно было и в селах Алханчуртской долины. Люди, понимая, что рано или поздно им тоже придется постоять за себя, запасались оружием.

...Эсет не знала, что ей придумать, если придут сваты из Сурхохи. Несколько дней назад Хусен сказал: «Ты согласишься сделать то, что я скажу?..» Хусен не договорил тогда. И она ждала. Эсет не надо спрашивать, согласна она или нет. Как скажет Хусен, так и будет. Но когда они теперь снова увидятся?..

Эсет решительно пошла к плетню.

Хусен посреди двора чистил лошадь. Крикнуть она не осмелилась.

Хусен не сразу заметил ее. Но вот он повернулся и, бросив работу, подошел.

— Я устала стоять здесь, а ты все не смотришь, — обиженно сказала Эсет. — Мне кажется, ты уже и не хочешь смотреть в эту сторону.

— Если бы после каждого моего взгляда на этот плетень из него выпадало по прутику, давно уже не было бы этой ограды.

— Кстати, ты бы мог и перелезть через него, не так он высок.

— Мог бы. Если бы в вашем доме никого не было, кроме тебя, я бы перепрыгнул через него, будь он хоть до самых туч высотой.

— Ну, так в чем же дело? Я ведь одна дома!

Хусен сначала подумал, что Эсет шутит, но девушка была серьезна.

— А где же ваши?

— Дади с Тарханом уехали во Владикавказ, а нани в Кескеме. Ты иди в дом, я сейчас, только ворота запру, — добавила она, когда Хусен перелез через плетень.

— Ну вот и заперла, — сказала Эсет, входя. — Если кто и постучит, ты успеешь уйти, пока я открою. Правда ведь? — Эсет будто успокаивала и себя и его.

Но Хусен уже не волновался. Рядом с Эсет ему не до страхов.

— О дяла, — вздохнула Эсет, — неужели мы с тобой не доживем до такого часа, когда сядем вот так вместе, под одной крышей, и некого нам будет бояться?!

— Обязательно доживем, Эсет!..

...Уже смеркалось. Хусену пора было уходить. Неожиданно Эсет заплакала.

— Ну что ты! Что с тобой? — растерянно спрашивал Хусен, пытаясь отнять ее ладони от лица.

— А разве этого мало? Что еще может быть со мной? Никакая девушка не позволяет себе такого! Вдруг узнают?

— Эсет! Я увезу тебя! — решительно сказал Хусен.— Мы ведь любим друг друга! Зачем ты плачешь? Жалеешь о случившемся?

Эсет покачала головой.

— Не плачь! Мы обязательно будем вместе. Я очень скоро увезу тебя, никому не отдам!

— А почему не сейчас? Чего ты медлишь?

— Подожди еще чуть-чуть. — Хусен прижал ее голову к груди. — Сейчас везде война. Ну куда мы поедем с тобой в такое время? Вот все успокоится, тогда обязательно увезу тебя.

10

Но долгожданное спокойствие не наступало. Может, потому и жених из Сурхохи не показывался.

— Им сейчас не до тебя, — говорил Хусен при встречах с Эсет.

Дни летели. Сваты не приезжали. Опасность отдалялась. К тому же Эсет теперь ничего не боялась.

А в село приходили все новые и новые вести, одна другой хуже: грозненские большевики разгромлены, во Владикавказе поголовные аресты. Казаки схватываются с ингушами. Говорят, готовят поход и на Алханчуртскую долину.

В это самое время объявили, что созывается сход. Люди собирались дружно. Перед сагопшинцами высту-

пил Торко-Хаджи, избранный в Ингушский национальный Совет.

—...Люди... — сказал Торко-Хаджи, обращаясь к народу.

Наступила тишина.

Старик положил руку на плечо стоявшего рядом человека.

— Это наш сосед, он из кумыкского селения Гушко-Юрт. На них напали казаки. Он приехал просить нашей помощи.

— Говори, что ему надо, поможем!

— Поможем!

Чувствуя решимость и поддержку народа, Торко-Хаджи продолжал:

— У них село горит! Надо спешить! Сегодня мы поможем им, а завтра они придут нам на помощь. Слыхали, что казаки собираются в Алханчуртскую долину?

— Слыхали!

— Кто согласен идти в Гушко-Юрт, отходи в сторону!

Хусен не знал, что делать. Он готов драться с врагом. Есть ружье, и лошадь есть, хоть и неважная. Но Хусен думал об Эсет.

Пока он, опустив голову, размышлял, большинство людей отошло в сторону. Внезапно очнувшись, Хусен увидел, что остался один в окружении сельских богатеев. Хусену стало не по себе, и он тоже отошел в сторону.

— Как видишь, все бедняки готовы прийти к вам на помощь, — сказал Торко-Хаджи, обращаясь к кумыку, и, повернувшись к народу, добавил: — Спасибо, люди!

Выезжать надо было тотчас. Люди разошлись по домам за оружием и конями. В Гушко-Юрт отправлялось более ста человек. Не то что три года назад, когда на войну за царя и два десятка с трудом собрали.

Хусен прибежал домой. Ему во что бы то ни стало надо было увидеться с Эсет. Когда Хусен рассказал ей все и объяснил, что не может не ехать, не может поступить иначе, Эсет горько усмехнулась:

— Теперь уже все равно. Вчера были сваты, и дади велел им прийти еще раз. Значит, решил дать согласие.

— Что? — вырвалось у Хусена. — Я не отдам тебя! Пока жив, ни за что не отдам! Я скоро вернусь. Будь готова!

Эсет, словно прощаясь, пристально посмотрела на Хусена. Слезы стояли у нее в глазах. Закрыв лицо руками, она побежала к сараю.

Услышав об отъезде сына, Кайпа зашумела:

— Не пущу! Опасно там!

Но Хусен не уступал.

Потом, узнав, что Исмаал тоже едет, и поверив, что там уже тихо, Кайпа немного успокоилась, но все-таки сказала:

— Будь осторожен. Держись поближе к Исмаалу.

Когда Хусен сел на коня, мать не сдержалась, заплакала. А он смотрел во двор Соси. Ему казалось, что Эсет и сейчас стоит у плетня и слезы заливают ей лицо. Но делать было нечего. Поступить иначе он не мог.

Книга вторая

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Хусен ехал быстро. Временами он пускал коня рысью.

Вокруг стояла тишина. Степь словно дремала. Зелень травы еще не пробилась сквозь толщу земли, но в природе все было полно ожидания — весна не за горами.

Уже целый месяц многие сагопшинцы днем и ночью несли караульную службу на берегу Терека. Они прибыли тотчас, как получили сообщение, что казаки обстреливают Гушко-Юрт. По дороге сюда еще до перевала навстречу им стали попадаться беженцы-кумыки — кто пеший, кто на арбе. Плакали напуганные ребятишки и женщины. Старики, указывая на Терек, что-то возбужденно говорили на своем языке.

В Гушко-Юрте горело несколько домов, лаяли собаки, истошно ревели коровы; в дыму мелькали казаки. Здесь произошло столкновение между ними и горцами. Первое столкновение на Тереке.

Месяц назад это было. С тех пор и стояли ингуши караулом, охраняли Гушко-Юрт и все пространство между хребтом и рекой.

Тревожно было на Тереке. То там, то тут возникала перестрелка. В одной из стычек погиб парень-сагопшинец, под Исмаалом коня убили, только он в тот же день заимел другого, того самого, на котором и скакал сейчас Хусен.

Хорош конь. Исмаал только потому и дал его Хусену, что понимал, нельзя парню не съездить в Сагопши.

Хусен недолго задержится. Надо

обернуться в одну ночь: поговорить с Эсет, успокоить ее да узнать, нет ли вестей от Хасана.

Эсет!.. Перед Хусеном стояли ее полные слез синие глаза. Что, если Соси выдал ее замуж? От этой мысли Хусен даже содрогнулся, колени его сильнее сдавливали бока скакуна.

В Алханчуртской долине лежит туман. Словно бы вынырнув из пены, показалось Сагопши. Над ним засветилось солнце, остановилось, как столбами подпертое. Стадо, возвращавшееся в село, приостановилось и стало усердно щипать пожухлую траву.

Уже около села внезапный окрик остановил Хусена.

— Э-эй, молодой человек, подъезжай-ка сюда, дело к тебе есть! — позвали с арбы.

Хусен приблизился.

— Как проехать к Соси? — спросил человек.

— К какому Соси?

— У него своя лавка, — подсказал тот, что правил лошадью.

— И дочь, Эсет...

Хусен молчал и, не мигая, смотрел на баранов в арбе.

— Чего молчишь? Скажи, правильно путь держим или нет?

— Правильно! — кивнул головой Хусен и стегнул коня.

Нетрудно было догадаться, зачем эти люди едут к Соси. Но почему они везут двух баранов? Ведь когда сватают, обычно привозят одного барана?.. Может, сразу хотят и увезти невесту?..

Подгоняемый недобрыми раздумьями, Хусен летел, ничего не видя вокруг. Вскоре он уже был у своего дома. Все его внимание было приковано ко двору Соси. Он даже не заметил подошедшего к нему Султана, пока тот не обнял его сзади.

— Хусен, ва Хусен, ты совсем приехал, а? — сказал он.

Но Хусен, словно ничего не слыша, стоял, обхватив голову коня. В это время знакомая арба подъехала к дому Соси.

— Ты совсем? Ты больше никуда не уедешь? — все повторял Султан, поглаживая винтовку, висевшую через плечо у брата.

— Нет, Султан, не совсем я вернулся, — сказал наконец Хусен, положив руку на плечо мальчика, — опять поеду.

Мальчишка опустил голову.

— А я?

— А ты останешься дома.

— Один, что ли?

Хусен, словно только пробудившись ото сна, посмотрел на брата.

— А где нани?

— В Назрань уехала.

— Зачем?

— Узнать про Хасана. Там, говорят, есть люди, вернувшиеся с войны. И у нас в селе есть. Только они сказали, что ничего не слыхали про Хасана.

И Хусен снова задумался. Без вести пропавший брат, поседевшая от горя мать, Эсет, которую он, может, сегодня потеряет навсегда, — все перемешалось в голове.

А Султан твердил свое:

— Когда уезжала, обещала приехать в тот же вечер, а сама все не едет. Я больше не буду спать у Гойберда. У них там мыши и крысы бегают. Не пойду к ним.

— Никуда ты сегодня не пойдешь, — сказал Хусен, прижимая его к себе. — Мы ляжем спать в своем доме.

— Дверь открыть? — обрадовался Султан.

— Открывай.

Мальчик снял с гвоздя ключ. У двери, обернувшись, он спросил:

— Хусен, чей это конь?

— Исмаала!

Султан присвистнул от восторга.

— Вот это конь! А у нас когда такой будет?

— Будет и у нас когда-нибудь. — Хусен снял седло и направился в дом.

Султан, счастливый от того, что Хусен остается дома, крутился рядом, не зная, чем угодить брату.

— Хочешь, сварим курдючного сала? — предложил он. — Это еще от того барана, которого мы зарезали до твоего отъезда на Терек. И сушеного мяса есть немножко. Затопить печь? Нани теперь разрешает мне даже дрова рубить.

— Султан, — решился наконец Хусен, — оставь-ка печь и дрова да сбегай к Эсет. Шепни ей, что я приехал.

— Галушки попроси ее сделать, хорошо, Хусен? Нам же надо к мясу галушки приготовить.

— Сделай то, о чем я тебя прошу, а с галушками что-нибудь придумаем.

— Ладно! — сказал Султан и выбежал из дому.

Вернулся он не скоро. Хусен успел и дров нарубить и развести огонь. Не сиделось ему без дела.

Солнце давно скрылось, быстро темнело.

В сумерках Хусен и не заметил, когда Кайпа прошла мимо окна.

— Чем ты здесь занимаешься, мой мальчик? — услышал Хусен голос матери. В темноте Кайпа приняла его за Султана.

— Печку затопил? Слава богу, хоть ты у меня есть.

— А я, нани? — спросил Хусен, выходя иа свет.

— О дяла! Вернулся? — Кайпа крепко обняла сына.

— Разве у тебя один Султан? — улыбаясь, спросил Хусен. — Разве я не твой сын?

— Мой-то ты мой, да ведь тебя нет никогда. Сколько уж времени и ты, и твой брат держите меня в тревоге, иочей из-за вас не сплю.

— Ничего, нани, потерпи еще немного. Неделя-другая — и все будем дома.

— А Хасан?

— Вернется и он, нани. Трудное сейчас время. Дороги перекрыты. Даже из Моздока в Прохладную не доберешься.

— Жив ли? — вздохнула Кайпа, опускаясь на иары. — Будь жив, давно бы вернулся. Видно, так мне иа роду написано: все напасти на одну голову!

Не зная, как ее успокоить, Хусен сел рядом с матерью. Оба молчали.

— Когда уезжаешь? — спросила Кайпа.

— Рано утром.

Мать так и застыла.

— Ты бы уж лучше совсем не приезжал, — тяжело вздохнула она. — И почему это все легло на наши плечи? На войну идти моим сыновьям, кумыков защищать — опять им, новую власть — тоже...

— Подума° что ты говоришь, нани! Столько мечтали о земле. Как же нам не защищать новую власть, не охранять, когда ей грозит опасиость?

— А почему другие сидят? Элмарза с Товмарзой и сын Соси. Да хочешь, я тебе десяток, а то и больше таких назову?

— Я и сам всех знаю. Таким, как они, новая власть — нож в сердце.

— А чего хорошего сделала тебе да твоему Исмаалу эта новая власть? Другие сидят дома и, словно муравьи, копошатся в своем хозяйстве. Только вы неизвестно где скитаетесь. — Кайпа хотела еще что-то сказать, но ее прервал вбежавший в комнату Султан.

— Она говорит, что знает! — выкрикнул он с порога.

Вздрогнув, будто у самого его уха кто-то выстрелил, Хусен повернулся к Султану. Но было уже поздно.

— Кто говорит? — спросила Кайпа.

— Да один человек, — попытался отвертеться Хусен, но Султан выпалил:

— Эсет!

— О чем она знает?

— Что Хусен приехал.

Положив в кастрюлю кусок курдюка и несколько кусков мяса, Кайпа опустилась на корточки перед печкой и подперла кулаками подбородок. Султан стоял, не зная, что делать: говорить дальше или нет.

То, о чем Кайпа раньше лишь догадывалась, теперь стало для нее явью. Вот, значит, почему Эсет так и норовила под разными предлогами забежать к ним. И все справлялась о Хасане и Хусене. Хасан-то, положим, ее не очень интересовал, но о нем она говорила к слову, чтобы отвести глаза.

— Они барана зарезали, — прервал молчание Султан, — к ним гости приехали.

— А ты думал как! Люди разъезжают, гуляют, и нет им никакого дела до войны. В наш двор никто не приедет...

— А Эсет сидит и плачет, — сказал Султан.

Хусен не выдержал, закричал:

— Незачем им к нам ехать. Они явились туда за девушкой!

— Чего ты кричишь? — Теперь Кайпа поняла, что происходило с сыном. — Держи себя в руках. Сдержанность — дело хорошее.

Но разве может Хусен сдержать себя? Выдадут Эсет за другого, все откроется, и тогда ее жизнь будет

загублена. Стукнув кулаками по коленям, Хусен вскочил и выбежал из комнаты.

— Ты куда?

— Коня посмотрю.

— Нани, какой конь! — воскликнул Султан.

Кайпа было поднялась, но узнав, что конь Исмаала, глубоко вздохнула и снова опустилась на свое место. Невелика радость разглядывать чужого коня.

Хусен позвал Султана.

— Иди-ка снова к Соси, — прошептал он на ухо мальчику. — Скажи Эсет, чтобы вышла к забору, вон к тому сараю. Тихонько скажешь. Да поменьше болтай, а то, что тебе ни поручишь, всему селу становится известным.

Султан, не проронив ни слова, направился к дому Соси.

Завидев Султана, Эсет выскочила во двор. Мальчик шепнул ей просьбу брата и, словно бы за тем и пришел, смешался с играющими у дома детьми.

— Куда ты? — прокричала Кабират вслед дочери.

Султан застыл на месте. Голос Кабират услышал и Хусен, сердце его чуть не выскочило из груди: «Вдруг остановит, не выпустит Эсет? Что тогда?»

Эсет не откликнулась на зов матери.

— Куда ты делась, эй? — это уже кричал Соси. Он звал жену.

А Эсет в это время изливала Хусену свое горе. Рассказала, что жених сегодня же придет к ним в дом и в ближайшие дни собирается забрать ее к себе.

Хусен слушал ее молча. Мысль лихорадочно работала. Быстрый конь домчит их до Ачалуков, а там найдется, где спрятать Эсет. Это на первый случай. Потом они вместе с Исмаалом решат, как быть дальше. Хусен был уверен, что товарищ поможет ему...

— Лучше руки на себя наложу, — закончила Эсет свой рассказ.

Она произнесла это так спокойно, что Хусен содрогнулся. «Бедная, — подумал он, — до какого же отчаяния надо дойти, чтобы с такой готовностью смотреть смерти в глаза».

— Ну-ка, берись! — он протянул ей руки через плетень. Эсет не сразу поняла, что он собирается делать.

— Зачем? — спросила она.

— Давай скорей руки!
— Прямо сейчас?
— Эсет, где ты? Иди домой! — донесся голос Кабират.
Хусен взял Эсет на руки, опустил на землю.
— Беги к гойбердовскому плетню, я подъеду туда.
Хусен понимал, что уехать, не предупредив мать, значит оскорбить ее. Но можно ли медлить? Он торопливо вывел коня из сарая, оседлал его.
— Ты куда? — Мать стояла рядом.
Мгновение он молчал, не зная, что ответить.
— Я кого спрашиваю?
— Нани, мне надо уехать, — сказал Хусен виновато.
— Что за спешка?
— Очень надо, нани, я не могу не ехать! — Хусен боялся, как бы мать не помешала ему, как в ту ночь, когда громили поместье Угрома. — Поверь мне, нани. Исмаал ждет меня.
Кайпа не стала спорить.
— Нани, милая,— сказал Хусен, обняв ее за плечи,— что бы ни случилось — хорошее или плохое,— стерпи, родная...
Кайпа ласково посмотрела на сына, а сама подумала: «Бог с ним, пусть едет. Каково ему, бедному, пережить такое. Пусть лучше его не будет при этом сватовстве, не то не миновать беды!»
Хусен спешил. Он и так слишком долго задержался с матерью. Как бы в доме Соси не поднялся переполох, тогда и погони не миновать.
Не знал Хусен, что, на их счастье, едва Кабират собралась на поиски дочери, во двор въехал жених. Оказывается, решено было сделать все сразу: и сватовство и приход жениха. Не по обычаю, но делать нечего, время такое. Каждый час всякое может случиться.
Едва ли весть о том, что Эсет тайком убежала из дому и против воли родителей вышла замуж, произвела бы большее впечатление, чем прибытие жениха. Все побросали свои дела и кинулись глазеть на него. Вышли парни, которым не сегодня-завтра тоже жениться, а потому не мешает посмотреть, как надлежит жениху вести себя в доме невесты, прибежали женщины — посудачить о достоинствах и недостатках зятя Кабират. Тут же крутились ребятишки. Какой бы ни был жених — косой или рогатый — им все равно: раздал бы побольше денег...

Хусен тронул коня. Кайпа пошла следом.

— Когда же теперь приедешь? — спросила она.

— Скоро, нани, скоро!

Кайпа отчетливо слышала звук постепенно удаляющегося цокота копыт. Вдруг все смолкло. «Может, решил отложить отъезд до завтра?» — одновременно и обрадовалась и встревожилась Кайпа. Но вот она снова услышала конский топот, теперь уже явно стремительный, и, вздохнув, пошла в дом.

Эсет ни жива ни мертва сидела, прижавшись к плетню, когда увидела Хусена. И тут раздался окрик Гойберда:

— Кто там?

Девушка в испуге хотела прыгнуть назад в огород, но Хусен, перегнувшись, приподнял ее и посадил на коня.

Гойберд застыл на месте, когда мимо пролетел всадник с девушкой. «Неужели Зали? Нет, это не она, — успокоил он сам себя. — Кому бы пришло на ум увезти мою дочь, которой даже одеться толком не во что? А если это все же она? Ведь с моего двора увезли!»

Гойберд стремительно направился к дому. Честно говоря, он даже хотел, чтобы этой девушкой оказалась Зали.

Дочь возилась у печки. Гойберд недовольно скрипнул зубами и тотчас вышел.

— Ты куда, дади? — крикнула она вслед.

— В могилу! — буркнул он, не оборачиваясь...

Кайпа радостно встала навстречу вошедшему соседу.

— Заходи, заходи, Гойберд. Как хорошо, что ты пришел. Присаживайся. Вот сюда, здесь тебе будет удобнее.

Гойберд молча сел на край нар, положил рядом замасленную сумку из старой мешковины. Кайпа быстро взялась за дело: стала просеивать кукурузную муку для галушек.

— Посиди, Гойберд, вот только галушки опущу, сейчас будет готово, -- суетилась Кайпа.

— Не до еды мне, — сказал Гойберд, опустив голову. — Ничего сейчас не полезет в горло.

Вдруг послышался шум. Кайпа уже собралась выйти посмотреть, что там творится, но в это время распахнулась дверь, и в дом ворвались сын Соси Тархан с двумя парнями.

— Где Эсет? — закричал Тархан.

Кайпа удивленно смотрела на парня, не понимая, что ему нужно и почему он кричит.

— Кого спрашиваю? Где Эсет?

— А я что, за ней наблюдаю? — сердито сказала Кайпа. — Откуда мне знать, где она?

— А где твой сын?!

— У меня три сына, о ком ты? Если тебя интересует Хусен, то ему не приходится, как тебе, прохлаждаться дома, не ради себя одного он мерзнет у Терека! — проговорила она с гордостью за сына. Все недовольство, которое Кайпа высказывала Хусену, угасло, как угли, залитые водой.

— Какие у него дела, мы узнаем! — бросил Тархан и и повернулся к двери, но тут он увидел только что вошедшего Султана.

— Ага! Ты здесь! — Он набросился на мальчишку.— Где Эсет, знаешь?

Султан покачал головой.

— Ты зачем приходил к нам? Эсет вызывать? Да? Чтобы сильнее припугнуть малыша, Тархан потянул из ножен кинжал. Кайпа прижала сына к себе.

— Он же ребенок. Побойся бога!

Тархан зло посмотрел на Кайпу.

— Ребенок, говоришь? — Он погрозил пальцем и сплюнул. — Всех убью! Как змей!

С этими словами он выскочил. Парни побежали за ним.

— Чтобы ты сам стал змеей! — крикнула ему вслед Кайпа. Затем, повернувшись к Султану, спросила: — В чем дело? Ты что-нибудь знаешь?

Но тот забился в угол и молчал.

Гойберд между тем думал о том, чему был свидетелем у своего плетня. Он уже все понял, но не решался заговорить с Кайпой. Если та девушка на лошади Эсет, то всадник — Хусен! Неужели он на такое решился?!

«Хусен не мог увезти девушку,— утешала себя Кайпа, хотя и не очень этому верила. — Как он мог увезти ее?»

Как бы в ответ на ее вопрос с улицы послышалось:

— Здесь она через плетень пролезала! Вот и следы есть. Мать не может не знать!

— Вытащи ее из дому! — раздался чей-то голос. Протяни плетью раз-другой — сразу заговорит!

Парни снова ворвались в дом.

— Ради аллаха и пророка Магомета, остановитесь!— взмолился Гойберд.

Стоявший у двери парень навел на него винтовку.

— Уйди, старик, пока цел!

Перепуганный Султан заплакал, прижимаясь к стене. Мужчины схватили Кайпу за руки, потащили во двор. Рванувшись за нею, Гойберд крикнул:

— Что вы делаете? Побойтесь бога! У нее большое горе! Всего сутки, как убили ее сына!

Кайпу словно громом поразило. Она замерла.

Винтовка, направленная на Гойберда, медленно опустилась.

— Кто убил?

— Казаки убили, казаки! Не до вашей девушки ей!

Парни отошли от Кайпы.

— Да простит его бог,— старший из троих направился к выходу. — Идем пока.

Нехотя пробурчав под нос слова соболезнования, вышли и двое других.

В доме и на улице наступила тишина. Кайпа стояла с широко раскрытыми глазами, не убирая выбившиеся из-под платка волосы.

Гойберд медленно подошел и закрыл дверь.

— Оставь, Гойберд. Пусть врываются. Не боюсь я их.

— Знаю, Кайпа, знаю, ты мужественная. Ты все переносишь, как мужчина. Что поделаешь, горе не спрашивает нас, когда приходит... Я тоже никогда не думал, что Рашид уйдет раньше меня. Клянусь богом, не думал, — сказал он, пожимая своими худыми плечами.

Постояв некоторое время, Гойберд подошел к нарам, взял сумку из старой мешковины и протянул ее Кайпе.

— Это его вещи, твоего мальчика.

Она схатила сумку и прижала ее к груди.

— Казак мне их передал. Он из Моздока. Сегодня утром в Назрань поездом прибыл. Вместе с ним, оказывается, Хасан ехал...

Кайпа молчала.

Подождав с минуту, Гойберд, как бы про себя проговорил:

— Почти уж дома был...

И тут Кайпа вдруг зарыдала.

— Кайпа! Кайпа! Я думал, ты мужественная! Клянусь богом, думал, — пытаясь успокоить несчастную мать, говорил Гойберд.

2

Хасан жадно всматривался в вагонные стекла. Холмы и лощины потемнели. Позолоченные вершины хребтов и край неба с каждой минутой все больше и больше бледнели. Три года назад, когда ехал на войну, именно здесь в последний раз он увидел родные горы. Тогда тоже стоял тихий ясный вечер, но Хасан был грустным. Сегодня дело другое — он возвращается домой. Скоро он увидит тех, о ком столько лет тосковал, кто так часто снился ему по ночам.

Хорошо бы приехать в Моздок утром или днем, чтобы засветло добраться в Сагопши. Ночью пускаться в путь сейчас опасно, времена тревожные. Если поезд опоздает, придется заночевать у Мити, с которым Хасан познакомился в дороге. Митя тоже возвращался с фронта. Узнав, что Хасан родом из Сагопши, он радостно протянул руку и сказал:

— Мы, выходит, соседи! Я из Моздока! Дмитрием зовут, Митя, значит.

За эти дни они многое рассказали друг другу.

Митин дивизион стоял в Петрограде. Это был дивизион, специально отобранный для охраны царя. После Февральской революции он служил Временному правительству. Когда народ поднялся против власти Керенского и против войны, часть дивизиона бросили против восставших. Когда сотня шла рысью по узкой улице, то ли поскользнувшись, то ли оступившись, неожиданно упал Митин конь. Сам Митя отлетел в сторону. Товарищи, думая, что он их догонит, поскакали дальше. Но Митя не догнал. Сам-то он отделался легким ушибом, а вот с конем дело оказалось сложнее — ногу сломал.

Оказавшийся рядом рыжебородый человек на костылях с горечью сказал:

— Жаль беднягу! Не тяни ты его, не видишь, нога поломана? Конь без ноги не пойдет! Это тебе не человек! — Рыжебородый тронул костыль. — Лошадь на костылях не сможет ходить. Человек — сможет. Человек все может: и лошадь может убить, и человека.— С каждым словом он распалялся все больше и больше.— Ты небось тоже едешь убивать? А? Таких же бедолаг, как сам! А за что? Что плохого они тебе сделали?

Только за то, что они хотят, чтобы власть перешла в руки рабочих?

Голос хромого становился то тихим, то, наоборот, очень звонким.

— Чего тебе-то противиться тому, чтобы власть перешла в руки рабочих? — не умолкал он. Тебе царь нужен? Война нужна? А? Ты еще не лишился ноги?..

Дальше Митя не слушал. Он рванулся и побежал, а когда наконец обернулся, ничего уже не было видно — ни хромого, ни коня, ни той узкой улочки. Митя стал обдумывать, что же ему делать. Искать свою сотню? Но зачем? В ушах все еще звенели слова рыжебородого: «Тебе царь нужен? Война нужна?»

Оно, конечно, царь Мите не нужен, ничего такого хорошего царь ему лично не сделал. Последнюю лошадь и ту на войну отдали. Перед глазами вдруг встал отец: худое лицо, грустные глаза, которыми словно бы надоело глядеть на этот мир. А мать? Холодные, сухие, в синих прожилках руки, бледные, без единой кровинки губы... Мите представилось на минуту, что и отец и мать в окружении каких-то людей. Вот эти люди с оголенными клинками наседают на них. Отец будто бы стоит, выставив вперед свою впалую грудь, и сердито глядит прямо на Митю, да с укором. «Господи, да что же это происходит? Сплю или наяву мне все грезится? — тряхнул головой Митя.

...Сколько времени прошло с тех пор! И чего только не приключалось с ним, чего только не вынес он, сколько одних пуль пролетело со свистом над головой...

Вспоминая все свои беды, Митя хмурил брови. Он лежал на верхней полке и смотрел в окно.

После Мити полку займет Хасан. А сейчас он снизу поглядывал на друга и думал.

...Путь Хасана к Кавказу тоже был трудным. Весть о свершении революции застала его в госпитале, куда он попал еще в конце лета после ранения в грудь. Рана была тяжелой, выздоровление наступало медленно. Но вот наступил конец томительному ожиданию — Хасан покинул госпиталь. Что делать дальше? О том, чтобы идти снова на фронт, пока не могло быть и речи: слишком он был слаб после тяжелого ранения...

Сосед по палате, русский солдат, провожая Хасана, махнул рукой и сказал:

— Подавайся-ка ты, брат, домой. Где его теперь отыщешь, твой полк? Да и на кой дьявол он тебе нужен? В селе твоем небось дел невпроворот. Я вот выпишусь — тоже домой подамся. В наших местах новая власть, ее теперь защищать надо. Это тебе не за царя-батюшку живот класть,— свою, народную власть охранять надобно! У вас, я думаю, тоже богатеев скинули?..

Хасан твердо решил пробираться домой. К тому же ему повстречался солдат, который рассказал, что ингушский кавалерийский полк, в котором он служил, как и некоторые иные полки так называемой «дикой дивизии», в ранние осенние дни был снят с фронта и переброшен под Петроград. Солдат рассказал и о том, что ингуши категорически отказались выступать против революционного Петрограда, и полк в полном составе вернулся во Владикавказ.

...Хасан встал и пошел по вагону.

— Куда ты? — спросил Митя.

— Хочу поискать, нет ли в поезде ингушей, расспросить, что творится у нас.

Все вагоны были до отказа забиты людьми. От запаха потных, давно не мытых тел нечем было дышать. Во всех углах копошились и плакали дети. Какой-то солдат-инвалид в потертой шинели шел навстречу и что-то бурчал себе под нос, протянув свою единственную руку. Остановившись перед Хасаном, он проговорил:

— Помоги, браток. Подай калеке.

Хасан хлопнул себя по груди и по карманам брюк, давая понять, что денег у него нет. Солдат посмотрел ему вслед, покачал головой и сказал:

— Люди! Как же мне теперь жить, калеке? Ведь и не подаст никто. Не умирать же с голоду?..

Постояв с минуту, он махнул рукой и пошел дальше. А люди, которым он жаловался, опустив голову, ждали: скорее бы ушел, не тянул бы их за душу.

В одном из вагонов Хасан нашел двух ингушей. Трудно передать, как он обрадовался.

На вопрос, откуда они едут, те ответили, что из России, из Тулы. А зачем туда ездили, не сказали. Да Хасан и не стал допытываться. Его интересовало другое: что нового в Ингушетии, как люди живут, какая там власть. Земляки рассказали, что власть Советская, что в Алхан-

чуртской долине уже поделили землю, что между казаками и горцами происходят стычки.

Вскоре земляки заторопились. Поезд шел через Моздок, а им надо было в Назрань. Решили пересесть в Прохладной.

Вагоны замедлили свой бег и остановились.

— Вот и Прохладная, — сказал один из ингушей. — Опасное это место. Недавно здесь убили Караулова.

— А кто это? — спросил Хасан.

— Казачий атаман.

Назрановцы не досказали, кто и за что убил атамана. Путь им неожиданно преградили два вооруженных казака.

— Ингуши? — спросил один из них.

— Да.

— Идите к вокзалу! — казак наставил наган.

Поезд стоял долго. Казаки еще и еще обшаривали вагоны. Напрасно ждал Митя товарища. Прошел слух, что троих арестованных расстреляли. Поезд в Моздок не пустили. Направили в сторону Беслана.

А утром на стоянке в Назрани Митя рассказал местным жителям, что произошло накануне в Прохладной...

3

Хасана и двух ингушей ввели в небольшую комнату. Хасан подивился: «Неужели на каждой станции такие комнаты!» Он уже однажды, когда пробирался домой и был задержан, сидел точно в такой же. Только тогда был день и комната казалась посветлее этой. Тусклый, чадящий фонарь почти не давал света. Он освещал только офицера за столом.

— Откуда и кто такие? — спросил офицер, скрестив на груди руки и откинувшись на спинку стула.

— Из Назрани, — ответил старший.

— Та-ак. Ингуши, значит? — Пристально глядя на них, он стал раскачиваться, будто под ним был не стул, а люлька. — А возвращаетесь из каких мест?

— Из России, — ответил опять старший из ингушей. Второй сидел и молчал, только иногда кивал головой в знак подтверждения слов старшего.

— Россия большая.

— Из Бердича, Бердича, гаспадын началник. — Ин-

гуш назвал город, куда чаще всего ездили горцы на заработки.

Хасан вспомнил, что в вагоне он говорил о другом городе. Выходит, ни офицеру, ни казакам нельзя рассказать о Туле. Почему это нужно держать в тайне? На войне Хасан как-то слышал, что в Туле делают оружие.

Хасан задумался над тем, как он ответит на вопрос офицера, если тот спросит, откуда едет он. Городов-то Хасан может назвать хоть сотню, столько их повидал на своем длинном пути! Но какой лучше назвать? А может, его и не спросят — посчитают, что и он с этими двумя?..

Прежде чем Хасан решил, что же ему делать, казак взял в руки чемодан одного из ингушей, поставил его на стол и открыл. Офицер вытаращился: в чемодане, блестя вороненой сталью, лежали новенькие наганы. Пододвинув чемодан к себе поближе, он приподнялся на цыпочках и прикрыл оружие руками. Все остальное произошло в мгновение ока. Хасан увидел, как сорвался с места хозяин чемодана и как один из казаков ударил его по голове прикладом. Вслед за тем раздался выстрел. Другой назрановец, схватившись за грудь, рухнул на пол. Хасан увидел, как казак навел на него дуло нагана, и рванулся к окну. Выстрел и звон разбитого стекла слились воедино.

— Оцепить вокзал! — услышал он за спиной.

— Вон бежит! — раздались голоса.

Ему наперерез выскочили двое. Хасан понимал безвыходность своего положения, но тем не менее бежал все вперед и вперед.

— Стой, стрелять будем!

Хасан не остановился. Вокруг засвистели пули. Неожиданно перед Хасаном вырос маленький, похожий на будку домик. Неизвестно откуда появившийся человек рывком открыл дверь домика и втащил Хасана. Он пытался вырваться, но неизвестный торопливо зашептал:

— Куда ты хочешь уйти? Тебя поймают.

Человек поднял крышку большого ларя, стоявшего у стены.

— Влезай сюда. Быстрее!

Только теперь Хасан понял, что этот человек с коротко подстриженной, седеющей бородкой хочет его спасти. Правда, он не очень-то поверил, что из этого что-нибудь получится. Но выбора не было.

Ларь был пустой. Хасан влез и улегся. Хозяин забросал его пустыми мешками и захлопнул крышку ларя.

А мимо дома тем временем кто-то пробежал, топот ног удалился и затих. Затем кто-то еще пробежал. Через минуту в дверь сильно забарабанили. Хозяин пошел открывать.

Хасан ругал себя за то, что согласился залезть в этот ящик. Что он теперь сможет сделать? Попал, как воробей в клетку. Уж лучше сразиться с казаком и погибнуть, чем лежать перед ним, как скотина под ножом. Хасан прислушивался и ждал, что вот-вот щелкнет замок на ларе, и тогда единственный выход — вцепиться в глотку тому, кто покажется первым.

— Эй, Мамед, к тебе сюда сейчас никто не забегал?— услышал он.

— Зачем сюда в такой час кому-то забегать, господин? — ответил вопросом на вопрос хозяин. Лавка ведь закрыта.

— Я не о лавке. Человек у нас сбежал со станции. Ингуш один. Большевик он! Понял?

— А-а, понял. Так я же здесь был. Никак он сюда забежать не мог. Если он ваш враг, разве я пущу?

Хасан удивился, почему это казак не учиняет обыск и так мирно разговаривает с хозяином.

Снова отворилась дверь, и кто-то еще вошел в дом.

— Здесь он?

— Нету.

— Обыскал?

— Обыскал.

— Как иголку искал, — поддакнул хозяин. — Не поверил моему слову. С чего это вы перестали мне верить, я же не враг вам...

— Ну ладно, ладно. Ничего мы тебе не сделали.

— И все-таки обидно, когда тебе не верят. Я-то вам верю, когда в долг вино даю.

Казаки и хозяин вышли на улицу. В доме наступила тишина. С улицы доносился голос Мамеда, но о чем шла речь, Хасан не слышал: может, хозяин доказывал казакам, какой он им друг?

Но вот старик умолк. И тогда до Хасана донеслось пыхтение паровоза. Он вспомнил поезд, на котором ехал: «Неужели еще не ушел?» Вспомнил и о вещах, остав-

шихся в вагоне. Все отчетливее и отчетливее слышалось пыхтение паровоза. Некоторое время Хасан только и различал этот шум, может, потому, что опасность миновала и он теперь думал о предстоящем пути домой. Но миновала ли опасность? Вот открылась дверь. Кто это?

— Идите, идите. Идите, гяуры! — прошептал хозяин и, прикрыв за собой дверь, накинул крючок. Затем Хасан услышал, как старик поднял крышку. Хасан сбросил мешки и хотел встать.

— Нет, нет, пока рано! — сказал хозяин. — Они еще могут вернуться. Потерпи.

Хасан подумал: «Что заставляет этого человека подвергать себя такой большой опасности ради того, чтобы спасти меня? Теперь он уже боялся возвращения казаков не столько из-за себя, сколько из-за старика. Ведь убить могут беднягу!

Эти мысли вдруг наполнили Хасана решимостью. Сейчас же уйти, не подвергать старика опасности. Он вскочил.

— Куда ты пойдешь? — укоризненно покачал головой хозяин. — Не успеешь выйти, как тебя пристрелят. А вслед за тобой и меня.

Старик говорил так тихо, будто казаки стояли за дверью.

— Ты, наверно, голоден? — неожиданно спросил он.

Хасан покачал головой. Хотя он за весь день только и съел, что кусок хлеба, да запил его водой, сейчас ему ничто не полезло бы в горло. Вот воды бы он выпил — во рту все пересохло.

Хозяин подал ему воды, большой кусок хлеба и кусок рыбы. Воду Хасан осушил залпом, а от еды отказался наотрез.

Старик присел на краешек ларя и снова заговорил:

— Как атамана Караулова убили, эти собаки совсем озверели. А знаешь, как его убили? Собрался он во Владикавказ. Солдаты взяли да и отцепили здесь, у нас на станции, его вагон от состава. Поезд ушел, Караулов остался в своем вагоне. Тут его и расстреляли. А вскоре после этого сюда приезжал зверь Медяник и учинил расправу за атамана. До сих пор не унимаются. Очень они, проклятые, людей вашей нации ненавидят. Виновен не виновен — убивают. Говорят, будто вы доставляете сюда оружие из России, что вы сторонники большевиков.

За стеной послышались шаги. Хозяин примолк. Потом все стихло, и он снова заговорил:

— А на чьей же вам стороне быть? Не с теми же, которые убивают людей ни за грош. Сколько они, собаки, мне ущерба причинили! Берут и берут водку и вино, денег не платят — в долг, мол. Знаю, что ничего с них не получу, а попробуй не дай!

Иные слова старик говорил почти шепотом, на ухо Хасану, и тогда в нос парню бил запах табака и очень хотелось покурить, но попросить он стеснялся — ждал, что хозяин вот-вот сам закурит, тогда и ему предложит.

— Если и дальше так будет, уеду отсюда, — продолжал старик, — чего здесь сидеть. Семья ждет меня с деньгами, а я...

Хасан спросил, где его семья.

— Азербижан, Азербижан, — ответил тот. — Слышал про город Баку?

Хасан кивнул головой.

— Я не туда поеду. Там трудно торговать. У богачей много магазинов. Во Владикавказ поеду. Во Владикавказе лучше будет. Там, говорят, большевики. Я много раз бывал во Владикавказе. Я и ингушей знаю.

Он стал перечислять своих знакомых ингушей и все спрашивал, не знает ли их Хасан. Смешной. Откуда Хасану знать их, если он и во Владикавказе-то не был ни разу?..

Прошло с полчаса. Старик решился наконец выйти на улицу. Убедившись, что никого там нет и все спокойно, он проводил Хасана, дав ему в дорогу полбуханки хлеба и немного табаку.

О том, чтобы уехать поездом, Хасан и не думал. После столь счастливого освобождения главное — снова не попасть в руки казаков. Он решил идти по шпалам, но непременно при этом обходить стороной не только железнодорожные станции, но и будки стрелочников.

Хасан тронулся в путь. На свою беду, он не представлял, в какую сторону идет — к Беслану или к Моздоку, а спрашивать боялся и потому решил положиться на судьбу. Утро наступило ясное. Спустя какое-то время он сошел с железнодорожного полотна. Полем идти безопаснее. А чтобы не заблудиться, не надо уходить далеко от телеграфных столбов.

К полудню Хасан набрел на стадо коров и спросил у пастуха, как называется село, которое виднеется впереди, у самой железной дороги.

— Мартазе, — ответил пастух.

Хасан слыхал про это село, знал и то, что оттуда не так далеко до Кескема. Узнать бы только, в какую сторону идти. Пастух-кабардинец, к сожалению, не слыхал ни о Кескеме, ни о Пседахе. Да и объясняться с ним было очень трудно. Он говорил только по-кабардински.

Хасан перечислил все известные ему названия ингушских сел. И наконец, когда с губ его слетело слово Ахлой-Юрт — название соседнего кабардинского села, кабардинец закивал головой и показал Хасану, куда ему идти.

Было около полуночи, когда Хасан вошел в Сагопши.

Плетень, заменявший ворота, был настежь открыт, и в такой поздний час, как ни странно, горел свет. Чем ближе он подходил к дому, тем яснее слышался ему плач женщин. Это встревожило Хасана. Войдя во двор, он разобрал мужской голос:

— Перестаньте, женщины. От слез никто не воскресал.

Хасан узнал: говорил Мурад — двоюродный брат отца. А вот он и сам.

— Остопирулла! — воскликнул Мурад, да так и застыл на месте, увидев Хасана. — Ты человек или шайтан? — проговорил он наконец.

— Я-то человек, но почему здесь плачут? — спросил Хасан.

В душе он весь сжался от страха услышать что-нибудь тяжелое о матери и братьях.

— Почему здесь плачут, Мурад? — громко повторил Хасан.

Не успел тот ответить, как в сенях появилась Кайпа.

— Хасан! Мальчик мой! — закричала она и с распростертыми руками пошла ему навстречу, но, сделав несколько шагов, покачнулась. Хасан едва успел подхватить ее.

Сбежались женщины...

— Нани, нани! Открой глаза, это же я! — повторял Хасан.

— Нани-и, — плакал Султан.

Хасан и сам готов был расплакаться.

— Нани! Ва, нани! Ну, очнись! — Он испуганно озирался кругом, теряясь в догадках. — Да что здесь случилось, в конце-то концов? — махнул на него рукой Мурад. — Из-за тебя все.

Не понимая его, Хасан удивленно пожал плечами.

— Да-да, — сказал Мурад. — Все из-за тебя. Сообщили, будто ты убит в Прохладной...

4

Чем дальше удалялись они от села, тем спокойнее становилась Эсет. Теперь бедняжка уже не жалась к Хусену, как испуганная лань. Эсет впервые в жизни сидела на коне, ей было трудно, но о том, чтобы пожаловаться Хусену, она и не думала: если остановить коня — тогда погоня настигнет их. Нет уж, Эсет мужественно перенесет любую боль, лишь бы остаться с Хусеном.

Ехали они уже долго, но Эсет не спрашивала, куда везет ее Хусен, куда бы ни вез, она уже на свободе.

— Ну вот и ты свободна, — словно прочитав ее мысли, сказал Хусен. — Скоро приедем в Ачалуки.

Уткнувшись в плечо Хусена, девушка прикрыла глаза.

— Ты спишь, Эсет? — спросил Хусен.

— Нет. Просто немного устала.

— Ничего. Скоро отдохнешь. Нам уже близко. Тетка у меня добрая, тебе у нее будет хорошо.

Почувствовав впереди село, лошадь ускорила шаг.

Тетка Хусена Сийбат и сын ее Керам с радостью приняли Эсет. Узнав, кто она, чья дочь, Сийбат всплеснула руками.

— Не может быть! У Кабират такая красивая дочь? Да продлит бог ее годы за то, что она вырастила такую голубку.

Но недолгой была радость хозяев. Как гаснет лампа, когда в ней кончается керосин, так погасла и улыбка на их лицах, когда они узнали все до конца.

Сийбат загоревала, стала громко вздыхать, хлопая себя ладонями по бокам.

Эсет очень удивилась такой перемене, но ни о чем не спрашивала, только изредка с грустью смотрела на Хусена. Хусен был спокойней. Он считал, что знает свою тетку, и твердо верил в то, что Эсет уже в безопасности.

— Как же мы теперь уладим это дело? — спросила Сийбат.

— Предоставим все воле судьбы! — пожал плечами Хусен. — Я не мог не увезти ее. Через час-другой было бы поздно. Соси уже сегодня выдал бы Эсет замуж.

— Что ты говоришь? Значит, ты к тому же увез чужую невесту?

— Не то ты говоришь, нани, — вмешался в разговор Керам. — Ведь Хусен увез ее не из дома жениха.

— Все равно. Ты же знаешь, чем такое кончается.

— Что будет, то и будет! — отрезал Керам. — Если даже по нашему дому станут стрелять из пушки, и тогда мы никому не отдадим Эсет. Верь мне, брат, и не печалься! — Керам хлопнул по плечу Хусена, сидевшего с низко опущенной головой.

Эсет из другой комнаты слышала весь разговор. Слова Керама растрогали ее до слез.

— Не нужна нам вражда. Вот почему я и говорю так! — оправдывалась старуха.

— Ничего не поделаешь, от судьбы не уйдешь! — заключил Керам.

Сийбат радовалась бы счастью Хусена. Но бедная женщина и по сей день не могла забыть гибели своего брата — Беки. Вот и боялась как бы опять не случилась беда. Хусен и Керам молодые, они об этом не думают.

— Нелегко будет договориться с Соси, — услышала Эсет голос старухи. — Я-то его хорошо знаю.

— Ну что ж, не пойдет на мировую, пусть объявляет вражду! — решительно заявил Керам.

— Вот этого я и боюсь!..

— Ради бога, не бойся, — махнул рукой Керам. — Неужели считаешь, что Соси отважится на месть? Что он сделал Дауду, который раздел его?

— Ш-ш-ш, — Сийбат замахала на сына руками и, показывая взглядом на дверь, за которой была Эсет, неодобрительно покачала головой.

Эсет, конечно, услышала и эти слова, и вопрос удивленного Хусена:

— Раздел?! Когда?

— Какая разница, когда?!

— Соси не одинок, — сказала Сийбат. — У него есть родственники. Сыновья есть.

— Не хочешь ли ты, чтобы мы вернули Эсет? Возьмите, мы не мужчины, чтобы удержать девушку, мы трусы! Не этого ли ты хочешь? — сердито спросил Керам.

— Чего ты кричишь на меия? — воскликиула Сийбат. — Нет, не этого я хочу, эй, человек! Я заклииаю вас обдумывать каждый свой шаг! Вражда еще иикому ие прииосила радости. Надо сделать все возможиое, чтобы коичить дело миром! А вериуть... Кто же говорит вериуть...

Теперь Эсет была довольна и старухой. И даже жалела, что сердилась иа нее, ио кто же вииоват, что оиа так долго прятала добрые слова под языком.

— Родители знают, что ты увез ее? — спросила Сийбат.

Хусен покачал головой.

— Нет. Кроме вас двоих, пока иикто ие зиает.

— И Кайпа? — удивилась Сийбат.

Хусен сиова покачал головой.

— Надо мне сейчас же ехать туда! — сказал Керам и встал, хлопиув ладонями по коленям.

— Куда?

— В Сагопши.

— Разве в такую ночь можио куда-нибудь трогаться? Поедешь с рассветом.

— Тогда будет поздно. Нельзя увезти двушку и ие сообщить об этом родителям. Сегодия же иадо и Кайпу с мальчишкой убрать из дому. Кто знает, как поведет себя наша новая родия. Иные ие столько зла сотворят, сколько шума наделают. Горы греметь стаиут!

«О дяла, пусть отец и Тархаи будут из тех, кто ие сделает зла!» — мыслеиио взмолилась Эсет.

Глянув иа Хусеиа, Керам вииовато улыбиулся:

— Ты ие обижайся, Хусеи, что я так неодобрительно отозвался о твоих новых родствеиииках.

Хусен пропустил мимо ушей его слова и только сказал:

— Надо бы сначала людей послать для переговоров...

— А как же? Коиечно, пошлем людей. Ты думаешь, я иду воевать с иими, что ли?

— Надо послать таких людей, которые умеют улаживать подобиые дела, — сказала Сийбат, поправляя в

печке головешки. — Взять отсюда двух стариков и утром выехать...

— Чего ты нос повесил? Уж не каешься ли? — пошутил Керам, взглянув на брата.

Каяться, конечно, Хусен не собирался. Но он только теперь понял, что борьба за Эсет еще впереди. И всякое может случиться. Ведь ему надо ехать на Терек. Не ехать нельзя. А может ли он быть уверенным в полной безопасности Эсет, если оставит ее здесь?..

У бедняги голова шла кругом.

— Не волнуйся, не грызи себе душу! — Керам крепко сжал плечо Хусена. — Уладим это дело. Правда, лучше бы послать человека, с которым Соси посчитается. Не знаешь ли ты такого?

Хусен пожал плечами.

Отворив дверь, в комнату заглянула Эсет.

— А-а, Эсет, а мы сидим, словно забыли о тебе,— виновато сказал Керам и добавил: — Плохие мы хозяева.

— Заходи, дочка, — засуетилась и Сийбат. — Одной тебе, наверное, скучно.

Эсет вошла и встала у самой двери. Хусен подошел к ней. Эсет что-то шепнула ему на ухо, но Хусен не понял ее.

— Говори громче,— попросил он.

— Отец Дауда боится, — робко сказала она.

— Где теперь найдешь Дауда? — пожал плечами Хусен.

— Ничего, не обязательно Дауду вмешиваться в это дело. — Керам снял с гвоздя шубу и надел ее.

Мать преградила ему дорогу.

— Ну куда ты собрался? Я уже курицу приготовила.

— Так мы же с тобой ужинали! Ты лучше их накорми, — сказал Керам и, перекинув через плечо ружье, вышел.

Сийбат и Хусен последовали за ним. Эсет осталась одна. Подойдя к окну, она прижалась лицом к стеклу и подумала: как хорошо, что Керам уехал один. Без Хусена ей было бы очень грустно.

Но недолгой была ее радость. Едва они поели, Хусен заторопился в дорогу. Не помогли ни уговоры Сийбат, ни слезы Эсет.

5

Дом Мурада приземистый, длинный. Двор обнесен высоким забором — куда выше, чем у Соси. Если через забор Соси еще можно перелезть, то через Мурадов, кажется, только птица сумеет перелететь. Во дворе чистота и порядок. Можно подумать, что человеческая нога здесь не ступает. Впрочем, чужой человек и правда редко бывает на этом дворе.

Хусен не помнил, когда он в последний раз был здесь. Да и сейчас бы не завернул, не уговори его Керам.

Выехав из Нижних Ачалуков, Хусен очень скоро догнал Керама. Вместе они свернули на дорогу, ведущую в Сагопши. Хусен решил сразу уехать на Терек. Домой ему нельзя. Там может быть засада.

Но Керам настоял, чтобы заехали к Мураду. Он ближайший родственник и старший из всех, надо с ним посоветоваться.

Они долго ждали у ворот, прежде чем вышел хозяин.

— Кто там? — спросил Мурад.

— Это мы, — ответил Хусен.

— Кто «мы»? У вас что, имен нету?

Керам назвал себя, а Хусену сделал знак молчать.

— Какой Керам? — снова спросил Мурад.

Керам назвал имя своего отца, но решив, что и этого мало, назвал еще и имя матери, родственницы Мурада. Сказал, что он из Ачалуков.

Только после этого Мурад отворил ворота.

— А кто это с тобой? — удивился он.

— Зайдешь в дом — узнаешь.

— Что вас заставило выехать в такое время? Не случилось ли беды? — Мурад был явно недоволен поздними гостями, нарушившими его привычный покой.

Привязав лошадей к плетню, гости вслед за хозяином вошли в дом.

— Вставай, жена, гости пришли! — сказал Мурад.

— Гости? В такое время? Проводи их в ту комнату,— предложила, не выходя из своего угла, жена.

— Так там же спит Ахмет!

Ахмет, или Амайг, как чаще называли его родные и друзья,— был единственный сын Мурада. У него были еще две дочери, но они уже замужем. Сына отец любил до самозабвения. С детства старался дать ему все, что

мог. Четыре года жил Амайг в Магомет-Юрте у казака Егора, учился с его сыном Василием, а последний год — во Владикавказе. Знал русский, читал и даже писал. И отец рассчитывал, что он станет писарем при сельском старшине, но времена изменились, по выражению Мурада — испортились, и учение пришлось бросить. Сейчас Амайг скучал в Сагопши.

— Ну проводи их тогда в дальнюю комнату, — сказала жена.

Хозяин вывел гостей на веранду, прошел с ними в другой конец, открыл дверь.

— Зря беспокоишься, — сказал Керам, — мы бы и там посидели со мной ведь...

— Нет-нет, заходите, — прервал его Мурад, — кто бы с тобой ни был — вы гости...

Он зажег лампу, предложил им сесть. Но Керам и Хусен остались стоять.

— Садитесь оба. Посади же гостя, Керам.

— А ты, я вижу, не узнаешь его, — сказал Керам. — Это же Хусен, сын Беки.

Мурад ударил себя по коленям и вскочил как ужаленный:

— Да если бы я знал, что это ты, сопляк, стал бы я вас водить из комнаты в комнату!.. Надо же, и молчат.

Хусен опустил голову.

— Твоя мать жалуется, что ты пропадаешь дни и ночи, новую власть завоевываешь. Как же ты остался дома? — спросил он, не скрывая ехидства.

— Власть мы уже завоевали, — ответил Хусен. — Мы — это те, кому она была нужна. И охраняют ее те, кому она нужна.

— Что ты говоришь? А вам она очень нужна? Вам и всяким другим бездельникам, которые шатаются там с вами. Думаете, наверно, что новая власть будет вас медом кормить? А?

У Хусена забегали желваки, тонкие губы его плотно сжались. Он не на шутку разозлился. Вспомнилось, как Мурад сторонился от дел и забот своих односельчан. Имеет такой большой дом, а не поселил у себя ни одного кумыка-беженца...

Мурад испытующе посмотрел на Хусена:

— Ну, а то, что я слышал, это правда или нет?

Хусен опустил голову.

— Про дочь Соси... — пояснил Мурад.

— Да, это так, — ответил вместо Хусена Керам.

— Что это за люди! — Мурад вскочил и подбежал к двери, словно собирался поделиться со всем селом. — Что вы делаете? Может, думаете, у меня других забот нет, только вашими делами заниматься? А? Всего час назад прибежали, говорят, брата твоего убили, теперь вот...

— Кого убили? Хасана? — в один голос воскликнули Хусен и Керам. — Кто убил? Где?

— Успокойтесь, успокойтесь! — замахал руками Мурад.— Жив он. Ложное было известие. Приехал, дома сейчас парень.

Хусен ничего не понимал. Что это — сон или явь? И правда ли, что Хасан сейчас дома?

— Какая радостная весть! — вырвалось у Керама.

— Эта весть, может, и радостная, но то, что сказали вы, совсем нерадостно. В такое время чем занимается!— Мурад метнул недобрый взгляд в сторону Хусена.

Но Хусен ничего не видел и не слышал. Сейчас он мысленно был с Хасаном.

— Может, пошлешь сына за ним?— попросил Керам.

— Послать сына! Он нездоров. Сейчас не о Хасане надо думать, — сказал Мурад и, остановившись посреди комнаты, пристально посмотрел на Хусена. — Я думаю о вражде, о тяжести, которую мне на горб взвалил вот этот сопляк! Сразу две вражды! Люди от одной не могут отделаться, а тут...

Не в состоянии больше слушать это брюзжание, Хусен внезапно сорвался с места и бросился к двери, но Керам удержал его.

— Я сам позову его, — сказал он. — Оставайся здесь, скоро увидишь Хасана.

Мурад молчал, надеясь в душе, что и тот и другой уйдут наконец из его дома.

Керам вышел, а Хусен остался в постылой тесной комнате.

Мурад посмотрел на него, потом развел руками и вышел. Хусен обрадовался. Даже комната вроде стала шире. Но это только так показалось. Скоро он снова ощутил ее тесноту и вышел на крыльцо в надежде там вздохнуть полной грудью. Из дома отчетливо донесся голос Мурада. Он жаловался жене:

— Чем жениться, лучше бы своей матери платье купил. И до чего же мне надоели эти ублюдки! Теперь вот и старший приехал. Хоть оставь им село и уезжай отсюда!..

Его голос разбудил Амайга.

— Дади, какой это Хасан приехал? — спросил тот, входя в комнату.

— Никакой. Иди, спи.

— Это не сын Беки приехал? А?

— Ну хоть бы и он. Тебе-то что?

Амайг ушел к себе. Через минуту он вернулся одетый.

Мурад сразу все понял. Попытался удержать сына, сказал, что за Хасаном уже пошел человек и сейчас приведут его, но ничего не помогло.

— Иди тогда! — И он со злобой отворил дверь. — Ты, я вижу, такой же, как и они.

Увидев на веранде Хусена, Амайг спросил:

— Ты что здесь стоишь? Брат не пришел?

— Сейчас придет, — буркнул Хусен.

Амайг все же вышел за ворота.

Хусен прислонился плечом к столбу и прикрыл глаза. Но не дремал, не до сна ему было, хотя кричали уже вторые петухи и все тело ломило от усталости.

Вот заскрипели ворота и послышались шаги. Хусен открыл глаза и увидел Хасана. Брат шел впереди. Хусен рванулся ему навстречу, но Хасан прошел мимо, словно не узнал. Вслед за Амайгом он направился к двери дома.

— Идем, — обернувшись, бросил Хасан озадаченному брату.

Три с половиной года Хусен не слышал голоса старшего брата. Такой же, как и прежде, может, чуть хрипотцы прибавилось. Характер тоже не изменился! Уезжал — ласкового слова не сказал, а вернулся — даже не поздоровался.

— Ну, что будем делать? — спросил Мурад, увидев входящего Хасана.

Хасан сердито сверкнул глазами.

— А ты что думаешь, ты же старший из нас, — ответил он вопросом на вопрос.

— Сейчас вы вспомнили, что я старший! Надо было раньше подумать об этом, когда все затевали! У людей в

таких случаях принято прежде советоваться со старшими, а вы...

— Меня, ты знаешь, не было дома, и поэтому я не мог советоваться ни со старшими, ни с младшими.

— Можно подумать, раньше ты слушался старших, когда был дома,— с иронией произнес Мурад.

Хасан хотел что-то сказать, но Мурад прервал его:

— Если бы вы послушались меня, и в особенности ты, вражды с Саадом уже давно не было бы. Очень уж вы любите враждовать с людьми. А зря. Еще отцы наши говорили: «Враждующий сына не взрастит...»

— Мурад, из-за вражды с Саадом ты не переживай, — решительно сказал Хасан. — Это дело мое. Пусть мне не суждено взрастить ни сына, ни брата — свой долг я исполню сам.

— Десять лет дело тянется. Не такие мужчины, как мы, прощали кровь. Саад богатый человек, он заплатит...

Хасан не дал ему договорить.

— Мурад, ты, видно, никогда не поймешь меня. Я ведь уже говорил, что никогда не продам кровь отца за деньги...

— А чем вы заплатите за дочь Соси, если он согласится примириться? А?

— Тем же, чем люди платят, — ответил Хасан.

Только тут Хусен почувствовал себя так, словно с него свалилась большая тяжесть. Значит, брат на его стороне!

— Да у вас ведь ничего нет, кроме вшей. Ничего! — Мурад весь пылал от злости.

— В таком случае пусть Соси и его сыновья идут на нас войной. Как-нибудь устоим...

— А другие? Против других вы устоите? Как вы рассчитаетесь с теми, кто засватал эту девушку?

— Пусть и они объявляют нам свою войну! — отрезал Хасан, вставая. За ним поднялся и Керам.

Мурад вскочил и забегал по комнате.

— Ты, как и твой отец, замахиваешься занозой от ярма. А вам платят ударом ярма.

— Может, тебя успокоит то, что ярмо тебя не заденет? — сказал Хасан. — Ты ведь себя исключаешь? Все «вы», «вы».

Подала голос жена Мурада:

— Еще как заденет — с него с первого спросят. Старший всегда в ответе.

Керам долго терпел, не вмешивался в разговор, но наконец не сдержался:

— Ну чего вы разошлись? Чем укорять друг друга, давайте лучше решим, что делать.

— Да как можно решить, если никто тебя слушать не хочет? — вскинув руки, пожаловался Мурад.

— А ты предложи что-нибудь дельное, тогда послушаем, — сказал Хасан. — Но на примирение мы не пойдем, пусть нам придется враждовать с тридцатью тайпами.

— Тогда делайте, что хотите, а меня оставьте в покое. — Мурад приложил руки к груди. — Я человек мирный, и вражда с людьми мне не нужна.

— Оставим. И тебя оставим, и твой дом оставим, — сказал Хасан, быстро направляясь к двери.

Мурад стоял и молчал, боясь, что одно его слово может изменить решение Хасана. Только напрасно он этого боялся.

У двери Хасан обернулся и сказал:

— В народе говорят: тот, кто боится вражды, бегством не спасется. Не забудь этой поговорки.

Мурад и на этот раз промолчал.

Хасан изо всех сил хлопнул дверью. Хусен, Амайг и Керам вышли за ним. Они просили Хасана вернуться, смирить себя и попробовать договориться. Особенно старался, уговаривал Амайг. Он чуть не плакал, преграждая Хасану дорогу.

— Мурад — старший, к нему надо прислушаться, не стоит так обижаться, — советовал и Керам.

Но Хасан не слушал уговоров, стремительно шел вперед.

— Где лошадь? — только и спросил он у Хусена, да так, словно свою требовал.

— Вот, у забора,— тихо ответил Хусен.

Хасан направился к тому месту, где стояли на привязи две лошади. Хусен пошел за ним.

— Куда ты хочешь ехать на ней, Хасан?

— За семь гор! — бросил брат.

— Это лошадь Исмаала, — попробовал остановить Хасана Хусен. — Он, наверно, ждет ее. Я обещал утром вернуться.

Будто не слыша его слов, Хасан вскочил на коня и с нронией сказал:

— Тебе разве до этого? Ты ведь женнлся! Другой заботы у тебя не было.

И тут Хусен почувствовал, что брат недоволен им. А поддерживал там, у Мурада, потому, что уже не видел нного выхода.

Не проронив больше нн слова, Хасан тронул коня. Хусен в растерянности остался стоять посреди двора.

6

Амайг дважды подходил к Хусену, старался успокоить, пытался увести в дом, даже пообещал, как только улягутся родителн, вывестн ему коня.

Но разве Хусен думал только о коне, что увел Хасан? Вражда, которая неизвестно чем кончится, горе, которое свалнлось из-за него на многнх, — вот что терзало его. Амайг готов был последнее отдать, чтобы помочь Хусену. Несмотря на то что родители его всегда сторонились семьи Беки, Амайг тянулся к Хасану н Хусену, любил их. Родных братьев у него не было, вот он и прнвык с детства к ним, гордился, когда они воевали, немного даже завидовал, особенно, когда узнал, что Хусен вместе с другими мужчипами нх села стонт на Тереке.

Мурад понимал, что ему придется похлопотать и позаботнться о семье Беки. На этот раз не отвертишься. Если станут мстить, то и его в стороне не оставят.

— Первым долгом, — решнл он, — надо поселить в безопасное место Кайпу и Султана: кто знает, как поведет себя обнженная сторона. С Керамом к Кайпе пошел н Амайг. Мурад противнлся, но сын настоял на своем.

Жена Мурада боялась, что Кайпа вдруг явнтся к ним со своим осеннним цыпленком Султаном. И прндется нх на почетное место сажать.

Керам и Амайг вернулись очень скоро. Они были встревожены: ни Кайпы, ни Султана дома не оказалось.

Хусен забеспокоился: может, их увелн людн Соси?

Амайг собрался тотчас идтн на поискн Кайпы и Султана, но на этот раз отец был непоколебим: заявил, что до утра он сына не выпустнт из дому...

Хусен не заметнл, как задремал. Когда он проснулся, перед ним стоял Мурад.

— Виновник события спит, а я с рассвета собираю стариков, — сказал он.

— Ну и как? — вскочил с места тоже было задремавший Керам.

— С чем пошли, с тем и вернулись.

— Что хоть сказали-то? — не отставал Керам.

— То, что я и ожидал: требуют немедленно вернуть девушку. В противном случае угрожают расправой.

Хусен качнулся. «Вернуть? Да разве можно вернуть? — думал он. — Пока я жив, они не увидят Эсет!»

В это время вбежал Амайг.

— Кайпа и Султан в доме Исмаала! — крикнул он радостно.

7

Обычно у Моздока Терек тихий, плавный, словно уставший от стремительного бега. Только не всегда он такой. Стоит в горах пройти дождям, и он злобно набрасывается на мост, яростно рвется из берегов.

Хасан поежился. Ночь выдалась холодная, накануне уже снег выпал. Он натянул шапку по самые уши и поднял воротник полушубка. Ему вспомнилось, как он мерз, когда ехал на крыше вагона. Это было где-то за Ростовом. Он тогда был вместе с земляком Али, с которым встретился в пути. Вспомнился и сам Али, парень из Ачалуков. Как он рвался в родные места! Не суждено было бедняге вернуться.

Там, где кончается Алханчуртская долина, начал алеть краешек неба. И Хасану даже показалось, что стало теплее. Появилась надежда, что через час-другой солнце окончательно отогреет все живое.

Под гору конь пошел быстрее, хотя Хасан и придерживал его. Что же ему делать так рано на берегу Терека? Как там найдешь Исмаала? Он даже не спросил Хусена, где они расположились. Скорее бы уж солнце поднялось да потеплело. «Эх, если б мой полушубок был подлиннее! — не без досады подумал Хасан. — Никакой бы холод тогда не взял».

Что и говорить. В одном рванье вернулся Хасан с войны. Не привез он с собой и столь ему нужного нагана. Хотя на первый случай сгодится и ружье, что от Довта досталось. Хусен не взял его, у него винтовка.

Хасан вспомнил о брате и тут же в душе с досадой выругал его: надел на шею новое ярмо. Дочь Соси ему понадобилась с ее гусиными глазами! Но уж раз умыкнул ее, возвращать нельзя, даже если Соси и вся его родня пойдут на них войной... Хусен недолго пробудет у Мурада. Вот только увидит Хасан Исмаала, расскажет обо всем, посоветуется и вернется в Сагопши. А Хусена отправит в Ачалуки. Винтовку у него, конечно, заберет. В Ачалуках она Хусену не нужна, а Хасану с такой винтовкой не страшен ни Соси с Тарханом, ни родня жениха, ни Саад...

Одолеваемый нелегкими думами, Хасан подъехал к мосту.

Река, еще недавно хорошо видимая, сейчас скрылась в тумане, только местами тускло отсвечивала свинцовым блеском вода. Хасан придержал коня. Въезжать на мост ему незачем. Он уже потянул за повод, чтобы проехать берегом, как на той стороне из тумана вынырнул всадник. Некоторое время они всматривались друг в друга. По одежде и низкой шапке Хасан принял всадника за казака.

Развернув коня, Хасан поехал назад, оставил всаднику и мост и дорогу. Но тот последовал за ним. И тут Хасан увидел еще одного всадника — он нагонял первого.

— Эй, стой!

Хасан не обернулся, надеясь, что по одежде казаки не узнают в нем горца.

— Стой, говорю!

Хасан ударил коня: уйти — это сейчас единственный выход. С ружьем и кинжалом глупо вступать в бой с двумя вооруженными казаками. Прошли те времена, когда Хасан безрассудно, с закрытыми глазами готов был броситься на любого противника.

Рядом просвистели пули. Спасло его то, что конь под ним был быстр. Далеко сзади раздалось еще два выстрела.

Хасан считал себя уже спасенным, как вдруг на дорогу перед ним выскочил человек.

— Стой! Стрилят будим! — крикнул он.

Остановившись, Хасан оглянулся.

Подскакали отставшие казаки.

— Э, да это ведь лошадь Исмаала! — громко сказал один другому.

Хасан обрадовался: свои!

Второй подъехал поближе. Хасан узнал большеголового Ювси.

— Как она попала к нему?

— Хусен, сын Беки, вчера поехал на ней домой...— сказал Ювси, наклонив свою большую голову.

— Салам алейкум, — сказал Хасан.

Один всадник ответил на приветствие, а Ювси, словно не слыша, всматривался в Хасана.

— Или мне чудится, или это действительно ты?

— Не знаю, за кого ты меня принимаешь, — сказал Хасан, улыбаясь, — но если за сына Беки Хасана, то это я.

— Воай [1], да будет твой приход счастливым! — заорал Ювси, соскакивая с коня.

Вслед за ним спешился и Хасан.

— Вот это встреча! Не ждал, не гадал!

Они крепко обнялись. Недалеко от дороги Хасан увидел шалаш. Рядом стоял Исмаал.

— Вот какого мы казака привели, — сказал, рассмеявшись, Ювси. — Посмотри, не узнаешь ли ты его?

Исмаалу было не до шуток. Увидя своего коня, он встревожился, не случилось ли беды с Хусеном. Поднял глаза на всадника и уже собирался спросить, где Хусен, как вдруг замер.

— Э, Хасан! — вырвался у него крик.

Хасан соскочил с коня.

— Да будь же ты здоров! — говорил Исмаал, обнимая Хасана. — Откуда взялся? С неба, что ли, свалился?!

Хасан тоже обрадовался и не знал, что сказать. Он всегда любил Исмаала. И не удивительно было, что встреча так взволновала обоих. Исмаал повел Хасана в шалаш.

— А мы уже и не думали, что ты жив,— сказал он, обнимая Хасана.— Когда полк наш вернулся, совсем надежду потеряли. Ты знаешь о том, что полк вернулся?

— Слыхал.

— Киров, говорят, послал к ним людей, — продолжал Исмаал. — Верных большевиков послал... Это тот

[1] Воай — возглас удивления, радости.

самый Киров, с которым Дауд во Владикавказе встречался. Помнишь, он нам рассказывал?..

Хасан кивнул.

— Так вот, он, говорят, в то время как раз был в Петрограде. Ингушей он знает, понадеялся, что поймут. И не ошибся. Глаза у наших раскрылись. Поняли, на что их толкают, и наотрез отказались идти на Петроград. Офицеры, рассказывают, сначала взялись угрожать. Но пыл их скоро поубавили, и они притихли. А полк отправился домой.

— И сейчас полк во Владикавказе?

— Да нет. Говорят, все разошлись.

— А Хусен что, дома остался? — спросил Исмаал, входя в шалаш.

— Да, — ответил Хасан и опустил голову, не зная, как заговорить о цели своего приезда.

— Ну и правильно сделал, — сказал Исмаал, не сводя с Хасана радостного взгляда. — Кто-то из вас должен быть дома. Кайпа уже из сил выбилась. Нужно дать ей немного передохнуть. Вот он и займется хозяйством.

Хасан покачал головой.

— Если бы он мог заняться хозяйством...

— А почему не может? Что-нибудь случилось?

— Умыкнул девушку, сопляк!

— Да что ты говоришь?! И кого же?

— Дочь Соси!

— Дочь Соси? Вчера ночью, что ли?

Хасан кивнул.

— Ну и как? Людей послали к Соси?

— Если только Мурад?.. Но не думаю. Он места себе не находит, боится, как бы его не втянули во вражду.

— А где же находится девушка?

— В Ачалуках, у тетки.

Прихрамывая больше обычного, Исмаал вышел из шалаша. Хасан последовал за ним.

— Ты останешься здесь, на посту, — сказал он Хасану. — Молодежи тут много, не соскучишься. Мы сначала были в Гушко-Юрте, но вот отступили, говорят, казаки не шли на примирение из-за того, что мы там стояли. Отступили, а мира все равно нет.

...Дав с полчаса отдохнуть коню, Исмаал ускакал в Сагопши.

Туман изорвался в клочья, и сквозь просветы стали пробиваться лучи солнца, мир сделался светлее.

Хасан долго смотрел вслед Исмаалу. Он завидовал ему, ехавшему туда, в Сагопши...

8

Хусен не находил себе места: старики вернулись с сообщением, что Соси требует вернуть Эсет в отчий дом. К тому же Хасан уехал, не сказав куда. И, наконец, он сам, словно птица в клетке, вынужден сидеть в доме Мурада, не в силах ничего предпринять. Мурад боялся, как бы Соси и его родственники не ворвались к нему.

Беспокоился Хусен и об Эсет, которая, как и он, находится взаперти и тоже, наверно, терзается в страхе и неведении. Но она еще надеется на примирение. А Хусен уже не мечтал об этом. Надежды погасли, как сырой орешник, который пытались разжечь без сухих щепок. И нет рядом с Хусеном никого, кто хотел бы помочь ему в беде. Никого, кроме Керама.

Не заезжая к себе домой, Исмаал приехал к Мураду. Хусен и обрадовался его приезду, и огорчился: придется теперь и перед Исмаалом ответ держать. Что еще он скажет?

Но в одном Хусен был твердо уверен: что бы Исмаал ни сказал, как Мурад, он себя не поведет.

Едва встретив Исмаала, Мурад начал жаловаться.

— Вот видишь, что натворил, — сказал он, кивнув в сторону Хусена. — А теперь взваливает свою заботу на других. И тебя, я вижу, оторвали от важного дела...

Сейчас даже то, что делал Исмаал там, за хребтом, Мурад готов был признать важным и нужным делом.

— Надо что-то предпринимать! Разговорами горю не поможешь, — оборвал его Исмаал.

Мурад примолк и не возразил даже тогда, когда Исмаал предложил вторично послать посредников.

К вечеру опять послали стариков.

Но Соси стоял на своем. Старики не сразу повернули назад, они долго уговаривали Соси. Тот, может, и сдался бы, не будь при нем племянника и родственников, особенно одного из них — Гарси, который всего год назад переехал в Сагопши из Ачалуков.

Этот Гарси вел себя так, будто именно он в ответе за судьбу Эсет. Но скорее всего его волновала не честь семьи Соси. Он в родстве с Саадом: жена его — дочь Сейта, убитого брата Саада. И, возможно, памятуя о вражде сыновей Беки с Саадом, он и кипятился в угоду своему сородичу-богачу.

— Ничего, — сказал Исмаал, когда старики вернулись ни с чем, — пошлем еще и еще раз.

Исмаал направился к двери. Он остановился перед Хусеном и сказал:

— А ты поезжай-ка в Ачалуки. Здесь тебе делать нечего.

— И правда, нечего! — обрадовался Мурад. — До примирения даже лучше, если ты будешь там.

Но когда Амайг заявил, что поедет с Хусеном, Мурад пожалел, что поддержал Исмаала.

— Вот и ладно, — кивнул Керам, — пусть едут вместе, вдвоем лучше.

Хусен вскочил на коня Керама, Амайгу Мурад разрешил ехать на своей лошади. Дал он ему и ружье. Отец, конечно, не знал, что его семизарядный револьвер уже лежит в кармане сына.

Но оружие в пути не понадобилось. В Ачалуки прибыли, когда люди уже спали. Только Эсет сидела у окна и, словно ей кто сообщил о приезде Хусена, ждала его, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Едва с улицы донесся конский топот, она бросилась к двери...

Недобрую весть привез ей Хусен. Он не стал скрывать, что произошло в Сагопши. Лучше, если она будет готова ко всему.

В эту ночь глаза Эсет не высыхали. Никто не знал, что она плачет. Эсет была одна в отведенной ей комнате. Старушка оберегала невесту. Мулла еще не благословил молодых, нельзя им быть вместе. А благословит он только после примирения.

На рассвете Амайг уехал, а Сийбат пошла выгонять корову в стадо.

Эсет и Хусен остались вдвоем.

— Если бы ты знал, каким бесконечно длинным был для меня вчерашний день! — сказала Эсет.

— Поверь, Эсет, и для меня тоже. — Хусен нежно обнял ее и вдруг увидел слезы на глазах. — Ты плачешь?

Эсет покачала головой. Рыдания сдавили ей горло.

— А я-то подумал, что ты, может, раскаиваешься, захотела домой. Отец ведь твой требует, чтобы тебя возвратили.

— Я скорее умру, чем вернусь.

— Пока я жив, никто не отнимет тебя у меня. — Эсет прижалась к плечу Хусена. А ему вдруг вспомнились два расписанных памятника на сагопшинском кладбище. Те два памятника брату и сестре, которые он видел еще в детстве. Памятник брату, убитому за похищение засватанной другими девушки, и памятник его сестре, которая не перенесла смерти брата. «Нет, — подумал Хусен, — я буду бороться за Эсет!»

9

Уже несколько дней в доме у Соси с утра и до ночи толкался народ. Словно на похоронах. Стоило появиться посредникам, дом становился похожим на пчелиный рой, все гудели, воинственно махали руками, выкрикивали угрозы похитителю Эсет, но никто не делал попытки выйти за пределы двора и отправиться на поиски девушки. Все они едва ли понимали, зачем сидят здесь и кого стерегут. Разве что Кабират и Соси. Они в последние дни ругались, как враги, и слова подбирали самые обидные, колкие. Соси корил Кабират, что она плохо следила за дочерью, а Кабират, конечно, всю вину свалила на Соси: это он тянул с замужеством Эсет, разрешал ей болтаться по чужим дворам.

Только вмешательство родственников ненадолго прерывало их препирательства. А люди все шли и шли во двор Соси. Даже Ази пришел. Его прислал Саад. Кому-кому, а Сааду очень на руку, если сыновья Беки станут враждовать с тайпом Соси. Ему тогда будет спокойнее.

Ази очень старается угодить Сааду. Он не теряет надежды, что такие люди, как Саад, помогут ему восстановить свою былую власть. На это он бьет и в разговоре с Соси.

— Ты не настолько глуп, чтобы не понимать, кто тебе будет больше нужен, когда прогонят этих смутьянов, — говорит он. — Уж конечно, не сыновья Беки. Я да Саад — вот кто твоя опора.

Глядя на все, что творилось в этом доме, и на то скопище людей, которое здесь собралось, можно было поду-

мать, что значительнее этого события в мире ничего не происходило.

Вслед за Ази прибыли из Сурхохи родственники жениха. Хотя держались они спокойно, но говорили так, словно брали Соси за горло. Тот, виновато опустив голову, почесывал затылок и молчал. В душе он был готов уже рукой махнуть на все — сделанного не исправишь. Но люди вокруг не давали ему забыть обычай предков. Они требовали вражды, и Соси подчинялся.

— Не бывать миру между нами, — говорил он, поглаживая колени. — Ни миру, ни родству! Я заявил об этом посредникам и буду стоять на своем!..

— Правильно ты решил, Соси! — радостно блеснув глазами, поддержал его Гарси. — Мы отберем у них девушку, пусть это будет стоить гибели всему нашему роду! Дайте нам только найти, где она упрятана!..

И тут случилось неожиданное. Старший из родни жениха, подкрутив ус, проговорил:

— Дело ваше, поступайте, как знаете, а нам ваша девушка больше не нужна.

— Как не нужна? — вскинулся Соси. Кончик его уса так и остался вздернутым кверху.

— Не нужна. Зачем она нам после того, как ее коснулись другие руки?

— Так что же вы от нас хотите? — развел руками Соси.

— Хотим только того, что обычай требует. Вы должны возместить нам все наши расходы и уплатить неустойку.

— Все возместим, но платить неустойку... — Соси воздел руки к небу. — Она ведь не отказалась от вашего жениха и не вышла за другого? Ее же украли!

Тот посмотрел на своих, понимающе перемигнулся с ними и с ухмылкой сказал:

— Э-эх, Соси, даже вороны в небе и те знают, что дочь твою не украли.

Один из рода жениха, человек с лошадиным лицом, бросил в лицо Соси:

— Чем вы докажете, что ее украли? Кто скажет, что слышал крики? Меня-то не провести, я в ту ночь был здесь! Все ваше село, и не только село — вся Ингушетия знает правду.

— Не всегда правдой бывает то, о чем говорит все село...

— Ну,— сказал старик,— если ты настаиваешь на своем, подтверди свою правоту по обычаю вайнахов.

Соси опять потянулся пятерней к затылку. Ответить по обычаю — это значит поклясться на Коране. Поклясться всем тайком.

Соси понимал, что пусть даже он возьмет на душу грех, но родственники-то, конечно, не станут давать ложной клятвы.

— Я должен увидеть свою дочь, поговорить с ней,— сказал наконец Соси,— и тогда только решу, могу ли поклясться на Коране.

Старик, возглавлявший родню жениха, скривился, словно глотнул кислого рассола из-под сыра, и встал. Поднялись и его спутники.

— Обещали лосю прицепить хвост, а он и поныне ходит бесхвостым.

Соси от радости, что приехавшие собрались уходить, заюлил, закружился вокруг них, словно пес.

— Бог свидетель, что ты не к месту припомнил эту пословицу. Помяни мое слово, не пройдет и недели, как Эсет будет дома...

— Пусть наш род погибнет, но будет! — подтвердил Гарси.

Тархан глянул на сородича и положил руку на рукоять кинжала, словно хотел этим показать, что он готов умереть первым.

Не знали в Сагопши ни Соси, ни Гарси, ни Тархан и никто из собравшихся здесь людей, что в Ачалуках, так же как и здесь, собрался народ. Только не за тем, чтобы призывать к вражде: всего несколько минут назад мулла освятил брак Хусена и Эсет.

Свершилось это благодаря Сийбат. Точнее, из-за ее тревоги. Увидела она Хусена и Эсет вдвоем и испугалась: где это видано, чтобы до освящения брака муллой мужчина осмелился подойти к девушке! Более страшного греха бедная женщина и представить себе не могла.

Кинулась она к мулле жаловаться, а тот вдруг и заявил, что не может терпеть у себя в селе такое нарушение шариата, и потому уж скорее готов освятить брак Хусена и Эсет без согласия Соси.

Можно представить, как обрадовались этому молодые. А тут еще, на счастье, приехал Хасан. Послали в Сагопши за Керамом и Исмаалом.

Не слышал Соси, с какой радостью и трепетом отвечала согласием его Эсет на вопрос муллы о том, хочет ли она стать женой стоящего рядом с ней Хусена. Не слышал. А то не стал бы он утверждать, что не пройдет и недели, как дочь его вернется в отчий дом.

В доме Соси продолжались переговоры. Старик, тот, что представлял жениха, заявил, что он больше не намерен ездить за ответом, время, мол, смутное, дороги опасные, а потому пора кончать с расчетами.

— Да, время и впрямь смутное... — протянул Соси.

И не успел он закончить свою мысль, как с минарета мечети разнеслось по всему селу:

— Ассалату ва ассалату!..

— Это голос Торко-Хаджи! — сказал Соси. — Похоже, возвещает селу опасность...

Все присутствующие всполошились.

На улице все больше и больше нарастал гул шагов и конский топот. Люди спешили на призыв.

10

Выехав на рассвете из Ачалуков, Амайг свернул на Магомет-Юрт. Ему вдруг представилось, какое удивление и переполох вызовет его появление в станице у Егора. Амайга они, пожалуй, и не узнают — давно уж не мальчишка. Наверно, и Василий стал взрослым?.. Интересно, что он скажет, увидев револьвер у Амайга? Ружьем-то его не удивишь, у него и свое есть, а вот револьвера наверняка нет. Хотя Амайг давно у них не был. За это время многое могло измениться.

Уже у самого Магомет-Юрта Амайг увидел всадника. Тот, похоже, давно приметил Амайга — он явно скакал к нему.

К всаднику подъехал еще один. Амайг поравнялся с ними и проследовал дальше, делая вид, что не обращает на них никакого внимания. Те двое переглянулись, затем один повернул лошадь и затрусил за Амайгом. С тех пор как под Гушко-Юртом произошло столкновение между ингушами и терскими казаками, вновь денно и нощно постовые стерегли все пути-дороги.

Всадник следовал за Амайгом, памятуя о строгом приказе не пропускать в станицу ни единого горца. Прельщал его и отменный конь под незнакомым седоком. Мо-

жет, оттого казак и не трогал пока Амайга, боялся, что, выстрели он на людях, конь достанется кому-нибудь другому. Вот за станицей убрать пришельца — это другое дело.

Так они ехали, думая каждый о своем, как неожиданно Амайг свернул в станицу.

— Назад! — крикнул казак.

Остановив коня, Амайг оглянулся.

— Куда прешь, вон дорога на Моздок!

Тут подоспел и второй казак.

— Странный парень, никого не боится.

— Может, казак? — сказал подъехавший.

— Разве он казак, нешто не видишь, какая на нем шапка?

— Похоже, он не понимает нашей речи.

— Ты, звереныш, — крикнул первый из всадников, — подъезжай сюда!

— Зверей ищите в лесу! — зло ответил Амайг.

Казаки переглянулись.

— Слыхал? — сказал один. — А ты говорил, что он не понимает меня. Смотри, как русский выучил! Но ничего, сейчас он у меня все забудет — и родной свой язык, не то что русский!

Второй, на сером коне, вдруг прищурился и пристально посмотрел на Амайга.

— Погоди, погоди, — махнул он товарищу.

— Чего ждать? — Казак на сером коне не обращал внимания на товарища.

— Ты Ахмет? — спросил он остановившегося неподалеку Амайга, правая рука которого лежала в кармане шубы и крепко сжимала рукоять взведенного револьвера.

— Да, Ахмет, — ответил Амайг, кивнув головой и внимательно глядя на всадника.

И вдруг казак широко улыбнулся и крикнул:

— Амайка! Это ты?

Амайг узнал его. Перед ним был Вася, сын Егора.

— Куда путь держишь?

— К вам еду!

Амайг и Вася обнялись и через минуту уже вместе ехали в станицу. Второй казак крикнул им вслед:

— Я тоже домой. Мне не больше других нужно!

Вася пообещал, что вернется мигом, и упросил напарника не бросать пост.

— У нас приказ, ни одного горца не подпускать к станице.

— С чего это?

— Откуда мне знать? Говорят, полковник Рымарь из Моздока так приказал. Он теперь командует нашими казаками... — Вася посмотрел на ружье Амайга и улыбнулся. — Ты, наверное, думаешь, что с ним тебе сам черт не страшен? У наших казаков, знаешь, какие ружья? Пятизарядные!..

И тут Амайг не выдержал: сунул руку в карман, чуть вынул рукоять револьвера и гордо глянул на Васю.

Но тот только махнул рукой.

— И револьверы у нас есть. Всякое навезли с войны.— Он потрогал висевшую за спиной винтовку. — Эту привезли с турецкой. Купил отец у одного. И патронов предостаточно, а все равно ругается, стоит мне за день хоть один извести. Надо, говорит, беречь, война, мол, будет. Ты что-нибудь слыхал?

Амайг пожал плечами. А Вася рассказывал и рассказывал, словно боялся, что не успеет выговориться.

— Если будет война, я уж не усижу дома, как прежде.

— И я пойду, — ответил Амайг.

— Вот бы хорошо попасть нам в одну сотню! Не правда ли, Амайка?

— Что и говорить! — согласился Амайг.

— Хорошо бы, да только ничего из этого не выйдет, — вздохнул Вася. — Казаки, видишь ли, в разладе с вашими.

Помолчав немного, Вася спросил:

— Ты сегодня у нас заночуешь?

Амайгу, честно говоря, уже не хотелось остаться у них. После всех разговоров он даже пожалел, что не поверил отцу, когда тот отговаривал его ехать. Выходит, Мурад вовсе не пугал его, и здесь действительно все очень изменилось! Но отчего?.. Ответить на этот вопрос Амайг не мог...

— Я ночую дома, — сказал Вася. — Молодых только днем ставят на пост. А ночами караулят те, кто на войне был. Ругаются на чем свет стоит, три года, говорят, мечтали о доме и, на тебе, опять гоняй по степи.

Увидев Амайга, Егор очень удивился и искренне обрадовался.

— Смотри, как вырос! — воскликнул он. — Встреть я тебя в другом месте — и не узнал бы.

Егор погрустнел. Ему представилось, что, натолкнись он на Амайга где-нибудь на дороге, чего доброго, и убить бы мог. А за что? В чем виноват этот ребенок? Егор тряхнул головой, словно хотел освободиться от одолевающих его мыслей, и улыбнулся Амайгу.

— Заходи в дом. Интересно, мать признает тебя? А ты, сын, возвращайся на пост, — сказал он Васе.

Наутро Амайг собрался в путь. Проводить его поехал Вася. Далеко за селом они стали прощаться.

— Вася, — сказал вдруг Амайг, — ты не помог бы мне купить винтовку?

Вася удивленно посмотрел на друга и пожал плечами:

— Попробую, поговорю с одним человеком. А когда тебе ее надо?

— Чем скорее, тем лучше.

— Что ж, приезжай в следующий мой пост — через три дня. Не то на других напорешься, беды не миновать.

На том они и распрощались.

Дома Амайг никому не проговорился, что ездил в Магомет-Юрт. А когда в назначенный день он снова туда собрался, сказал, что едет в Ачалуки повидать Хусена. Как ни просили его, как ни уговаривали отец и мать, он стоял на своем. Не мог он отказаться от поездки, когда у него уже лежали в кармане тайком взятые из сундука пятьдесят рублей, а в душе жила надежда стать обладателем собственной винтовки.

Едва отец ушел в мечеть к намазу, Амайг исчез со двора. На этот раз в Амайге трудно было узнать горца. Он оделся в свою форму, ту, что носил еще во Владикавказе в реальном училище. Может, потому постовые и пропустили его.

Вася ждал его на пути к станице. Он против ожидания не был назначен в этот день на пост, но выехал встречать друга, уверенный, что Амайг непременно приедет. Желанной винтовки он не достал. Еще печальнее было то, что сказал Амайгу Егор.

— Неважны, сынок, дела! Тебе надо пробираться домой, да как можно скорее.

— Сказился ты, что ли, старик? — всплеснула руками жена. — Не успел человек приехать, а ты его домой отсылаешь. Отдохнуть ему надо, угоститься. А там... может, к вечеру...

— К вечеру! — рассерженно оборвал ее Егор. — А если к вечеру уже будет поздно? Если война начнется в полдень?

— Какая война? Что ты мелешь, прости тебя господи?

— Какая, говоришь, война? Между горцами и казаками! Сегодня на сходе только о ней и говорили. Проклятое офицерье, всю жизнь на нашей шее сидит. Хочешь не хочешь, воюй за них. А не станешь воевать, лишат казацкого звания.

— Ну и пусть лишат, — махнула рукой жена Егора. — Не казаки мы, русские!

— А земля? — Егор сверкнул на нее глазами. — Что, если отберут? Какая тебе тогда польза с того, что ты русская?

Жена замолчала.

Амайг войны не боялся, но стать врагом тех, в чьем доме он сейчас сидел, этого Амайг и представить себе не мог. Давно, когда он еще учился во Владикавказе, Амайг не раз слыхал разговоры про то, что, как только свергнут царя, все народы станут равными, словно одна нация. Николая свергли, Керенского тоже убрали, вражда же между народами не только не утихает, наоборот, усиливается. А почему? Он никак этого не поймет. Кто виноват в том, что его, Амайга, и семью Егора хотят заставить воевать между собой? И за что они должны воевать?

— Ничего, сынок! — Ладонь Егора легла на плечо Амайга. — Такая она штука, жизнь! Не горюй, не всегда так будет. А сейчас поезжай домой. Не дай бог, заваруха начнется. Не миновать тогда беды. Да и родители небось беспокоятся.

Они вышли. У околицы попрощались, и Амайг пустил коня рысью. Не потому, что боялся погони, хотелось как можно скорее сообщить своим о том, что казаки собираются на них войной.

Мурад встретил сына на пороге дома. Он уставился на взмыленного коня, от которого валом валил пар.

— Зачем же так загонять коня? Или, может, за тобой кто гнался? — Мурад потянул лошадь за уздечку.

— Никто за мной не гнался! — буркнул Амайг. — Просто я спешил сказать, что война будет!

— Что? — так и застыл с открытым ртом Мурад. В голове тотчас мелькнуло: «Война! Значит, заберут сына. Столько лет растил, учил его. И все для войны?»

— Они, может, уж движутся на нас!

— Кто? — с трудом проговорил Мурад.

— Казаки! И моздокские и магомет-юртовские. Это они хотят воевать с нами! Егор сказал, что сегодня выступят. Я пойду, надо людям сообщить.

Мурад стеной встал перед сыном:

— Никуда не пойдешь! — крикнул он. — Слышишь? Ни-ку-да! Нам нет дела ни до какой войны. Будем спокойно сидеть в своем доме, и никто нас не тронет.

Но Амайг, не слушая, пошел со двора.

— Ну и иди! — крикнул Мурад в бессилии. — Только знай: я не прощу тебе ни на том, ни на этом свете!..

11

Дом Торко-Хаджи высится посреди большого двора, ворота которого обращены к мечети. Ту часть забора, что тянется вдоль улицы, старик и два его сына содержат в исправности, чтобы не испортить вид, а ту, что разделяет их с соседями, кое-как.

У Торко-Хаджи нет богатства, за высокими заборами ему прятать нечего. Корова, теленок при ней да лошадь— вот и вся живность...

Старик еще от отца своего унаследовал правило жить честно, делить с соседями все радости и беды. Он рано остался сиротой, несладким было детство, проведенное в доме у небогатых родственников по материнской линии. Все, что было им под силу, — это отдать мальчика в религиозную школу — хужаре. Такие школы царскими правителями не запрещались. Наоборот, на их воспитанников полагались больше, чем на кого бы то ни было: служитель бога против царя не пойдет. Царь-то, он ведь — наместник бога?..

Торко-Хаджи проявил особое усердие и способности в учении, и дядя, собравшись из последних сил, после окончания хужаре отправил юношу в Чечню к ученым муллам. Уж очень ему хотелось, чтобы племянник стал муллой. Старик видел, что если кто и богатеет, так это муллы. Ну, а разбогатеет Торко-Хаджи — перепадет и ему...

Задумал дядя все как надо. Но жизнь повернула по-своему. Муллой Торко стал. А вот богатства так и не нажил.

Родственники от надежд своих не отступились. И задумали отправить его в Мекку.

Совершить паломничество в святая святых мусульманства дано не каждому. И уж если кто дойдет до Мекки да станет хаджи [1], будет по возвращении пользоваться особым влиянием и властью. Во всяком случае, родичи Торко очень на это рассчитывали.

Снарядили они его в дорогу. Трудным и бесконечно долгим был путь Торко и его спутников в Аравию и обратно. Добирались и морем и сушей. И многое, очень многое открылось паломнику в дальней дороге.

Торко увидел и узнал, что жизнь простого народа всюду очень тяжелая. С грустью вглядывался он в иссохшие, изможденные лица портового люда и очень скоро понял, что голод и нужда в этих «благословенных богом» местах, пожалуй, пострашнее, чем в родном Сагопши. И стал Торко все чаще задумываться над тем, отчего это мир так устроен, что больше всего в нем страдает тот, кто от зари до зари гнет спину на богачей? Вопросы свои он мысленно не раз обращал и к богу. Только бог ответа на них не давал. До всего приходилось додумываться самому...

Вернулся Торко, теперь уже Торко-Хаджи, и зажил совсем не так, как мечталось его родным. Он, и став муллой, навсегда определил себе и своей семье жить только своим трудом. Все, положенные по обычаю, подношения мулле, он отправлял обратно. Предлагал отдать их сиротам и бедным сельчанам.

С годами Торко-Хаджи снискал огромное уважение и почтение в народе. Шли к нему и за советом, и радостью поделиться, и горе поведать...

Так он и жил многие годы. Торко-Хаджи, хоть и был поборником бога, одним из первых приветствовал свержение царя и, узнав о том, что большевики дают народу землю, свободу и равенство, принял их власть как свою кровную, и без колебаний встал на сторону Советов...

Амайг остановился у самых ворот. Не решался он ворваться в чужой двор. Кликнуть Торко-Хаджи тоже было неудобно, а имен других членов семьи Амайг не знал. Ждал он, ждал, чтобы кто-нибудь вышел, но так и

[1] Хаджи — правоверный мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.

не дождавшись, направился наконец во двор. И тут его кто-то позвал от ворот:

«Эй, парень! Подойди-ка сюда!»

Амайг повернулся и увидел двух всадников: Малсага и еще какого-то незнакомого мужчину в шубе с каракулевым воротником.

— Не скажешь, старик дома или нет? — спросил Исмаал и, узнав Амайга, улыбнулся: — А ты-то сюда зачем пришел?

— Да я... тоже к нему. Мне надо сообщить, что казаки идут на нас войной.

Оба удивленно переглянулись.

— А ты откуда знаешь об этом?

— Я был сегодня в Магомет-Юрте. Там и узнал. Егор сказал, наш знакомый.

— Ну, видишь теперь? — мужчина посмотрел на Малсага.— Сомнений быть не может. Впрочем, если бы казаки не замышляли этого, они не созвали бы съезда в Моздоке без ингушей и чеченцев.

Привязав лошадей к забору, все трое направились во двор.

Торко-Хаджи был дома, приделывал к хомуту новый войлок. Увидев гостей, старик бросил работу, вышел навстречу.

— Дауд?! — воскликнул он. — Да будет благословенным твой приход! Входите в дом, нельзя таких дорогих гостей принимать на пороге.

— Нет-нет,— остановил его Дауд. — Дело не терпит. Выслушай нас, и мы поедем.

Густые серые брови Торко-Хаджи нахмурились.

— Что случилось?

— Казаки собираются на нас войной. Есть сведения, что терские и сунженские вот-вот выступят.

— Выступят, говоришь? — спросил старик. — Что ж, пусть выступают, но победы им не видать!

— Этот парень говорит, что магомет-юртовские тоже наготове и ждут только команды, — добавил Малсаг. Он был сегодня там.

— Жена, вынеси-ка мне шапку и шубу,— крикнул Торко-Хаджи в дверь.

Надев овчинную шубу, крытую домотканым сукном, и черную овчинную шапку, обвязанную белой как снег чалмой, Торко-Хаджи сказал:

— Я сейчас соберу здешних. А вы подымите пседахцев и кескемовцев. Поговорите в Кескелес с Эдабли-Хаджи, а в Пседахе — с Мусаипом из рода Алерой. Мусаип возглавлял своих аульчан, когда шли на Гушко-Юрт. Это человек храбрый и умный.

— Он, как и ты, — сказал Малсаг, глядя на Дауда, — сполна натерпелся во времена Николая-падишаха.

— Я слыхал, — кивнул Дауд, — слыхал, что он и в тюрьме был, и по Сибири прошелся. А еще он отряд организовал из своих односельчан. Красный отряд.

— Верно, — подтвердил Торко-Хаджи.

На этом они закончили разговор. Старик тотчас пошел в мечеть, а Дауд с Малсагом вскочили на своих коней и умчались.

Амайг остался стоять у калитки, во дворе мечети. Идти ему было некуда. Возвращаться к себе нельзя — отец всякое может придумать, чтобы только засадить его дома и не отпустить на войну. Надо переждать. Скоро народ соберется. Тогда все и решится. Амайг поступит так, как и все другие сельчане.

С минарета донесся знакомый голос. Амайг поднял голову и увидел Торко-Хаджи. Удивлению юноши не было границ: и как только этот старик, который всего минуту назад стоял тут, рядом с ним, успел уже оказаться на минарете?

Торко-Хаджи так же быстро, как и взобрался, сошел вниз. Увидя Амайга, он попросил:

— Поезжай, сынок, созывай народ к мечети. Я тебе сейчас коня выведу. Наших дома нет — ни Абдул-Муталиба, ни Зяуддина.

Амайг с радостью согласился.

— Поторопись, да будет долгой твоя жизнь, — сказал старик, когда Амайг вскочил в седло. Проедешь сначала в один конец, затем в другой. И кричи во всю мочь: «Собирайтесь у мечети! Война».

Вихрем носился Амайг по селу.

— Люди! — кричал он. — Собирайтесь у мечети! Война!..

Не прошло и получаса — весь народ сбежался на площадь.

— Что случилось? — спрашивали все друг у друга. — Какая война? Кто идет на нас?

Разговор с народом повел Торко-Хаджи.

— Люди, сказал он, — мы не хотим войны, мы хотим жить в мире со всеми нашими соседями, но, если нам угрожают, надо быть готовыми отразить удар. Вокруг нас еще много таких людей, которые не хотят новой власти. Они делают все, чтобы поссорить народы друг с другом, а потом сказать: вот что делается при новой власти, все воюют между собой. Точно так было в Гушко-Юрте. Мы должны объединить свои силы. Я понимаю, что вам нелегко снова покинуть свои дома, но это необходимо. Ведь не дай бог, если враг застигнет нас врасплох у наших очагов! Тогда уж будет куда труднее...

Люди слушали Торко-Хаджи, согласно кивали и только тяжело вздыхали.

— Сегодня ночью, — продолжал свою речь Торко-Хаджи, — мы должны занять ближний склон у Терека.— Пседахцы и кескемовцы займут свои позиции, к ним уже поехали. Сколько вам надо времени?

— Один час. Больше не надо, — зашумели вокруг.

— Хватит и получаса, — крикнул кто-то.

— Пусть будет час! — оборвал споры Торко-Хаджи. Пищу и воду вам подвезут на место. Завтра утром на площадь пусть несут кто что сможет.

Товмарза, толкнув локтем стоявшего рядом Алайга, спросил:

— А кто у них командиром будет?

— Торко-Хаджи, конечно! Едва ли еще кого другого так уважают в нашем народе.

Товмарза горячо дохнул в ухо Алайга:

— Уважения мало, надо еще военный опыт иметь. У войны свои секреты. У казаков ведь офицеры будут.

Гойберд невольно услыхал, что говорил Товмарза.

— А разве в Гушко-Юрте не было офицеров? — сказал он. — Отбросили же наши казаков? Клянусь богом, отбросили. И на этот раз так будет!

— Уж ты-то молчал бы,— махнул рукой Товмарза.

— И ты не лезь не в свои дела.

Товмарза пренебрежительно усмехнулся.

— Тоже нос задрал! Не слишком ли торопишься?

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что слышал. Если на твоих плечах голова, а не арбуз, поймешь.

— Перестаньте, эй, слушать мешаете, — закричали на них.

— Ну, поторапливайтесь, — закончил Торко-Хаджи. — Через час мы уже должны быть в пути...

Итак, Хасан снова должен был покинуть село. С самого приезда он всего две ночи провел с матерью и братом. Друзья не раз предлагали ему побыть дома, понимали, что после долгого отсутствия человеку надо и со своими пожить хоть неделю, наговориться, передохнуть, но Хасан и думать об этом не хотел. Сейчас не то время. Каждый, кто носит шапку и считает себя мужчиной, должен сделать все возможное, чтобы защитить новую власть...

Площадь быстро пустела. Скоро на ней остался только один Амайг. Он с завистью глядел вслед уходящим. Счастливые, они могут пойти домой, припасти все, что надо в путь, и уехать. А он? Уехать-то и он бы мог. Но пешком не пойдешь. А коня Мурад и Кудас, хоть умри, не дадут.

Чья-то большая рука подхватила Амайга под локоть.

— Пошли домой, чего ты здесь стоишь, когда все разошлись, — сказал отец.

Амайг молча пошел за ним. Удивленный таким послушанием сына, Мурад летел, как на крыльях.

— Я давно ищу тебя. Рано утром нам с тобой надо ехать в Той-Юрт. — Мурад говорил быстро, словно боялся, как бы Амайг не вставил слова, не отказался. — Твои родственники по матери нашли там достойных людей, которые хотят с нами породниться. Прутья, говорят, следует гнуть, пока они сырые.

Амайг молчал, Мурад совсем разошелся.

— Завтра мы будем там и, пока не сладим дело, не вернемся. Барана, а если надо, и быка купим на месте. Ничего не пожалею для единственного сына...

Амайг молчал не из смирения. Он просто думал о своем, о револьвере, о пятидесяти рублях, которые лежат у него в кармане. Если отец кинется за деньгами в сундук, можно себе представить, что с ним произойдет.

Но, на счастье, Мурада хватило только на то, чтобы поесть и завалиться спать. Утром ведь надо ни свет ни заря подниматься.

Проснулся он, когда пропели вторые петухи и пошел будить сына. Но того не было. Мурад кинулся в сарай. Коня на месте тоже не оказалось.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Холод на перевале невыносимый. Ветер пронизывал до костей, а укрыться было негде. Разве только прижаться к лошади. Но это не спасало.

Хасан невольно завидовал пседахцам. На их стороне по всему склону лес, можно разжечь костры, обогреться. Тут же, где расположились сагопшинцы, голо, как на осмоленной бараньей голове. Даже бурьяна и того нет. Чтобы не замерзнуть, Хасан ходил взад и вперед. Грелся.

— Это не дело,— послышался голос Элберда. — Еще одну такую ночь здесь проведешь — и уже не будешь годен ни для войны, ни для дома.

Товмарза, пока Элберд не заговорил, принимал его со спины за Гойберда и все хотел подтрунить над ним.

Сейчас Товмарза благодарил бога, что не сделал этого. Не забыл он пощечины, полученной некогда от Элберда за насмешку. Она так и осталась неотомщенной.

— У тебя нос слишком большой,— пошутил Гарси.— Он и притягивает к тебе весь холод.

— Большой и горбатый нос — куда меньшая беда, чем такой вдавленный, как у тебя, точно казачье седло! — отпарировал Элберд.

Гарси засмеялся.

— Конечно, большой нос не беда, но не мешало бы тебе и запасной иметь, на людях с ним показываться. Не то с таким заметным и от пули не-убережешься.

— Ты лучше о своей башке думай, ее береги, о моем носе не тревожься.

— Э, Элберд, — сказал Гарси, сообразив, что разговор грозит перейти в ссору. — Я не думал, что ты такой обидчивый, шуток не понимаешь.

Кто-то, боясь, как бы не получилось скандала, перевел разговор на другое.

— Эх, нам бы сейчас теплую комнату да красивых девушек!

— И гармошку, — добавил кто-то.

— И без гармошки бы можно обойтись, — глубоко вздохнул Элберд. При слове девушки он тотчас забыл о Гарси...

А Гарси уже пристал к Товмарзе.

— Граммофон, наверно, — поправил его Малсаг.

— Где ты взял его, Товмарза? — спросил кто-то. Товмарза медлил с ответом.

— С Терека привез, — ответил за него Гарси. — Когда мы на стороне кумыков выступили против казаков. Ну и вещь! — улыбнулся он, довольно накручивая ус на палец.

— Надо было и себе взять, чтобы другим не завидовать, — буркнул Товмарза.

— Зачем мне музыка? Я себе коня привел. Диво, не конь! — гордо сказал Гарси. — А веселье ты нам устроишь.

— Не играет он! — пожал плечами Товмарза, метнув сердитый взгляд в сторону Гарси.

— Почему? Что с ним случилось? — раздалось сразу несколько голосов.

— Как же он будет играть, если нет пластинок, которые кладут в него? — Хасан узнал голос большеголового Ювси. — Товмарза думал, что это так, мусор. Вот он и побил пластинки, на которых записана музыка, круги такие черные.

Слова Ювси вызвали хохот.

— А если положить на эту штуку чугунную сковороду, не заиграет? — спросил кто-то. — А, Товмарза?

— Что хочу, то и положу, хоть сковородку.

Не успел затихнуть смех, как Малсаг серьезно сказал:

— Что ты положишь, это твое дело, но то, что ты чужое взял, это дело и наше.

— Правильно, — поддержали со всех сторон. — Не грабить пришли.

— Что у вас за шум? — послышалось вдруг.

Увлеченные разговором люди не заметили, как подъехали Торко-Хаджи и Дауд.

— Не допустите, чтобы дружба и согласие между вами нарушились, — сказал Дауд. — Будьте как родные братья в эти трудные дни. Помните: только все вместе мы сможем устоять против врага.

Восход солнца не принес желанного тепла, хотя ветер и утих. Хасану даже показалось, что стало еще холоднее. Может, оттого, что очень уж продрог за ночь.

Алханчуртская долина, как обычно, была словно шалью укутана туманом, откуда вынырнул всадник. Присмотревшись, Хасан узнал Амайга.

— Как ты нашел нас? — удивился Хасан.

— Я бы вчера поехал с вами, но дади коня не дал бы. А без коня не уедешь. Вот и пришлось ждать, пока он уснет. Тайком убежал.

В полдень приехал Исмаал.

— Что нового? — спросил он, недовольно отметив присутствие неприятного ему Гарси. Правда, и Товмарзу Исмаал недолюбливал, но тот мешал не больше перепуганной собаки, что сидит в конуре, поджав хвост. Гарси — человек другой. Этого не припугнешь... А потому, пока не будет мира между семьями Беки и Соси, его лучше остерегаться.

— Здесь ничего нового, — ответил Хасан. — Так и сидим, поглядываем на Терек. Как дома?

— Я даже не заезжал туда — был в Ачалуках...

— А там как? — спросил Хасан.

— Мулла благословил Соси в жены Хусену, — сказал Исмаал. — Теперь пусть хоть век не мирится...

Гарси все слышал. Он сердито посмотрел в их сторону, но ничего не сказал. Одному против троих не устоять.

Днем Гарси исчез. Наверное, поспешил сообщить об услышанном Соси.

Еду привезли в полдень. Здесь было все: чуреки, сыры, яйца, даже куры. Женщины, думая о своих мужьях или сыновьях, отдали все, что было в доме.

В арбе, которая подъехала к Хасану, сидел Мажи. Посмотрев на него, Хасан улыбнулся и подумал: «И набил же ты, наверное, сегодня свой живот».

После обеда Хасан почувствовал тяжесть во всем теле. Веки едва поднимались. Спутав лошадь, он пустил ее пастись, а сам прилег тут же, поблизости. Земля еще была холодная, сырая. Пахло прошлогодней травой. Хасану нравился этот запах. Он с наслаждением вдыхал его полной грудью.

Солнце приятно пригревало. Кругом было светло и спокойно. Туман рассеялся, и села, разбросанные по Алханчуртской долине, были видны как на ладони. День был тихий, мирный. Хасан закрыл глаза. Ему представилось, что он на пахоте прилег отдохнуть в послеобеденный час. Слышно, как лошадь жует сухую траву, как она похрапывает, будто простуженная. Совсем как на пахоте.

— Пусть бы уж они начинали свою войну,— услышал Хасан. Это был голос Ювси. — Надоели эти ночи в степи...

— Надо бы разведать, что они там думают, — сказал Элберд. — А что, если, пока мы здесь стоим, они у Магомет-Юрта перейдут перевал и ударят с долины.

— Так что ж, по-твоему, Торко-Хаджи не думал об этом? — вмешался кто-то.

Хасан не посмотрел в сторону говорившего. Он задумался над словами Элберда.

— И все же лучше бы разведать, — настаивал на своем Элберд. — Как это делают на войне? Посылают людей в разведку... Вот бы пробраться в Моздок...

— О Моздоке и думать нечего, — проговорил Исмаал, размышляя.— Хоть бы в хутор к Федору попасть. Уж он-то сообщил бы все, что знает.

— А если Федор заодно с ними, с казаками? — спросил вдруг Хасан.

— Федор? Ну нет! Он за Советскую власть. Я это твердо знаю! — уверенно сказал Исмаал. — Я не раз бывал у него. Вот только теперь не попадешь.

— Хорошо тому, кто на казака смахивает, куда хочешь пройти сможет! — подумал вслух Элберд.

Хасан невольно вспомнил, как Митя не раз говаривал, что он, Хасан, похож в своей одежде на казака. Может быть, поехать? Но, как бы отвечая на его мысли, Исмаал сказал Элберду:

— Никому сейчас не пробраться. Разве что по небу да под землей.

— Верно говоришь! — согласно закивали несколько человек.

Весь день Хасан провел в раздумьях. И никто не знал его мыслей... Даже Исмаалу он ничего не сказал, боясь, как бы не воспротивился. Под вечер он поделился с Ювси. Стал звать его с собой.

Ювси сначала было согласился, но потом передумал. И Хасан пожалел, что проговорился ему.

Амайг все выпытывал Хасана, что он надумал. Особенно после того, как он попросил у Амайга револьвер.

— Хочешь подкараулить Саада?

— Нет.

— Пойдешь в Моздок?

— Нет.

— А куда же ты?

— Вернусь — расскажу.

Амайг дал ему револьвер. Хасан оставил свое ружье. С наступлением темноты его уже не было в лагере. Хватились скоро. Но никто не знал, куда он ушел. Ювси тоже ничего не сказал. Может, побоялся, чтобы не сочли за труса?..

2

Хасану вспомнилась ночь, когда он шел в Витэ-балку, чтобы увести лошадь Товмарзы. Страшная это была ночь, страшным был и его путь, но по сравнению с сегодняшней ночью и сегодняшним путем то было ничто. Витэ-балка — не Терек. На Терек не каждый осмелится пойти. Но Хасан шел по велению сердца, и это придавало ему решимость.

Тьма сгустилась настолько, что, казалось, весь шум и все звуки ночи окутала собой. Хорошо, что он не на коне. В темноте могут и не приметить. Невдалеке послышался собачий лай. Хасан задумался: то ли это село, в котором живет Федор. Наконец из темноты вынырнули покрытые инеем деревья, а рядом с ними Хасан заметил невысокий плетень. Из-за него выехали два всадника. Хасан с деланным безразличием шел прямо в село. Всадники пустили коней ему наперерез. Хасан изо всех сил старался казаться спокойным, но сердце предательски стучало, а ладонь, крепко сжимавшая в кармане рукоять револьвера, вся взмокла.

— Эй! Стой! — крикнул один из всадников, словно боялся, что не догонит ходока, если не остановит.

Хасан не заставил повторять приказ: может, примут за мирного человека и проедут мимо. Ну, а если нет, тогда Хасан пустит в ход оружие.

Всадники приблизились, и, к своему удивлению, Хасан услышал нерусскую речь. Это несколько успокоило его. «Значит, не казаки! — подумал он. — А кто же? Кабардинцы или осетины?» В том, что это не кумыки, он был уверен. Кумыки все сейчас в Сагопши, в Пседахе и Кескеме. «Наверно, заблудился, — решил Хасан, — и попал совсем не в то село. Но куда же?»

Всадники встали по обе стороны Хасана, словно арестовали его. Один спросил, кто он такой. Хасан ответил на вопрос и в свою очередь поинтересовался, кто они.

— Кабардинцы мы.

— А что это за село? — совсем осмелел Хасан.

— Бековичи.

Хасан знал, что так кабардинцы называют Гушко-Юрт. Он удивился, что делают кабардинцы в этом опустевшем кумыкском селе, и уже хотел спросить об этом, но один из всадников опередил его:

— Куда идешь? — спросил он.

Хасан ответил.

Всадники недоуменно переглянулись.

— А ты знаешь, что казаки собрались войной на вас?

— Знаю.

— Как же ты решился идти прямо к ним в руки? Смерти ищешь?

Хасан секунду помолчал и спросил:

— А когда они выступать собираются?

Всадник пожал плечами.

— Наше дело возвращать всех назад, чтобы не допустить войны между казаками и вами. Целый отряд нас здесь поставлен. Как, не знаю, ты проскользнул. Но дальше не пойдешь. Езжай назад.

Хасан стал просить, чтобы его пропустили, убеждал, что по его одежде никак не определишь, ингуш он или нет, что там, куда он идет, у него есть друг, много друзей. Говорил и сам верил, хотя, кроме Федора и Нюрки, никого в станице не знал...

Всадник что-то сказал своему спутнику, вероятно, советовался. Наконец он проговорил:

— Ладно. Мы пропустим тебя. Только спустись вниз и иди берегом реки. Если пойдешь верхом, обязательно напорешься на казаков.

Хасан заспешил, словно боялся, как бы они не передумали и не вернули его.

Терек оказался совсем близко. Он был удивительно спокойным, словно изнемог от длинного пути. А жаль. Будь он бурным и шумным, Хасану легче было бы скрываться. Сейчас приходилось думать о каждом шаге, ступать с осторожностью кошки.

Сверху донесся стук конских копыт. Хасан остановился, прислушался. Потом ускорил шаг, под ногами зашуршала осыпь.

— Саня, слыхал? — донеслось до Хасана сверху. Говорили по-русски.

«Казаки!» — остановился как вкопанный Хасан.

— Что слыхал? — переспросил другой голос.

— То ли галька осыпалась, то ли ледок хрустнул.

— А-а, это, наверно, заблудшая скотина.

— Что-то непохоже на скотину.

— Не говори ерунды.

— И все-таки надо проверить, что это был за треск.

Хасан стоял, плотно прижавшись к ровному, как стена, обрыву. Увидеть его сверху было невозможно.

— Давай спустимся вниз, а, Санек? Посмотрим, что там такое? — приставал казак к товарищу.

«Будь проклят твой отец, — выругался в душе Хасан. — Если ты посмотришь на меня, то на другого тебе уже в этой жизни смотреть не придется. Спускайся!»

— А что ты мне дашь, если там никого нет? — спросил тот, кого называли Саней. — Десяток патронов, идет?

— Идет!

Оба взяли с места рысью. К счастью Хасана, берег был такой крутой и высокий, что спуститься можно было, только отъехав вкруговую. Хасан успел найти себе укромное место.

Всадники — один у обрыва, а другой, держась ближе к берегу, — медленно приближались к месту, где находился Хасан. Но вот они проехали мимо. Не успел топот копыт затихнуть, как Хасан снова услышал его. Видно, решили вернуться. Не доезжая до Хасана всего шагов десять, всадники остановились.

— Откуда-то отсюда донесся треск, — сказал один.

— «Отсюда, отсюда», — передразнил другой. — И теперь не веришь, что здесь никого не было? Ну и рыскай себе, а я поднимусь наверх. Кто знает, пока мы здесь крутимся, там, может...

Хлестнув коня, казак ускакал; спустя минуту и другой припустил за ним.

Не встретив больше никого, Хасан благополучно добрался до села. Некоторое время он стоял у околицы и размышлял: не обойти ли вокруг? Наконец решил, что идти прямиком, пожалуй, безопаснее.

Хасан смело вошел в село, будто к себе в Сагопши. В домах еще спали, только собаки уже пробудились и лаяли. Хасану казалось, что они будят народ: ловите, мол, его.

На счастье, навстречу никто не попадался. Можно было подумать, что, кроме собак, в селе никого и нет.

Хасан шел, не сбавляя шага, спешил как можно скорее добраться до цели.

3

Калитка в воротах дома Федора была наполовину приоткрыта. У конуры сидела и тявкала небольшая собачонка. Хасан приласкал ее, она завиляла хвостом, обнюхала гостя и побежала за ним.

Федор не сразу узнал Хасана. Легко ли, если видел в последний раз мальчишкой, а сейчас перед ним взрослый мужчина, хотя ростом и невелик.

— Посмотри на него! — воскликнул Федор, обхватив гостя за плечи и крепко сжав его. — Какими судьбами?

Не успел Хасан ответить, как Федор потянул его в дом. А там опять засыпал вопросами. Когда Хасан объяснил Федору, откуда и как он добрался, тот покачал головой:

— Так, парень, и без головы недолго остаться.

— Пусть,— махнул рукой Хасан.

— Пусть? Смерти захотел? Жить надо, а не погибать.

— А если не дают жить? Едва дождались перемен, и вот снова войну затевают. Кому она нужна?

— Тем, кому новая власть не по душе. Офицерам, атаманам, богачам разным. Ты думаешь, казакам нужна война? Ничуть! За четыре-то года она всем надоела.

Казак тоже хочет спокойно трудиться на своей земле, наладить расстроенное хозяйство. А офицеры ему говорят: «Бросай землю да хозяйство и готовься к войне. Бей горцев, а не побьешь — они прогонят тебя с земли».

— Кто прогонит? — перебил Хасан. — Мы, что ли? Зачем нам казачья земля? Сполна хватит той, что отобрали у Угрома да у Мазая...

— Я-то понимаю, что это бредни офицеров, которые спят и во сне видят, как бы посеять вражду между горцами и казаками. Раньше я этого не понимал, а теперь знаю. Они больше всего боятся, как бы горцы и казаки не помирились. Тогда, чего доброго, новая власть укрепится, а им, офицерам да атаманам, придет конец. Они, брат, хитроумны. Вон чего в Бековичах натворили! Напрасно ваши дали себя обвести, хотя, конечно, хорошо, что они пришли на помощь кумыкам. Но зачем же было врываться в наши хутора, наносить такой урон?

— Верно, мыслимое ли дело, ворвались, словно абреки! — вставила жена Федора.

— Это как раз то, чего добивались офицеры, — прервал ее Федор. — Теперь у них есть причина балаболить, что, мол, какой же мир между казаками и горцами? Не могут, мол, они жить в мире, а потому и надо всех их перебить...

— Когда же это они собираются нас перебить? И с какой стороны готовят нападение?

Федор пожал плечами и через минуту сказал:

— Кто знает? Пока нам известно только то, что терские и сунженские казаки готовы начать войну.

Хасан нахмурился. Федор не видел выражения его лица — лампа без стекла не освещала комнату, но он заметил, как руки Хасана, лежавшие на коленях, сжались в кулаки. Федор вздохнул и сказал:

— Возможно, все еще обойдется. Четыре дня спорят. Говорят, если большевики возьмут верх, все кончится миром. Многие уже отошли от Рымаря и примкнули к большевикам... А осетины и кабардинцы с первого же дня съезда на стороне большевиков.

— А кто это Рымарь? — спросил Хасан.

— Казак из Терской, — недовольно буркнула жена Федора и, натянув одеяло, повернулась к стене. Не очень она, видно, жаловала того, о ком шла речь.

— Полковник он, — сказал Федор. — За ним все офи-

церы и богатые казаки. Он-то и заварил всю эту кашу. Только я не думаю, что казаки пойдут за ним. Тоже ведь настрадались. Им не больно-то снова воевать хочется.

Старуха при этих словах опять подняла голову:

— Казаки куда хочешь пойдут. Война так война. Им лишь бы приказ был. Испокон веку так ведется.

— Ты смотри, разговаривает, как сам Рымарь. Так и он, говорят, думает. Надеется, что на съезде его поддержат.

— Какой еще съезд? — удивился Хасан.

— Разве ты не знаешь? В Моздоке сейчас идет съезд народов Терека. Уже четыре дня. Там и решают, как дальше жить.

Хасан опустил голову. Он знал, что офицеры и богатые казаки против новой власти. Так как же это большевики со своими врагами собрались на одном съезде? Этого Хасан не мог понять. «Разговор с врагом можно вести только оружием», — думал он.

Какое-то время Хасан молча сидел и смотрел в одну точку. Будто поняв его раздумья, Федор вдруг сказал:

— Видишь ли, парень, получается настоящая неразбериха. На сегодняшний день в Моздоке три власти. Одна — Совдеп, другая — казачье-крестьянский Совет во главе с Рымарем, третья...

Хасан совсем с толку сбился. «Казачье-крестьянский Совет... Почему в нем офицеры и почему во главе его стоит полковник? Крестьяне и офицеры? Как же это так получается, что здесь они вместе?»

— Властителей много, только власть неизвестно какая, — вновь донесся голос хозяйки дома.

— Будет и власть. Власть Советов! — уверенно сказал Федор. Затем, несколько поколебавшись, добавил: — Если, конечно, большинство на съезде встанет за это. И мир будет, если захотят...

Почувствовав в голосе Федора неуверенность, Хасан окончательно потерял спокойствие. Его пальцы опять сжались в кулаки, которыми он тихонько стал бить по коленям.

— Ты тоже был на том съезде, Федор? — спросил Хасан, почему-то понизив голос до шепота.

— Был. Я делегат. Говорят, там сегодня будет выступать Киров. Слыхал о нем?

— Киров? Киров здесь? — вырвалось у Хасана.

Он не раз слышал в народе это имя. И ему очень захотелось увидеть Кирова. Киров должен, обязательно должен поддержать горцев. Это он прислал в ингушский полк своих людей, после чего ингуши и отказались идти на Петроград, выступать против большевиков. Весь полк отказался!

— Федор, а как бы мне попасть туда?

— Куда? На съезд?

— Да. Мне очень хочется послушать Кирова.

— Э-э, парень, это очень опасное дело. Во-первых, на этом съезде нет ни одного ингуша и чеченца, их не пригласили. Ясное дело, съезд ведь созвали Рымарь да его подручные. Во-вторых, если кого из ваших увидят в Моздоке, едва ли выпустят живым.

— Не только в Моздоке, и в станицах не дай бог показаться,— добавила жена и просительно взмолилась: — Езжай домой, пока голова цела, сынок, здесь опасно. Себя не жалеешь, так хоть мать свою пожалей!

Хасан приуныл. Вернуться, так и не узнав, что задумали казаки? Что люди скажут?..

— Вот бы реку перейти, в Моздок попасть... — проговорил он, вопросительно глядя на Федора.

— Через реку, если только на крыльях... Там такая охрана на мосту поставлена...

Чуть забрезжил рассвет — Хасан поднялся.

— Поторапливайся, жена,— сказал Федор.— Мне тоже пора. До съезда надо у себя на заводе побывать.

— Свез бы Нюрке пару охапок сена,— укоризненно сказала хозяйка.— Травинки у них нет.

Женщина говорила, а сама все на Хасана поглядывала, словно думала: «Уезжай-ка ты подобру-поздорову, не ровен час беду на нас накличешь!»

— Отвезу, так и быть. Собирай скорей поесть.

— А где Нюрка? — спросил Хасан.

— Нюрка замуж вышла,— недовольно буркнул Федор.— Не захотела больше с нами оставаться. Я отговаривал ее, время вон какое, не поймешь, чего делается. Переждала бы чуток...

— Чего ждать-то? — донесся от печи голос жены. — Девка по душе себе пару нашла, а ты все покою не даешь.

— Хороша пара, Рымарев хвост! Чем юлить вокруг офицерья, лучше бы о скотине позаботился. Из отцова

дома ушел, а в хозяйстве ровным счетом ничего не понимает. Никудышный домишко построил, и то всем миром ему помогали... Не хозяин он.

— Ладно уж. У самого-то хозяйство хуже некуда.

Федор молча вышел. Хасан последовал за ним.

— Делать нечего,— вздохнул он.— Надо домой пробираться.

Приникнув к уху Хасана, Федор прошептал:

— Погоди, что-нибудь придумаем.

4

Телега со скрипом подскакивала на кочках и наконец остановилась. Спрыгнув на землю, Федор быстро вошел во двор. Шаги скоро затихли, послышался женский голос. Хасан узнал Нюрку.

— Как ты рано приехал! — сказала она.

— Приехал, чтобы твоя корова не околела с голоду.

— Не ворчи. Заводи лучше телегу во двор, небось сено привез?

Федор не ответил.

— Хозяин-то твой дома? — сердито спросил он.

— Нету. И не ночевал. Не знаю, куда подевался.

— Где ему быть? С офицерьем крутится. Ждет, как собака, кто кость послаще кинет.

— Может, и так,— ответила Нюрка тоном полного безразличия и добавила: — Так заводи телегу, я сейчас вилами живо его поскидаю.

Телега тронулась.

— Не нужны вилы,— сказал Федор.

— А как же?

— Там, под сеном, человек лежит.

— Какой еще человек? — удивилась Нюрка.

— Обыкновенный...

Отец и дочь стали скидывать сено.

Хасан кубарем скатился с телеги, прикрывая ладонью лицо.

— Глаза засорил,— виновато сказал он уже в сарае.

— Дочка, ну-ка глянь, что там у него. Ты зорче будешь, чем я.

Прохладные пальцы коснулись век Хасана. Он совсем близко увидел тронутое желтизной лицо Нюрки. Вспомнился день, когда он, продав в Моздоке дрова,

хотел поделиться с Нюркой деньгами, вырученными за коня Фрола. Тогда Нюрка тоже стояла перед ним совсем близко, как сейчас. Только лицо у нее в ту пору было бело-розовое.

Кончиком головного платка она стала протирать Хасану глаза. Один, потом другой.

— Узнаешь его? — спросил наконец Федор.

Нюрка пристально всмотрелась в Хасана, даже откинулась назад, чтобы лучше разглядеть. Но так и не узнала. Обернувшись к отцу, она отрицательно покачала головой.

— Получше посмотри,— улыбнулся Федор.

Нюрка еще раз пробежала взглядом по лицу Хасана.

— Не знаю я его. Чего в загадки играешь? Скажи лучше, кто он.

— Помнишь, ты однажды водила двух парней к Фролу на уборку хлеба? Двух ингушей?

— А-а, теперь узнаю! — вскричала Нюрка, чуть не подпрыгнув на месте.

— Ну, поторапливайся,— переменил разговор отец.— Не время сейчас охи-ахи разводить.

Хасану в эту минуту действительно показалось, что она девочка. Босоногая девочка, как и много лет назад. Синие глаза ее горели, как и тогда.

— Так нежданно-негаданно свалился с неба! Разве узнаешь? — приговаривала Нюрка, улыбаясь.

Но вот лицо ее помрачнело. Глаза, которые минуту назад были, как ясное небо, стали похожи на серые дождевые тучи.

— Ты как сюда попал? Опасно ведь!

— Ничего! — махнул он рукой.

— «Ничего»? Здесь убивают. Как узнают, что из ваших, сразу. Вчера я ходила за водой, сама видела, как у Терека одного саблями зарубили.— Помолчав, Нюрка добавила: — Мой и то совсем покой потерял. Ждет не дождется, когда война с вами начнется.

— Чего же он коня своего не кормит? — сердито бросил Федор.— Как же воевать-то без коня! Ваша кляча и до Терека не дотянет. Небось надеется разжиться добрым конем у ингушей?

Нюрка сделала вид, что не слышит отца, повернулась и, выйдя из сарая, пошла к дому.

— Идемте в тепло, чего мы тут зябнем,— предложила она.

В это время в воротах показался человек. «Не муж ли?» — подумал Хасан. Рука невольно потянулась к карману, где лежал револьвер.

— Вот еще один вояка идет,— сказал с издевкой Федор.— Тоже, наверно, готовится к войне, хотя только что с одной вернулся.

Федор косо глянул на дочь и добавил:

— Деверь твой идет!

— Сама вижу!

Хасан уже не слышал их. Его удивленные глаза впились в приближающегося человека.

«Не может быть,— говорил про себя Хасан.— Неужели это он? Тот же нос с горбинкой, и лицо, и чуб».

— Убираться нам надо,— сказал Федор,— влезай скорее на телегу.

Хасан стоял на месте, словно и не слышал Федора. Пришедший тоже остановился.

— Это на самом деле ты или мне только кажется? — спросил он.

— Я, Митя!

Они кинулись друг к другу. Крепко пожали руки.

— А я-то говорил всем, что тебя убили,— сказал Митя.

— Знаю.

Федор и Нюрка удивленно смотрели на обоих парней и ничего не понимали.

— Как же ты сумел уйти от них? — нетерпеливо спрашивал Митя.

— Потом,— махнул рукой Хасан.

— Заходите в дом. Там и наговоритесь,— предложила Нюрка.

Ей и самой не терпелось узнать, о чем это они говорят и откуда Хасан знает ее деверя.

— В этом доме не больно-то наговоришься. Не дай бог, хозяин явится,— предостерег Федор.

Митя тоже с тревогой глянул на Хасана. Кто-кто, а он-то знал, что грозит его приятелю в этих местах.

— Пожалуй, тебе сейчас лучше у меня побыть,— сказал он наконец, глядя на Хасана.— За эти дни, может, все успокоится. Сейчас все дороги перекрыты.

Хасан кивнул.

Вскоре Федор уехал. Недолго задержался и Митя. Спросил только у Нюрки о брате, и вместе с Хасаном пошел со двора. Как Нюрка ни уговаривала их перекусить, задерживаться не стали.

Ветхий Митин домик был поблизости, через пять-шесть дворов. Родители Мити были совсем старые. Сын познакомил с ними товарища. Сказал, что это тот самый, про которого он им рассказывал, считая его убитым.

— Теперь будет долго жить,— сказал старик.— Так завсегда, коли пройдет слух, что человека убили, а он жив, значит, век его будет долог.

Старушка перекрестилась, что-то при этом про себя прошептала и вышла.

Через минуту она вернулась, неся в руках три яйца.

— Вот это ты хорошо придумала, мама, спасибо,— обрадовался Митя.

— А как же? Он ведь с дороги, есть небось хочет. Сварить али, может, поджарить? — спросила старушка, глядя на Хасана.— Жира у меня, жаль, нет подходящего. Только свиное сало.

Хасан замотал головой.

— Не насилуйте парня,— сказал старик,— у каждого народа свои обычаи, нельзя так нельзя. Некоторые, например, едят конину, а я, убей меня, и куска ее в рот не возьму. Хотя знаю, что конь куда чище свиньи. Траву да овес ест, не то что всякую грязь...

Когда сели за стол, Хасан коротко рассказал о себе.

— Та-ак,— сказал Митя.— Еще неизвестно, чем все это кончится. У нас ведь съезд идет!..

— Я слыхал, что сегодня будет выступать Киров,— проговорил Хасан, глубоко вздохнув.

— Кто тебе сказал? — удивился Митя.

— Федор.

— Я тоже слыхал. Многие ждут, что он скажет. Большевики призывают к миру, а он, говорят, стоит во главе всех большевиков нашей области. Значит, должен быть против войны.

— И ты будешь его слушать? — с завистью спросил Хасан.

— Если брат пропустит. Вчера он меня пропустил. Еще ведь точно неизвестно, будет Киров выступать или нет. А знаешь что? — положив руку на плечо Хасану, добавил через минуту Митя: — Идем-ка мы вместе.

— Куда? — удивился Хасан.
— Туда. На съезд. Коли брат стоит у входа, возможно, мы оба и пройдем. Тогда сам все услышишь. И Кирова увидишь...
— Эх, если бы это удалось! — Хасан ударил себя по коленям.
Едва перекусив, они заторопились. По пути Митя объяснял Хасану, как надеется попасть на съезд.
— Если нам не удастся вместе пройти, ты подождешь на улице и я вынесу тебе мандат.
— Какой мандат?
— Бумага такая. По ней проходят те, кому там быть следует, на съезде. У кого только мне его взять? У Федора, что ли, попросить? Лучше бы, конечно, у какого-нибудь осетина. Ты за осетина вполне сойдешь. У меня там есть один знакомый... А ты язык-то ихний знаешь?
— Ни слова,— покачал головой Хасан.
— Ну ладно! Спрашивать станут — скажи: кабардинец.
На этом и порешили.

5

Улица, на которой расположен театр «Палас», довольно широкая. Дома тут добротные, иные даже двухэтажные. Но Хасан на все это особого внимания не обращал. Он всякого навидался, его теперь не удивишь никакими городами.
— Видишь тот дом? — толкнув его локтем, Митя кивнул в сторону двухэтажного дома возле театра.— Говорят, Киров там живет. А в театре этом съезд проходит,— добавил Митя.— Народ весь туда пришел. Начала ждут.
— А Киров? — спросил Хасан.— Он здесь пойдет?
— И через двор может пройти. Там тоже дверь есть. А вон и Илюха! — шепнул Митя.— Брат мой. С ним тебе надо поосторожнее. Я пока один пойду, а ты побудь здесь, подожди меня. У нас с ним наперекосяк пошло, с Илюхой-то. Он все к офицерью прибивается. А мне они вот где! — Митя провел ладонью по горлу и зашагал к парадной двери.
Там по обе стороны стояли два казака с саблями на боку, с патронташами на поясе и короткими винтовками

за спиной. Тут же были два офицера. У этих винтовок не было, на поясах, туго стягивавших черкески, болтались наганы в сафьяновых кобурах. Оба они о чем-то говорили и весело посмеивались.

Митя не возвращался. Хасан стал злиться. «Хоть бы вышел и сказал, что ничего не получается»,— подумал он. Дважды прогарцевали мимо конные казаки, проходили и пешие. А Хасан все стоял, как мишень.

Время было уже за полдень, когда наконец отворились двери и народ повалил из театра. Чуть ли не первым выскочил Митя.

— Киров будет говорить вечером. В шесть часов,— зашептал он.— Тогда я тебя и проведу. Илюха поможет. А он не подсобит — так я уже там отыскал осетина одного. Обещал дать свой мандат. Только бы никто не прознал, что ты ингуш. Особенно Илюха. От него живым не уйдешь. Там на съезде большевик один выступал, с Кировым приехал. Грузин он, Буачидзе его фамилия. Он сказал, что казаки им заявили: на мировую с вами не пойдут и большевиков, мол, на части разорвут, коли будут на этом настаивать. «А мы,— сказал Буачидзе,— стояли и будем стоять за мир между казаками и горцами».

Некоторое время друзья шли молча. Митя заговорил первым:

— Теперь люди ждут, каким будет слово Кирова.

— Чье слово? — услышали они голос позади себя. Оба оглянулись.

— А-а, это ты, Илюха?..— смешался Митя.

Хасан исподлобья глянул на Илюху, когда тот поравнялся с ними. «Похож на Митю,— подумал он.— Только нос у него не такой. Тоненький, как щипцами зажатый, и под носом темные усики пучочком. У Мити их нет».

— Это кто с тобой? — посмотрев на Хасана, спросил у брата Илюха.

— Тот, о ком я тебе говорил... Кабардинец... Это он меня в Ростове от смерти спас.

— Ты вроде рассказывал, что он ингуш? — насторожился Илюха.

— Ошибся я. Он кабардинец! — ответил Митя чуточку растерянно.

— Кабардинец, значит? Так-так...

— Будь он ингуш — не пришел бы сюда.

— Это ты о нем просил сегодня? Чтобы в театр пропустил?..

— Нет. То я о казаке одном. Из Ищёр.

Илюха недоверчиво разглядывал Хасана.

— Берегись, братуха,— сказал он наконец, погрозив Мите пальцем, и свернул в узкую улочку.

Вечером, когда Митя и Хасан вернулись к театру, фонари освещали всю улицу — было светло. У входа стоял незнакомый усатый казак. Илюхи не было.

Оставив Хасана опять одного на улице, Митя пошел за обещанным мандатом.

Хасан в ожидании ходил взад и вперед.

— Ага, ты тут? — услышал он за собой чей-то голос.

Обернувшись, Хасан увидел Федора, с ним было несколько человек. Это оказались рабочие с чугунолитейного завода братьев Рязанцевых. Узнав, что на съезде будет выступать Киров, они попросили своих делегатов провести их в театр.

Хасан хотел объяснить, что ждет Митю, но Федор не дал ему открыть рта.

— Забирайся к нам в середину и не глазей по сторонам.

Вместе с рабочими Хасан оказался внутри здания и с любопытством стал рассматривать росписи на стенах. Прибежал Митя.

— Ты уже?.. Пошли, пошли,— заторопил он его.

Хасан последовал за Митей вверх по узкой железной лестнице, а сам все оглядывался, не мог глаз оторвать от нарисованного на стене человека, наступившего на шею поваленного льва. «Неужто и в жизни бывают такие богатыри?» — подумал Хасан.

Балкон был забит людьми. В лицо пахнуло духотой. Хасан посмотрел вниз и ахнул: там тоже полно людей. Зал был похож на большущий длинный вагон.

У противоположной стены, прямо напротив балкона, на возвышении за длинным столом сидели человек десять. Чуть поодаль, стоя за чем-то вроде ящика (только много позже Хасан узнал, что это называется трибуной), выступал коренастый мужчина среднего роста.

— Киров! — толкнул Хасана в бок Митя.

«Совсем обыкновенный человек,— подумал Хасан,— похож на рабочего». Но вот до Хасана стал доходить смысл слов Кирова.

— ...Большевики за власть народа. Для укрепления этой власти необходимо единение людей всех национальностей, населяющих ваш край. Здесь высказывали мысль, что, дескать, Советскую власть казаки признать готовы, но лишь после того, как разобьют ингушей и чеченцев.— Киров покашлял в кулак и продолжал: — Если стоять на такой позиции, то ведь горцы могут, взявшись за оружие, начать войну с казаками, но при этом заявить, что, мол, Советская власть нам годится, только без казаков хотим в ней жить. Нет, товарищи!

Хасан торжествующе посмотрел вокруг.

— ...Настало время,— продолжал оратор,— когда весь наш народ получил право строить новую жизнь. Мы царя сбросили, неужто же не сможем добиться, чтобы люди всех наций собрались вместе и порешили свою судьбу в мире и согласии, будь то казак, ингуш, чеченец или осетин? Мы начинаем понимать друг друга. Мы продолжим наши работы дальше, и я надеюсь, что тогда с нами будут истинные представители других народностей. И мы в более спокойной обстановке...

— Чтобы мы сговаривались с этими дикарями? — раздалось из зала.— Не бывать этому!

— С ними только оружием можно говорить! — выкрикнул другой голос.

Киров тотчас отпарировал.

— Не слушайте этих горлопанов, товарищи,— спокойно произнес он.— Так может говорить только враг Советской власти!..

Из зала вспрыгнул на сцену казачий офицер. В руках у него был револьвер. Офицер не выстрелил, может, пыл поугас при взгляде на пулемет, стоявший рядом со столом и направленный дулом в зал.

— Видите эту телеграмму? — закричал офицер, вынимая из левого кармана бумагу.— Она только что получена из станицы Слепцовской. Чеченцы ворвались туда, жгут дома, убивают казаков, их жен и детей!..

Поднялся шум. Многие повскакивали с мест, стали кричать, размахивать руками...

— Успокойтесь, товарищи! — поднял руку Киров. — Такие «телеграммы» фабрикуются очень просто. Не впервые господа офицеры прибегают к подобным трюкам. И «телеграммой» такой перед нами уже не раз размахивали. Все это ложь!

— Ложь, говоришь! За азиатов хлопочешь! — раздался совсем рядом, над ухом, знакомый голос.

Хасан обернулся: это кричал Илюха, в руке у него был наган. Кто-то резко рванул эту руку и опустил вниз.

Хасан был потрясен: Илюха, брат Мити, хотел стрелять в Кирова?!

— Ну, погоди, я с тобой еще поговорю! — Это Илюха сказал Мите, который не дал ему выстрелить.— И за ингуша твоего, что кабардинцем называешь, схлопочешь сполна...

— Прекратите разговоры,— зашикали вокруг,— мешаете слушать.

Илюха вышел из зала.

Митя пробрался поближе к Хасану.

— Уходить надо. Илюха, сволочь, злой, как зверь, от него добра не жди. Не верит мне, что ты кабардинец.

Они стали проталкиваться к выходу.

Хасан жалел, что не удалось ему дослушать Кирова, но он уже твердо решил: есть на свете правда, и она победит. Уверенность, с какой держался и говорил Киров, словно бы передалась Хасану. Ему не терпелось поскорее попасть к своим, рассказать о том, что он услышал.

Зал вдруг взорвался аплодисментами. Хасан остановился у самого выхода и снова прислушался. Слова Кирова до него не долетали. Но Хасан понял, что большинство находящихся в зале казаков поддерживают Кирова.

— Видишь, как казаки встают на сторону большевиков! Недалек тот день, когда офицерью каюк будет. Не видать Илюхе, прихвостню ихнему, офицерского чина. На тебе хочет выслужиться. На-ка, выкуси кукиш, так мы тебе и дались!

Последние слова Митя говорил уже за дверью.

Хасан выбрался вслед за другом. Они кубарем скатились с лестницы и выбежали на улицу.

Ночь была туманная, вокруг ни души.

— Слава богу, что такая темень,— сказал Митя.

Остановились они только у реки. Некоторое время прислушивались.

Осторожно ступая, двинулись дальше вдоль берега. Недолго пришлось им искать чужую лодку. Привязанная к колышку, она плавно покачивалась на волнах.

Митя обеими руками схватился за веревку, сбросил петлю с колышка, подтянул лодку поближе к берегу,

сделал знак Хасану: садись, мол. Затем и сам спрыгнул в лодку, взялся за весла. Вскоре перед ними возникло что-то вроде стены. Это был другой берег.

Митя зашептал Хасану на ухо:

— Пойдешь влево и выйдешь на дорогу...

Хасан кивнул. Он и сам знал, как отсюда выбираться: держись Терека — не заблудишься. Хасан пожал Мите руку.

— Спасибо за все. Никогда не забуду...

— Да ладно тебе. Сам бы небось и не такое сделал... В другой раз приезжай. Скоро все войдет в берега. Видал, как люди против офицерья поднялись?

— Приеду, обязательно приеду!

Хасан выпрыгнул на берег. Митя повернул лодку и быстро скрылся из глаз в ночной тьме.

Но с берега вдруг кто-то крикнул:

— Эй, кто там на лодке?

Хасан затаился в камнях.

Через некоторое время окрик повторился:

— Отвечай, или мы будем стрелять! — И следом трахнули выстрелы.

Однако лодка исчезла. Всадники проехали мимо Хасана. Они еще раз выстрелили в темноту и ускакали.

Хасан двинулся вдоль реки, спеша выйти на дорогу, ведущую наверх. Он твердо знал, что вправо от этой дороги лежит Гушко-Юрт, а чуть дальше путь на Сагопши.

Трудно сказать, как это случилось, но Хасан явно заблудился: дороги не нашел. Решил идти по звездам — на юг.

Долго Хасан плутал по бездорожью. Трава от тумана была мокрая. Но он не замечал ни сырости, ни холода, ни пронизывающего ветра. Все думал только о дороге: где она? Как сквозь землю провалилась, проклятая.

Вскоре на горизонте стал вырисовываться перевал. Хасан взял путь прямо на него. Он знал, что там кончается опасность: хребет стерегут ингуши. «Не к Магомет-Юрту ли вышел?» — подумал Хасан. Но местность кругом была незнакомая.

Неожиданно вышел на дорогу и сразу услышал конский топот. Оглянулся. Удивление и радость смешались в душе: Хасан узнал Малсага. Даже подумать не успел, откуда он мог тут взяться, как Малсаг окликнул его:

— Э, Хасан, ты откуда?

— Из Моздока.

— Не может быть! — Малсаг недоверчиво оглядел земляка.

Хасан рассказал обо всем, что видел и слышал.

— Надо скорее к своим пробираться,— добавил он,— уговорить их разъехаться по домам. Нечего зря мучиться на холоде.

— Еще вчера ночью разъехались. Оставили для охраны дорог от каждого села по двадцать человек, а все остальные разъехались.

— Ну, если так...

Честно говоря, Хасан и радовался и нет. Уж очень ему хотелось самому сообщить людям добрую весть.

Хасан опустил голову.

— Смотри, какой лес у Мазая! — прервал его раздумья Малсаг. По обе стороны дороги высились ровные, как шомпола, граб, карагач, дуб, ясень.— Теперь все это будет принадлежать народу. Из этого леса мы построим в наших селах школы, как в Назрани.

Хасан пристально смотрел вперед. Внизу, в долине, уже виднелся Пседах. По обе стороны, словно крылья огромной птицы, раскинулись Сагопши и Кескем.

6

— Не горюй, Кайпа,— уговаривала Миновси.— Он скоро вернется. Ничего не случится. Этот тоже с ним.

«Этот» — значило Исмаал. Жена уже потеряла всякую надежду, что он когда-нибудь осядет дома. В последнее время Исмаал то и дело в разъездах.

Кайпа, понурясь, сидела перед остывающей печкой. Хасан, слава аллаху, вернулся. Зато судьба Хусена тревожила бедную женщину. Он все еще находился в Ачалуках.

В доме Кайпы сейчас жили кумыки из Гушко-Юрта. Семья Кайпы пока ютилась у Исмаала. Теперь, когда Хасан вернулся, в душе у бедной матери затеплилась надежда, что наступит наконец день — и все ее дети соберутся в доме, чтобы никогда больше не разлучаться. «Скорее бы!» — мечтала Кайпа.

Тревожило женщин то, что в селе вдруг созвали сход. «Зачем бы это? — размышляли они. — Может, все

уляжется, люди вернутся домой и займутся вместо войны своими хозяйствами?»

В комнату вбежала дочь Исмаала Залимат. За руку она вела Султана. Совсем уже девушка, Залимат была хороша собой. Кайпа любила ее, особенно нравилось ей, как та смеялась. Тогда губы ее становились похожими на едва раскрывшийся алый цветок.

Залимат от бега запыхалась. Каштановая прядь, выбившаяся из-под косынки, упала ей на глаза.

— Кайпа, он хочет с мальчишками идти на сход к мечети,— сообщила Залимат, подтолкнув Султана вперед.

— Зачем, сынок? — спросила Кайпа, притянув его к себе. — Туда же пошел Хасан. С кем я-то останусь, если и ты уйдешь?

— Нани, я только послушаю, о чем там говорят, и прибегу назад! — взмолился Султан.— Вдруг Хасану и Маи[1] придется куда-нибудь ехать, я скажу тебе, и ты приготовишь им еды на дорогу...

— Они больше никуда не поедут. Хватит,— сказала Кайпа.

— Тогда зачем же они там собрались?

Кайпа ничего не ответила. Она снова погрузилась в свои думы.

Султан чуть постоял и потихоньку выскользнул за дверь.

Через минуту Кайпа подняла голову и, увидев, что Султана и след простыл, махнула рукой:

— Пусть идет. В кого же ему быть, как не в своих братьев? Одна кровь!..

7

Многое видела сагопшинская площадь. Много здесь говорилось речей и о хорошем, и о плохом. Бывали и стычки. Народ помнил все. Вот и сегодня горцы пришли сюда не только с привычными для них кинжалами, но и с винтовками.

Хасан и Исмаал давно были тут. Сначала они ждали, пока народ соберется, потом ждали, когда наконец говорить будут. Наконец сход начался.

---

[1] **Маи** — уменьшительное имя Исмаала.

На ступеньки перед мечетью поднялись три старика. Шаип-муллу и родича Саада — Элаха-Хаджи Хасан знал хорошо. Третьего старца он видел впервые.

Следом за ними поднялся еще один человек — моложавый подтянутый мужчина с тщательно подправленными усиками, в коричневой смушковой папахе. И шуба на нем, крытая синим сукном, была с воротником из такого же меха.

Открыл сход Шаип-мулла.

— Ва, люди! — начал он.— Тело не может жить без головы, народ — без власти. А потому сам бог послал нам царя, чтобы он правил людьми...

— О каком это царе он говорит? — крикнул кто-то.

— Соскучился о царе, хочет снова посадить его на наши головы! — подлил масла в огонь другой голос.

Площадь загудела.

Шаип-мулла, словно бы ничего не слыша, продолжал:

— Бог велит нам почитать царя, терпеть все, что он ниспошлет. Порой это трудно, но совсем без царя жить нельзя...

— Кого же ты поставишь царем? — спросили из толпы.

По площади прокатился смех.

— Не скальте зубы! — крикнул Шаип-мулла.— Царя не мы будем ставить, этим займутся те, кому следует. А нам пока надо выбрать власть в своем селе. Село без хозяина — что стадо без пастуха. Старикам не под силу тащить такое ярмо. Нам время отсиживаться дома, молиться да четки перебирать... Вот послушайте нашего гостя.— Шаип-мулла повернулся к незнакомцу.— Этот человек от самого Висан-Гирея. Он приехал поговорить с нами, совет дать и помощь, если попросим.

Гость расстегнул ворот шубы, покрутил шеей, точно проверяя свою готовность говорить. Затем, бросив поверх голов взгляд, заговорил так громко, будто обращался к ребятишкам, сидевшим на заборе через дорогу.

— Люди, я такой же ингуш, как вы. И я, и мой отец, и мой дед точно так же, как вы, натерпелись от царя Николая, пока его наконец не свергли. «Вот,— подумали мы,— слава богу, наконец-то можно свободно вздохнуть». Только, видите, ничего пока не получилось. Вздохнешь тут, когда кругом войны...

— Так, говорят же, нет больше войны? С казаками словно бы помирились! — крикнул кто-то.

Гость повернулся на голос.

— Помирились? Не верьте россказням...

Хасан крепко сжал руку Султана. Мальчик взглянул на брата: лицо его было хмурым. Бровь изогнулась дугой.

— Что же это? — обратился Хасан к односельчанам.— Значит, все, о чем я слыхал в Моздоке, пустое? И то, что Киров говорил?.. А ведь рассказывали, что в Пятигорске собирались все вместе: казаки, кабардинцы, осетины, ингуши. Неужели и там они не пришли к миру и согласию?

— Не верьте россказням,— повторил незнакомец.— Не бывать миру до тех пор, пока над нами стоят большевики. Из-за них в России все войны. Зачем нам погибать, как русским? Не лучше ли горским народам объединиться и создать свое государство? — Гость совсем разошелся. Теперь он не смотрел поверх голов, а сверлил взглядом лица людей.— Затем собрались умные люди во Владикавказе. Собрались и объявили о создании горского правительства, своего правительства.

— Правильно! — услышал Хасан недалеко от себя. Этот голос показался ему похожим на голос Соси. И действительно, обернувшись, он увидел своего соседа, а теперь вроде бы и родича.

— Вайнахами и князья-то никогда не правили. Превыше всего мы ценим свободу. С какой же стати мы теперь посадим себе на шею большевиков? — продолжал незнакомец.

— Воллахи, и это верно,— подтвердил Соси.

Он и еще что-то сказал, но Хасан не расслышал. Шум на площади заглушил все. Голоса сторонников и противников незнакомца смешались.

— Эй, человек! — крикнул Хасан. — Чего это, ты говоришь, вы там создали?

— Горское правительство.

— Править захотели! Давно ярма на шее не носили! — Хасан зло сверкнул глазами.

— Убирайся-ка ты от нас в свою горскую... хоть за семь гор! — махнул рукой Элберд.

— Верно говорит,— поддержал Исмаал.— Иди куда знаешь, а нам с большевиками по пути.

Размахивая палкой, что-то кричал Шаип-мулла.

Элаха-Хаджи разводил руками, словно хотел обнять весь народ, и недовольно качал головой.

Незнакомец переждал, пока поутихнет, снова покрутил шеей и заговорил:

— Что бы вы здесь ни говорили, сколько бы ни кричали, а дело это решенное, горское правительство создано.

— Тогда зачем же ты приехал к нам?

— Как это решенное? Кто его создал?

— Спрашиваете, кто? Представители всех горцев! — И для большей важности, подняв кулак, незнакомец добавил: — Уважаемые люди горских наций решили!..

Шум заглушил его голос.

— Как они могли решать, не договорившись с народом?

Гость не знал, что ему дальше говорить. Изредка он взглядывал на стариков, стоявших по обе стороны.

— А кто же был там от ингушей? — спросил Хасан.

— Кто, говоришь? Висан-Гирей, Жабагиев Висан-Гирей!

— Кому же еще быть у нас старшим? — сказал кто-то в толпе.

Хасан узнал Зарахмета и удивился: откуда он взялся. Говорили, что Зарахмет убрался к себе в Назрань. Интересно, что ему здесь понадобилось?

— Может, для тебя он и хорош,— повернувшись на голос, ответил Хасан,— только для нас-то нет.

— До сих пор ему хорош был Угром, а не Висан-Гирей,— крикнул Элберд.

Хасан, обращаясь к гостю, произнес:

— Человек, мы не знаем твоего Висан-Гирея, и твоя власть нам тоже не нужна.

— Отвечай только за себя, другие обойдутся без твоей подсказки,— бросил Гинардко.— Молод ты еще...

Кому-кому, а ему-то большевики поперек горла встали. Он, как и Саад, угнал и где-то спрятал свои отары овец, и сейчас больше всего на свете ему хотелось вернуться к прежней жизни.

— Хочешь ты этого или не хочешь, Гинардко,— ответил Элберд,— говорить мы будем от имени всех бедняков, а ты говори от своих. Посмотрим, кто победит.

Хасан увидел знакомую мохнатую шапку. Это Исмаал протискивался сквозь толпу.

— Правильно. Нам нужна одна власть — власть большевиков! — крикнул Исмаал.

— Власть Ленина,— добавил стоявший неподалеку Малсаг.

— Мы много лет мечтали о народной власти,— продолжал Исмаал.— Советская власть дала нам землю, равные со всеми другими народами права...

— Где все эти перечисленные тобой блага? — отпарировал незнакомец.

— Наобещать все можно,— вставил и Зарахмет.

— А ты помалкивай, Зарахмет! — взорвался Хасан. Тоже немало посидел на нашей шее. Убирайся лучше в свое село, там и поговори.

Шаип-мулла тем временем что-то шептал на ухо Элаха-Хаджи и гостю. Наверное, советовались, как быть дальше. Им и в голову не приходило, что народ так плохо примет сообщение гостя. Но Шаип-мулла не думал отступать и не собирался выпускать вожжи из своих рук.

— Прекратите раздор! — крикнул он, подняв вверх посох. — Оставьте все разговоры до другого случая. А сейчас нам надо выбрать сельскую власть. Поначалу надо старшину назначить, а там он уже обо всем позаботится...

В этот момент приезжий склонился к уху Шаип-муллы. Старик примолк, выслушал гостя и сказал:

— Прежде чем мы приступим к выборам старшины, наш гость хочет сказать вам еще несколько слов!

Откашлявшись, тот произнес:

— Я думал, говорить с вами будет легче. Считал, что русские достаточно досадили всем и уж кому-кому, а не вам, кого эти гяуры насильственно выселяли в далекую Турцию, захочется снова их власти...

— Гяуры, говоришь, выгнали нас? — крикнул кто-то из толпы. — А что творили с нами единоверные мусульмане в той самой Турции? Ты этого не помнишь?

— Поступайте, как знаете, — гость вытер лоб, — только смотрите, как бы вам не раскаяться. Новое правительство и без вас обойдется. Все горцы его поддерживают. А вы сажайте себе на головы большевиков, этих безбожников. Посмотрим, что из этого получится...

Площадь всколыхнулась.

— Торко-Хаджи! — пронеслось в толпе.

Хасан увидел, что Торко-Хаджи и Дауд поднимаются на возвышение. Гость примолк и недовольно уставился на Дауда, приход которого явно расстроил его планы.

— Вовремя ты пришел, — обращаясь к Торко-Хаджи,— сказал Шаип-мулла. — Нам тут стыдно перед гостем, люди не дают ему слова вымолвить.

— Правильно делают, — ответил Торко-Хаджи.

Спокойствие, с каким он произнес эти слова, подчеркивало его силу и уверенность.

— Зачем ты так, Хаджи? — взмолился Шаип-мулла. — Это же гость наш. Посланец самого Висан-Гирея...

— Гостю лучше вернуться назад к своему Висан-Гирею,— сказал Дауд и, обернувшись к незнакомцу, добавил: — Передай, что сагопшинцев обмануть не удалось. Не так они глупы...

— Я приехал не для того, чтобы обманывать вас.

— Это и видно из твоих речей. Не ты ли утверждаешь, что для всех других сел создание горского правительства — большая радость? А я вот ехал сюда из Владикавказа через Назрань, Ачалуки и другие села и нигде почему-то не увидел ликования по этому поводу! Назови хоть одно село, где люди выразили согласие принять эту твою власть.

Гость молчал.

— Ты бьешь на то, что большевики, мол, безбожники, — сказал Торко-Хаджи. — А нам это сейчас совсем не важно.

— Верно, — поддержали в толпе.

Торко-Хаджи поднял руку, призывая к тишине.

— Важно то, что землю народу дают только они, права тоже дают они и мир дают они. Так что ты нас не пугай.

— Правильно! — крикнул Гойберд.

— Ну и сажай их на свою шею,— сверкнул своими кошачьими глазами на Гойберда Товмарза. — Мешки, которые ты всю жизнь таскал на себе, не до конца согнули твой хребет, вот большевики и доломают его.

— Мой-то хребет они не сломают, а вот твой...

— Прекратите спор,— зашумели с разных сторон.

Но Гойберда не так-то легко унять.

— Клянусь богом, что тебе-то спину большевики наверняка переломят, — бросил он.

Гость, скривившись, качал головой.

— На словах вам большевики все дают, — сказал он.

— То-то и дело, что не на словах. Не будь большевиков — народ бы сейчас не здесь тебя слушал, а с казаками бы по вашей милости воевал. А большевики уже дали нам землю, теперь вот мир дали. Может, ты и этому прикажешь нам не верить? — Торко-Хаджи повернулся к Дауду. — Дауд, расскажи нам о том, что было в Пятигорске. Послушаем, что решили те, кто по-настоящему думает о простом народе.

Хасан очень обрадовался тому, что Дауд жив и наконец-то может вот так, ни от кого не таясь, стоять перед людьми и говорить с ними. От волнения он даже не расслышал первых слов Дауда.

— ...Главная победа в том, что на этом съезде были чеченцы и ингуши. Вы знаете, что в Моздоке их на съезд не допустили...

— Это мы знаем, ты о другом говори,— раздался голос из толпы.

— Не перебивайте,— зашикали со всех концов.

Дауд продолжал свой рассказ, не обращая внимания на выкрики.

— И на этот раз казачья верхушка делала все возможное, чтобы не допустить вайнахов, хотя уже в Моздоке было принято решение о прекращении вражды...

— Я уже говорил вам! — с радостью перебил Дауда посланец Висан-Гирея. — А вы все твердите: Моздок, Моздок. Каких бы решений ни принимали, будь то в Моздоке, в Пятигорске или даже в самом Петербурге, не бывать тому, чтобы казаки мирно жили с горцами. Потому и надо объединиться всем горским народам без казаков!..

— Довольно, мы уж наслушались об этом! — махнул рукой Дауд.

— Передай тем, кто тебя прислал, что мы обойдемся без них,— добавил Торко-Хаджи.

Гость скривил губы.

— Мне кажется, что тебе, Хаджи, будет лучше, если я не передам этих твоих слов. Не забывай, что Висан-Гирей возглавляет национальный Совет, членом которого состоишь и ты, Торко-Хаджи Гарданов.

— Уже давно не состою! — сурово бросил Торко-Хаджи.

Гость укоризненно посмотрел на стариков. Шаип-мулла развел руками: мол, сделали все, что могли, не осуди, если не вышло, как хотелось.

Гость стал спускаться по ступенькам. Элаха-Хаджи и другой старец последовали за ним. Шаип-мулла не знал, что ему делать. Он растерянно взглянул на Торко-Хаджи, не скажет ли тот проводить гостя.

— Пусть убирается,— сказал Торко-Хаджи.

— И эти пусть с ним идут. Людям, которые не могут ужиться с нами, лучше уйти.

Шаип-мулла согласно кивнул и опустил глаза. Делать было нечего. Надо пока подчиниться. Божья сила велика, может, завтра все еще переменится, тогда он и верх возьмет.

Дауд продолжал прерванный перепалкой рассказ:

— ...Несмотря на сопротивление казачьей верхушки, на съезд мы попали. Ингушей было человек десять. Из Чечни приехал один Асланбек Шерипов, и тот добрался с трудом: у Ассинской едва от казаков ушел.

— Пошли ему бог здоровья! — пробормотал в толпе старческий голос.

— ...Большинство делегатов съезда приняли нас очень хорошо, особенно Киров...

— Кто это Киров?..

— Говорят, самый главный большевик...

— Так Ленин же главный?

— Ленин над всей Россией, а Киров здесь у нас главный над большевиками!

— А-а-а...

Торко-Хаджи поднял руку, призывая к тишине.

— ...Киров приветствовал нас,— говорил Дауд.

— Да пошлет ему бог много лет жизни,— снова раздался на площади тот же старческий голос.

Вслед за этими словами, как после молитвы, по площади прокатились возгласы одобрения.

— На съезде опять пришлось спорить с богатыми казаками. Они против передачи земель беднякам.

— Будь прокляты эти богачи! — всплеснул руками Гойберд. — Даже дети одной матери и то бывают разными, а богачи все как из одной шкуры скроены, какой бы нации они ни были. Удивительное дело.

— ...Вайнахи во всем поддержали большевиков,— продолжал Дауд. — Заверили, что готовы защищать Советскую власть и революцию. От имени всех нас выступал Гапур Ахриев. Он сказал, что мы ничего не пожалеем во имя свободы и земли. Если понадобится, и крови не пожалеем...

— Правильно сказал! — перебили Дауда из толпы.

— Не пожалеем не только крови, но и душ своих.

Не все, конечно, были согласны с Даудом. Но противники понимали, что сейчас им лучше помолчать. Только Гинардко не сдержался.

— Пусть эти вшивые овчины отдают свои души,— шепнул он, толкнув в бок стоявшего рядом Ази.

— А если не отдадут, не далек час — придут люди, которые сами возьмут,— ответил Ази. — Видишь вон ту лающую собаку? Один раз я его упрятал, да вот вернулся. Жаль, не прикончил тогда. Это он и ему подобные будоражат вшивых...

Но и они замолчали, когда до них дошли слова Дауда.

— На съезде постановили, что вся земля переходит в руки трудового народа. Подавляющее большинство признало Советскую власть. Сейчас повсюду приступают к выборам Советов. Вы тоже должны выбрать свой Совет, сельскую власть. А кого выбирать, это вы сами знаете. — Дауд замолчал.

На площади поднялся шум, как на большом базаре. Говорили все.

— Люди, вы все поняли?! — обратился наконец к народу Торко-Хаджи.

— Поняли! Как не понять! — донеслось в ответ.

— Да отблагодарит его бог за эту радостную весть!..

— Так кого же мы выберем в Совет? — прервал возгласы Торко-Хаджи.

Наступила тишина. Люди думали. Только Шаип-мулла, оказывается, все уже заранее решил.

— Хаджи,— сказал он, обращаясь к Торко-Хаджи.— По-моему, Зарахмет бы очень подошел для этого дела...

Хоть сказал он это тихо, но слова его слышали многие.

— Зарахмет не из нашего села,— возразил кто-то.

— Хоть и не из нашего, зато грамоту знает и русский язык знает,— стоял на своем Шаип-мулла.

— Его грамотиость пригодится ему, когда вернется Угром! — крикиули из толпы.

Кругом засмеялись.

«Вот, оказывается, зачем Зарахмет попал сюда»,— подумал Хасан.

— Давайте поговорим об этом серьезно,— крикнул Дауд. — Всем вам известно, что до сих пор еще ни разу в вашем селе не обсуждался такой важный вопрос. — Он с мииуту помолчал, окиивув всех взглядом, и сказал: — Мие кажется, что на это место очень подходит Исмаал, сыи Товбота.

— Очень подходит!..

— Честный человек!..

— Какой из иего старшииа, он же не зиает языка бумаги?

— Языка бумаги ие знает, зато знает язык людей. Зиает, клянусь богом! — крикнул Гойберд.

— Кто согласен, поднимите руку.

Хасан стоял довольный. Кругом происходило то, о чем он и мечтать ие мог всего несколько дней иазад.

Избрали в Совет и Малсага.

— Малсаг грамотиый,— поддержал Гарси. — Но зачем выбрали человека, который не знает того, что он вчера ел?

— Кого ты имеешь в виду? — скользнул сердитым взглядом в его стороиу Хасан.

— Того, за кого ты подиял обе руки.

— И я подиял за Исмаала обе руки,— вмешался Элберд. И если бы у меия было десять рук, я все их подиял бы за него. Потому что Исмаал иастоящий человек, настоящий мужчииа.

— Такой иастоящий мужчина, как и ты,— прошипел Гарси. — Одинаково вытертые овчииы.

— Подлец! — кииулся к иему Элберд, но люди удержали его.

— Скажи спасибо, что ради такого дня ие хочется марать о тебя руки.

— А что бы ты сделал?

— Разбил бы в кровь твою рожу.

— Что!.. — Гарси вытащил из иожеи кинжал.

В толпе закричали:

— Убери кинжал!

— Пусть помашет им! — улыбаясь, сказал Элберд. —

Чтоб ты носил платок своей жены, если вложишь его обратно.

— Пустите меня, пустите! — рвался Гарси...

Но в этот миг Торко-Хаджи пошел к нему.

— Торко-Хаджи идет, Торко-Хаджи! Уймись, Гарси!

— Пусть хоть сам отец Торко-Хаджи идет.

Но когда перед ним остановился Торко-Хаджи, когда Гарси увидел перед собой сердитые глаза старца, он расслабился, как развязанная арба дров, и тихонько вложил кинжал в ножны.

— Однажды я ходил проведать тяжелобольного,— проговорил Торко-Хаджи, пристально глядя на Гарси из-под серых кустистых бровей. — На вопрос, как он себя чувствует, больной ответил, что хорошо, а затем показал пальцем в угол и сказал: «Он пришел и сел...» — «Кто?» — спросил я. «Ангел смерти,— ответил больной. — Я выстрелил, и он исчез. Пусть только попробует вернуться. Наган здесь»,— показал больной, хлопая рукой по подушке. Через два дня человек этот умер, несмотря на то что под подушкой у него лежал наган. Оружие больным не помогает. Не поможет оно и тебе. Ведь ты пытаешься защитить умирающее. Тебе надо хорошенько подумать. Может, тогда поймешь, что несет и людям, и тебе вместе с ними Советская власть.

Медленно повернувшись, Торко-Хаджи ушел. Люди одобрительно закивали вслед:

— Воллахи, правильно говорит.

— Хороший дал совет.

Гарси молча уставился на землю.

Сельские богачи хотели избрать старшиной Зарахмета. Они надеялись, что он поможет им сохранить богатства. Гарси не был богачом. Он хотел угодить Сааду, рассчитывал приблизиться к нему. И уж очень ему хотелось, чтобы Саад, которого не было на площади, узнал, что Гарси стоял за избрание Зарахмета, потому-то он и выкрикивал против Исмаала.

Наконец избрание сельской власти закончилось. Кроме Исмаала и Малсага, выбрали еще несколько человек.

— Эти люди — власть нашего села,— сказал Торко-Хаджи. — Знайте: кто пойдет против них — пойдет против всего села.

— Против села и против Советской власти,— добавил Дауд.

— Да, против Советской власти. Землю тоже будут распределять они. По составу семьи...

— Говорят, что будут давать семена для посева, это правда? — спросил кто-то из толпы.

Торко-Хаджи посмотрел на Дауда. Сам он не знал, что ответить.

— Да, будут,— сказал Дауд.

— Дай бог,— Гойберд поднял глаза к небу.

— Жди, сбросят тебе через дымоход,— сверкнул глазами Товмарза.

Гойберд пропустил его слова мимо ушей. Все его внимание было приковано к Дауду и Торко-Хаджи.

— Семена тоже будут делить те люди, которых мы сейчас выбрали,— пояснил Торко-Хаджи. — Смотря по тому, у кого какое хозяйство.

— Это правильно...

— У некоторых доа полны кукурузы.

Люди стали расходиться. Шли по двое, по трое. Говорили о новой власти, о земле.

Хасан поискал Исмаала и Малсага, но не увидел ни того, ни другого. Только Элберд попался ему на глаза. Он с кем-то разговаривал. Потом попрощался и пошел домой. И тут Хасан заметил, что вслед за Элбердом поспешили Гарси и сын Соси — Тархан. У Гарси в руке был кинжал. Хасан кинулся к ним. Но прежде чем он успел предостеречь Элберда, Гарси ударил его. Элберд покачнулся. Несколько человек кинулись к нему, подхватили под руки. Ни Гарси, ни Тархана поблизости уже не было.

— Сзади ударил,— проговорил Элберд, как бы оправдываясь. — Если бы не так... Я себя сдерживал ради такого дня, как сегодняшний. Не то... — Он не договорил и стал медленно опускаться. Глаза его закрылись.

8

Едва ступив в свой двор, Соси запричитал:

— Все пропало! И село в их руках, и вся Ингушетия!..

Удивленная Кабират пошла ему навстречу.

— В чьих руках? Что пропало?

— В руках моих врагов! В чьих же еще? Исмаал,

сын Товбота, теперь старшина в Сагопши, а этот бродяга Дауд — забирай выше — хакимом [1] стал.

— А что же это люди идут оттуда такие радостные, довольные? — удивилась Кабират.

— Им радость, а нам уезжать надо из этого села.

— Думаешь, в другом месте будет лучше?

— Пусть не лучше. Во всяком случае, меня там никто знать не будет. Можно кое-что из накопленного сберечь. К тому же в старшинах надо мной не будет тот, кто еще вчера чурека досыта не ел...

Кабират удивилась еще больше.

— О чем ты говоришь? Сберечь накопленное? Что же это получается, грабить теперь будут людей?

— Есть такой слух. Излишек зерна, скотину лишнюю, говорят, будут отбирать. На сходе обещали всем голодранцам семена выдать.

— Кто обещал?

— Кто бы ни обещал! — закричал Соси. Ему не хотелось говорить о том, что это был Дауд. От одного упоминания ненавистного имени Соси бросало в дрожь. — Сегодня семена, завтра лошадь, послезавтра корову! Скоро шкуру сдерут. Бродяги несчастные, передавить бы всех! А тут еще эта негодница замуж за оборванца вышла. Я же говорил, всем длинноволосым в младенчестве надо головы отрывать!

Таким разъяренным жена еще никогда не видела Соси. Только потому она так терпеливо слушала его и молчала. Но последние слова Соси задели ее:

— Нечего зря болтать. Иногда и от женщин бывает польза...

— Польза, может, от кого и бывает,— Соси подошел к жене. — Но от тебя и от твоей дочери ее не дождешься.

— А может, и дождался бы, если бы примирился? Нечего было слушать Ази и Гарси. Достаточно и того, что ты уже из-за Ази однажды получил свое от казаков. Помнишь, когда послал их с обыском к Кайпе?..

— Нашла чего вспоминать! — вскинулся Соси.

— Все это проделки Саада, — словно не слыша его, продолжала Кабират. — И Ази он подослал, и Гарси посадил тебе на голову. А все оттого, что у самого вражда с сыновьями Беки!..

---

[1] Хаким — чин, чиновник.

— А что изменится, если я помирюсь? А? — спросил вдруг Соси.

— Неужели ты настолько глуп, что не понимаешь? Стоило бы тебе примириться, зять встал бы на твою сторону. А Исмаал и Дауд его родственники. Они бы, конечно, тоже не сделали плохого отцу своей снохи.

Соси выслушал ее, ничего не сказав в ответ, взглянул на узкий лоб Қабират. «Неужели в моей голове нет и столько ума, сколько у нее?» Он повернулся к окну и снова задумался. Қабират вышла.

«Если бы помирился... Если бы помирился... — повторял он про себя, словно четки перебирал. — А что, если попробовать? Не требовать же мне обратно мужнюю жену. Женщину, брак которой уже освящен. Может, взять то, что дают, и помириться?.. Или совсем ничего не брать?.. Қакой с них калым?! А если и соберут, так ведь ни с чем останутся. Моей дочери есть-пить надо... Нет, пожалуй, и верно мириться надо, это смягчит их души...»

Раздумья Соси прервал вихрем вбежавший Тархан. Он глубоко дышал, глаза горели. Лоб был в поту.

— Что с тобой? — спросил Соси, пристально глядя на сына. — За тобой кто гнался?

— Нет.

— А что же тогда?

— Что, что! На улице жарко!

— Қак ты разговариваешь? Не драться ли со мной собираешься?

— Вот еще!..

В комнату вернулась запыхавшаяся Қабират.

— А за тобой кто гонится? — набросился Соси и на жену.

— Да он же говорит, что Элберда ударили кинжалом,— закричала Қабират так, как будто это он, Соси, сразил Элберда.

— Кто его?

— Кто, кто? Твой Гарси!

Соси застыл на месте.

— Тяжело ранил?..

— Насквозь, говорят, проткнул.

У Соси вырвался стон. Ему было бы куда легче, если бы не Гарси ударил Элберда, а совсем наоборот. Лучше мстить, чем скрываться от мести. Теперь начнет-

ся яростная вражда. Остерегаться придется и Соси, и его сыну. Он взглянул на Тархана. Хорошо, что хоть сейчас парень дома.

— А Гарси не ранен? — спросил Соси. В душе у него затеплилась надежда — будь и его родич ранен, тогда, может, все обошлось бы миром.

— Нет, не ранен,— ответил Тархан.

— Как же так получилось?

— Тот не успел. Гарси напал на него сзади.

— Ты-то откуда знаешь, как он напал? — сокрушенно всплеснула руками Кабират.

— Оттого знаю, что был с ним! — не без гордости произнес в ответ сын.

Соси от этих слов бросило в жар.

— Да сохранит нас бог! — вырвалось у Кабират. — Я же говорила, что от Гарси ничего хорошего не дождешься. Но кто меня слушал?..

Три дня никто не выходил со двора Соси. Три дня ворота были на засове. На четвертый день пришел Ази. Саад где-то пронюхал, что Соси хочет помириться с зятем, и послал его выведать, правда ли это.

Бывший старшина немного успокоил Соси.

— Жив Элберд,— сказал он, — рана оказалась не тяжелая. К тому же он заявил, что, кроме Гарси, никого даже пальцем не тронет.

Кабират хлопнула ладонями по своим тощим бедрам.

— Жив после того, как кинжал прошел насквозь!.. Он что, турпал? [1]

— Видимо, не судьба ему пока умереть,— проговорил Ази.

— Не судьба,— подтвердил Соси.

Некоторое время все молчали. Соси заговорил первым:

— Ази, моей дочери, видно, суждено быть там...

— Где там? — удивленно глянул на него Ази.

— У того, за кого она вышла.

— Ты что, шутишь?

— Какие уж тут шутки.

— Быстро же ты смирился. Тебя и ветром можно с ног сбить,— покачал головой Ази.

---

[1] Турпал — богатырь.

— Другие тоже не так уж твердо стоят на ногах. Даже Саад...

Ази, словно не слыша его, продолжал:

— Этот ветер еще не так силен, Соси. Сильный подует с другой стороны. Не простой ветер, ураганный. Он наверняка сметет большевиков и Советы. Что тогда будешь делать?

— То же, что и другие.

— Едва ли,— сказал Ази, вставая. — Может, думаешь, не прознают, что ты перешел на сторону этих бродяг?

— Ни на чью сторону я не перехожу. Такая жизнь. На чьей арбе сидишь, тому и подпевать надо.

— Ну что ж, пой вместе с сыновьями Беки.

— Понадобится, так запою.

— Смотри только не ошибись. Что, если песня окажется короткой?

Ази направился к выходу. Никто не остановил его, не предложил поужинать. Соси, вопреки обыкновению, на этот раз проводил его только до ворот и быстро вернулся в дом.

Весть о том, что Соси готов примириться с сыновьями Беки, быстро разнеслась по селу. Исмаал с Хасаном снова послали к Соси стариков. Дело наконец сладилось.

Через два-три дня кумыки, зимовавшие в трех селах, стали разъезжаться по домам. Семья Кайпы перешла в свой освободившийся дом. А Хусен и Эсет на первое время поселились в доме Довта.

Кайпа, глядя на то, как они хлопотали, устраивая свое жилье, и радовалась и горевала. «Все бы хорошо,— думала она,— если бы не вражда с сурхохинцами. Ведь не простят они, что невесту у них из-под носа увели!..»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Утро выдалось ясное, ласковое. Небо — словно подсиненное полотно. Солнце стоит высоко. Горизонт опоясан кудрявыми облаками. Все дышит свежестью. Радостно щебечут птицы; неутомимые ласточки хлопочут вокруг своих гнезд.

Во дворе у Довта не умолкал стук молотка по железу. Прохожие останавливались и удивленно заглядывали; не Довт ли ожил? Но нет. Это Хусен. Немногие еще знали, что они с Эсет здесь поселились. А лучше бы и никто не знал. Спокойнее было б для них и безопасней.

Но Хусен сейчас думал о другом: перед глазами у него стояло поле, где он, как и многие сагопшинцы, засеял кукурузой свою долю земли.

Урожай обещал быть хорошим. Хусен уже ездил бороновать — кукуруза поднялась дружно. За день Хусен с Султаном пробороновали четыре десятины. Заодно со своими участками поработали и на Исмаловом. Он-то теперь возглавляет Совет в селе, не до земли ему. Прополкой позже займутся женщины — Миновси с дочкой. А боронование — дело мужское. Хусен уже заканчивал, когда вдруг появился Гойберд.

— Вот хорошо-то, что я вас застал,— приговаривал он, вытирая войлочной шляпой пот с бритой головы. — Кайпа сказала мне, что вы здесь, я и поспешил. Пробороnуй, Хусен, и мое поле. Бог воз-

благодарит тебя. Да не будет мой путь сюда напрасным!..

— Что говорить, Гойберд, конечно, проборонуем. Поворачивай сюда, — крикнул Хусен брату и, обернувшись к соседу, спросил: — А где твой участок?

— Клянусь богом, недалеко. Отсюда — как от нашего дома до окраины села. Ну, может, чуть побольше...

Хусен улыбнулся, но промолчал. Ему ли не знать Гойберда.

Путь до Гойбердовой полосы оказался и впрямь неблизким. Но за разговором дошли быстро. На радостях Гойберд не знал, какие еще слова сказать в благодарность.

— Да будет благодатным каждое ваше начинание. Беки, бедняга, будь он жив, очень бы обрадовался, увидев вас такими! — Затем, глянув на лошадей, спросил: — У каждого по лошади? Дай бог, дай бог. А вторую когда же купили?

— Во время пахоты.

— Правильно сделали. Теперь со всяким делом можно управиться на своих лошадях и у других не надо просить. У меня в эту весну ничего не вышло. Но осенью куплю, если буду жив. Клянусь богом, куплю. Кукуруза, по всему видно, будет хорошая. Вон у меня ее сколько: две десятины... Обязательно куплю лошадь. И только хорошую. Как твоя. — Гойберд с удовольствием посмотрел на гнедого. — Уж если покупать, то хорошую. Клянусь богом, это правда.

Хусен тоже не сводил глаз со своего коня. Ему нравился и блеск его черной шерсти, и сильные ноги, и густая грива, напоминающая распущенные девичьи волосы. Хусен купил его на деньги, вырученные от продажи овец и мешка пшеницы.

Когда Кайпа при разделе сказала, что коня этого надо отдать Хусену, Хасан не возразил. Хусен привел овец, Хусен добыл пшеницу, значит, и конь должен принадлежать ему. Хасан всегда был за справедливость.

У Хусена и Эсет есть и корова. Родители дали ее дочери. Обычай у ингушей таков, что корову дарят дочери, вышедшей замуж, после первого посещения родительского дома. Эсет еще не была у своих, но корову ей выделили. Как ей пойти к родителям, если Тархан поклялся, что ноги ее не будет в том дворе, где живет он!

Даже объявил: уйду из дому, если родители позовут сестру. Кабират не один день уговаривала мужа принять дочь, и он уже согласился, но под влиянием сына отступился от своего слова. Старший сын Тахир пропал без вести. Не терять же из-за непутевой дочери последнего. Но когда Кабират сказала, что одну из четырех коров надо непременно отдать Эсет, Соси согласился. Тархан попробовал и этому воспрепятствовать, но тут мать настояла на своем, и он махнул рукой: черт с ней, с коровой, лишь бы сама не приходила.

Хусен отбивал тяпку, когда увидел торопливо входящую во двор тещу. Он быстро скрылся за домом. Не хотелось ему встречаться с ней. Раньше, когда еще был маленьким, прятался от нее потому, что уж очень ему была неприятна эта крикливая женщина. Теперь не то. Теперь он скорее соблюдал древний обычай. Правда, ненависть, запавшая в душу с детства, не прошла и до сих пор. Да и как ей пройти. Подарила корову, и нет им теперь покоя. Чуть не каждый день ходит в дом и терзает дочь. Эсет ему ничего не рассказывает, но он догадывается. После каждого посещения матери она бывает очень грустная. Вот и сейчас Хусен улавливал обрывки разговора Кабират с Эсет. Кабират тихо говорить не умеет.

— Ты едешь на прополку?

Хусен не слышал ответа Эсет.

— Хотя, чем сидеть в этом балагане, лучше на люди выйти,— продолжала Кабират. — Для такой ли жизни я тебя растила...

Хусен застучал молотком во всю силу. Хоть и не ново для него, что родители Эсет считают ее замужество несчастным, а обидно вновь и вновь слышать об этом. «Ничего,— подумал Хусен,— мы еще заживем. И другие не в один день обзаводились хозяйством».

Хусен представил себе новый дом, счастливую жизнь. Удары молотка становились все тише и тише. Наконец совсем затихли. И тогда до него снова донесся голос Кабират:

— Едва ли, дочь моя, новая власть поможет вам устроить жизнь. Говорят, она уже рухнула, власть ваших красных.

— Как рухнула?

— Слыхала я, будто восставшие в Моздоке казаки перебили всех болшеков. Заявили, что не нужна казакам новая власть, и двинулись вдоль Терека, убивают болшеков и красных. Скоро, наверно, и к нам завернут.

Хусен замер при этих словах.

— Ну и пусть заворачивают,— сказала Эсет. — У нас им некого убивать.

— Да хоть бы твоего хозяина! Им ведь безразлично: болшек он или только сторонник красных. Ох, и не знаю, что с тобой делать. — Кабират глубоко вздохнула. — Забрала бы я тебя домой, если бы не Тархан. Ни за что он не хочет смириться с этим родством.

— И пусть не смиряется. Да хоть бы и смирился, я никогда не оставила бы Хусена одного,— сказала Эсет решительно.

— Конечно, это так,— Кабират посмотрела на начавшую полнеть Эсет. — Что может измениться, когда все, что должно было произойти, уже произошло...

Хусену показалось, это Эсет всхлипнула. Он едва сдерживался, чтобы не ворваться в дом и не выгнать Кабират.

— Ну ладно, успокойся,— заговорила мать уже другим тоном. — Если тебе так все это нравится, никто не станет силой разлучать тебя с ним...

— Да, нравится! Если бы не нравилось, я бы не была здесь! — твердо сказала Эсет. — И не носи нам больше ничего. Мы не голодаем. Забери свой сахар!

— Замолчи. Этого я у тебя спрашивать не буду. Сама знаю, приносить мне или нет.

Наконец Кабират ушла. Хусен стал запрягать лошадь. Он молчал, делал вид, будто ничего не слышал. А сам тревожился. Слова Кабират не давали ему покоя.

Во двор забежал Султан. Он часто навещал их. Уж очень нравился мальчишке Хусенов конь.

— Как там, дома? — спросил Хусен.

— Хорошо, они едут сюда! — бросил Султан и стал гладить коня.

В воротах показались Гойберд с дочкой Зали.

— А вы далеко? — спросил Гойберд, глянув на арбу.

— В поле. Полоть кукурузу,— ответил Хусен.

Глубоко ввалившиеся глаза Гойберда заблестели.

— Правильно, день сегодня самый подходящий. Мы вот тоже решили...

— Поедем, значит, вместе. Садитесь.

— Да мы, пожалуй, пешком,— сказал Гойберд, хотя и вопрос-то свой задал специально, чтобы Хусен предложил ему ехать.

— Зачем же пешком, когда в арбе место есть?

Гойберд больше не отказывался. Взобравшись на арбу и устроившись поудобнее, он принялся благодарить Хусена и Эсет. Затем, глубоко вздохнув, добавил:

— Я-то рассчитывал хоть осенью купить лошадь. А теперь и не знаю, что будет. Снова зашевелились моздокские казаки. Восстали против новой власти. Страшное там вчера творилось.

— Ты сам там был? — спросил Хусен.

— Да. И чуть не отправился на тот свет. Бог оказался милостив. Дело было после полудня. Я ходил по лавкам. Вдруг со стороны церкви застрочил пулемет. Люди кричали, что стреляют в красных. Пока я раздумывал, в какую сторону мне бежать, смотрю, а из дома поблизости выскакивают солдаты и куда-то бегут. Потом я узнал, что это были красные. Некоторые на моих глазах падали. Как я уцелел, ума не приложу. Не суждено, значит, пока помереть...

Некоторое время ехали молча. Хусен сидел, подперев голову руками, Эсет изредка робко взглядывала на него и глубоко вздыхала. Гойберд рассказал о том, что она скрыла от Хусена. Теперь он и вовсе загрустит. А Эсет хотела только одного, чтобы их жизнь была радостной и счастливой...

— Уж лучше бы меня убили,— снова прервал молчание Гойберд. На том бы и кончилось мучение. Какой теперь мне толк жить?! Свое, хоть и тяжело, я прожил. Молодых жаль. Жизни не видели, а погибают.

Эсет думала о своем. Обида на мать не проходила. И за что они не любят Хусена? Ведь ей очень хорошо с ним. У Эсет все сжалось внутри при мысли о том, что их ждет новая беда. Она глянула на Гойберда.

— А нас они тронут, эти проклятые?

— Тронут. Не пожалеют. Клянусь богом, не пожалеют... А мы-то думали: конец нашим бедам. Что еще было желать: земли дали, семян тоже...

Все замолкли. Один Султан не слушал, о чем говорили взрослые. Он сидел и с восторгом наблюдал за всем, что его окружало: за застывшим высоко в небе жаворонком, юркой ящерицей в придорожной траве... Султан тревожился лишь тогда, когда кто-нибудь из братьев, прихватив оружие, вихрем уносился на коне, чтобы неизвестно когда вернуться.

Лошадь шла хорошо. Хусен молчал, думал об опасности, нависшей над ними, о доме, который он построил, о том, что будет с Эсет.

2

Скачут и скачут в сторону Кескема всадники.

— Что там случилось? — спрашивают одни.

— Говорят, начальник большой приезжает. Товарищ самого Ленина! Эржакинез [1],— отвечают другие.

Всего несколько дней прошло, как до Сагопши долетел слух о том, что в Моздоке подняли головы белоказаки. Вести со дня на день становились все тревожнее. На Тереке уже разгорелась настоящая война. И в Прохладной, и в Грозном тоже...

Братья ехали рядом. Хусен чуть сдерживал своего коня, а Хасан, наоборот, подгонял. Только так они держались вровень. Хасан нервничал.

— Ничего, успеем,— успокаивал его Хусен.

— «Успеем»,— сердился Хасан. — Видишь, как люди гонят.

— Хочешь, садись на моего и скачи вперед,— предложил брат,— а я подъеду позже?

Хасан не ответил.

Посреди села собралось столько народу, как в пятницу на базаре. Большинство были на лошадях. Из трех сел съехались. Пешими так скоро не собрались бы. Были тут люди и из хуторов. Всадники стояли вокруг белобородых стариков, сидящих на больших камнях у ворот, словно охраняли их.

— Видишь,— сказал Хусен,— я же говорил, что успеем. Только еще собираются.

[1] Эржакинез — так ингуши произносили фамилию Серго Орджоникидзе.

Хасан не слушал брата. Его сейчас занимала лошадь, на которой он сидел, и перекинутое через плечо ружье. Хусен давно уже предложил ему свою винтовку. Но Хасан не мог пойти на это. Ведь у брата вражда с сурхохинцами. С ружьем против них не устоишь. Потому и пришлось отдать Хусену и винтовку и коня.

Площадь шумела. Разобрать, кто что говорит, было невозможно. Но вот все стихло, головы людей повернулись в сторону улицы. На ней показалось несколько всадников. Среди них Хусен узнал Дауда.

Хусен рванулся ему навстречу, но Хасан удержал брата.

— Не до тебя сейчас Дауду,— сказал он...

Народ всполошился. Посыпались вопросы.

— Кто из них Эржакинез?

— Наверно, этот...

— А кто он по национальности, интересно?

— Тебе не все равно?

— И то верно. Лишь бы добро нам сделал.

— Жди, обязательно сделает. Первым долгом пошлет против казаков воевать!..

— Понадобится, так и повоюем...

Всадники подъехали к толпе, спешились и сквозь образовавшийся коридор направились туда, где восседали старики. Те поднялись навстречу гостям, ответили на приветствие.

Первым заговорил Дауд.

— Мы приехали к вам из Владикавказа,— сказал он. — Нас послал сюда Серго Орджоникидзе... Он большевик. Чрезвычайный комиссар. Прибыл к нам, чтобы оказать помощь в борьбе за Советскую власть на Северном Кавказе, руководить нашими действиями. Сам Ленин прислал его... Время сейчас очень трудное. Враги революции рыщут всюду. Жизни не жалеют, только бы уничтожить Советскую власть. — Дауд откашлялся и протянул вперед руку. — А на Тереке и в Кабарде что творят!.. Сжигают дома бедняков. Убивают стариков, женщин и детей...

— Остопирулла! — послышалось с разных сторон.

— ...Враги наращивают свои силы. Есть опасность, что скоро они вторгнутся и к вам...

— Да уж кого-кого, а нас в покое не оставят!

— Надо быть готовыми!

— «Надо быть готовыми»! Как будто в наших силах с ними сладить. У них пулеметы и пушки.

Хасан обернулся на голос говорящего.

Это был человек, одетый в новенькую синюю суконную черкеску. На голове у него красовалась блестящая золотом светло-коричневая каракулевая папаха. Поверх серебряных газырей тянулся шелковый шнур. Настоящий офицер, только погонов не хватало. Даже короткие, закрученные кверху усики были офицерскими.

— Ну и что такого, что у них пулеметы и пушки? — возразил кто-то.

— Сровняют с землей наши села.

— Так что же, по-твоему, надо встать перед ними на колени? Разве они не такие же люди, как мы, не одним богом созданы? — вмешался в разговор Хасан.

— Ими командуют офицеры. Они хорошо знают, что такое война,— не унимался человек в синей черкеске.

— Ты, наверно, тоже из офицеров? Возьми на себя командование и веди нас против них! Служил царю, послужи теперь своим землякам.

Спор этот уже мешал слушать говорившего. На них зашумели.

— Мы верим, что вы готовы поддержать революцию,— говорил Дауд. — Вы не раз доказали это. Многие из вас участвовали в бою с белыми во Владикавказе, я сам видел, как прямо из Базоркино, со съезда ингушского народа, люди отправились в бой. Многие там погибли. Сейчас революция выдвигает перед вами новую задачу. Надо выставить боевое охранение на подступах к Алханчуртской долине, и особенно там, где проходит дорога из Моздока во Владикавказ. Этот район мы считаем особенно важным. Банды Бичерахова могут по этой дороге прорваться к Владикавказу и Грозному. Там уже несколько дней идут бои. Надо сделать все возможное, чтобы враг не мог подкинуть туда подкрепление. Казаки Карабулакской и Троицкой станиц перешли на сторону революции. Во главе с Дьяковым они бьются с белыми. Серго просит вас помочь в охранении Алханчуртской долины.

В толпе поднялся шум.

— Передай Серго, что мы надежно закроем все подступы. Как на замок запрем!

— Пока живы, ни одной души не пропустим!..

— Мы не сомневались в вашей преданности. Потому и приехали к вам. Советская власть и Ленин всегда будут помнить, с какой готовностью вы идете на защиту завоеваний революции!

— И тебе пусть будет удача!..

— Живи долго!..

— Дай тебе бог силы!..

— ...Война есть война! — продолжал Дауд. — В ней главное — дисциплина и порядок. Надо сформировать отряды и во главе каждого из них поставить командира! — Он посмотрел на Торко-Хаджи и добавил: — И Торко-Хаджи будет легче с помощниками. Одному ему трудно!..

Затем речь держали двое стариков. Один говорил долго и замысловато, но кончил тем, что ингуши готовы защищать новую народную власть.

Другой старик был краток.

— У меня два взрослых сына,— сказал он, испытующе посмотрев в глаза Дауду. — Скажи Эржакинезу, что они пойдут туда, куда он велит, хоть на смерть. А если понадобится, я и сам пойду!

Старик окинул взглядом толпу. Дауд приложил руку к сердцу и кивнул старику в знак благодарности.

И тут Хусен услышал голос Гойберда.

— Разве только он пойдет? Я тоже пойду, если надо! И я, и сын мой. Понадобится, так и умрем. Чем сдаться этим собакам, лучше умереть. Клянусь богом!

На слова Гойберда мало кто обратил внимания. Все ждали, что скажет Торко-Хаджи. А он, как обычно, сказал очень коротко:

— Люди, слышали? Поняли?

— И слышали и поняли!

— В таком случае, как советует Дауд, создадим в каждом селе отряды, а точнее — сотни. Как в кавалерии. В помощь нам дали бывшего офицера, знакомого с военным делом...

При слове «офицер» народ недовольно зашумел. Торко-Хаджи поднял руку:

— Этот офицер добровольно перешел на нашу сторону, на сторону Советской власти.

Шум утих.

— Кто в какой сотне, узнаете завтра. После этого выберем командиров.

Дауд и его спутники ускакали. Народ тоже стал постепенно расходиться. Но не все. Иные еще долго обсуждали событие.

И снова потекли длинные дни ожидания. Одно было легче, чем в первый раз: на дворе стояло лето. Днем ли, ночью ли, в минуты передышки можно было броситься прямо в траву и отдохнуть. Не будь незаконченных дома дел по хозяйству, караул показался бы чем-то вроде приятного отдыха. Но не для всех...

Каждый раз, возвращаясь домой, Хусен заставал Эсет с покрасневшими, опухшими глазами. В ответ на его укоры Эсет отрицала, что плакала, ссылаясь на бессонницу, оправдывалась, что просто скучает. Но Хусен знал о ее тревоге. Совсем недавно она сказала ему, что ждет ребенка. И поэтому теперь особенно тревожилась за мужа.

— Ты и тогда будешь ночевать в степи, — спрашивала она, — когда нас будет трое?

— Нет. Зачем же в степи? Скоро все успокоится, — утешал ее Хусен.

3

Осеннее нежаркое солнце поднялось чуть выше деревьев. Пятеро мужчин во главе с седобородым стариком в папахе, обмотанной белой чалмой, вошли во двор Торко-Хаджи. Прохожие провожали их взглядами, пока старики не скрылись из глаз.

Что привело их? Не дурные ли вести? Люди встревожились.

Торко-Хаджи был один в доме. Увидев еще издали гостей, поспешил к себе и сын Торко-Хаджи — Зяуддин. Он пригласил стариков в дом, а сам встал у двери и, попеременно переводя взгляд с одного на другого, старался догадаться о цели их прихода.

Шаип-мулла бывает у них. И потому Зяуддина его приход не удивил бы. Но Элаха-Хаджи и Гинардко еще ни разу не переступали порог их дома. Если не считать того, что прошедшей весной они приходили хоронить его брата Абдул-Муталиба, погибшего в бою против белых под Владикавказом. В тот день в их дворе побывало все село.

Зяуддин разглядывал и Мурада, который так же, как и он, встал около двери. Этого человека он тоже никогда не видел у себя в доме.

Был здесь и Соси. Он, как только ему предложили сесть, тотчас опустился на стул. Мурад сесть отказался.

После взаимных расспросов о жизни и здоровье Шаип-мулла посмотрел на своих спутников, словно спрашивая, кто заговорит первым. Никто не вызвался. И тогда он начал сам:

— Хаджи, позволь я объясню тебе причину нашего прихода в твой дом.

Торко-Хаджи испытующе посмотрел на него. С каждым днем Шаип-мулла становился ему ненавистнее. Торко-Хаджи все больше убеждался, что он против Советской власти. Заметив сердитый взгляд Торко-Хаджи, Шаип-мулла заговорил елейным голосом:

— Ты, может, хотел отдохнуть, а мы нарушили твой покой? Прости нас. Но не прийти мы не могли. Нас привели заботы о селе, о женщинах и детях. Не думать о них сейчас нельзя. Кто, кроме нас, станет о них заботиться? Кто предотвратит надвигающуюся беду? Правильный путь народу можем указать только мы...

Торко-Хаджи слушал Шаип-муллу, и ему казалось, что это не он так гладко говорит, а кто-то другой. Голос Шаип-муллы постепенно терял свою сладкоречивость, жирное красное лицо, похожее на взрезанный арбуз, уже не улыбалось. Речь муллы раздражала Торко-Хаджи, действовала, как стук арбы по мостовой на страдающего бессонницей человека. Но Торко-Хаджи, сдерживая свое раздражение ждал, что, может, будет и умное слово. Но круг, по которому шел Шаип-мулла, был большой, и конца ему не предвиделось.

— Так вот, надумали мы зайти к тебе. Да будет мне могила тесной, если, не решаясь нарушить твой покой, мы долгое время не стояли в раздумье у мечети. Однако без тебя нельзя. Не ты ли самый уважаемый всеми нами человек? А значит, с тобой нам и решать, как помочь землякам нашим. Вот какие мысли привели нас к тебе, — закончил наконец Шаип-мулла.

Торко-Хаджи улыбнулся.

— Ты сам-то все понимаешь из того, что говоришь, Шаип?

Подняв руки, тот снова развел их.

— Я? Конечно! Чего же тут не понимать?

— А я не очень разумею, к чему ты клонишь, — снова улыбнулся Торко-Хаджи.

Элаха-Хаджи усмехнулся, погладил свою большую белую бороду. У Соси задергался кончик уса — с ним это происходило всегда: и тогда, когда он сердился, и тогда, когда смеялся. Гинардко сидел и покачивался из стороны в сторону, словно бы находился среди мюридов во время исполнения зикара. В душе он проклинал Шаип-муллу за бестолковую болтовню.

— Расскажи мне толком, да покороче, что привело вас ко мне, — попросил Торко-Хаджи.

Гинардко больше не мог сдерживаться. Его крепкое как дуб туловище перестало раскачиваться, большая рука с толстыми пальцами поднялась:

— Шаип, ты погоди-ка немного, я скажу...

Шаип-мулла посмотрел на его руку и пожал плечами:

— Говори, может, лучше скажешь.

— Лучше скажу или хуже, не знаю. Только бы людям понятно! — пробасил Гинардко и взглянул на Торко-Хаджи. Человек, владеющий крупной отарой овец, не одной парой лошадей и многим другим, горд собой. Ему ли, Гинардко, бояться смотреть в лицо кому бы то ни было?

Торко-Хаджи, конечно, не всем чета. Это понимал и Гинардко. Но перед Гинардко ему гордиться нечем, только и всего, что за ним сейчас идут все эти вшивые овчины, как презрительно называет Гинардко односельчан-бедняков.

— Торко-Хаджи, — сказал Гинардко, — у казаков большая сила. Их во много раз больше нас. И у них пушки и пулеметы...

— Одних тех, что в Магомет-Юрте, достаточно, — вставил Мурад.

— А ты помолчи, — отмахнулся от Мурада Гинардко. — Казаки заняли Кабарду и Осетию. Не сегодня-завтра завладеют Владикавказом и Грозным. Тогда мы останемся без выхода, как зверь, окруженный охотниками.

— Разве не жаль тебе женщин и детей, Хаджи?! — вырвалось у Шаип-муллы. — Если мы пришли сюда ради себя, пусть мне могила будет тесной. Тревожимся за женщин и детей.

Гинардко дождался, пока тот закончит. Вытерев платком свое лоснящееся, красное лицо, он продолжил:

— Затравленного зверя выкуривают, а затем убивают...

— А если этот зверь сам сдается, тогда что бывает? — прищурившись, спросил Торко-Хаджи. — Его пожалеют? Оставят в живых?..

С минуту все молчали.

— Говоришь, оставят ли в живых? — переспросил Элаха-Хаджи, погладив свою белую бороду и крепко сжав ее в кулак. — Если этот зверь не вреден, его можно и не убивать. Приручить можно.

— Хочешь сказать, что и нас можно приручить?

— Иного выхода нет! — Гинардко развел своими большими руками.

— Клянусь всеми Коранами, которые хранятся в Мекке, что нет иного выхода, — заключил Элаха-Хаджи.

Шаип-мулла промолчал. Хотел что-то сказать, но решил, что те двое высказались и за него. Сами взялись за дело, сами пусть и завершают.

Шаип-мулла не хотел спорить с Торко-Хаджи. Неизвестно, что еще будет. Если утвердится новая власть, Торко-Хаджи пригодится ему.

«Эх, знать бы, какая же власть в конце концов утвердится», — подумал Шаип-мулла.

Торко-Хаджи сидел, низко опустив голову. Он был явно недоволен. Метнув из-под густых бровей сердитый взгляд на Гинардко, он сказал:

— Заруби себе на носу: вашим охотникам вайнахов не приручить! Так и знай!

— А болшеки приручат их? — покосился Гинардко своими бычьими глазами.

— О них не говори. Они не на охоту вышли. У них совсем другое на уме. Болшеки думают о народе, о его благе. Я верю им, и вам бы пора поверить...

— Торко-Хаджи, перебью тебя, — вступил в разговор Элаха-Хаджи. — Ты говоришь, что болшеки хотят создать рай на земле...

— Я не говорю, что они хотят создать рай. Болшеки дают людям землю, свободу, равные с другими народами права...

— Хорошо, хорошо! Пусть они дадут народу все, что

ты сказал. А вред, который будет нанесен правоверным? Об этом ты подумал?

— Мы не можем жить, посадив себе за пазуху этих болшеков, — вмешался Гинардко. — Пуля обожжет и живот и спину. Я не хочу умирать из-за них.

— Мы-то и умрем — не беда, — вздохнул Шаип-мулла. — А вот женщин и детей жалко! Я не знаю... — Он пожал плечами, опустил глаза.

— Вот именно! — согласился Гинардко. — От недостатка земли еще никто не умирал...

— Умирали, Гинардко! — сказал Торко-Хаджи. — Одни умирали оттого, что не имели ее, голодали, другие умирали в борьбе за землю. Не из-за земли ли погиб Беки? Кому не больно, тот не стонет. Вот так-то!

— До сей поры я жил болью своих сельчан, — вспылил Гинардко. — И сейчас этим живу. Не то не сидел бы сегодня под твоей крышей. Не нужны нам войны. Отцы наши говорили: «Война сыновей не рождает, она уносит их».

— Воллахи, правильно они говорили! — воскликнул Элаха-Хаджи, поглаживая при этом бороду.

— Согласен с тобой, верно говорили. Моего сына тоже война унесла. Всего два месяца прошло.

— Вот видишь! Ты на себе испытал все зло войны! Зачем же другим желать того же? Не одна мать останется без сына, не один ребенок осиротеет...

Торко-Хаджи решил покончить с этим пустым разговором. Нового они ничего не надумали и не надумают. Это ясно.

— Каким же образом вы хотите предотвратить зло? — спросил он, резко вскинув голову.

— Не будем лезть куда не следует, тем и убережемся! — проговорил Элаха-Хаджи.

— Как это понимать?

— Очень просто! — рубанул своей огромной ладонью воздух Гинардко. — Надо немедленно отозвать всех наших людей, что несут караул на дороге у Магомет-Юрта. Пусть возвращаются. Потребовать этого должен ты. Кроме тебя, они никого не послушают...

— Нам нет дела до того, куда рвутся казаки, — добавил Элаха-Хаджи. — Пусть идут хоть во Владикавказ, хоть в Грозный, только бы нас не тронули!..

— Бичерахов обещал не причинять никакого ущерба нашим селам, — продолжал Гинардко, — если мы дадим им свободно пройти по дороге...

— Неужели вы действительно рассчитываете, что я помогу вам в таком подлом деле? — сверкнув глазами на Гинардко и на Элаха-Хаджи, проговорил Торко-Хаджи. — Так знайте же, этому не бывать!

— Ну а то, что затеяно тобою, — сказал Гинардко, — тоже не свершится! Там вон какая сила! Мы по сравнению с ними — что лист против дерева. Они уже Кабарду заняли и Осетию тоже. Кабардинцы во главе с князьями очищают свою землю от болшеков и их сторонников, а осетины будут в войске у Бичерахова. Ни за что нам не уцелеть в таком окружении...

Шаип-муллу от нарисованной картины бросило в жар. Утерев лоб рукавом бешмета, он глубоко вздохнул. Соси весь сжался. У него уже не только кончик уса — и губа стала дергаться.

— Не вздыхай так тяжело, Шаип, — усмехнулся Торко-Хаджи. — И не верь всему, что слышишь.

— А разве это не правда? — взорвался Элаха-Хаджи.

— То, что сунженские казаки дерутся между собой,— это правда! И то, что в Самашках сейчас идут бои,— это правда. А еще да будет вам известно, сунженские казаки встали на сторону Советской власти и с боями пробиваются к Грозному! Вот какая она, правда! — бросил в ответ Торко-Хаджи.— Неправду ты сказал и про кабардинцев и про осетин.

— Правда это или неправда, нам от этого никакой пользы! — сказал Гинардко.

— Мы с вами не договоримся, — заключил Торко-Хаджи.

— А мы-то думали... — Элаха-Хаджи, взявшись одной рукой за поясницу, с трудом поднялся с места. — Все должно свершиться по предсказанию святых и мудрецов! Придет день, когда ты поймешь, что был неправ. Увидишь, что вся эта голь, эти болшеки, бросят тебя и разбегутся — те, кого не успеют повесить. Может, тогда надумаешь к нам прийти — мы-то тебя не оставим в беде.

— За меня не тревожьтесь! — махнул рукой Торко-Хаджи.

— Да они ведь о чем просят, Хаджи, — протянул к нему руки, словно в мольбе, Шаип-мулла, — чтобы сидел дома и молился на благо всем.

— Вот-вот! — подхватил и Гинардко. — Клянусь могилой, которой никому не миновать, нужды ты не будешь знать. Ни в чем тебе отказа не будет.

Торко-Хаджи покачал головой и, с сожалением глядя на Гинардко, сказал:

— Всю свою жизнь я надеялся только на свои руки. Чужого мне не надо.

Элаха-Хаджи шагнул к двери, другие тоже стали надевать чувяки.

4

После трех дождливых дней показалось наконец солнце. Если на рассвете небо еще и было пасмурным, к полудню оно основательно прояснилось. Легкий ветерок гнал лоскутные облака к востоку.

Хасан лежал и от нечего делать все смотрел то вверх, то вниз, стараясь понять, какая тень какому облаку принадлежит. Сегодняшний день казался ему раем по сравнению с минувшим. Накануне из-за дождя нельзя было ни на минуту сойти с коня. А перевал надо было охранять и в том случае, если бы вместо дождя на голову падали камни. И несмотря на то, что караульные поочередно заворачивали на хутор погреться у печки, домой Хасан все равно вернулся мокрым с головы до пят. Хорошо еще, что дождь был теплым. Не одному Хасану надоело ожидание: и не война и не мир, а народ мучается. В караул теперь приходилось выезжать через день. Из-за дождливой осенней погоды люди болели.

Магомет-юртовские казаки тоже выставляли охранение. Горцы и казаки были похожи сейчас на петухов, что нахохлились и ждут момента: кто первый клюнет.

Чего только не передумал Хасан, лежа на пригретой солнцем траве. Неподалеку, расположившись передохнуть, сидели другие караульные. Хасан видел лицо Амайга. Как завороженный, слушает тот бывалого человека с впалой щекой. Это Шапшарко. Щека у него такая от ранения — досталось как-то, когда ходил за Терек коней угонять. Хасан слышал от него самого рассказ об этом.

Сейчас Шапшарко снова занимал всех своими рассказами:

— Конь был отменный, — довольно цокал он языком, — как бы Терек ни бушевал, переплывал его. Сдох, бедняга. На кол в изгороди напоролся. А все из-за жены. Огород нужен ей был, ну и изгородь поставить потребовала. Во дворе, где есть конь, нельзя иметь низкий забор. Никогда у меня больше такого не будет, где бы я ни жил...

Из-за раны в щеке Шапшарко говорил шамкая.

— ...Э-эх, — продолжал он, — не конь это был — друг и товарищ. Верный из верных. Если бы не он да не бог, меня бы уж давно рыбы слопали. В то утро конь пронес меня сквозь пули и перенес через Терек. И до самого дома он шел галопом. — Шапшарко потрогал ямку на щеке.— Я от этой раны не в силах был сидеть и прилег ему на шею. Порой я даже не понимал, то ли по воздуху он меня несет, то ли по земле. Так или иначе, а оказался не где-нибудь, а в своем собственном дворе...

Шапшарко раскурил самокрутку, затянулся и продолжал:

— Говорят, наши предки считали, что ни женщине, ни лошади верить нельзя. О женщине они, может, и правильно думали, а вот о лошади совсем нет. Я не отдал бы своего коня и за тридцать женщин. А привык он ко мне, чтоб ему на том свете в раю быть, словно вырос у меня во дворе.

— Ты его, наверно, из-за Терека привел? — спросил Хакяш. Его тонкие губы, и так почти не видные, в улыбке совсем исчезли.

— Не с той стороны, а с нашей, — ответил Шапшарко. — Из села, что лежит за Гушко-Юртом. Вернее, с окраины этого села. В ту ночь я ходил в набег вместе с кабардинцами. Увели мы одиннадцать коней.

Хакяш недобро глянул на него.

— Эх, Шапшарко. Не один ведь грех на тебе лежит.

— Грех? — презрительно усмехнулся Шапшарко. — У бедняка, кто бы он ни был — горец или казак, я еще ни разу ничего не взял. А владельца этих коней сами казаки ненавидели.

«Не Фрол ли это был? — подумал Хасан. — Похоже, что он». Хасан слышал, что после него кто-то увел у Фрола оставшихся лошадей.

— Давно ты увел у этого человека коней? — спросил Хасан.

— Примерно за год до войны с германцем. А что?

— Так. Кажется мне, знаю я его.

— Здоровяк такой из себя. С большой черной бородой. На краю села жил. А ты откуда знаешь его?

Хасан покосился на Шапшарко. — Я тоже когда-то увел лошадь у этого казака.

— Ты лошадь увел? Когда? — Шапшарко даже подпрыгнул на месте.

— Недели, должно быть, за две до тебя.

Шапшарко закатился смехом. Жирное лицо его покраснело, подбородок еще больше подался в сторону раненой щеки.

— Люди, вы слышите?

Но никто не засмеялся. Что смешного? Говорит, — значит, действительно увел. Не один же Шапшарко такой смельчак.

— Как тебе удалось?

— Очень просто. Увел и не хвастался, как ты.

Шапшарко примолк. Амайгу показалось, что здоровая щека его стала похожей на мяч. Дело оборачивалось спором, не родиться бы новой вражде!.. Амайг незаметно опустил руку в карман. Пальцы коснулись холодной стали. Разгорится ссора, он встанет за родича своего, за Хасана. Обычай есть обычай, хотя Шапшарко и очень нравился Амайгу.

Но все обошлось. Шапшарко успокоился, а Хасан и не думал ссориться. Надувшаяся было щека Шапшарко, как проколотый мяч, опала и приняла свой прежний вид.

Вечером Амайг и Хасан вместе возвращались домой. Они не говорили о ссоре, но Амайг был доволен собой, своей решимостью встать на защиту Хасана.

Амайг привязал нерасседланную лошадь к изгороди и заторопился в дом. Навстречу ему вышел отец.

— Ты почему седло не снял? — спросил он.

Ему и самому было нетрудно сделать это. Но важно было приучить сына к порядку.

— Я ненадолго. Мне надо возвращаться.

— Куда это?

— На пост.

— Каждую ночь, что ли? Сутки отбыл — и хватит.

Еще люди есть, кроме тебя. С какой это стати мы должны за других караулить?!

Будь на то воля Мурада, он бы не только за других, и за себя не отпустил бы сына. И не только Амайга. Посадил бы весь народ дома, а казакам сказал бы: не нужна нам Советская власть, не нужны болшеки, мы готовы во всем подчиняться тем, кто против голоштанников.

— Я не за других поеду, Хусен заболел — за него Хасан едет.

— А ты?

— Я с ним. Веселее будет...

Но и Хасан не поехал. Выяснилось, что Хусен уже чувствовал себя много лучше. Он и отправился на пост в свой черед.

Ночь была ясная и холодная. Ярко светили звезды. Хусен укутался в полушубок и прикорнул. Очнулся он перед рассветом. Рядом на корточках сидел Ювси и улыбался во весь рот:

— Пора вставать. Молодец ты, я и дома не заснул бы так сладко. Поднимайся да поедем, посмотрим, что на дороге делается. Наша очередь в караул выходить...

Кони с трудом спустились по скользкой росистой траве.

— Иней и сегодня не выпал,— сказал Ювси.

Хусен не ответил. Он не сводил глаз с правого склона. Ровный отрог пересекал хребет. За этим отрогом лежало село Магомет-Юрт. Дорога, ведущая из Моздока, круто извивалась вверх.

«Что это?» — Хусен резко откинулся в седле. Он ясно увидел несколько всадников. Но не успел и слова сказать, как они уже скрылись из виду. Сколько их было? Двое? Трое? И что это за люди? Но Ювси не обратил на это особого внимания.

— Два-три всадника нам не опасны, — сказал он чуть спустя.

До подножья хребта оставалось совсем немного. Дальше была равнина. И уж на ней-то все просматривалось.

— Нам бы бинокль, — размечтался Ювси, — в него до самого Терека все увидеть можно.

— А я и без него вижу, — пренебрежительно бросил Хусен.

— Так не рассмотришь, как в бинокль. У казаков есть бинокли...

— Значит, они нас видят лучше?

— Конечно. Даже тогда, когда мы их совсем не видим. Бинокль — это удивительная вещь. Он все притягивает к твоим глазам...

— Я без всякого бинокля вижу, что там впереди движется стадо, — сказал Хусен.

— Какое стадо? — удивился Ювси. Приложив ко лбу руку, он стал смотреть, куда ему показал Хусен. — Не вижу. Что за стадо?

— Я не могу разобрать, то ли это коровы, то ли овцы, но наверняка какое-то стадо. И, кажется, идет оно в нашу сторону. Точнее, не идет, а как-то разбросанно стелется, в виде длинного ремня.

— В виде ремня, говоришь? — насторожился Ювси.

— Да.

— Тогда это не коровы. И не овцы. Кругом ведь трава. Они бы обязательно разбрелись. Эх, бинокль бы!

Оба чуть проехали вперед.

— Да, это люди! — сказал наконец Хусен. — Коровы и овцы в такое время года не ушли бы так далеко от села.

Ювси молчал, будто не слышал его. Ехали они стороной от дороги, все больше кустарником. Вот уже стали видны не только сами люди, но и стволы винтовок, выглядывающие из-за их спин.

— Пешие, — заметил Ювси. — Это на наше счастье. Давай назад!

Он развернул коня и поскакал. Хусен понесся следом. Сзади раздались выстрелы.

Только отъехав на безопасное расстояние, они придержали коней. Хусен удивленно посмотрел на Ювси.

— А где твоя шапка? — спросил он.

— Да черт с ней! Хорошо, голова цела, — махнул рукой тот. Надо скорее предупредить наших. Скачи во весь дух в Сагопши. А я вернусь на пост.

Ювси вмиг изменился. Куда девалась его медлительность. Движения стали быстрыми, говорил он решительно.

Хусен растерялся. Ускакать в Сагопши, оставить своих, когда с минуты на минуту может разгореться бой?..

Ювси прервал его раздумья.

— Давай скорее! Надо поднять тревогу! Против такого войска одни наши посты не устоят. Твой конь резвее моего. Прежде чем они доберутся до перевала, ты уже будешь в селе. Не теряй времени. Езжай к Торко-Хаджи, а он уж знает, что делать.

5

Выслушав Хусена, Торко-Хаджи решительно направился к выходу.

Хусен выехал вслед за ним. Старик направился к мечети, что стояла через дорогу.

— Вот что, сынок, — сказал он остановившись. Скачи-ка ты как можно скорее в Пседах и Кескем. Надо и им сообщить обо всем...

Хусен ускакал. А спустя несколько минут с минарета зазвучал голос Торко-Хаджи.

Народ, словно того и ждал, быстро собирался на площади. Большей частью все были на конях и вооружены.

Узнав, какая грозит беда, одни сжимали зубы в готовности сразиться с врагом, другие горько вздыхали в тревоге за судьбы своих детей и всех близких. Были и такие, в душе которых загорелась искра злорадства...

Командиры сотен прибыли на сход в числе первых. Среди них Исмаал и Малсаг.

Торко-Хаджи сидел на сером коне, недавно купленном ему сельчанами.

— Люди, — заговорил он, — мы давали Эржакинезу слово, что будем охранять долину между двумя хребтами? [1]

— Давали! — полетело в ответ со всех концов.

— Обещали, что не пропустим врага?

— Обещали!

— Так вот, наступил час испытания. Враг движется к долине. Каковы его намерения, мы не знаем, сообщили, что он приближается к Магомет-Юрту. Может, там и остановится...

— Остановится он или дальше пойдет, а мы должны встретить его еще в пути и дать отпор! — крикнул кто-то в толпе.

[1] Так ингуши называют Алханчуртскую долину.

— Верно говорит! Надо остановить врага раньше, чем он спустится в долину!

— Вот об этом я и говорю! Спасибо, что поддерживаете меня! — Оглядев народ, Торко-Хаджи добавил: — Может быть, не всем суждено вернуться домой. Того, кто погибнет, будут чтить! Борьба за власть народа — борьба за правое дело!..

Торко-Хаджи подвели коня. Он сел, тронул поводья. За ним последовали Исмаал, Малсаг и командиры сотен.

Из села выезжали беспорядочно, но в пути все распределились по своим сотням. Торко-Хаджи ехал впереди.

Выполнив его приказ, Хусен решил заехать домой за патронами. Напряжение истекшего утра несколько спало, и Хусен вдруг почувствовал страшную усталость. Погода была ясная, а ему все казалось окрашенным в серые тона. Подумал: «Уж не заболел ли опять?»

По селу вдруг разнесся голос с минарета:

— Лю-у-ди! Несите чуреки-и.

Призыв повторился — человек выкрикивал поочередно в каждый из четырех проемов минарета, чтобы его услышали во всех концах села.

Из дома вышла Эсет. Она уже не пыталась уговаривать Хусена не уезжать — знала, что это бесполезно. Подала мужу патроны и молча встала рядом. Но когда Хусен сел на коня, вдруг взялась за стремя и заплакала.

— Ну что ты, Эсет? — попытался утешить ее Хусен.— Ведешь себя так, будто расстаемся навсегда.

— Откуда мне знать, вернешься ли ты?

— Куда же я денусь?

— Всякое может случиться!

Склонившись к жене, Хусен положил ей руку на голову.

— Никуда я не денусь, Эсет! Обязательно вернусь. Может, еще все обойдется без кровопролития. Помнишь, зимой? Когда мы с тобой были в Ачалуках? Тогда точно так же, как и сейчас, все село поднялось, а что вышло? Провели две ночи на перевале и вернулись... Ну, отпусти меня.

Эсет отошла в сторону, крупные слезы катились по щекам...

Всадники были уже далеко. Хусен припустил коня во всю прыть. Скоро он нагнал Амайга.

— А ты почему отстал? — спросил Хусен.

— Отец не пускал. С трудом вырвался.

И они поскакали рядом, догоняя своих односельчан. А далеко впереди, на отроге хребта у самого Магомет-Юрата, с холма за ними в бинокль наблюдал белоказак. Он отчетливо разглядел надвигающихся горцев и сообщил об этом в станицу. Казаки решили, что сагопшинцы идут на их станицу, и все, как один, вооружились и высыпали из домов.

Бичерахову еще раньше удалось привлечь часть магомет-юртовских казаков на свою сторону. Но соблазну поддались немногие. Все остальные, даже под угрозой лишения казачьего звания и земли, не пошли к мятежнику. И вот наступило торжество для бичераховцев. Сумели они наконец устрашить магомет-юртовцев тем, что ингуши идут на них...

Казаки заняли позицию с западной стороны станицы. Некоторые залегли в заранее вырытых окопах, другие наскоро выкопали углубления, чтобы хоть как-то замаскироваться. И в то же время были посланы гонцы в приречные станицы за подмогой.

6

Сагопшинцы растянулись вплоть до дороги, ведущей из Моздока на Владикавказ. С вершины Терского хребта вниз до самой долины спускался отрог — словно специально сооруженное укрепление. Сагопшинцы устроились за этим отрогом. Залегли, где только можно: в самых малых углублениях, в ямах, за кустами.

В каждого, кто обнаружит себя, казаки тотчас стреляли. Позиция у них была более выгодная — в окопах сидели да в оврагах. Сагопшинцы тоже стреляли, едва завидев черную точку над землей. Достигали пули цели или нет, они не знали. Но стрелять приходилось. Правда, Торко-Хаджи предупреждал, чтобы не было кровопролития: не с магомет-юртовцами воевать пришли...

Однако не прошло и часа, как несколько сагопшинцев было убито.

— Мертвых везите в село на кладбище, а раненых — по домам, — скомандовал Торко-Хаджи.

Он уже знал, что среди раненых был и его сын Зяуддин.

Перестрелка разгоралась. Выстрелы трещали, как кукурузные зерна на костре. Пули то со свистом проносились мимо, то глухо ударяли в землю.

Торко-Хаджи хоть и был старым, но бичераховцев на перевале заметил раньше, чем те открыли огонь. Он сразу направил против них часть людей.

— Поворачивайте туда! — кричал командир сотни. — Видите тех, что на перевале?

Одни, оглушенные беспрерывной пальбой, не слышали его команды, а те немногие, которые мечтали лишь о том, чтобы скорее ворваться в станицу и поживиться (были и такие), ни о чем другом и думать не хотели. Против станичников они действовали лениво. Товмарза, тот с самого начала боя всего один раз приподнял голову.

Хусен и Амайг лежали рядом. Хусен залег на скрытой в траве тропинке, протоптанной за лето стадом коров. Амайг лежал за небольшим бугорком. Когда он вплотную прижимался к земле, бугор этот скрывал его полностью.

— Не высовывайся! — крикнул Хусен.

— Муравьи замучили, — пожаловался Амайг, почесывая то одну, то другую руку. — Они, проклятые, даже за пазуху лезут!..

— Муравьи тебя не съедят, а пуля попадет — и конец!

Словно в подтверждение слов Хусена, перед Амайгом в землю врылась пуля, подняв облачко пыли. Это еще больше всполошило муравьев. Но Амайг уже не обращал на них внимания. Его взгляд был прикован к мушке винтовки. За нею он видел чуть высунувшегося из укрытия человека... «Кто это? — подумал Амайг. — Что, если Егор или его сын Вася?» Узнать бы. Тогда Амайг взял бы на мушку другого. «Да, но кто же стрелял сейчас в меня? Может, опять же Егор или Вася?» Амайг спустил курок. Раздался выстрел, он ощутил сильный толчок в плечо. Вслед за этим последовал еще один удар, но уже в грудь. Боли Амайг не почувствовал.

Хусен увидел опустившуюся на приклад винтовки голову Амайга, но ничего не заподозрил. Винтовочные выстрелы, раздавшиеся справа и слева, его собственные

выстрелы, подбадривающие крики товарищей — казалось, все это происходило во сне. Хусен увидел, как Амайга перевернули на спину и потащили вниз. И тут он вскочил, как будто на него вылили кувшин холодной воды. Теперь он понимал, что с Амайгом беда...

— Жив, — сказал сидевший рядом с Амайгом Шапшарко. — Дышит. Значит, не суждено еще погибнуть.

Открыв глаза, Амайг с трудом произнес:

— Не говорите отцу. Матери тоже...

Подбежали Хасан и Исмаал.

— Скорее на арбу, и домой! Лор-Гали[1] поможет.

Хасан взглянул на брата, у которого от озноба дрожала челюсть, и приказал:

— Езжай и ты с ним!..

Хусен, может, и отказался бы ехать, но вознице — двенадцатилетнему мальчишке — нельзя было доверять Амайга. Кто знает, что приключится в дороге.

Арба не успела тронуться, принесли еще.

— Этого сразу везите на кладбище, — сказал один из тех, кто нес его. — Бедняга распрощался с этим миром.

Хусен хоть и дрожал весь, но о себе сейчас не думал. Глаза его не отрывались от Амайга.

— Эй, прибавь ходу...— торопил он возницу.

Но Амайг умер раньше, чем доехали до села. Куда девалось мужество Хусена? Его словно прорвало: он плакал, слезы катились по щекам.

Навстречу показались пседахцы. Чуть позади командира грузный с виду человек с красным флагом в руках. Придержав коней, они стали расспрашивать, как там на перевале. Хусен коротко рассказал. Пседахцы горестно покачали головами и поскакали дальше, оставив за собой пыльное облако.

Спустя какое-то время уже на окраине села, рядом с кладбищем, им опять встретились всадники. Эти были из Кескема. Встречались и пешие. Узнав, что бой разгорается и уже есть убитые и раненые, люди торопливо двигались дальше.

Многие были безоружны. Хусен говорил, что там, куда они спешат, есть много оружия. Свою винтовку оставил у Хасана, а у него взял ружье Довта. Но и его

---

[1] Лор-Гали — лекарь Гали.

пришлось отдать встретившемуся в пути Гойберду. Винтовку Амайга он решил вручить Мураду. Кто знает, может, отец надумает занять место сына?

Но Мурад и не подумал об этом. Всю вину он свалил на сыновей Беки.

— Вы, вы во всем виноваты! — кричал он на Хусена. — Если бы он не связался с вами, не пошел за вами, разве случилось бы такое? Нет, не случилось бы! Зачем вы лишили меня единственного сына?

— Держись, Мурад, на все божья воля! — уговаривал его Шаип-мулла.

— Божья воля, говоришь? — Мурад глянул на Шаип-муллу. — А где же божья справедливость? У меня ведь всего один сын! Не то, что у других. Почему этот бог увидел только моего единственного сына?

— Значит, твой сын ему был нужен больше, — пробормотал Шаип-мулла и, взглянув на подавленную горем жену Мурада Кудас, потупился. — Всемогущий, говорят, забирает раньше того, кого больше любит, — добавил он.

— Зачем мне нужна его любовь!

Мурад с поднятыми руками двинулся на Шаип-муллу, затем, резко повернувшись, ударил ладонями о дверь и припал к ней головой.

Во двор уже входили люди. Ворота, открытые для арбы, больше не закрывались, так что каждый теперь мог войти сюда свободно. Хусен увидел свою мать и Миновси.

Пришел и Исмаал. Он приехал в село передать наказ Торко-Хаджи о том, чтобы, пока не закончится война и люди не вернутся домой, не устраивать тязет[1] по убитым.

— Зачем вы привезли его домой? — спросил Исмаал.

— А что? И мертвого не хотите отдать нам? — зло бросил Мурад.

— Торко-Хаджи велел хоронить убитых, не завозя в село.

— Даже не обмытых? — удивленно спросил Шаип-мулла.

— Да.

[1] Тязет — траур по умершему.

— Везите куда хотите, — произнес Мурад с трудом, словно кто-то сильно сдавил ему горло. — Отняли у меня сына! Вы отняли: ты и эти отродья Беки. — Он вдруг бессильно опустился на корточки. И, зажав руками голову, прохрипел: — Теперь везите куда хотите!..

— Возьми себя в руки, Мурад, — сказал Исмаал. — Не один Амайг погиб там...

7

Люди гибли. Гибли и с той и с другой стороны. Бой разгорался. Кругом клубился дым и раздавался треск, словно горел сухой плетень.

Будь противник вооружен только винтовками, жителям трех сел было бы не так тяжело. Но у бичераховцев были пулеметы. Они строчили со стороны станицы и перевала. Несколько раз даже ударила пушка. Снаряды угодили в лощину, где стояли кони. Убило двух лошадей и мальчика. Белоказаки вслед за этим дважды атаковали, но вайнахи успешно отразили их натиск и отбросили противника назад.

Торко-Хаджи без устали подбадривал своих:

— Держитесь, молодцы! Ни шагу назад! Если хоть один из нас отступит, дела наши будут плохи. Больше внимания в ту сторону. — Он показал на перевал. — Они для нас опаснее всего. Магомет-юртовцы будут охранять свое село и с места не сдвинутся...

С холма, где лежал Хасан, отчетливо были видны и те, что залегли на перевале, и те, что окопались у станицы. Он мог стрелять сразу в обе стороны.

Со свистом пролетали над головой Хасана пули. Вот ему показалось, что перед ним упало с дерева несколько груш. Это уже строчил пулемет. Хасан плотнее прижался к земле. Пулемет не умолкал ни на минуту. У Хасана отчаянно гремело в ушах.

Вдруг по цепи передали:

— Исмаал убит.

— Какой Исмаал?

— Исмаал из Сагопши...

Хасан потерял голову. Он побежал назад в лощину.

Исмаал, человек, заменивший ему отца, самый близкий!.. Хасан в отчаянии смотрел на бездыханное тело. Никогда больше не скажет Исмаал теплого слова, не под-

бодрит, не поддержит советом... Вот его уже укладывают на арбу, сейчас увезут на кладбище!..

Гойберд стоял тут же. Он провел рукой по запавшим глазам, смахнул навернувшиеся слезы и влез на арбу...

Смерть Исмаала была ударом для многих. Хасан долго смотрел вслед арбе. Затем резко повернулся и пошел назад. Все для него погрузилось во тьму, а гул пушечных и ружейных выстрелов давил ему голову; казалось, будто вокруг сотни и сотни людей ударами палок бьют по кукурузным початкам — лущат зерно.

Хасан сжимал зубы, тело напряглось, словно одеревенело, а он все шел и шел, не видя куда.

— Пригнись, глупец! Ошалел, что ли? — привел его в себя чей-то окрик.

Это был командир сотни. Хасан присел возле него на корточки.

— Я хочу заставить замолчать вон тот пулемет!

— Что? Пулемет тебе нужен? А жить не надоело?

Хасан пожал плечами.

— Иди-ка лучше в укрытие, от беды подальше.

Возражать старшему, тем более человеку, который тебе в отцы годится, у горцев не принято. И в другое время Хасан промолчал бы, но сейчас он не отдавал себе отчета в том, что делал, и потому упрямо возразил:

— Все равно заткну ему пасть! — и, пригнувшись, сполз в лог, а оттуда двинулся вверх по склону.

— Назад! — закричал командир. — Вернись сейчас же!

Но Хасан уже не слышал его. К командиру подошел Торко-Хаджи. Он посмотрел вслед Хасану и проговорил:

— Пусть идет! Да поможет ему бог! — Оглядевшись вокруг себя, Торко-Хаджи спросил: — Кто пойдет с ним?

Люди быстро подошли к нему.

— Не так много, — замахал руками Торко-Хаджи, — хватит двух человек. Вот вы, — указал старик на двух юношей, — нагоняйте его.

Пожелав смельчакам удачи, Торко-Хаджи пошел дальше. Юноши поспешили за Хасаном. Но тут вдруг за ними последовал и Мухи.

— А-а, — насмешливо бросил Товмарза, — и вдовий сын туда же!.. Мог бы и остаться.

Мухи обернулся, взглянув на красное, словно луковая шелуха, лицо Товмарзы и крикнул:

— Пусть я и вдовий сын, зато не стану, как мышь, отсиживаться и смотреть, как гибнут люди...

— Смотри-ка, — не унимался Товмарза, — тоже человеком стал. Ну и времена наступили...

Но Мухи на этот раз не ответил.

Неожиданно стрельба прекратилась. Что это? Людям надоело убивать друг друга? Или патроны кончились?

Товмарза выхватил взглядом из массы людей сына Гойберда Мажи. В руках у него было ружье.

— И этот будет воевать? — с ухмылкой проговорил Товмарза.

Лежавший чуть поодаль Нартби сердито посмотрел на Товмарзу и сказал:

— Мы здесь не для того, чтобы зубоскалить! Помолчал бы лучше.

Товмарза, не обращая на него внимания, долбил свое:

— Туго теперь придется казакам. Вы только посмотрите, какое у него ружье.

— Эй, не слышишь, что ли! — обозлился Нартби. — Стыда в тебе нет. Вокруг люди гибнут, а ты гогочешь!

Товмарза замолчал. Не потому, что решил уважить старика. Просто он знал его, знал и то, что нрав у Нартби горячий и в гневе он неукротим. Однако терпения ему хватило ненадолго. Стоило Нартби отвлечься — заговорился с кем-то по соседству, — Товмарза пристал к Мажи.

— Стрелять-то умеешь? — спросил он. — Глаз-то у тебя косой!

Мажи не ответил.

— А где ты ружье-то достал?

— У отца взял, — буркнул Мажи.

— Он что, тоже здесь?

— Уехал, повез убитого Исмаала.

— Ты бы лучше сам повез. Зачем тебе воевать?..

Мажи взорвался наконец:

— Я остался здесь ждать, пока тебя кокнут. Кому как не мне твой труп везти на кладбище!

— Раньше свой отвезешь, — только и успел сказать Товмарза. В глотке у него захрипело, как у гуся.

Мажи удивленно взглянул на Товмарзу и увидел, как тот вскочил с бьющей из горла струей крови и тут же упал, словно подкошенный. Мажи подполз к нему. Подполз и Нартби. Товмарза лежал на боку и бился головой

о землю. Не успел Нартби прочитать над ним яси, как он затих...

Делать было нечего, Мажи и впрямь пришлось взвалить убитого на арбу и везти на кладбище.

8

Сначала Хасан шел, пригибаясь к земле, теперь он уже полз. Вот взобрался на гребень и стал быстро спускаться на другую сторону. Низко опустившееся солнце осталось за спиной. Хасан задумался, что делать дальше. Быстро темнело. Надо было выбрать наиболее удобный подход к пулемету.

Заслышав сзади шорох травы, Хасан обернулся. Его нагнали двое юношей. Одного Хасан знал, его звали Исламом. Они вместе воевали. Второго, похожего на ногайца, он раньше не видел.

— Тебя, оказывается, не так-то легко догнать, — улыбнулся Ислам. Он был курносый, что большая редкость среди ингушей. Когда улыбался, казалось, что кончик его носа еще больше загибается кверху, а губа как бы тянется за ним.

Хасан не очень обрадовался, узнав, зачем они здесь. Троих врагу легче будет обнаружить.

— Как вы думаете, бой кончился? — спросил Хасан.

— Не понимаю. Что-то тихо!

Но не тут-то было. Словно разбуженный, снова затарахтел пулемет. Послышались и ружейные выстрелы, хотя и не такие частые, как прежде.

— Люди устали, — сказал Ислам, кивнув головой в сторону перевала.

— Только тот, кто строчит из этого пулемета, не устает, — заговорил второй юноша.

Вдруг они заметили крадущегося в кустах человека. Все трое навели на него винтовки.

— Это наш, — сказал Ислам.

Хасан узнал Мухи. «Только тебя здесь не хватало, — подумал он. — Целый отряд набрался». Хасан понял, что пулеметная очередь была по Мухи, и это особенно обозлило его. Но гнева своего он не выдал. Мухи может подумать, будто Хасан помнит детскую свою неприязнь, а этого сейчас совсем не надо ни Мухи, ни Хасану. В беде все должны быть как родные братья.

Они пошли гуськом на расстоянии пяти-шести метров друг от друга. Двигались осторожно, прячась в кустах, и все больше на четвереньках, а то и совсем ползком. Ислам шел впереди. Он хорошо знал эти места. Хасан следовал за ним. Штаны у него на колене порвались: зацепился за терновую ветку. Руки и ноги были исцарапаны, но Хасан не обращал на это внимания. Он знал, что скоро кустарник и там будет легче, к тому же недалеко проходит моздокская дорога, а за ней начинается лес. По опушке леса можно идти вверх, а там недалеко и холм, и они у цели...

Вдруг где-то близко послышалось ржанье.

— Что это за лошадь? — удивленно спросил Хасан. Ислам пожал плечами и посмотрел по сторонам.

— Из того кустарника донеслось, — кивнул шедший сзади Мухи. — Давайте посмотрим, что там, — предложил он.

Хасан было воспротивился: скоро стемнеет, и пулемет будет труднее обнаружить.

— Да я туда с закрытыми глазами дойду, — успокоил его Ислам.

— Нам же надо еще поискать наших дозорных. Стоит ли путаться с этой лошадью?.. — попытался поддержать Хасана юноша, похожий на ногайца.

— А что, если она наведет нас на след дозорных?

Ислам оказался прав. Пройдя чуть дальше, они наткнулись на убитого Сардала. Неподалеку Хасан увидел еще человека. Он стоял, держась за кусты, и смотрел на них.

— Э! Так ведь это ж Илез! — вырвалось у Хасана, и он торопливо пошел к нему.

Тот, как подрубленное дерево, повалился на бок.

— Как хорошо, что вы пришли, — сказал он подошедшему Хасану. — Увезите нас, похороните...

— А где остальные? — перебил его Ислам.

Вопросы надо было задавать быстрее, он умирал...

— Найдете... Не оставляйте здесь...

— Кто вас? — спросил Хасан.

— На конях... оттуда... — Он махнул рукой в сторону дороги и замолк.

В кустах они нашли еще двоих. Уложили всех рядком, прикрыли травой, чтобы не стали добычей птиц, и, пометив место, торопливо двинулись дальше. У дороги, спот-

кнувшись о что-то, Хасан остановился. Посмотрел под ноги и застыл на месте. В траве лежал Ювси. Лицо его было рассечено саблей...

Уже темнело, когда они по опушке леса приблизились к Магомет-Юрту.

Зловеще безлюдной казалась станица, безлюдной была и дорога, но едва Хасан перешел ее и ступил на мягкую траву, как услышал стук копыт множества лошадей. Он остановился и прислушался: это снизу, из-за холма. Наверняка казаки.

— Совсем хорошо!.. — пробурчал Хасан. — Слышите?

— Надо скорее уходить, — сказал Ислам.

Все четверо подались в сторону.

— А может, дадим бой? — предложил Хасан, остановившись. Остановился и Мухи.

— Ничего у нас не выйдет! — отрезал Ислам. — Их много. Не слышите разве по топоту? Пошли! Надо торопиться. Скорее с глаз долой!

Но укрыться они не успели. Выскочившие из-за холма всадники заметили их. Это казаки с Терека спешили на помощь магомет-юртовцам. Раздались выстрелы.

— Ложись! — крикнул Ислам, опускаясь на колени и направляя дуло винтовки в сторону дороги.

Завязалась перестрелка, четверо против сотни.

Всадники неожиданно подались к опушке.

— Вернись! — крикнул Хасан, увидев вырвавшегося вперед Мухи. — Отступай с боем!

Сам Хасан смерти не боялся. Ему только не хотелось, чтобы она настигла его в спину.

— Пригибайтесь, пригибайтесь! — кричал Ислам. — Тогда нас не будет видно.

Было уже темно. И это спасало их. Потому пока и держались.

До Хасана вдруг донесся стон. Он повернулся и увидел, что, прикрыв лицо рукой, падает Мухи. Хасан подбежал к нему. Мухи лежал на спине. Окровавленной рукой он прикрывал разорванную пулей щеку.

Окрик Ислама вывел Хасана из оцепенения.

— Отходите к лесу! — крикнул Ислам. Пригибаясь, он побежал назад, к дороге. — К лесу! Они не выпустят нас! Окружат!

Больше Хасан не слышал Ислама. От удара в плечо он медленно опустился на колени. Ему показалось, что

плечо чем-то опалило, жгучая боль пронзила все тело, голова закружилась. Он попытался ползти, волоча за ремень винтовку. Но голова стала тяжелеть. Наконец Хасан уперся лбом в холодную землю и затих.

9

С наступлением полной темноты и на перевале, и на склонах, и в долине воцарилась тишина. Ночь была мрачная и суровая. Звезд, казалось, совсем не осталось, словно за день их посбивали выстрелами, а тусклая луна походила на долго не чищенный медный таз.

Люди приступили к намазу. Затем перекусили. Еды было много — из трех сел навезли полные арбы. Но ничего не лезло в рот. Почти каждый переживал утрату близкого человека. Был ранен и сын Торко-Хаджи.

Воспользовавшись ночной передышкой, Торко-Хаджи собрал командиров сотен и всех тех, кто раньше участвовал в войнах. Пригласил он и самых уважаемых стариков из трех селений.

Стали советоваться. Торко-Хаджи внимательно выслушал людей. Говорили разное. Одни утверждали, что надо стоять на прежних позициях, не отходя ни на шаг, до тех пор, пока войско белоказаков не уйдет назад. Другие считали, что все равно многие гибнут, так не лучше ли сесть на коней и ринуться на врага. Убеждали, что под натиском бичераховцы разбегутся. Кроме того, говорили они, горцам непривычно лежа вести бой.

Были и такие, кто не поддерживал ни первых, ни вторых и уговаривал отступить. Эти были уверены, что враг достаточно узнал их силу и не решится напасть на ингушские села, а если через Алханчуртскую долину он пойдет на Владикавказ, то это уже не наше дело. Если пойдет в сунженские станицы, тоже пусть идет. И сунженские и терские — все казаки. Пусть дерутся, пока не перебьют друг друга.

Выслушав всех, заговорил Торко-Хаджи.

— Если мы, как стадо коров во время водопоя, ринемся очертя голову вперед, погибнет каждый второй из нас. На коне не пойдешь на пулемет. Кроме того, еще неизвестно, не ударят ли нам вслед магомет-юртовцы. Тогда мы вовсе окажемся в ловушке. Нельзя нам и отступать, — сказал он, сердито сверкнув глазами. — Мы пришли сю-

да, чтобы любой ценой перекрыть врагу дорогу! Тут некоторые говорят: пусть враг идет, лишь бы не тронул наши села. Это подлость: пропустить через свою землю тех, кто идет душить Советскую власть. Мы такого не допустим! Не позволит нам этого совесть. Павшие в бою наши близкие не позволят, не простят. Я уверен, что таких, кто готов отступить, единицы. Пусть эти единицы и уходят, пока не поздно.

— Верно! Правильно говоришь! — раздалось со всех сторон. — Пусть они убираются!

— Ни на шаг не отступим. Пседахцы скорее погибнут здесь все до одного, но не отступят, — отрезал Мусаип, командир пседахского отряда.

Никто больше не возражал. Даже противники Торко-Хаджи решили промолчать.

Молчание нарушил Элберд.

— Хаджи, — проговорил он, в знак уважения не называя полного имени Торко-Хаджи, — а что, если послать к казакам человека, пусть объяснит им, что у нас нет к ним вражды и мы не хотим нападать на их станицы, что выступили мы против войска Бичерахова, идущего от Терека?

— Не поверят они, — сказал Торко-Хаджи, покачав головой. — К тому же всего два дня назад у них угнали коров...

— Кто угнал?

— Будь проклят тот, кто это сделал!

— Да будет проклят весь его род!

— Надо бы обыскать каждый двор и дом, — вставил Гойберд.

— Так ты и найдешь во дворах, — ответил Алайг. — Коров, я слыхал, сразу же угнали в Кабарду.

Старик из Кескема заволновался.

— И чего вы разгалделись. Пусть говорит Торко-Хаджи. Не перебивайте его! Если он велит, даже я, старый, готов...

— Спасибо, брат Эдалби, — сказал Торко-Хаджи. — Я верю тебе, знаю, всегда поддержишь.

— Что нужно делать? Мы готовы! — раздалось одновременно несколько голосов.

— Все знаете, что те, кто вызвался заставить умолкнуть вражеский пулемет, ушли и пока не вернулись. Неизвестна судьба и наших дозорных.

— Человек один раз рождается и один раз умирает. Говори!

Торко-Хаджи поднял голову.

— Если бы несколько человек на конях перевалили через хребет и снизу ворвались в Магомет-юрт...

Люди слушали, боясь пропустить хоть одно слово.

— Не обязательно заходить в самую глубь станицы. Вы поднимете там стрельбу, крики. Казаки кинутся на подмогу своим. А мы воспользуемся паникой и ударим по тем, что расположились на перевале!..

— Правильно! Воллахи, умно придумано.

— Так кто готов идти в Магомет-Юрт?

Желающих было больше чем достаточно. Торко-Хаджи сам отобрал шесть человек, которые тотчас вскочили на коней.

Торко-Хаджи напутствовал их:

— Помните, вы идете не убивать. Они наши соседи, а соседи сегодня в раздоре, завтра могут и помириться. Так уж получилось. Наступит день, и они поймут, что у нас нет к ним вражды, что во всем виноваты белоказаки с Терека. Ваша задача — поднять шум, создать впечатление, что мы уже ворвались в село. Это может заставить казаков вернуться с позиций на помощь своим. В бой вступайте только в самом крайнем случае. Вас мало. Едва поднимете переполох, скачите назад.

Всадники умчались. Люди разошлись по своим местам, чтобы быть готовыми, если понадобится, в любую минуту ринуться в бой. Напряжение прошедшего дня чуть спало. Но только ненадолго. Скоро все внимание было приковано к станице и к перевалу.

Наконец за станицей, в направлении Моздока, заалел край неба.

— Зарево!

— Надо думать, это дело рук наших.

— Тише говорите! Стрельбу слышите?

Выстрелы участились. Все были готовы ринуться на врага, но, как ни странно, защитники станицы не трогались с места.

У Торко-Хаджи вырвался возглас изумления:

— Клянусь Кораном, мне кажется, что они разгадали наш замысел!

— Как они могли его разгадать? — пожал плечами стоявший рядом командир сотни. — Не святые ведь?

— А как мы узнали зимой, что казаки готовятся к нападению на нас? — спросил Торко-Хаджи.

— Их человек донес...

— Думаешь, среди нас не найдется такого?

— Ничего из этого не выйдет, Торко-Хаджи, — сказал подошедший Ази. Он тоже решил потолкаться среди воюющих, чтобы потом сказать, что и он отстаивал Советскую власть. — У них большая сила, и, кроме того, в войнах с германцами и турками они хорошо овладели военным искусством. Потому мудрые люди и предлагали уйти в свои села и...

Торко-Хаджи круто повернулся к нему:

— Замолчи, Ази! Или уезжай домой! Совсем! Уйди по-хорошему, пока не поздно!..

10

Когда Хасан наконец открыл глаза, вокруг было темно. Он не понимал, где он и что с ним случилось. Попытался подняться. Плечо пронзила резкая боль. Притронулся — все мокро. Что это давит плечо? А, прижался к прикладу винтовки! Видимо, это и остановило кровь, не дало ему погибнуть...

Подняв голову, Хасан вдруг увидел прямо против себя зарево огня. Услышал он и стрельбу. Что это? Значит, наши вошли в станицу?

Хасан подумал о товарищах. Как погиб Мухи, он видел. А что же случилось с Исламом? Лежит где-нибудь, как Хасан? Или ему удалось уйти? Если спасся, он непременно придет с подмогой. А если нет? Как тогда отсюда выбраться? Эх, если бы глоток воды! Один глоток!

Хасан часто отдыхал. И все смотрел в небо. Хоть бы дождь пошел! Пусть самый маленький. Даже несколько капель, попав в рот, оживили бы его. Тогда бы и силы прибавилось. Но с неба смотрели равнодушные звезды и, как бы дразня, мигали ему.

Хасан не помнил, как забрался на гребень, скатился вниз. Отяжелевшая голова будто приросла к земле. Кругом все погрузилось во тьму.

Очнулся Хасан оттого, что кто-то лил ему в рот воду.

— Много не давай, — услышал он.

— Приходит в себя! — облегченно произнес сидевший на корточках.

«По-ингушски говорят»,— обрадовался Хасан.

— Хорошо, что хоть один остался в живых. Хасан узнал голос Торко-Хаджи.

Теперь Хасан уже не благодарил судьбу за то, что привела его к своим. Услышав слова Торко-Хаджи, он подумал, что лучше бы и ему остаться там, за хребтом, вместе с товарищами, чем вот так бесславно вернуться, ничего не сделав. Торко-Хаджи, словно подслушав его мысли, сказал:

— Не везет нам со вчерашнего дня, все, что ни задумаем, проваливается.

— Одного не понимаю, — проговорил незнакомый Хасану голос, — как он мог пройти сквозь лавину на перевале и оказаться здесь?

Хасан и сам удивлялся, как это произошло.

...Белоказаки все-таки отступили, но горцы узнали об этом только на рассвете следующего дня.

— Выходит, наши молодцы напугали гяуров! — говорили люди. И пожар помог.

Торко-Хаджи из-под своих седых щетинистых бровей смотрел в сторону станицы. Сейчас он думал не о вчерашнем пожаре. Этот пожар не причинил особого урона. Сгорело только несколько стогов сена на окраине села. Торко-Хаджи хотел одного: скорее бы пришел конец всем столкновениям между соседями. Но как этого добиться? Одного желания мало. Сейчас затишье. Но в любую минуту бой может снова начаться. Ночью на помощь магомет-юртовцам прибыли казаки с Терека. И странное дело, несмотря на такую сильную подмогу, все они стоят на месте. Что бы это значило? То ли они преувеличивают силы горцев, то ли решили понапрасну не истреблять своих людей, сидеть и ждать, как поведут себя горцы?.. Трудно разгадать чужие замыслы. Торко-Хаджи вздохнул. Рядом с ним опустился на землю старик с такой же подстриженной, как у него, бородой, в такой же белой чалме.

— Не думаешь ли ты, Торко-Хаджи, — сказал он, что ждать нам нечего, надо с боем взять станицу?..

— Верное слово, — поддакнул подошедший сзади Ази.

— Если мы займем станицу, гяуры-бичераховцы не посмеют и шагу сделать в нашу сторону. Это магомет-юртовцы тянут их сюда, — пел свою песню старик.

Торко-Хаджи отрицательно покачал головой.

Не говоря больше ни слова, он торопливо направился прочь от этих назойливых людей. «Хоть бы кто-нибудь из Владикавказа приехал», — подумал он.

Накануне туда ускакал Малсаг посоветоваться с Даудом, как быть, что делать. Что-то не возвращается, доехал ли?

Торко-Хаджи шел в глубокой задумчивости, когда что-то ударило ему в голову. Он покачнулся, на миг в глазах все потемнело. Торко-Хаджи напряг силы, чтобы не упасть и чтобы никто не заметил его замешательства. Он поднял руку. И шапка и чалма, обвязанная вокруг, были влажными. Торко-Хаджи платком накрыл голову. Скоро боль чуть улеглась.

Весь день Торко-Хаджи неотступно думал о том, как прекратить этот бессмысленный бой. Можно бы человека послать для переговоров. Но казаки не подпустят его, застрелят. Некоторые предложили поднять на винтовке белый платок вместо флага, но только Торко-Хаджи на это не согласился: не дай бог, сочтут их за трусов!..

Вечерело, когда вдали показались три всадника. Они мчались вскачь. Не белоказаки ли? Может, следом и отряд?.. Уже приготовились достойно встретить пришельцев, но кто-то вдруг крикнул:

— Это Малсаг!

Всадники приблизились. С Малсагом был Дауд и какой-то русский в папахе и с маузером на боку.

Приезжие спешились и пошли прямо к Торко-Хаджи. Тотчас созвали всех командиров сотен и членов народных Советов селений.

Разговор был коротким. Дауд рассказал о том, что обстановка во Владикавказе сложная. Просьба к горцам одна — по возможности не пропустить белоказаков, не дать им пройти на Владикавказ.

Пока Дауд говорил, Торко-Хаджи слушал его, прикрыв глаза, и изредка покачивал головой. Но вот он взглянул на Дауда и сказал:

— Вернешься во Владикавказ — передай Эржакинезу, что, пока хоть кто-то из нас будет жив, ни один белоказак не перейдет через перевал. А еще пусть он знает, что мы пришли сюда не грабить, а защищаться. Передай и это. — Торко-Хаджи помолчал, потом добавил: — Если

до вечера противник больше не появится, мы отойдем, оставим в карауле человек двадцать и отойдем...

С наступлением ночи по приказу Торко-Хаджи горцы стали отходить.

...Торко-Хаджи неотступно думал о раненом сыне. Что с ним? Во двор к себе старик въехал не без страха. Прислушался, не слышно ли женского плача? Но нет...

Крайнее окно было освещено. Лампа горела необычно ярко.

Войдя в дом, Торко-Хаджи на минуту замер в двери: он увидел сына, лежащего у противоположной стены, и склоненного над ним человека. Молнией мелькнула мысль: «Отходную читает!» Но человек повернулся на стук двери, и Торко-Хаджи увидел, что это Гали. Ну раз Гали, так не яси, конечно, читает, а лечит рану. Потому и называют его Лор-Гали.

У Торко-Хаджи отлегло от сердца.

— Бог уберег его: пуля прошла навылет, но внутри ничего не повредила, — проговорил врачеватель. — Я положил мазь. Она свое дело сделает. Скоро будет здоров.

Торко-Хаджи словно помолодел. Рванул с себя шапку и сказал:

— А ну, посмотри теперь эту рану.

— Бог был милостив и к тебе, — сказал Гали, осмотрев рану, — к счастью, пуля скользнула вдоль кости.

Рану промыли и перевязали. Торко-Хаджи, освободившись от тревоги за сына, снова задумался.

— Что помрачнел, Хаджи? — спросил Гали. — Благодарение богу, все обошлось.

— Кому обошлось, а кому и нет, — проговорил Торко-Хаджи. — Меня и моего сына пуля не взяла, и у нас в доме сегодня никто не плачет, а у других...

— Война не праздник. Там и кровь, и убитые. Хорошо, хоть вы не пропустили врага, задержали.

— Задержать-то мы его задержали, — глубоко вздохнул Торко-Хаджи. — И дали знать, что, если хоть глазом глянут сюда, такую силу против них двинем, не опомнятся!..

Но бичераховцам было не до того — красные нанесли им в Грозном полное поражение.

А вскоре пришла радостная весть: Моздок очищен от белых, в нем снова утвердилась Советская власть.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

С утра на моздокских улицах толпился народ. Все с удивлением наблюдали за конницей, что нескончаемой вереницей текла по дороге. Виданное ли дело, чтобы на диво казакам, мимо них мирно проезжали горцы? Да еще и песню пели.

Разве поверит такому тот, кто не видел этого своими глазами? В первом ряду всадник гордо держал перед собой красный флаг.

— Нехристи, перешли на сторону красных, большевиков,— бросил здоровенный чернобородый казак.

— Зимой на съезде большевики встречали их с распростертыми объятиями,— проговорил другой. — И здесь, и в Пятигорске. А сейчас они и вовсе носы задрали. Вишь, как смело едут!

— Заняли Моздок! — не унимался чернобородый. — Пропали казаки. Честь погублена. Теперь уже никакой пулемет не поможет. Когда надо было, не стреляли, а сейчас поздно.

Хасан придержал своего коня. Тот самый чернобородый, что злобствовал, показался ему похожим на Фрола.

Так и есть. Фрол! Ах ты, гад! И как злобно смотрит. «Только и жди,— подумал Хасан,— из-за угла стрелять станет».

— Попадись кто-нибудь из них в мои руки — живым не уйдет, — не унимался Фрол.

— Видишь того, что едет впереди? — показал Фролу стоявший рядом казак.

— Босяка Протасова, что ли?

— Говорят, это он привел их. Антихрист! Креста на нем нет.

— У него и на могиле не будет креста. Оно, может, и могилы не будет. Тоже не уйдет от нас.

А на противоположной стороне улицы, собравшись стайками у ворот, спорили казачки.

— Теперь богачи узнают! — потрясала кулаками худая смуглая женщина. — Придется им с землицей расстаться. И табуны у них отберут!.. Отары тоже...

— Кто отберет? — удивленно таращила глаза чернобровая молодка.

— Народ отберет! Ингуши вон отобрали да разделили между бедняками все богатство Угрюмова и Мазая! Так и у наших отберут.

— И поплатятся за это сполна, — покачала головой молодка, сверкая глазами-вишнями из-под новенького цветастого платка. — И Угрюмов и Мазай еще могут вернуться.

— Вернутся, если царь вернется. А его, говорят, порешили. Так что и их не жди, не вернутся.

— Вернутся! — топнула ногой молодка и взвизгнула: — У, ведьма, из-за тебя каблук чуть не поломала!

Она погладила свой шевровый высокий ботинок.

— Жаль, что не поломала, офицерская подстилка! Стой, пока стоишь, да помалкивай.

— Чего это мне помалкивать? А тебя не только офицеры — и солдаты в подстилку не возьмут. Кому ты такая нужна? Посмотри на себя.

— Ты теперь тоже никому не нужна! Те, кому ты была нужна, ушли! Тю-тю, нет их больше.

— Радуешься горцам? Басурманам? Может, они тебя и приголубят. Смотри-ка, бабоньки, она и вправду на них похожа. На азиатов-то.

Молодка закатилась смехом, но в ту же минуту и замолкла, будто рот ей кто закрыл. Та, худющая, пошла вдруг на нее с кулаками.

Проезжая мимо Нюркиного дома, Хасан так и подался вперед: нет ли ее во дворе? А может, и Митя тут? Но во дворе никого не было.

Странное дело, даже Фрол вышел на улицу, а тех, кого так хотелось встретить, Хасан не видел...

А в толпе все гутарили.

— Протасов, говорят, привел их! Правильно сделал. Знает, что бедному люду надобно.

— А чем горцы нам помогут?

— За Советскую власть постоят. А власть эта, дай ей бог здравствовать, нам и поможет!.. У нас такого отряда нет. Одни с белыми воюют, другие в банды подались. Ну ничего, теперь узнают...

— Что верно, то верно. А все-таки нам, казакам, стыдоба у горцев защиты искать.

— А что делать, коли богатеи вооружились и, как пауки в паутине, стерегут свое богатство, чтоб людям его не отдать? И банды везде рыщут. Вот заведем свою милицию, тогда и горцы домой уйдут...

Приезжие расселились в казармах, где до них жили красноармейцы. Стены побиты пулями. Окна без стекол, только в некоторых рамах торчат осколки. Бичераховцы все изрешетили пулеметным огнем. Хасан помнил рассказ Гойберда об этом дне... А вон и церковь, где стоял пулемет!

В казарме Хасан оказался рядом с Элбердом, ночью на пост ходил тоже с ним. И Хасана это радовало — он всегда тянулся к смелым, сильным людям. Но сейчас Элберд считал себя опозоренным. Пока Гарси ходит по земле, Элберд не может смотреть людям в глаза. Он с завистью говорит Хасану:

— Ты ранен на войне... Если бы и мою рану я получил в бою!

Хасан молча ехал рядом с ним, прислушиваясь к конскому топоту. Перед ним встало лицо отца. Если бы и Беки был убит на войне, на сердце у Хасана не было бы такой тяжести. Проклятый Саад все еще разгуливает по земле...

— Может, люди думают, я оставлю этого Гарси? — перебил его раздумья Элберд.— Да надену я платок своей жены, если не отомщу! Правда, дело это очень затянулось. Но теперь, как только вернусь отсюда, посмотрим!..

Элберд словно бы извинялся. А Хасан? Ему перед кем извиняться? Разве тому, что он до сих пор еще не отомстил за отца, нет своих причин: сначала был мал, потом война, а за эти семь-восемь месяцев, что возвратился домой, все знают, у него и дня не было для себя...

— Вернемся отсюда, я тоже сделаю что надо,— сказал Хасан.

Элберд не ответил.

Они ехали охранять дорогу, что ведет из Моздока в степь. Дело шло к вечеру, но еще было светло. В степи тихо. А вечер уже холодный.

— Доброй ли будет для нас сегодняшняя ночь? — подумал вслух Элберд.

— Холодно будет, ветер,— сказал Хасан.— Лучше бы нас послали мост охранять. Там есть где укрыться. В другой раз надо жребий бросить.

Элберд улыбнулся, покачал головой.

— Вытянем жребий туда, а ветер возьмет, да и подует с другой стороны, что тогда?

Первая половина ночи кое-как прошла. Хасан с Элбердом часто слезали с коней, чтобы подвигаться, разогреться. Под утро ветер стих.

— Сжалился бог над нами,— обрадовался Хасан.

Но радость была недолгой: заморосил дождь, а спустя какое-то время посыпал снег.

Хасан с Элбердом с завистью смотрели в сторону города с его огнями и дымками. Счастливчики похрапывают себе в теплых домах. Даже их товарищам в казарме сейчас хорошо. Окна уже застеклили, печи топятся...

А над городом заалело зарево, и вслед за тем тревожно зазвонил колокол.

— Кажется, горит? — сказал Хасан.

— Колокол звонит,— согласился Элберд.— У нас при тревоге с мечети кричат, а у них в церковный колокол бьют.

Хасан слышать не мог слова «церковь». Ему одинаково ненавистны были и враги, что восстали здесь, в городе, против новой власти, и Бичехаров, которого он никогда не видел, и церковь — именно с нее строчил пулемет!

— Ее бы поджечь, эту церковь,— зло бросил Хасан,— или взорвать!..

— Пусть стоит. Чем она тебе мешает?

— Не помнишь разве, откуда летом пулемет строчил?

— Больше не застрочит. Ниоткуда. А мы не за тем сюда пришли, чтобы поджигать да взрывать. Мы не должны подавать повода для того, чтобы о нас говорили плохое...

Но говорить плохое все-таки стали. На следующее же утро.

Пожар, который Хасан и Элберд видели ночью, оказывается, возник на большой паровой мельнице. В Моздоке распространился слух, будто поджог мельницы и убийство ее владельца — дело рук горцев. Дошел этот слух и до приречных станиц. Говорили о сундуке золота, о мешке денег. С каждым днем легенда о пропаже все росла и росла. А подозрение между тем пятнало всех. Командиры сотен грозились повесить виновных, если такие отыщутся среди них...

Именно в этот день убили из засады Абдурахмана из тоховского рода. Бедняга вырос сиротой у родственников. Совсем недавно женился.

После этого случая решено было на пост посылать трех-четырех человек сразу.

На второй день утром прошел новый слух. Владельца мельницы никто не убивал, сам внезапно умер: увидел горящую мельницу, обомлел и умер. Но от этого черное пятно, что легло на горцев, белее не стало: утверждали, что если бы не поджог, так и владелец мельницы не умер бы. Обстановка накалялась, что и было нужно врагам Советской власти. Этими слухами они рассчитывали поднять казаков против горцев, против Советской власти. Но надежды их не оправдались, казаки не поддались, хотя и стали сторониться горцев.

2

Хасан долго не решался войти во двор к Мите. Его удерживало опасение, что там может оказаться его брат Илюха. Как ни приглядывался Хасан, во дворе никто не появлялся — он был словно нежилой. Хасана это даже тревожило. Наконец он решился и вошел. Дверь, печально скрипнув, отворилась. И тотчас из темной комнаты донесся голос:

— Кто там?

— Это я,— ответил Хасан, входя в комнату.— Добрый вечер.

— Кто ты?

— Я это. Митин товарищ, не помните разве?

Вглядевшись, Хасан увидел старушку, сидевшую на старой деревянной кровати.

— Кто тебе нужен-то?

— Митя нужен.

— Нету Мити.

— А где он?

— Совсем и не было его. Ни его, ни другого. Это люди говорят, будто были. А где же они, если были?

Хасан насторожился. Старушка была вроде бы не в себе.

— А старик где?

— И старика нет. Никого нет. Я есть. Приходил тут один, говорил, что мой сын Илюша. Дважды приходил. Ты тоже, наверное, пришел, чтобы сказать, что ты мой сын? Обмануть меня хочешь? Да?

— Да что вы!..

— Меня больше никто не сможет обмануть. Опять хочешь показать мне голову сына? Нет, не буду больше глядеть!

Голос ее, поначалу едва слышный, теперь окреп и стал пронзительным. Старушка чуть не кричала.

— Какую голову? — спросил Хасан.

— Какую, говоришь, голову?! — взметнулась старуха. — Голову моего сына! Там, у ворот, она лежит!

Ее слова, ее голос, эта темная комната, вой ветра в печной трубе, дребезжание оконного стекла — все действовало на Хасана удручающе. Он выскользнул из дома и заспешил, словно боялся, что старушка погонится за ним. А голос ее так и звенел в ушах: «Голову моего сына! Там, у ворот, она лежит!..»

Когда и как это она могла лежать у ворот? И голова какого сына? Может, старуха помешалась? Потому и говорит такое?

Хасан пошел к Нюрке. В окнах ее дома не было света. Наверное, к родителям своим ушла?.. Что делать? Как узнать, что с Митей?.. Хасан шел не к казармам, а к Тереку, мучительно раздумывая, как быть...

От моста крикнули:

— Эй, кто идет?

— Я иду! — отозвался Хасан по-ингушски.

Постовые, тоже ингуши, преградили ему путь.

— Уж не думаете ли вы, что я убегаю домой или иду грабить?

— Куда бы ты ни шел, не пропустим! — отрезал один. Говорил он грубо. Двое других вели себя чуть мягче.

— Если с тобой, не дай бог, что случится, спрашивать будут с нас. Как бы ты сам поступил, окажись на нашем месте?

Поняв, что спорить бесполезно, Хасан стал просить их. Сказал, что идет к друзьям. С трудом, но все же уговорил.

...Федор только что поужинал и прилег отдохнуть. На стук в дверь вышла жена. Она всячески оберегала мужа. Ходил слух, что нескольких сторонников Советской власти бандиты расстреляли прямо во дворах. А потому, когда Федор бывал дома, она чутко прислушивалась к каждому шороху и тряслась от страха, едва заслышит стук.

Хасан стоял у самой двери. Женщина раза три спросила, кто там, прежде чем открыла дверь.

— Боится, что меня могут выкрасть прямо из дома,— рассмеялся Федор, увидя Хасана.— Целый день я на работе, а вечером хожу по городу, и никто меня не крадет, но вот боится, как бы из дому не выкрали!..

— Тебе смех,— махнула рукой жена.— Наверно, те, кого поубивали, тоже смеялись вот так же. Не смеяться надо, а беречься. Береженого и бог бережет.

— Э-э, жена,— сказал Федор, глубоко вздохнув,— если кто придет с недобрым, от того ты меня не спрячешь.— Федор повернулся к Хасану.— Ты откуда?

— Из Моздока,— ответил Хасан.

— Из Моздока? В отряде там, с ингушами?

— Да.

— В такую ночь и один! — Федор неодобрительно покачал головой.— Так нельзя, парень. Головы не сносишь!

— Вы посмотрите на него,— всплеснула руками женщина,— людей учит, а сам...

Федор, не обращая на нее внимания, продолжал:

— Надо быть осторожным. Не все рады вашему приходу. Об этом не забывай.

Подойдя к печке, Федор взял сушившиеся там шерстяные носки, натянул их на ноги и сел на край кровати.

— Я знаю,— ответил Хасан.— У нас вон одного даже убили... Я к Мите ходил, хотел повидать его...

— Эх, Митя,— тяжело вздохнул Федор.— Митю, беднягу, вместе со мной бичераховцы арестовали. И в Моздоке и в Екатериноградской мы были вместе. Увезли нас

туда потому, что тюрьма здесь была переполнена. Как будто там просторнее. Нагнали народу! Что пчел в улье. Ляжешь на один бок, а уж повернуться на другой можно только всем вместе. А дух стоял!.. Я и не надеялся остаться живым. Вспомнить страшно!..

Федор сидел сгорбленный. Иногда он покачивался из стороны в сторону, будто что-то вспоминал.

— А Митя? — спросил наконец Хасан.— Как он?..

— Митя был в другой камере. Когда красные приблизились к Екатериноградской, бичераховцы, отступая, погнали и нас впереди себя. Почти половина арестантов осталась лежать на дороге. Там в пути я и увидел Митю. Худой, изможденный, он был неузнаваем, бедняга. Дальше мы держались вместе, чтобы в нужный момент помочь друг другу. Оба до Моздока дошли. Здесь гадам было не до нас. Боясь, как бы красные от Грозного не перерезали им дорогу, они поспешили поездом к Кизляру, ну и нас, конечно, прихватили. Были с нами и пленные красные. Не доезжая до Наурской, белые жестоко расправились с ними: вывели их из вагонов, обвязали кукурузными стеблями, облили керосином и...

Федор замолк. Потом достал кисет, свернул себе цигарку и протянул кисет Хасану.

— Нам с Митей удалось бежать,— снова заговорил Федор.— Скоро мы убедились, что погони за нами нет. «Наша взяла, дядя Федя! — радовался он.— Узнают гады! Вот пойду в милицию, ох, как стану с ними расправляться!» До Бичерахова Митя служил в милиции. «Зайдем к нам, перекусим, потом дальше пойдешь, дядя Федя,— предложил мне Митя, когда мы были уже близко от их дома.— Отец с матерью небось глазам не поверят, увидев меня. А мать, так, может, и не переживет вовсе такой радости!..»

Федор жадно затянулся. Потом продолжал:

— ...Только мы подошли к воротам, как навстречу нам выехал всадник. «Илюха!» — вырвалось у Мити, и он изменился в лице. А в воротах тем временем появилась ихняя мать... Она протянула с мольбой руки вслед удаляющемуся сыну и хотела что-то крикнуть, как вдруг увидела своего младшего и заголосила: «Митенька! Сыночек мой!» На ее голос обернулся Илюха. «Митя, браток! — сказал он.— Вот и хорошо, что вернулся. Поздоровайся с маманей, да и прощайся. Едем со

мной».— «Куда?» — удивился Митя. «Не спрашивай куда. Едем — и все тут. Нельзя тебе оставаться. Хватит против своих казаков биться».— «Враги Советской власти мне не свои!» — покосился на брата Митя. «Ах, так? — взъерепенился Илюха.— Выходит, и я тебе — не свой? Родной брат, и вроде бы как чужой? Так, что ли?» — «Да, чужой!» — ответил Митя. «Маманя, слышь, что говорит?» Илюха глянул на меня: «А вы, папаша, тоже остаетесь, тоже так думаете?» Я еще и рта раскрыть не успел, чтобы ответить, а Митя опередил меня. «Конечно, остается,— сказал он,— нешто же с вами, с бандитами, идти!» — «Ну, браток,— ощерился Илюха,— боюсь, не хватит больше моего терпения на тебя». Но через минуту он взял себя в руки. «Говорю тебе: поехали. Хватит якшаться с этими голодранцами. Глянь на себя, на кого ты стал похож. А все из-за них». Митя зло улыбнулся в ответ брату и сказал: «Посмотрим, каким ты станешь теперь, и куда вы денетесь». Губы у Илюхи растянулись в недоброй усмешке. «Мы-то как-нибудь перебьемся, а вот ты насквозь светишься,— сказал он.— Смотри, шея какая стала тонкая, того и гляди, переломится».— «Моя-то удержится, а вот ваши переломаем»,— ответил Митя. Илюха зло сощурился. «Да? Так!» Я и опомниться не успел, как вдруг молнией сверкнула сабля. Митя качнулся, и с плеч его слетела голова. Всю жизнь так и будет стоять в глазах этот ужас...

— Как не стоять в глазах,— вздохнула жена Федора,— ведь дня не пройдет, чтоб не говорил об этом.

Хасан окаменел.

— Где он сейчас? — после недолгого молчания спросил Хасан.

— Кто? Зятек-то наш? — поднял голову Федор.— В банде. Где ему быть? Вредит Советской власти.— И, глянув на жену, добавил: — Ты меня от него береги, от зятюшки. А уж от других я сам уберегусь.

— Люди сказывают, другой он стал,— сказала женщина.— С кем и враждовал, так теперь не трогает. Изменился совсем.

— Жалостливый стал? Волк ягненком обернулся? Эх ты, баба неразумная! — Федор зло сплюнул.

— Они вон подожгли хозяйство у Акима и ушли, а самого не тронули...

Хасан насторожился.

— А ведь Аким врагом был Илюхе. Еще с тех пор, как в детстве побил его, застал в своем винограднике и побил. Аким-то, правда, отдал богу душу. Но это уже потом, когда Илюха с товарищами своими ушел,— старуха вздохнула.

— Откуда ты все это знаешь? — удивленно спросил Федор.

— Нюрка рассказала.

— Когда?

— Вчера вечером... Она без тебя тут заходила...

— Чего же ты молчала? — шагнул к жене Федор.

— Так ты же не спрашивал!..

Но Федор уже не слушал ее.

— Вот, значит, какое дело? — прогремел он. — Сволочи! Бандюги! Сами же подожгли, а горцев обвиняют!

На другой день в Совдепе уже знали все подробности о поджоге.

3

Небо опять хмурилось. Много, ох, как много прошло их здесь, в Моздоке, хмурых, пасмурных дней. Солнце не выглядывает ни на минуту, словно дало обет до весны не показываться. По календарю зима, а дороги развезло, будто осень на дворе. Временами выпадает снег, но землю никак не покроет, полежит час-другой и растает.

Погода — хуже некуда. Сидеть бы в тепле у печки, да нет. Одни мечутся, как мыши в амбаре, в котором все дыры законопачены и нет из него выхода,— добро свое прячут от Советской власти. Другие и день и ночь стоят на страже: охраняют Советскую власть от бандитов да пути хапугам перекрывают. Совдеп и ЧК поручают отряду и другие дела. Богатеи-то, они по-хорошему ничего не отдают. Налогов даже не платят. А как же новой власти с нуждой справиться? Бичераховцы все вытрясли. В Моздок каждый день раненых везут. Их кормить надо. А где взять? Богачи все попрятались. Для Бичерахова ничего не жалели, а от Советской власти все схоронили. Вот ЧК и борется с ними.

Хасан и с ним еще двое с утра уже побывали в нескольких дворах. Первым входил человек из Совдепа. Рыжеватый казак, ровесник Хасану. Ему тут все известно, знает, в чей двор идти, кого потрясти следует. Они уже конфисковали в пользу Совдепа три лошади и фургон зерна. Отобрали две винтовки с патронташами.

При въезде в один из дворов сердце у Хасана забилось, и горло словно клещами сдавило. Хоть он и был тут всего только раз, отчетливо запомнил большой дом, навес, колодец, из которого пил Рашид... В стороне, в саду, стога сена.

Во дворе была только женщина. Она стояла на крыльце и вскрикивала своим тоненьким голоском:

— Что же это, всякая власть будет садиться на наши шеи? Был Бичерахов, отдавали ему полные фургоны пшеницы, а фургоны с арбузами прямо с бахчей свозили к казармам. Где это видано, с одной скотины три шкуры сдирать!..

— Бичерахову-то не жаловалась? — сказал человек из Совдепа.— Тогда вы с радостью все отдавали.

— Так уж и с радостью!..

— Ну вот что, хозяюшка. Хватит причитать. Выводи двух лошадей — и делу конец.

— Двух лошадей? — только и произнесла женщина.— Это еще зачем?

— Для Советской власти.

— А мы?.. Как же мы?

— И вам останется. Ну, давай, поторапливайся!

— Чего ты на меня кричишь? Я тебе в матери гожусь.

— Для этого одних годов мало, нужно еще иметь сердце. Я не забыл, как ты относилась к своим работникам. И ты и твой муж.

— А что мы такого плохого делали? Всех брали на работу, исправно кормили. Даже тех, что ты привел, взяли...

Женщина все говорила. В глубине души, наверно, надеялась, что этой перебранкой все и кончится. Но, заметив вдруг взгляд Хасана и поднятую дугой его бровь, она сразу смолкла.

Казак из Совдепа спешился.

— Ну вот что,— сказал он,— добром не выведешь — силой заберем все, что нам надо.

Двое направились к сараю.

— Где оружие спрятано? — спросил Хасан, входя в дом.

— Зачем нам оружие? Мужик мой с бандами не связан и людей не убивает. Нешто на нем креста нет?

— Оружия не нашли, зато зерна — пруд пруди. Чистая, отборная пшеница! Часть в мешках: видно, приготовили, хотели спрятать, да не успели. Мешков десять. Хасан вышел на крыльцо, сказал товарищу, чтобы запрягали фургон.

Женщина ругала и проклинала их на чем свет стоит.

Когда уже запрягли фургон и погрузили на него мешки, в воротах неожиданно показался Фрол. Вначале он застыл на месте, затем рявкнул:

— По какому такому праву средь бела дня грабите?

— По революционному праву! — ответил казак.— И не грабим, а лишнее, у людей награбленное, конфискуем.

Хозяин рывком расстегнул шубу, засунул руку за ремень...

— Так, значит? — угрожающим тоном бросил он.

— Значит, так.

— Силой действовать решили?

— Добром не отдаешь, так без силы не обойтись.

— Не отдавал и не отдам! — крикнул Фрол.

Он схватил лошадь под уздцы. Сидевший на фургоне Хасан дернул вожжи, но Фрол крепко держал коней.

— Отпусти! — сказал казак.— По-хорошему просим.

— Не отпущу! Убирайся со двора вместе со своими дикарями!

Хасан рванул с плеча винтовку. Совдеповец предостерегающе поднял руку. И Хасан с трудом удержался, чтобы не спустить курок. В какой уже раз он слышит это оскорбительное слово. «Скотина, это мы-то дикари? — подумал Хасан.— А что тогда о тебе сказать?»

Фрол откинул полу шубы и выхватил обрез, который у него, как у абрека, висел дулом вниз. Отпрыгнув, как кошка, к воротам, он крикнул:

— Я кому сказал, уходите со двора?!

Казак покачал головой.

— Если бы нас так легко было запугать, мы бы не приехали сюда. Давай-ка лучше свой обрез! — сказал он, подъезжая к Фролу.

За ним последовал Хасан и третий их товарищ.

— На, получай! — крикнул Фрол и спустил курок.— Тебе, змееныш, первому!..

Хасан опоздал всего на какую-нибудь долю секунды. Винтовка Фрола опустилась дулом вниз, он покачнулся, а потом привалился спиной к воротам. Не успел Хасан передвинуть затвор, как раздались выстрелы его товарищей. Грузное тело Фрола скользнуло по воротам, рухнуло на землю.

Хасан огляделся вокруг.

Казак из Совдепа лежал, распластавшись на коне, его револьвер валялся на земле. Сам казак был еще жив: он тяжело и хрипло дышал.

— Помогите! Убивают! — заголосила Фролова жена.

Она подбежала к мужу, хотела выстрелить из его винтовки, но на этот раз Хасан опередил ее и выхватил у нее оружие.

Сколько баба ни голосила, никто к ней на помощь не явился. Тогда она безнадежно опустилась около мужа на колени и запричитала:

— И зачем ты только связался с ними. Пусть бы увезли! Чтоб им подавиться! Придет день, за все заплатят.— И она погрозила вслед всадникам кулаком.

Утихшие было на время сплетни опять поползли по округе, но потом вновь улеглись. Народ не хотел верить тому, что горцы во главе с большевиками грабят казаков, убивают их. Трудовые казаки уже прекрасно разбирались, для чего прибыли к ним горские сотни. Все попытки врагов нарушить спокойную жизнь казаков, установившуюся после прихода горцев, окончились полным провалом.

Но вскоре снова была совершена кража. Увели лошадей. По этому случаю дважды собирали отряд вместе с представителями Совдепа. Разыскать виновников не удавалось.

А грабежи не прекращались. Воскресным вечером ограбили магомет-юртовских казаков, возвращающихся с базара из Моздока. Говорили, что грабители по одежде будто бы горцы. Конечно, все взволновались. А Элберд даже поклялся убить грабителей, пусть они только ему попадутся.

Погода не менялась. Земля и не промерзала и не высыхала. Не поймешь: ни зима, ни весна и ни осень.

Хасан с Элбердом и на этот раз вместе попали в караул. Им выпало охранять дорогу, ведущую из Гушко-Юрта к мосту.

На рассвете они услышали конский топот. Оба насторожились. Но это оказался один из родичей Хасана. Он прибыл с плохой вестью: накануне вечером совершено нападение на Хусена! Кто это сделал? Тяжелое ли ранение? Как ни допытывался Хасан, ничего узнать не удалось.

Он было ринулся скакать в Сагопши, потом спохватился, что Элберд останется совсем один, и решил съездить в Моздок, попросить, чтобы вместо него человека прислали. Но Элберд наотрез отказался, сказал, что и один справится. Хасан умчался вместе со своим родичем.

Прошло немного времени, как Элберд остался один. В утренней мгле показались два всадника. Они поднялись из-под обрыва, словно вынырнули из Терека, и рысью ехали по дороге на Гушко-Юрт. У каждого на поводу было еще по одной лошади. Ехали они из хутора, не из Моздока. Через мост их бы не пропустили, а вплавь через реку сейчас едва ли кто отважится — вода ледяная. Однако откуда бы они ни ехали, а проверить их надо. Что, если воры?! Элберд поскакал им наперерез. Крикнул, чтобы остановились, если они вайнахи. Но всадники продолжали свой путь, делая вид, будто ничего не слышат. Элберд выстрелил в воздух. Один из всадников передал поводок с конем другому и остановился, а тот поскакал вперед. Элберд бросился за скачущим.

— Если ты вайнах, остановись и говори со мной! — крикнул Элберду тот, что стоял на дороге.

Элберд уловил знакомые нотки в голосе, но вспомнить, кто бы это был, не мог.

— Назад, или буду стрелять! — снова крикнул человек.

И тут Элберд узнал Гарси. Вот где довелось встретиться! На этот раз Гарси не уйдет от него живым. Держа винтовку наготове, Элберд двинулся на своего врага.

— Слушай, человек,— крикнул ему Гарси,— мы ингуши. И мы и ты. Мы едем своей дорогой, у нас свое дело.

— На этот раз наши дороги скрестились, Гарси.

Услышав знакомый голос, Гарси вздрогнул. Так это Элберд идет на него с наведенной винтовкой! Гарси хотел взять свою, но Элберд крикнул:

— Только пошевелись, буду стрелять!

— Элберд, ради всего святого, дай мне сегодня дорогу, а свое получишь с меня потом.

Элберд покачал головой:

— Э, нет. Если бы даже у меня у самого не было с тобой счета, сегодня я бы все равно тебя не отпустил. Будь на твоем месте с краденными конями хоть брат мой родной, я бы и его не отпустил.

— Не торопись, Элберд, принимать решение,— сказал вкрадчивым голосом Гарси.— Дела у нас почти одинаковые и дороги тоже...

— Ошибаешься, Гарси. Мы выполняем дело, порученное нам народной властью, а вы позорите и нас и наши дела. Берись-ка лучше за оружие и защищайся.

— Элберд, зачем нам погибать здесь, на земле гяуров,— взмолился Гарси, а сам тем временем потихоньку повернул своего коня в сторону, так, чтобы дуло лежавшей поперек седла винтовки было направлено на Элберда, и поднес палец к курку.

Элберд ничего не заметил. Раздался выстрел. Конь шарахнулся в сторону, но сам он даже не покачнулся в седле.

— Все, что ты делаешь, подло! — крикнул Элберд, вскидывая винтовку. Гарси покачнулся и свалился наземь. Испуганная лошадь галопом помчалась вверх по дороге, словно бы спешила нагнать умчавшихся вперед коней.

Оставив Гарси лежать на дороге, Элберд пустился за другим всадником, но тот был уже далеко.

4

Соси щурил глаза, как от яркого солнца. Кончики усов у него вздернулись кверху да так и застыли.

С той самой минуты, как в полдень скрипнула калитка и во двор вошел его сын Тахир, Соси от радости не находил себе места. И не удивительно: явился наконец сын, о котором несколько лет не было ни слуху ни духу.

Соси в душе никогда не терял надежды, что сын вернется, и потому упорно противился настояниям родст-

венников справить по нему траур. Сердце всегда говорило ему, что сын жив, и не обмануло. Вот Тахир перед ним, живой и здоровый. Правда, похудел и одет плохо. Соси, конечно, рассчитывал, что сын появится в хорошей одежде и при оружии. Хоть и из младших, а все-таки офицер! Ну да пусть. Это ничего, что плохо одет. Главное — вернулся живым и здоровым. А вернулся-то откуда? С края света, из далекой страны Австрии. Из страны, о которой Соси знает только по рассказам.

Люди приходили без конца. Все поздравляли с возвращением. Одни оставались, другие тут же уходили. Шли все, не было только Тархана и Эсет. А именно их-то Тахиру больше всего хотелось бы видеть. Он уже все о них расспросил. Узнал, чем занимается Тархан. Узнал и о том, что соседи стали их родственниками. Тахир не одобрил и того, что брат ведет дружбу с Гарси, и того, что Эсет не принимают в отцовском доме.

— Позовите ее хоть сегодня,— попросил он.

Эсет знала о приезде Тахира. Она всем сердцем любила брата. Но сейчас ей было не до встречи с ним. Весть о том, что вернулся Тахир, принесла в дом Довта старуха Шаши. Султан за ней бегал...

Подойдя к метавшейся на постели Эсет, Шаши стала утешать ее, как малого ребенка. А потом сказала:

— Знаешь, брат твой приехал.

Эсет рванулась к ней.

— Лежи, лежи, моя хорошая. Он сам придет к своей сестренке. Скоро придет. А потом и ты пойдешь к нему. Вот поднимешься и пойдешь.

Эсет безнадежно покачала головой и застонала от боли.

— Помолись, моя девочка,— уговаривала Шаши.— Бог тебе поможет. Он всемогущ и милостив.

Не дождавшись ответа от Эсет, Шаши сама стала шептать за нее слова молитвы.

Неподалеку от дома Довта жил Исак — Саадов двоюродный брат по матери. Из-за жиденьких усов люди прозвали его Исак Кошачьи Усы.

У Исака гости сурхохинцы, из тех, что некогда сватали Эсет. Они хоть и дальние, а тоже родичи Исаку. Двое их приехало.

Они уже трижды отказывали старикам, приезжавшим к ним с разговором о примирении. Наконец созвали кхел [1], по два человека от каждой стороны. После долгих споров порешили, что род Хусена должен выдать за оскорбленного жениха одну из своих девушек. Выбор пал на дочь Исмаала Залимат, совсем еще девочку.

Хусен не согласился, а Хасан прямо заявил: пусть весь его род погибнет, но погубить Залимат он не позволит...

С того дня прошло около двух недель. И вот приехали сурхохинцы.

Один был мужчина средних лет, другой — молодой человек с загнутым, как у орла, тонким носом и узким лбом. Пришел и Саад, сын Сэдако. Разговор шел об Эсет.

— До сих пор отец не пускал ее в свой дом,— говорил Исак.— Но сейчас, по случаю приезда брата, наверно...

— Отец бы уж давно впустил ее,— вмешался Саад.— Соси — человек бесхребетный. Сын, говорят, против...

— Нам нет никакого дела до них,— оборвал один из гостей.— И приехали мы не затем, чтобы узнавать, где находится эта тварь. Мы хотим знать, дома ли сам обидчик.

— Слыхали ведь, посланный мальчишка сказал, что видел его во дворе,— проговорил Исак.

— Мальчишка уже час, как вернулся...

— Пошли его еще раз,— бросил Саад.— И сам бы мог сходить, тоже ничего бы не случилось. Люди немалый путь проделали... Надо бы помочь.

— И мальчика пошлю и сам могу пойти, мне это нетрудно...

...Стоны и крики в доме наконец прекратились. Хусен еще некоторое время беспокойно ходил по двору, но вот он не выдержал и подошел к двери. И в этот миг появилась радостно улыбающаяся Шаши.

— Э-эй, сын у тебя родился,— сказала старуха.— Суламбек родился. Пусть он будет храбр, как Суламбек, сын Гаравожа, пусть живет, пока тот Суламбек не воскреснет.

---

[1] Кхел — горский суд.

Хусен был настолько растерян, что не нашелся с ответом. Шаши, пройдя мимо него, направилась к воротам.

— Посмотрим, какой ты мне подарок сделаешь за такую весть,— сказала она, обернувшись к нему.

— Сделаем. Обязательно что-нибудь хорошее сделаем,— обещала за сына радостная Кайпа.

К полуночи и Кайпа собралась домой. Султана она оставила тут. Уже выйдя за ворота, мать крикнула:

— Хусен, утром я приду доить корову.

Только она успела это сказать, как от забора метнулась какая-то тень...

— Что это?! — вскрикнула Кайпа.

Но тень исчезла так же мгновенно, как и появилась.

На одной стороне нар вместе с ребенком лежала Эсет, с другой стороны примостился Султан. Постелив на полу посреди комнаты, приготовился лечь и Хусен. Но радость так бурлила в нем, что он все никак не мог успокоиться. Он стал отцом. У него теперь сын! Суламбек! Слава богу, все кончилось хорошо. Надо непременно разжиться у кого-нибудь в долг бараном и зарезать его. Ведь такой случай...

Хусен еще долго сидел посреди комнаты. О чем он только не думал! Какие мысли не кружились в эту ночь в его голове, отгоняя сон! И все приятные мысли. Мрачное, злое было не здесь, далеко...

Эсет, для которой все страхи остались позади, заснула. Как спокойно сейчас дома, слышно только ее ровное дыхание. Но оно не нарушает тишины.

Вдруг Хусену показалось, что под окном кто-то кашлянул. Он хотел выйти посмотреть, кто бы это мог быть, но побоялся разбудить Эсет. Все опять стихло, но ненадолго. Зашевелился ребенок, и Эсет проснулась. Она посмотрела на Хусена и удивленно спросила:

— Ты почему не ложишься?

— Сейчас лягу.

Но только Хусен приподнялся, чтобы прикрутить лампу, как раздался выстрел.

Он присел, словно его кто-то прижал сильной рукой, а потом повалился навзничь.

Соскочив с нар, Эсет кинулась к нему:

— Хусен! Ва, Хусен!

Следующий выстрел свалил и ее. Она закричала:

— Хусен! Ва, Хусен!

— Эсет, отойди от окна! — крикнул Хусен.

Он не знал, что Эсет уже ранена.

— Хусен, Хусен, — повторила Эсет прерывающимся голосом. — Я с тобой!..

...Еще не доходя до ворот, Хасан услышал стук топоров. Как он знаком ему! Такой стук обычно стоит во дворе, где готовят брусья для могилы.

Что же это такое? Ведь Хасану сообщили, что Хусен только ранен. Хасан думал о брате, он и предположить не мог, что убита Эсет.

...На похоронах были и Соси, и Тахир, и многие их родичи. Соси сидел со стариками. Многие вслух рассуждали, куда же теперь Эсет попадет: в рай или ад?

— Ясное дело, что в рай, она же за мужа погибла! — говорили одни.

— Да как же это за мужа? — не соглашались другие.

— А так. Если бы она лежала на месте, не вскочила на помощь мужу, оба выстрела угодили бы в него.

Люди судили и рядили. Жизнь шла своим чередом...

Соси разговоров не слушал. Меньше всего он думал о том, куда Эсет попадет. Смерть единственной дочери потрясла его.

Похоронили Эсет еще до полудня. По пути с кладбища повернули к себе домой убитые горем Соси и Тахир. Почти следом за ними явился и Тархан. Встреча братьев была холодной. Тахир очень переживал смерть сестры. Тархан об этом не знал. У него было свое на уме.

— Кого мне теперь звать на помощь? — спросил он, глянув в упор на отца и брата.

— На какую помощь? — переспросил Соси чуть слышно.

— Казаки напали на нас,— сказал Тархан, хотя встретился им всего один человек, и он знал, что это был ингуш. — В Гарси стреляли...

— Гарси! Гарси! Будь проклят и Гарси и ты! — закричал Соси.— Не знаешь разве, что твою сестру убили? И не казаки, а ингуши?..

— А что же она думала, люди простят ей позор, который она им нанесла?

Тахир с размаху влепил брату пощечину. Тархан выхватил кинжал и бросился к Тахиру.

— Бей, выродок, меня! — крикнул Соси, становясь между сыновьями.

Возможно, Соси и не удалось бы усмирить его, но, увидев мать, бежавшую к ним с колом, которым запирают ворота, Тархан вложил кинжал в ножны.

— Сопляк! — проговорил Тахир, который никак не мог успокоиться. И, повернувшись к отцу, добавил: — Как ты мог его так распустить?

Соси пожал плечами.

— Не знаю. Такое уж время... Смутное, непонятное. Никто никого не слушает.

— Не смутное оно. Жизнь меняется. А вы нет. Подгниваете только. Ты прилип к своему жалкому добру, дрожишь над ним, и больше тебе ни до чего дела нет. А этот занимается грабежом.

— Что вы сцепились посреди двора?! — всплеснув руками, вскричала Кабират. — И это в такой день!

— А ты меняешься? Да? — Тархан покосился на брата. — Хочешь и нас теперь изменить. Говоришь, комиссар из Владикавказа...

— Говорю так, потому что многое повидал. И хорошее и плохое, и правду видел и ложь. Через всю Россию ехал. А ты, кроме Сагопши и Моздока, ничего еще не знаешь. И Моздок-то видал только с Терека.

— Ты зато много видал.

— Перестаньте! — закричала Кабират. — Постыдитесь! Неужели вам больше не о чем говорить в такой день, когда единственная сестра ваша легла в могилу?..

Тархан минуту-другую смотрел на мать, словно не видя ее, потом махнул рукой и, не говоря ни слова, пошел со двора. Никто не остановил его, не спросил, куда он направляется. Спустя некоторое время Тахир вскочил на коня, оставленного братом, и выехал за ворота.

— Я в Сурхохи! — бросил он уже на скаку.

— Ва, дяла! — всплеснула руками Кабират. — Это еще зачем?..

Соси молча опустил голову.

...Четыре дня Хасан не отходил от брата. Совсем надежду на его выздоровление потеряли. Дважды читали над ним яси. И вдруг, когда никто уже не ждал, ему стало лучше. Только ненадолго. Хусен, узнав о гибели Эсет, заметался, хотел вскочить, но его пронзила такая острая и жгучая боль, что он бессильно откинулся назад и закрыл глаза.

Убедившись, что Хусен все же выжил и теперь пойдет на поправку, Хасан уехал.

Когда он подъезжал к Моздоку, ему встретилась Нюрка. Она сидела на телеге. За спиной у нее лежало что-то вроде узла, прикрытого старым брезентом.

— Куда путь держишь? — спросил Хасан.

— Домой. Куда же еще? — ничуть не удивившись встрече, ответила она. — Мужа нет, вот и еду в отцовский дом. Не знаешь разве, что убили его?

— Откуда мне знать? — Хасан пожал плечами, затем добавил: — Правда, что ты с бандой была?

Нюрка промолчала. Только зыркнула на Хасана своими синими, уже потерявшими былой блеск глазами и тронула лошадь. Чуть отъехала и сказала:

— Не поверите, поди, мне. А вы бы без меня их не окружили. Они посадили меня караулить, сами уснули. А я уехала домой. Если бы не я, многие бы из ваших лежали сейчас в сырой земле... — Она помолчала, потом добавила: — Только ты не думай, что я сделала это, чтобы благодарность от вас получить.

— А для чего же ты это сделала? — спросил Хасан, хотя не понимал, о чем она говорит.

— Потому, что поняла вдруг: если они останутся жить, столько горя принесут людям, век не расхлебать.

Она снова тронула лошадь и, уже больше не останавливаясь и не оборачиваясь, уехала...

Только в казарме Хасан узнал, что пока его не было, около небольшого пруда, в камышах, окружили банду. Узнал он также, что двое из его товарищей раненые лежат в лазарете, а из бандитов только одному удалось скрыться. И никто, конечно, не знал, что это благодаря Нюрке они застали бандитов врасплох.

Когда Хасан рассказал об этом, с ним стали спорить.

— Если ты веришь бабе, бог тебе в помощь! — прошамкал Шапшарко. — Попробуй уничтожить с ее помощью хоть одну банду.

Хасан промолчал...

Однако воевать с бандитами не пришлось ни Хасану, ни Шапшарко. Большевики и все, кто помогал им защищать Советскую власть, вместе с Красной Армией отступили на восток, к Кизляру. Отряд горцев ушел за Терек.

В Моздок вступили деникинцы.

5

Сагопшинские сотни с утра охраняли восточную сторону села: до самого Магомет-Юрта расставлены посты, которые должны были сообщить, если вдруг появится враг. А о том, что деникинцы собираются напасть, стало известно еще накануне.

Несколько дней назад генерал Султан-Клыч-Гирей потребовал, чтобы его дивизию, движущуюся в сторону Грозного, пропустили через Алханчуртскую долину. «И вы и мы мусульмане,— говорил он,— мне не хотелось бы с вами воевать». Но старики — представители трех сел — ответили ему отказом.

Генерал задумался. Он боялся столкновения с ингушами. Белогвардейцы знали, что горцы — грозная сила, и что воюют они до последнего. Поэтому Султан-Клыч-Гирей и ушел за хребет, направился в Грозный вдоль Терека. Но, уходя, сказал:

— Скоро вы хлебнете горя: на вас идет такая силища, только держись.

— Против силы выставим силу,— ответили старики.

С того дня жители трех сел не спали спокойно. Чистили винтовки, точили кинжалы, запасались патронами. Даже враги Советской власти, и те были обеспокоены. Они тряслись за свои богатства: как бы деникинцы не забрали все их запасы кормов и хлеба! В Кабарде ведь было такое...

А белые приближались. На станции Черноярской темной ночью высадились два батальона пластунов и с ходу заняли кабардинское село Ахлой-Юрт, что граничило с ингушами. Другие части деникинцев в ту же ночь высадились в Моздоке и подошли к Магомет-Юрту.

Торко-Хаджи держал все силы в боевой готовности.

Кескемовцы столкнулись с врагом накануне ночью. Деникинские разведчики убили шесть ингушей — из тех, что несли охрану на границе с Кабардой, и двинулись на восток.

Было за полдень, когда во двор к Торко-Хаджи торопливо вошел Малсаг, после гибели Исмаала возглавлявший Совет на селе.

— Пора выступать! — сказал он осипшим голосом.— Гибнут люди!

— Ты прав! — согласился Торко-Хаджи. — Оставим посты. В случае нападения с востока повернем обратно. А сейчас надо идти на помощь соседям.

И скоро над селом разнесся голос Торко-Хаджи, призывающий на сход...

— Люди, вы слышите выстрелы? — сказал Торко-Хаджи, обращаясь к собравшимся, и показал на запад.

— Слышим!

— Это деникинцы идут на нас. Хотят вернуть в наши села старые николаевские порядки!..

— Не бывать этому! — закричали со всех сторон.

— Мы ждали нападения с востока,—продолжал Торко-Хаджи,— но пока там тихо, нам надо идти на помощь туда, где бой уже в разгаре...

По площади разнесся гул одобрения.

Торко-Хаджи поднял руку, воцарилась тишина.

Теперь заговорил Малсаг:

— Я вчера только прибыл из Владикавказа. Там тоже идут бои. И в Долакове, и в Кантышеве. Ингуши поклялись, что, пока хоть один из них будет жив, деникинцы не пройдут!..

— Не пропустим их и мы!

— Эржакинез уже телеграфировал Ленину, что ингуши, как один, поднялись против Деникина! — закончил Малсаг.

— Правильно сделал! Все будем стоять стеной!

Торко-Хаджи спросил:

— Все поняли, люди?

— Как не понять!..

— Тогда выступаем! Да будет нам удача!

Всадники прямо с площади взяли рысью. Поравнявшись со своим двором, Хасан придержал мерина. У ворот, держась за плетень, со слезами на глазах стояла Кайпа.

— Возьми себя в руки, нани! — ласково сказал Хасан.— Не оплакивай раньше времени. Смерть меня не возьмет. У меня еще много дел на этом свете.— Он улыбнулся.

— Брата хоть пришли назад,— взмолилась Кайпа.

— Какого?

— Хусена. Какого же еще? Едва ноги передвигает, а тоже поехал! Пока я младшего искала, этот исчез!

Хасан не стал больше слушать сетования матери. Кивнул ей на прощание и ускакал.

— Помоги мне, о дяла! —взмолилась женщина. —Не знаю, о ком больше тревожиться. Их ведь четверо, а я одна!..

Четвертым был сын Хусена — Суламбек...

...Во дворе у Соси стоял шум.

— Не пущу я тебя! — кричал Соси. — Хватит и того, что мы пережили за эти три года!

— Пусть идет, пусть,— сказала Кабират.— Другой вон тоже где-то шатается!..

— Да зачем ему идти, ради чего? — развел руками Соси. И вдруг, совсем понизив голос, зашипел, точно змея: — Стоит этому старому Торко-Хаджи взобраться на минарет и прокричать — как все готовы умереть.

— Я не могу сидеть сложа руки,— твердо сказал Тахир,— когда всему селу угрожает опасность!..

Подойдя совсем вплотную к сыну, Соси сказал:

— Да нам эта опасность не угрожает. Пойми ты наконец. Деникинцы бьют тех, кто за большевиков. Пусть приходят, пусть уничтожают большевиков. И всех, кто идет за ними, всех голоштанных и голодных бродяг. Мы им не нужны, слышишь ты?

— Нет, он тебя не слышит,— сокрушенно проговорила Кабират.

— Верно, не слышу,— ответил Тахир. — Не слышу и слышать не хочу таких слов. Стыдно мне за тебя, отец! — Он повернул коня и повел его к воротам.

Через минуту его и след простыл...

...Увидев едущего позади себя Тахира, Хасан придержал коня. Как бы там ни было, а они ведь родственники. Тахир нагнал его. Какое-то время они ехали рядом и молчали. Хасан никогда не отличался особой разговорчивостью, а у Тахира после отцовских слов было очень тяжело на душе.

Впереди длинной вереницей мчались всадники. Некоторые скакали по обочине. Только там труднее лошадям: снега было как никогда много. Но день стоял теплый.

— Вот бы завтра такой день выдался,— заговорил наконец Тахир. Потом задумался о чем-то, прищурил глаза и, глубоко вздохнув, добавил: — Не одного завтра отвезут на кладбище, а мертвому-то все равно, каким будет день и где душа богу отдана...

— Да... — вздохнул в ответ Хасан.

— Хотя мне, пожалуй, и не все равно. Я бы хотел, чтобы меня похоронили свои люди в своем селе. На войне и на чужбине я всегда думал об этом. И сейчас вот тоже...

— Что ты за разговор затеял? — недовольно посмотрел на него Хасан. — Рано готовишься умирать.

— Умирать я не готовлюсь, а что-то неладно на душе.— Он чуть помолчал и добавил: — Ты не думай, что я боюсь смерти. Смерть — это полбеды, если тебя и твой дом уважают люди. А о себе и о своем доме я этого сказать не могу. Брат, проклятый и богом и людьми, занимается конокрадством да разбоем, а отец помешался на своем добре, от жадности высох, одни кости остались. Вот и сейчас, когда я выезжал со двора...

Тахир хотел пожаловаться на отца, но только махнул рукой. Они замолчали.

Вереница всадников то выныривала на возвышенность, то исчезала из глаз. Впереди всех ехал Торко-Хаджи на своем сером скакуне.

Тахир начал снова:

— Единственным человеком в нашей семье была Эсет. А мы все...

Он не договорил. Их нагнал всадник и прервал разговор. Это был Шапшарко.

— Поглядите, как родственнички едут рядом! — сказал он, едва поравнявшись, и довольно присвистнул.

Больше Тахир не возвращался к своему разговору. Он ехал с опущенной головой.

Всадники потянулись на косогор.

— А разве по низу не легче было бы лошадям? — спросил Хасан.

— Можно подумать: едущий впереди Торко-Хаджи без совета с тобой не знает, что делать,— улыбнулся Шапшарко.

— На склоне снега меньше,— попробовал высказать свое мнение Тахир, но Шапшарко не дал и ему договорить.

— Торко-Хаджи хочет, чтобы нас скорее увидели, узнали о нашем прибытии. Гяуры перепугаются, а у наших поднимется дух. Эх вы, понимать надо!

— О, да это же дети едут вон там,— произнес Тахир, указывая вперед кнутовищем.

— Не может быть! — покачал головой Шапшарко.

— Воллахи, те, кого я вижу, это дети. Но что они здесь делают?

Хасан тоже удивленно посмотрел на двух маленьких всадников. Один хлестал прутом еле плетущегося коня, другой то уносился вперед, то, придерживая лошадь, дожидался товарища.

— Надо же додуматься, пустить в такой путь сосунков,— покачал головой Хасан. Затем он вгляделся и вдруг удивленно воскликнул: — Султан?

Хасан наперерез подскакал к мальчишкам и крикнул:

— Вы куда едете? А?

Султан молча уставился на гриву своего коня.

— Поворачивайте сейчас же домой! —крикнул Хасан.

Султан не посмел возражать и повернул назад в село, другой чуть помедлил, но тоже последовал за ним.

Пседахцы и кескемовцы противостояли врагу очень упорно. Для деникинцев это было неожиданным. От самого Екатеринодара они продвигались вперед без поражений и уже считали, что нет такой силы, которая может устоять против них. Уверенные в себе, деникинцы вступили в Алханчуртскую долину. Одетые, как на парад, вооруженные до зубов, они вышагивали, словно бы уже хозяева этой земли. И вдруг вайнахи поломали ряды деникинцев — и куда девалась их спесь, их уверенность, что еще до полудня они займут Кескем...

Бой разгорелся. Партизаны поначалу только отстреливались, потом перешли в наступление.

Хасан разглядел красные полоски на шапках некоторых и понял, что это пседахцы. Он видел такие повязки у солдат, которые перешли на сторону революции.

— Держитесь, молодцы! — вывел Хасана из раздумий чей-то голос. Он вгляделся и узнал Мусаипа, командира пседахцев. Там же мелькал и Эдалби-Хаджи из Кескема.

— Вперед за народную власть! — воодушевлял он своих.

— Пусть тот, кто покажет врагу спину, наденет платок своей жены! — слышалось в рядах партизан.

Один вырвался вперед и пошел прямо на врага, стреляя на ходу.

— Что он делает?

— Кто это? — посыпались вопросы.

— Сын Эгало из рода Кортой! Камбулат!

— Самого Эгало, беднягу, говорят, убили. Да пребудет он в блаженстве там, куда вознесся!

— Камбулат, как узнал о гибели отца, места себе не находит.

— Еще бы!..

— Эй, Камбулат, пригнись хотя бы! — закричали вслед бежавшему, а он в этот миг вдруг остановился и, покачнувшись, рухнул навзничь.

К нему с надеждой еще помочь кинулось несколько человек. А вокруг вдруг закричали:

— Сагопшинцы, братцы!

— Торко-Хаджи!

— Сагопшинцы прибыли!..

Радостная весть тотчас облетела все позиции.

Группа пседахцев, высланная вперед Мусаипом, заставила умолкнуть пулеметы противника.

Смельчаки подкрались и неожиданно атаковали врага. А тут вот подоспели и сагопшинцы. Покончив с пулеметами, всадники понеслись к Ахлой-Юрту, чтобы ударить в тыл врага.

— Бей гяуров! — крикнул Торко-Хаджи и, размахивая своей длинной шашкой, помчался вперед.

— Бей! Гони! — раздалось внизу.

Пседахцы и кескемовцы тоже бросились в атаку. Хасан увидел развевающееся над людьми красное полотнище.

Несмотря на бешеный огонь противника, партизаны успешно продвигались.

— Ни шагу назад! — взывал Торко-Хаджи.

— Мужчины, не теряйте боевого духа! — доносился голос Мусаипа.

— Раненых потом подберем! Вперед! — вновь раздался голос Торко-Хаджи.

Хасан стрелял на ходу. На равнине снега было больше, лошадям стало труднее.

— Хусен! — вырвалось вдруг у Хасана. — И ты здесь?!

Они неожиданно оказались совсем рядом.

— А где мне быть? — кричал брат. — Не сидеть же дома!

Он на миг повернул к Хасану свое бледное лицо. Но тут же отвернулся и стал стрелять по врагу.

— Тебе нельзя здесь быть! Ты же болен! — взмолился Хасан. И, может, впервые в жизни его обдало волной тепла и иежности к младшему брату.

Расстались они так же виезапио, как встретились.

Коиь Хусена вдруг поднялся на дыбы, затем грохнулся иаземь. Хусен вылетел из седла. Рану в бедре пронзила жгучая боль, перед глазами все поплыло, закружилось, потом совсем исчезло, и иаступила тьма. И в этой тьме Хусену явилась Эсет. Оиа склоиилась иад ним и шепнула:

— Я с тобой, Хусен...

О том, что враг не выдержал иатиска вайнахов и теперь отступает, Хусеи уже не слышал. Не слышал ои и торжествующих криков своих товарищей.

— Бей, ие давай им опомииться!..

Эти крики действовали иа деиикинцев ие хуже выстрелов. А когда оии еще увидели у себя в тылу группу вайнахских смельчаков, да с юга со стороны леса ударили партизаны-кабардиицы, деиикиицы заметались, как овцы в бураи, кинулись в бегство. Но это не было спасеиием. Пехотиицу от верхового далеко не уйти. Косили их иещадио. Правда, и партизаны погибали. Под Шапшарко пал конь. Тахир, вдруг схватившись за грудь, откинулся иазад и только успел прохрипеть:

— Хасаи, я, кажется, все...

Когда Хусеи открыл глаза, вокруг иего были только убитые и раиеиые. Неподалеку лежала лошадь. Издали доиосились выстрелы, крики людей, ржаиье. Хусеи попробовал подняться. Бедро сиова произила острая боль, в глазах потемиело, и опять все стихло, словио и не было вокруг боя...

Деиикинцы бежали иа запад — туда, откуда и пришли. Немало их осталось лежать сраженными иа белом снегу.

Не с миром они пришли на эту землю. Подлость всегда оборачивалась против того, кто ее делал. Сейчас оиа обериулась против непрошеиых гостей. Вот степь и пестреет ими... Лежат, как сиопы в поле. А оставшиеся в живых бегут в сторону Ахлой-Юрта.

— Пусть бегут! Теперь пусть! — махнул рукой Торко-Хаджи.

— Пусть хоть немиогие останутся в живых, чтобы рассказать другим о сегодняшием дие.

Уцелевшие деникинцы, достигнув Ахлой-Юрта, кидались прятаться во дворах, в домах. Но жители встречали их, кто чем мог: винтовкой, кинжалом, а то и вилами...

Мало, очень мало белых добралось до Терека.

6

На второе утро после боя в селах застучали топоры: падали акации во дворах и у заборов.

Хоронили очень многих. Особенно в Кескеме. Чуть не в каждом доме плакали в безутешном горе женщины.

В доме у Соси тоже был траур. Теперь уже двойной. Только недавно похоронили Эсет, а сейчас погиб Тахир. Соси весь согнулся под тяжестью навалившихся бед.

Кабират сидела в окружении женщин. Они вместе оплакивали Тахира. Кайпа тоже была здесь. На руках она раскачивала маленького Суламбека.

Вот ведь как все получилось! Соси собирался устроить праздник по случаю возвращения сына, а радость вдруг обернулась горем. И трехлетний бычок зарезан не для празднества, а на похороны. Жертвенное мясо уже разнесли по соседям. И ребятишки во главе с Султаном, разжившись бычьим пузырем, надули его и изо всех сил барабанят.

Хусен из дому кричал братишке, чтобы прекратил, пытался как-то объяснить, что нельзя ведь так, у людей горе. Но дети есть дети. А Хусен пока еще не мог подняться с постели и оттрепать за уши непослушного Султана... Ему вдруг вспомнилось, как на похоронах Беки точно так же колотил в пузырь Тархан. Видно, мальчишки во все времена одинаковы.

Хасан тоже был во дворе у Соси. Он стоял неподалеку от стариков, которые по обычаю принимали соболезнования всякого вновь приходящего.

Люди говорили о событиях минувшего дня.

— Ну, держись, гяуры! Пусть только они осмелятся снова прийти к нам в долину! Костей не соберут! — шамкал Шапшарко.

Со стариками он держался стариком, а с молодыми — молодым. Вот и сейчас разговаривал со стариками как равный.

Шаип-мулла покачал головой.

— Враги не отстанут от нас, будут стараться отомстить. Клянусь Кораном, нам нечего гордиться тем, что произошло там вчера.

— Да, придется когда-нибудь горько раскаяться,— добавил Гинардко.

Он сидел в шубе с каракулевым воротником, шея обмотана пуховым башлыком. По одежде не скажешь, что он пришел на похороны. Словно на праздник вырядился.

— Кровь ни к чему было проливать, ни к чему...— вздохнул Шаип-мулла. — Я не знаю... Все надо бы решать мирно...

— А мирно — это значит нам встать перед ними на колени, — сказал Гойберд.

— Сейчас ты разве не на коленях? — покосился на него Гинардко. — Шамиль был куда сильнее, чем Торко-Хаджи. Но даже он сложил оружие. И мы сложим. Так не лучше ли сделать это заранее, сохранив жизнь многим из нас?

— Они погибли за дело народа,— настаивал на своем Гойберд.

— Ты так бы не говорил, если бы умерший был твоим сыном,— сказал Гинардко, указывая инкрустированной серебром кизиловой тростью на открытую дверь.

— Я не прятал своего сына, Гинардко.

— Да? Ну что ж, не сегодня-завтра они вновь придут. Их много. Вот пусть тогда твой сын и воюет с ними.

— И будет воевать. Я тоже не останусь в стороне. Ни вот столечко не задумаюсь! — Гойберд вырвал из своей овчинной шапки несколько волосков и показал Гинардко.

Тот хотел что-то возразить, но в это время во двор вошли несколько человек во главе с Элаха-Хаджи, и разговор пришлось прекратить.

Большинство их тех, кто шел к Соси выразить соболезнование, были люди богатые. И совсем не из числа близких и родственников Соси. Например, кто ему Элаха-Хаджи? Всего и родства, что двоюродная племянница Элаха-Хаджи замужем за Гарси. Но их сближало не это. Богатство да тревога за него — вот что соединяло этих людей.

Хасана бросило в жар, когда он увидел следующего за Элаха-Хаджи человека. Не самое подходящее место для встречи. Не на похоронах же сводить счеты. Горящие ненавистью глаза его впились в знакомое с детства

лицо цвета спелой земляники с бородкой, похожей на клок овчины.

Они стояли почти рядом, воздев руки к небу, в мольбе о милосердии для погибшего. Но думали о своем. Хасан не сводил глаз с Саада. А Саад? Что думал он? Видел ли, что стоит рядом с кровником? Может, вовсе забыл о нем? Или делал вид, что не обращает внимания? А может, считал, что после истории Хусена и Эсет сыновьям Беки уже и не до него?

«Ничего, погоди! — мысленно погрозил Хасан. — Скоро ты убедишься, что я о тебе не забыл. Не жди больше покоя».

Мысли эти не покидали Хасана и тогда, когда вместе с похоронной процессией он вышел со двора. Хасан теперь старался держаться подальше от Саада. Протяжные звуки зикара плыли над селом, но Хасан не слышал их.

Неожиданно с минарета раздался голос Торко-Хаджи, зикар оборвался.

Взгляды всех обратились к мечети, и большинство людей повернуло туда. Только самые близкие родственники и старики последовали за покойником.

Не прошло и часу, как отряд во главе с Торко-Хаджи выехал из села. Враг наступал с востока. Уже слышно было, как строчили пулеметы. На этот раз и у сагопшинцев были пулеметы — захватили вчера у врага вместе с пушкой.

Бой только начался, когда прибыли пседаховцы. Почти одновременно с ними подошли и кескемовцы. Деникинцев было много. Однако они не спешили. Наученные горьким опытом минувшего дня, белые действовали осторожно.

Наступил полдень. Солнце только изредка показывалось сквозь тучи и снова скрывалось.

Со стороны Сагоп-рва показался всадник. Хасану показалось, что он мчится прямо на него. Кто этот человек? Не из Ачалуков ли прискакал просить подмогу?

Человек подъехал к Торко-Хаджи и что-то ему сказал. Слов его никто не слышал, но по тому, как изменился в лице Торко-Хаджи, люди поняли: что-то случилось.

Не так-то легко было вывести из равновесия Торко-Хаджи. Он не опустил головы, когда узнал, что в Алханчуртскую долину движутся бичераховцы, а от Кабарды

надвигаются деникинцы. Был он спокоен и нынешним утром, узнав о новом наступлении врага. А сообщение прибывшего очень опечалило его...

— Деникинцы заняли Долаково и Кантышево. Заняли Владикавказ,— проговорил он. — Большевики отступили в горы, в Ассинское ущелье. Пока предлагают прекратить бой и вам...

— Там, в горах, будут собирать силы и готовить удар по врагу,— добавил всадник.

— Что же нам делать? Раз все так обернулось...— вздохнул Торко-Хаджи. — Делать нечего... Но если бы ты не прибыл, мы сложили бы свои головы здесь все до одного, но врага в наши села не пропустили бы.

В тот же день противник без боя занял все три села. Удивленные столь легкой победой, считая, что за этим кроется какой-то подвох, весь первый день деникинцы не решались что-либо предпринять. Это было на руку партизанам. И многие из них ушли из сел.

Торко-Хаджи, Малсаг и командиры сотен направились в Назрань, а оттуда ушли в горы к большевикам. Ушел с ними и Хасан.

На второй день осмелевшие деникинцы собрали жителей села и потребовали выдачи тех, кто воевал против них.

— А где же мы их возьмем? — сказал древний старик, хитро взглянув на офицера.

Переводчиком был бывший писарь старшины.

— Куда же они подевались? — спросил офицер.

— Вон там все, в лесу. — Старик показал в сторону Тэлги-балки. — Видишь, стоят и смотрят, что здесь делается.

Взглянув туда, куда показал старик, и, увидев каменные плиты на старом заброшенном кладбище, офицер побледнел. На миг он действительно принял могильные камни за людей.

На следующий день деникинцы ушли на восток в сторону Грозного, оставив эти «проклятые богом» села карателям, которые должны были вскоре прибыть им на смену.

Заодно они прихватили с собой лучших коней, угнали коров и овец, забрали для корма лошадям всю, какую нашли, кукурузу.

7

— Врагу не пожелаешь такого! — огорченно жаловался Хусен на свою болезнь.

С тех пор как он упал с коня на поле боя и снова сломал бедро, дела его были совсем плохи. Лежал в четырех стенах! Даже навестить почти никто не заходил: людей-то ведь в селе мало. А если кто и зайдет, так ничего утешительного не скажет.

Сейчас с Хусеном сидел Гойберд. Он еще утром пришел. Раньше заходил и Мажи, но прошлой ночью и он ушел в лес.

— Мой сын не будет солдатом Деникина! — торжественно заявил Гойберд.

— Теперь эти гяуры не оставят тебя в покое! — всплеснула руками Кайпа.

— Не оставят — вот я перед ними. Пусть делают, что хотят.

— Меня вчера Ази к себе позвал,— сказала Кайпа.— Был там и Саад. Велели, чтобы оба сына явились к ним. Они ведь теперь власть. Правда, Саад, чтоб он кровью истек, сидел молча.

— Саад? Как бы он ни молчал, а это его затея, выслужиться хочет перед гяурами.

— Да разве я не знаю, что это все от него идет.

— Клянусь богом, от него,— подтвердил Гойберд.

— Теперь ведь он старшина. А Ази у него вместо собаки. За него брешет.

Как только село заняли деникинцы, Саад сделал все, чтобы стать старшиной. Он рассчитывал так сберечь богатство. И без труда управиться с сыновьями Беки.

И Саад не жалел ничего — ни денег, ни овец. Кого надо — подкупил, кого надо — уговорил. Для кого надо — зарезал барана, а кому живого отдал.

И стал старшиной.

— Мажи бы можно и не трогать, — сказала Кайпа, прервав затянувшееся молчание.

— Почему это? — встрепенулся Гойберд. — Разве он не такой человек, как все?

— Но у него ведь глаза...

— Глаза как глаза! Он воевал наравне с другими. И у Магомет-Юрта, и у Курпа. Клянусь богом, воевал, и не хуже любого храбреца.

Кайпа замолчала.

Взглянув на поджаренную корочку чурека, Гойберд покачал головой.

— При новой власти мы вырастили и собрали столько кукурузы, что вполне хватило бы до следующего урожая. Лущить бы мне ее не надо, но кто мог знать, что явятся проклятые так скоро. Я хотел мешка два обжарить, а остальное припрятать подальше — закопать, жареную они не взяли бы, потому что на корм лошадям она не годится. Но я и пожарить не успел — всю забрали.

Прикрыв свои ввалившиеся глаза, он сидел некоторое время, как в дремоте, потом покачал головой.

— И еще хватает совести требовать, чтобы мы выставили им полк. Кто пойдет к ним, тот не сын своего отца. Клянусь богом, мой сын не пойдет.

Разломив испекшийся чурек, Кайпа положила его на стол. Предложила Хусену. Но тот сказал, что не голоден.

Гойберд удивленно развел руками.

— Как можно отказаться от такого чурека? Съешь кусок — сразу поправишься. Клянусь богом, поправишься, будь у тебя даже девять ран. А у тебя ведь — всего одна. С кукурузным чуреком ничто не сравнится.

И хотя Гойберд так расхваливал чурек, против обыкновения он и сам не притронулся к еде.

— Душа не принимает, Кайпа, — сказал он, покачав головой. — Чурек ты, как и всегда, испекла очень хорошо, да только другим сыт я в эти дни. Горе и печаль насытили меня.

Хусен удивленно глянул на всегда жадного до еды Гойберда.

Кайпа тоже не стала есть. Завернула чурек, чтоб не остыл, и убрала.

— Султан придет, поест, — сказала она и взяла на руки внука. — Были бы у моего мальчика зубки, он бы не отказался от чурека. Эх, пусть тем, кто лишил тебя материнского молока, молоко их матерей станет ядом! Ва, дяла, сделай так!

Малыш слабенько попискивал.

— Хорошо бы козу иметь, — сказал Гойберд. — Дойную козу. Козье молоко, говорят, вполне заменяет ребенку грудное.

— Разве сейчас до козы или до коровы? — глубоко вздохнула Кайпа. — Проклятье, чтоб они сгорели, жизни нам не дают.

В комнату стремительно вбежал Султан.

— Народ собирается к мечети! — выпалил он, задыхаясь. — Все спешат туда.

— Это как же они собираются, если никто не созывал? — удивился Гойберд.

— Уже давно Шаип-мулла прокричал с минарета, — ответил Султан. — Вы разве не слыхали?

— Не слыхали, сынок. Это тебе не Торко-Хаджи. Его-то голос я бы, клянусь богом, услыхал.

Кайпа побледнела и тяжело вздохнула.

— Ва, дяла, как же все надоело... И мечеть, и сборы, и войны. Теперь-то что они хотят сказать?

— Пойду узнаю, — поднялся Гойберд и, тяжело опираясь на палку, вышел из комнаты...

Вернулся он скоро. Оказывается, собрали народ, чтобы объявить, что с каждого, кто откажется вступить в создаваемый для армии Деникина полк, сдерут тридцать шкур. Так и сказали: тридцать. До сих пор Гойберд знал, что с человека нельзя снять и двух шкур. А тут целых тридцать... Каждый двор должен выплатить две тысячи рублей, дать одну корову, четырех овец, двадцать пять пудов кукурузы, винтовку да верхового коня в придачу. Вот и получается — тридцать шкур.

— Да этого же и за десять таких хозяйств, как наше, не выручишь! — воскликнула Кайпа.

— Потому они и поставили такие условия. Ты знаешь, что сказал новоявленный старшина Саад, когда народ ему пожаловался? «Подошла вода под хвост — и собака поплывет, — сказал он. — Если бы вы послушались меня, дело до этого не дошло бы». С ним там Элберд чуть не сцепился, да люди удержали его.

— И чем же все кончилось? — спросил Хусен.

— Тем и кончилось, что арестовали Элберда. Набросились, как собаки. Когда его уводили, он кричал: «Люди, пусть будет проклят тот дом, который окажет им помощь».

— Что ж теперь делать? — спросила Кайпа.

— Что делать? — Те, кого записали в полк, уйдут в лес и в горы, а мы будем говорить, что не знаем, куда они подевались.

— Таким ответом не отделаешься. Не сдобровать нам.

— А что они могут сделать? — Гойберд пристально посмотрел на Кайпу, потом на Хусена. — Скажи, ради бога, что они могут нам сделать? Что? Арестовать?

— Да мне все равно, — махнула рукой Кайпа. — Вот если бы его здесь не было, Хусена.

Гойберд задумчиво взглянул на больного.

Вбежавшая в комнату Зали вывела его из раздумий.

— К нам с обыском пришли. Два солдата и с ними Ази!

— Пусть обыскивают, сколько хотят, — сказал Гойберд, но сам все же пошел к двери. — Пусть перевернут весь дом и двор. Но Мажи они не найдут. Клянусь богом, не найдут.

Не оставили в покое и Кайпу. Но на этот раз она сумела выдворить деникинцев. Едва показались у ворот — она пошла им навстречу.

— Эй, Ази, — крикнула она, — и что ты от меня хочешь? Зачем опять ведешь в мой дом этих гяуров?

— Я, что ли, веду? Вы сами во всем виноваты. Слышишь, вы сами! — огрызнулся Ази, свесившись с лошади. — Твои сыновья! Покоя от них нет. С войны кто сбежал — ищи их, где бунт поднимается — там они, а теперь вот в полк надо — не сыщешь!..

— Кто же пойдет в полк! И ты, и все село знает, что Хусен лежит раненый...

— Пора уж ему поправиться! Бог знает, когда ранен. А другой? Где он?

— Может, ты мне скажешь где?

На этот раз белые ушли. Зато через три дня они снова ворвались в дом Кайпы и перевернули все вверх дном. Даже мышиной норы не оставили без внимания, всюду ткнули штыком: не спрятался ли где человек.

Хусен во время этого обыска был в огороде, у Соси. Пролез в ту дыру в плетне, через которую когда-то к нему приходила Эсет...

В Сагопши разнесся слух, что в Пседахе забрали одного раненого, посчитали, что он ранен в лесу в перестрелке с деникинцами. Кайпа, боясь, как бы и Хусена не обвинили в этом, заставляла его отсиживаться в зарослях кукурузы, там, где он скрывался, когда пришел с турецкой границы.

Султан теперь целый день должен следить за дорогой: не появятся ли каратели. В случае чего Хусен тотчас перелезал во двор к Соси. Тут он был в безопасности. За плетнем, увитым тыквенными листьями, ничего не видно, а во двор к Соси никто не пойдет. Там карателям брать некого. Сын его Тархан давно записался в полк и уже уехал в Назрань.

Узнав, что Хусен скрывается у них в огороде, Соси всполошился. Но Кабират прикрикнула на мужа:

— Его сын рожден твоей дочерью! А ребенку нужен отец. Матери нет, так пусть хоть отец будет жив.

Соси не стал возражать. Хотя душой он этого не принимал, но перечить Кабират не стал. Она в последнее время готова была наброситься на него из-за любого пустяка...

Так дни и шли. Султан, едва завидит деникинцев, бежит к Хусену — и тот спрячется в огороде. А Кайпа за минуту сгребет постель, на которой он лежал, и вроде бы в доме никого не было.

Всякий раз, оказавшись у плетня, Хусен все оглядывался: ему чудилось, что Эсет стоит где-то рядом и смотрит на него своими синими глазами...

А деникинцы день ото дня все больше зверели. Особенно после того, как сколоченный ими с таким трудом ингушский полк распался и народ разбежался кто куда. Они забирали стариков и женщин, хотели, чтобы выдали сыновей и мужей. До последнего зернышка всех обобрали, а еще требовали выплаты какой-то контрибуции. Можно подумать, без глаз они — не видят, что у людей животы подвело от голода, какая уж тут контрибуция!.. Что, к примеру, взять с Гойберда? Разве старую клячу? Кукурузу у него уже давно всю забрали, не оставили даже на посев...

Хусен в этот вечер был дома. Лежал и все думал. Не то его тревожило, что вот ворвутся вдруг и схватят. Мучило другое. «Что же будет дальше? Неужели власть, о которой они так мечтали, власть народа окончательно подавлена деникинцами? Не может такое быть! Люди поговаривают, что большевики ушли в горы. Партизаны-горцы тоже, говорят, там. И красноармейцы есть в горах. Все готовятся к выступлению против белых. В такое

время лежишь здесь, как бревно!» — с досадой думал Хусен.

В комнату влетел Султан.

— От дома Соси двое солдат идут к нам!

Едва Хусен успел забраться под нары, вошел деникинец. Другой остался стоять у ворот, а потом и вовсе махнул рукой — пошел назад, в лавку Соси.

— Где партизан? — необычно тихо спросил солдат.

— Нету партизан, — сказала Кайпа.

Деникинец погрозил пальцем и шагнул к нарам. Кайпа вздрогнула, словно гром рядом грянул. Но это только на миг. Откуда взялись в ней решимость и сила... Султан вдруг увидел, как мать схватила топор. Мальчик опомниться не успел, а топор уже опустился на солдата. Тот повалился навзничь. А Кайпа так и осталась стоять с топором в руках.

— Нани, что ты сделала? — едва выдавил из себя пораженный Хусен.

— Не знаю... Так уж вышло... Само получилось... — промолвила Кайпа и качнулась. Топор выпал у нее из рук.

Хусен потянулся, чтобы удержать мать...

— Не бойся, не упаду, — сказала она. — Уходить тебе надо.

— А с этим как же? — спросил Хусен, кивнув на убитого.

— Что-нибудь придумаю. Сама... Когда уйдешь...

— Оставить вас и уйти?!

— И мы с тобой. Пока пойдем к Гойберду, а там...

Гойберд оказался дома. Он тотчас запряг арбу — скорее подальше от Сагопши. На первый случай хоть в Ачалуки, а уж оттуда можно и в горы податься. Хусен отказывался уезжать. Не мог он оставить мать, братишку и сына одних. Но Гойберд и Кайпа убедили Хусена, что без него им даже будет безопаснее.

— Ради бога, нани, домой не ходите! Поживите у кого-нибудь. Может, у Шаши?

— Хорошо, хорошо! — успокоил его Гойберд. — Мы пока едем, а они вынесут этого в огород. Никто ничего не узнает.

Гойберд завалил Хусена в арбе сухим хворостом. Поехал он полем, а не лесом. Так ему казалось безопаснее. Не подумают, что человек, который отважился

ехать у всех на виду, везет в арбе что-нибудь недозволенное.

Проводив Гойберда и Хусена, Кайпа поспешила к себе. Она уже была во дворе, когда заметила человека. Кайпа метнулась за сарай и прижалась к стене. «Кто это? Был ли он в доме?»

Человек вышел со двора и скоро скрылся из виду. Кайпа подошла к двери. Она намеревалась выволочь убитого и поначалу упрятать его в яме за сараем, а уж ночью закопать в огороде.

На пороге Кайпа нерешительно остановилась и пожалела, что не взяла с собой Султана. Жутко одной. С трудом она сделала еще шаг-другой, вдруг наткнулась на что-то мягкое и... закричала не своим голосом.

Перед ней лежал Султан...

Уходя с Хусеном к Гойберду, Кайпа была в таком состоянии, что не заметила, как младший сын отстал от них. Он вернулся в дом. Мальчишке хотелось самому убедиться, что солдат мертв. Тут-то и застал его второй деникинец.

Увидев убитого и мальчишку возле него, деникинец озверел. Султан в испуге рванулся, хотел выскочить из комнаты. Но тот догнал его, шашкой рубанул наотмашь...

8

Темные тучи низко нависли над землей. День клонился к вечеру.

Хасан прошел подъем от верхних Ачалуков до Гаирбек-Юрта и спустился в балку. Он шел в лес сообщить партизанам, что готовится большое наступление, в котором понадобится и их помощь.

Уже около года Хасан не видел дорогие сердцу места, где бегал мальчишкой. А как мечтал их увидеть. Не раз во сне снились. И вот они перед ним, а ничто не радует. Накануне Хасан заехал в Ачалуки к тетке. Он и узнал о смерти Султана. Многое перенес Хасан за свою недолгую жизнь. Но это горе выше его сил. Он заплакал.

Тетка сказала еще и о том, что Хусен уже неделю в горах и почти совсем здоров.

Султан! Бедный малыш! Хасан с грустью подумал, что братишка так и не увидел ничего хорошего в своей короткой жизни. И сердце от этой мысли сжалось болью.

Не задумываясь, Хасан сам бы лег вместо Султана в могилу. Но так уж устроен мир...

Хасан долго шел пустынной дорогой. Он уже миновал ближайшую от Сагопши балку, когда увидел на опушке леса человека, опиравшегося на большую сучковатую палку. Неподалеку паслась отара. Хасан поначалу насторожился, но, поняв, что перед ним, должно быть, пастух, вынул руку из кармана, оставил в покое свой семизарядный наган.

Пастух ответил на приветствие Хасана и попросил закурить. Свернув цигарку, они оба опустились на сухую траву.

— Чьи это овцы? — спросил Хасан, взглянув на склон.

— Наши, — ответил пастух.

Он был примерно того же возраста, что и Хасан. Может, даже чуть моложе.

— А ты кто будешь?

— Саада знаешь? Я его сын, — ответил парень.

Хасан пристально посмотрел на него. Он не видел сына Саада с детства. «Похож на отца, — подумал Хасан, — даже пушок на подбородке обещает вырасти таким же клочком овчины, как у Саада».

— А ты здешний? — спросил парень.

«Не знает, значит, меня,— решил Хасан. — Что ж, это и к лучшему».

— Из Ачалуков я.

— Скучное ваше село, — буркнул сын Саада. — Залегло в яме среди хребтов, как зверь в капкане. Я там целый год прожил. У родственников. Даже больше года. Овец мы своих там спасали.

— От кого же? — усмехнулся Хасан.

— От кого, говоришь? От голодранцев этих, что большевиками зовутся.

Хасан зло посмотрел на парня. Истинный сын своего отца. Другого разговора от него и ждать нечего.

«Убить его,— подумал Хасан.— Вот бы месть моя и свершилась. Всего один выстрел — и отец отмщен!» Рука скользнула в карман, пальцы коснулись холодного металла и сжали круглую рукоять. Некоторое время Хасан думал. Потом вынул руку. «Нет, — решил он, — Саад, только сам Саад, должен поплатиться за содеянное им зло! Нельзя оставить его в живых!»

Сейчас даже Дауд и Малсаг не осудили бы Хасана. Так ему, по крайней мере, казалось. Раньше Дауд говорил: «Убийством Саада дело не кончится. У нас, кроме него, еще много других врагов». Теперь времена изменились. Саад его ярый враг. Убил отца, готов и их всех уничтожить. Хасан убежден, что гибель Султана тоже на совести Саада. Кто, как не он, наводнил Сагопши карателями да стражниками? А насилия, которые он вершит над односельчанами?..

Хасан поднялся.

— Дай мне еще табачку, если можно, — попросил сын Саада. — Покурю, а там, смотришь, и стемнеет. Завтра я куплю себе чертовой отравы. Отец обещал привезти пастухов. За тем он и поехал сегодня в Моздок. Там, говорят, много ногайцев и дагестанцев в пастухи нанимаются. Наших овец и раньше пасли дагестанцы. При большевиках они уехали домой. С тех пор и мучаемся.

— Один пасешь такую отару? — поинтересовался Хасан. Хотел узнать, не бывает ли здесь Саад.

— Одному разве справиться? Младший брат со мной. — Парень показал на склон. — Вон он идет.

К ним подошел мальчишка, младший сын Саада. Исподлобья смотрел он на Хасана, и Хасану показалось, что мальчишка узнал его. Он поспешил уйти.

— Если зайдешь к нам, гостем будешь, — крикнул старший. — Есть где переночевать.

Хасан оглянулся, не ответил, пошел дальше.

— Ага, зайдет он к тебе, — кивнул мальчишка, посмотрев на старшего брата. — Это же сын Беки.

— Откуда ты знаешь?

— Так, знаю. Видел, когда сход был в селе. Его брат, которого солдаты убили, говорил: «Он скоро покажет твоему отцу».

Дождавшись темноты, Хасан, никем не замеченный, вошел в село и направился к своему двору. Решил ночь провести дома, а рано утром уйти в лес. Остановившись у плетня неподалеку от ворот, он прислушался.

Вокруг было тихо. Если бы не одно чуть освещенное окно, можно было бы подумать, что в доме у них и живой души нет.

Хасан нырнул во двор, и едва он успел закрыть за собой плетень, служивший воротами, как по улице про-

мчались всадники. Затем в той стороне, куда они ускакали, дважды прогремели выстрелы. И снова наступила тишина. Удивило Хасана то, что даже собаки не залаяли. Он тихо подошел к освещенному окну и заглянул. В комнате, кроме Кайпы, никого не было. Покачивая ногой люльку, она шила чувяк. Игла, видно, не поддавалась, и Кайпа пыталась вытянуть ее зубами. У Хасана сердце сдавило от жалости. «Бедная нани,— подумал он,— каково ей сейчас!»

Хасан постучал в дверь.

— Кто там? — спросила Кайпа.

— Я это, нани, — проговорил Хасан в дверную щель.

Услышав ответ, Кайпа от неожиданности словно онемела. Рука, которую она протянула, чтобы отодвинуть щеколду, задрожала. Давно уже ничего больше не пугало и не удивляло несчастную женщину. Чего она только не натерпелась в последние годы! И, казалось бы, жизнь ожесточила ее. Но, услышав голос сына, которого и не ждала — так он был далеко, Кайпа, словно бы вновь ощутив всю тяжесть пережитого, горько заплакала...

— Как ты пробрался сюда, сынок? — спросила она, обнимая Хасана. — Ведь проклятые так и рыщут!..

— Ничего, видишь, стою перед тобой цел и невредим.

Хасан ласково смотрел ей в глаза.

— Как ты здесь, нани? Одна...

— Почему же одна? А Суламбек? Он же со мной!..

Кайпа сжала губы, но слезы не унимались, и, бросившись на грудь сыну, она сквозь рыдания сказала: — Не уберегла я Султана!..

— Ты не виновата, нани! Не плачь!.. Я все знаю... Что теперь поделаешь...

— А Хусен добрался в горы? — спросила Кайпа, чуть успокоившись.

— Наверное, добрался... Мы же все в разных местах, нани. Не очень-то там встретишься, в горах...

— Вместе бы оно лучше. И мне бы спокойнее. Здесь опасно. Особенно для вас, обоих. Старшиной-то у нас эта змея Саад.

«Не долго ему осталось быть старшиной!» — подумал Хасан, но вслух ничего не сказал.

Подойдя к люльке, он взял на руки малыша. Плакавший Суламбек замолк и уставился на Хасана.

— Смотри, как вырос!..

— Скоро уж ходить будет.

— Чем же ты его кормишь, нани?

— Бабушка его, Кабират, носит нам молоко. Как только подоит корову, так зовет меня к плетню. И Султану иногда перепадало!..

У Хасана на глаза навернулись слезы. Он отошел и сел на нары. Долго сидел, опустив голову. Мать собрала ему поесть, но он так почти ничего и не ел. Все больше курил...

Было уже за полночь.

— Ты ложись, — предложила Кайпа, — а я постерегу. Будь спокоен, никого не впущу в дом. Кто полезет, получит колом по голове! — решительно заключила она.

Хасан улыбнулся.

— Если кто явится, нани, я и сам с ним разделаюсь.

— Нет уж! В доме я за все в ответе. К тому же с меня спрос невелик. Я ведь женщина, не каждый поверит, если кто скажет, что ударила...

Уходил Хасан из дому еще затемно.

— Береги себя и Суламбека, нани, — сказал он на прощание. — Мы скоро прогоним врага. Обязательно прогоним и вместе с Хусеном вернемся домой. Будет и у нас счастье!..

— Возвращайтесь скорее живыми и здоровыми. Это и будет моим счастьем...

Хасан огородами выбрался из села. Он уже вошел в рощу на склоне хребта, что высится над Сагопши, когда начало светать.

День обещал быть таким же пасмурным и мрачным, как накануне. С тяжелого неба, того и гляди, прольется дождь. А солнца словно бы и вовсе в природе нет. Оттого, может, и Сагопши на этот раз, особенно сверху, с хребта, показалось Хасану мрачнее и печальнее обычного. Даже стадо коров, вышедшее из села, двигалось в сторону степи медленнее, чем в другие дни. Вот показалась и отара. Она тоже едва плелась. Но не остановилась у рощи, пошла дальше к Сагоп-рву.

Хасан притаился за кустом шиповника и стал всматриваться, что делается на дороге. Проскакали деникинцы. Вот они скрылись в урочище у Сагоп-рва, именно там, куда шел Хасан. Спустя минуту деникинцы вновь появились на дороге — теперь они уже скакали назад. Промчались мимо Хасана, свернули в Тэлги-балку.

Хасан выбрался из лесу и только вышел на дорогу, как его будто кто толкнул сзади. Оглянулся. Следом неслась бедарка с двумя седоками. Подумалось: «Кто это? Не уйти ли опять в лес?»

Бедарка приближалась. Когда расстояние между ними сократилось, Хасану показалось, будто перед ним ненавистное с детства лицо. Он хотел остановиться, дать бедарке подъехать совсем близко, даже пойти ей навстречу. Но, вспомнив о том, как важно задание, что вело его туда, в лес, Хасан сдержался.

А бедарка все ехала и ехала за ним, лишь на минуту остановившись, пока Саад, которого Хасан уже точно узнал, почему-то ссадил парнишку.

Хасан свернул в урочище. Саад за ним.

Навстречу попадались арбы, необычно рано возвращавшиеся из леса с дровами. Видно, заранее нарубили. А дрова-то — одни кривые ветки орешника. «Народ боится забираться в глубь леса», — подумал Хасан.

А Саад все ехал. У него на уме было свое. Вот проедут арбы, и окажется он один на один с тем, кого уже долгие годы мечтает сжить со свету. В таком месте убьешь — никто не узнает, на ком кровь. Мало ли деникинцы изводят мирных жителей. Эту смерть тоже отнесут на их счет. Не придется больше бояться каждого куста. Хотя у Беки был еще один сын, но Саад надеялся, что, разделавшись со старшим, он очень скоро уберет со своего пути и младшего.

Саад еще сильнее закутал лицо в башлык...

Хасан вдруг свернул в лес, надеясь скрыться, уйти. Столкновение с Саадом на этот раз не входило в его планы. Не до того ему сейчас...

Саад остановился. Он решил, что Хасан задумал устроить ему засаду и ждет, когда он подъедет ближе. Но Хасан все углублялся в поредевший осенний лес...

Выстрел грянул неожиданно. С головы Хасана слетела шапка. Он оглянулся и увидел, как лошадь рванула в сторону, а бедарка, угодив одним колесом в промоину у обочины дороги, перевернулась. Тут же вскочив на ноги, Саад стал шарить в сухой траве, вероятно, искал выпавший наган. Глазами он впился в Хасана, стоявшего неподалеку с оружием в руках.

Выстрел! Еще один!.. Руки Саада застыли в воздухе, он повалился навзничь.

Хасан вытащил кинжал и подошел к нему. Но не проткнул его, не повторил того, что Саад некогда сделал с Беки. Постояв, он ладонью вбил кинжал обратно в ножны и, круто повернувшись, зашагал прочь.

Шел он спокойным твердым шагом человека, свершившего правое дело.

9

В горах было тревожно. Люди чувствовали себя загнанными в каменный мешок, откуда был только один выход — в долину. Но этот выход грозил смертью. Боялись сунуться к партизанам и деникинцы.

Как-то вечером, когда Хасан сидел в полутемной сакле, уставившись на мерцающий огонек коптилки, его вызвал к себе Дауд. Он жил у старика ингуша, два сына которого были в партизанах.

— Хасан, — сказал Дауд, — Шапшарко что-то долго не возвращается. Не случилось ли чего?

— Может, пробраться туда, узнать, что с ним? — с готовностью предложил Хасан.

— Неплохо бы. И не только за этим. Надо бы еще и к партизанам завернуть, сказать, чтобы были наготове. Запаслись патронами и ждали нашей команды отсюда. Шапшарко должен был к ним пробраться, да, вероятно, что-то ему помешало... А ведь бывалый человек... Надо сообщить, что скоро от Астрахани начнется наступление Красной Армии, тогда и мы отсюда двинем. Это наверняка поднимет дух наших партизан. А они передадут добрую весть кабардинцам.

Уже третий день Хасан был в пути. Накануне вечером в Назрани он чуть не угодил в лапы к деникинцам. Недалеко от железнодорожной станции это случилось. Приняли его за грабителя. Посчитали, что к вагонам с зерном подбирается. Только то и спасло, что проворен, сумел уйти от преследователей. А через несколько часов, уже ночью, был в Ачалуках. Поспал немного — и опять в путь.

В горы доходили слухи, что в последнее время деникинские каратели особенно свирепствуют. Они беснуются оттого, что число партизан растет день ото дня и деникинцам живется все труднее и труднее.

Тетка рассказала Хасану, что каратели убивают каждого встречного, будь то старик, женщина или ребенок...

Хасан шел осторожно. Сейчас ему никак не хотелось наткнуться на белых. Не за горами победа, и смерть в такое время, по мнению Хасана, равносильна уступке врагу. Именно теперь, когда победа близка, Хасану очень хотелось дожить до нее. Хотелось самому строить новую жизнь, о которой они так долго мечтали. Строить ее за Исмаала, за отца, за Султана...

За перевалом раздались одиночные выстрелы. Хасану показалось, что они доносятся со стороны заповедного леса.

Закружили, закаркали вороны.

Выстрелы повторились еще дважды. Затем все снова стихло.

Одна за другой посыпались с неба редкие крупные снежинки. Хасан опять вышел на дорогу и зашагал дальше. Если это стреляли деникинцы, они теперь уйдут в село — дело к вечеру, к тому же и снег пошел. Хасан спешил добраться до Сагоп-рва. Близ оврага идти безопаснее, чуть что — можно спуститься вниз и укрыться в кустах.

Хасан уже приближался к месту, где две балки сходились у самой дороги. И тут тишину снова разорвали выстрелы. Они раздались в ближней балке, совсем рядом с Хасаном. Он снова вошел в лес. Правда, осыпавшийся орешник почти не скрывал его. И все же в лесу казалось безопаснее, чем на дороге.

Выстрелы гремели все чаще и чаще. Хасан вдруг увидел, как двое перебежали дорогу. Следом появился третий. Он пятился спиной.

Войдя в сухой бурьян за дорогой, этот последний опустился на колени и, прицелившись, выстрелил в сторону леса. Двое других тоже стреляли.

Хасан остановился, не зная, что ему делать. Трое отстреливающихся — явно ингуши, партизаны. Враги идут по следам бегущих. Хасан понимал, что промедление может стоить ему жизни. Пригнувшись, он перебежал дорогу. Вслед ему не раздалось ни одного выстрела. Вероятно, не заметили.

Крадучись, словно кошка, Хасан по придорожному бурьяну стал продвигаться к партизанам. Пули свистели над ухом. Временами Хасан поглядывал в ту сторону,

откуда стреляли. Вот он увидел несколько деннкннцев. Стрелять в ннх, однако, не стал: далеко, промахнешься — зря патрон пропадет, а нх у Хасана не больше десятка...

Пройдя чуть вперед, Хасан наткнулся на человека, лежавшего в траве. Это был крупный мужчина с ввалившимнся щеками. Одет в такую же коротколполую старую шубейку, как н Хасан. Человек этот нз последннх сил попытался подняться, но не смог н снова опустнлся на землю.

— Будешь в Пседахе, передай... — заговорил он по-чеченски н замолк.

Хасан поднял лежавшую рядом с убитым винтовку н направился к тем двоим, чтобы вместе с ними нли умереть, или выжнть. Подойдя ближе, он узнал Шапшарко. Увидев Хасана, он закричал:

— Элберд, смотри, кто к нам пришел вместо Исы...

И Элберд здесь? Хасан ведь слышал, что он арестован. Неужели отпустилн? Скорее, сбежал, деникинцы разве отпустят?..

Но размышлять было некогда. Опустившись на колено, Хасан тоже навел вннтовку в сторону леса. Солдаты, которых он еще недавно видел сквозь голые вегкн деревьев, спустнлись со склона вниз.

— Отступай! — крикнул Элберд. — Онн нас окружат! Отступай к оврагу!

Отстрелнваясь, они сталн отползать назад. Когда спустнлнсь в овраг, Элберд посмотрел на Хасана н сказал:

— По этому оврагу тебе легче будет уйтн...

— Почему я должен уйти? Никуда не пойду! — решительно прервал его Хасан.

Шапшарко не слушал нх разговор. Он стрелял.

— Я знаю твое мужество, Хасан... Но, если ты н останешься с намн, мы все равно погибнем. Видишь, как их много... Ты моложе нас обонх, тебе жить надо!

— Я буду делать то же, что и вы!..

— Пока жнвы, мы...

Элберд не договорил. Он поднялся, держась одной рукой за грудь, но не успел выпрямиться, как снова упал и скатнлся в овраг...

Хасан прицелился.

— Со вчерашнего дня, начиная от Пседаха, мы не-

мало их уложили, — сказал Шапшарко. — Наших тоже полегло порядком. Но их больше... И еще уложим не одного. Проклятые!.. — Он стрелял, а сам все приговаривал: — На-ка, возьми! Еще один! Это за Элберда!..

Неожиданно он упал.

— Угодила и в меня, проклятая! — услышал Хасан голос Шапшарко. — Возьми мои патроны.

Это были его последние слова...

Скоро кончились и те патроны, что оставались в винтовке Шапшарко. Тогда Хасан выхватил наган из кобуры.

Каратели приближались цепью. «Окружить хотят»,— подумал Хасан. Он прицелился и выстрелил. Один из карателей упал, другие тотчас залегли, и Хасан уже бил, не зная, попадает ли в кого или нет: он ничего не видел перед собой.

Но вот все! Больше нет ни единого патрона!..

Деникинцы выждали какое-то время, потом, поняв, что он безоружен, осмелели и перешли овраг. «Живым хотят взять!» — мелькнуло в голове у Хасана.

— Так не бывать же тому, что вы задумали, проклятые! — процедил сквозь зубы Хасан, вырвал из ножен кинжал и пошел на врагов.

— Не стрелять! — крикнул один из деникинцев. Видно, это был их командир. — Ближе подступайте. Ближе! — скомандовал он.

Командовать-то легко. А вот идти на кинжал — это потруднее. Даже если ты со штыком.

Когда деникинцы были уже совсем рядом, Хасан бросился на одного из них. Но нанести удар не успел. Штык отбросил его назад... Сквозь мглу он еще услышал команду:

— На штыки!..

Тело Хасана взлетело в воздух. Из-под вздернутой брови он грозно глянул на врагов.

— Зверь! Гляди, как смотрит! — взревел один из деникинцев.

В тот же миг солдаты отскочили, и Хасан глухо ударился о землю.

ЭПИЛОГ

Кайпа поднялась рано. Небо, постепенно светлея, стало прозрачным, как родниковая вода. Пробившиеся из-за хребта лучи солнца осветили Сагопши и всю Алханчуртскую долину...

Кайпа вышла к воротам. Сегодня она уже не в первый раз это делала. Не сиделось ей дома. Ждала, надеялась, что вот-вот с той или другой стороны вдруг появится тот, по кому изболелось ее сердце. В минувший день она не один час простояла у ворот. Как только услышала, что деникинцев погнали на запад, так стала ждать. Говорили, что спустившиеся с гор партизаны и красноармейцы преследуют деникинцев по пятам. Хусен тоже должен быть с ними...

Подошел Гойберд.

— Торко-Хаджи вернулся, — сообщил он. — Слыхал я, что старик тяжело болен.

— Не удивительно, — вздохнула Кайпа. — В его возрасте перенести такие трудности.

— Говорят, когда его везли, от каждого села навстречу высылали упряжку саней, хотя снега и нет нигде. На арбе ему нельзя было ехать. Очень тряско.

— Какое счастье заслужить такое уважение в народе! Выше этого нет ничего на свете!..

— Правильно говоришь, Кайпа! Клянусь богом, нет ничего выше!.. — Гойберд помолчал, потом добавил: — Наших тоже будут уважать. Они хоть и молодые, а свое тоже заслужили. Все перенесли: и трудности и горести.

— Вернулись бы только! — взмолилась Кайпа. В глазах у нее сверкнули слезы.

— Вернутся, Кайпа. Не сегодня, так завтра. Обязательно вернутся. Клянусь богом!..

Прямо перед ними на дорогу села маленькая пичужка, вся будто посеребренная.

— Вот и вестница весны явилась, — улыбнулся Гойберд. — Скоро пахать будем.

— Уж и пахать собрался?.. — лицо Кайпы осветилось.

Она хотела еще что-то сказать, но, увидев неожиданно появившегося из-за угла человека, смолкла. Прихрамывая на одну ногу, он быстро приближался к ним.

— Хусен... — вырвалось у Кайпы.

— И верно, Хусен! — всплеснул руками Гойберд. — Клянусь богом, Хусен!..

— Сыночек! Один ты у меня остался! — плача и обнимая Хусена, говорила Кайпа. — Совсем вернулся или опять бросишь нас и уйдешь?! Пожалей хоть Суламбека!

— Не уйду больше, нани!

Обняв мать за плечи, он заглянул ей в лицо.

— Конец войне. Будем теперь строить новую жизнь, нани! Мирную, светлую. Такую, о которой мечтали и мы, и все те, кто не дожил до этих счастливых дней!..

Гойберд посмотрел на восходящее солнце, чуть сощурился и сказал:

— Пусть это ясное тихое утро станет началом новой жизни!..

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редакторы
Г. Фролов, Н. Гавриловец

Художник
В. Дианов

Художественный редактор
Б. Мокин

Технический редактор
В. Никифорова

Корректор
Н. Саммур

Ахмет Хамиевич
Боков
СЫНОВЬЯ БЕКИ
Роман

Сдано в набор 2/VII 1973 г. Подписано к печати 19/X 1973 г. А12955. Формат бум. 84×108[1]/[32]. Бумага тип. № 1. Печ. л. 14,5. Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 24,84. Тираж 100 000 экз. Заказ № 566. Цена 91 коп.

Издательство «Современник»
Государственного комитета
Совета Министров РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4.

Отпечатано с матриц Чеховского полиграфкомбината, полиграфкомбинатом им. Я. Коласа Государственного комитета Совета министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Минск. Красная, 23.

91 к.
СОВРЕМЕННИК